

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](http://royallib.ru)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Джон Мэн «Хан Хубилай: От Ксанаду до сверхдержавы»

ОТ РЕДАКЦИИ

Перед вами — не совсем обычная книга. Уже сама попытка европейского автора разработать тему, связанную с монгольской экспансией XIII века, достойна не только интереса, но и как минимум уважения. Ибо в сознании среднего европейца нет никакой принципиальной разницы между Чингис-ханом и Гитлером, а сами монголы официально именуются «*tartars*» — не просто транслитерация слова «татары», но впрямую исчадия ада. В свое время Л. Н. Гумилев, развенчивая «черную легенду о желтом крестовом походе», дал убедительное обоснование такому взгляду — уже в те времена пиар был огромной силой. Нынешний же обыватель (даже с ученой степенью) не склонен излишне задумываться, в самом ли деле так непреложно то, что он считает прописной истиной («казаки едят свечи» — если вспомнить Флобера).

Однако в представленной вниманию читателя книге деятельность Хубилая, внука великого Чингиса, да и самого Чингиса, описывается в весьма положительном ключе — и не только с интересом, но и с уважением. Тому есть несколько причин, лежащих в совершенно различных плоскостях.

Во-первых, для западной культуры само слово «Ксанаду» — искаженное название столицы Хубилая — является устойчивым культурным концептом. За ним встает мифологема не просто сказочного, но (в отличие, к примеру, от сказок «Тысяча и одной ночи») ирреально сказочного Востока. У нас в России Кольридж известен в основном выпускникам филфака да немногим исследователям англоязычной литературы, поэтому нашему уху название «Ксанаду» почти ничего не говорит. Но для англоязычного мира романтик Кольридж, которому пригрезился этот образ — поэт, входящий в обязательную школьную программу.

И во-вторых, есть слово, которое действует на европейский ум еще более завораживающим образом. Слово это — «прогресс». Вся деятельность и Чингиса, и Хубилая, Джон Мэн пытается рассмотреть именно в контексте прогресса — даруемых миру новых технологий, в том числе социальных и управленческих, а также как первую попытку глобализации — которой, выражаясь современным молодежным сленгом, можно поставить «зачет» (в чем, к примеру, отказано Римской империи). Таким образом, держава Хубилая с точки зрения Джона Мэна в чем-то парадоксальным образом оказывается сродни нынешней Америке.

Именно с этой позиции и рассматривается вся деятельность Хубилая — что было сделано им для «увеличения суммы человеческого благоденствия», и какие культурные особенности стали препятствием на пути к мировой гегемонии *Pax Mongolica*...

Люди, знакомые с отечественной фантастикой последних лет, в этом месте понимающе улыбнутся. Действительно, именованное преобразование, проводимое династией Юань, и началась Великая Ордусть — союз России и Китая в нашумевшем цикле романов Хольма ван Зайчика «Плохих людей нет». Если два столь по-разному мыслящих автора увидели одну и ту же возможность в одних и тех же исторических событиях, не значит ли, что к этим

событиям следует приглядеться повнимательнее?..

Увы, потенциальная возможность получила реализацию лишь в альтернативной истории. Почему же так случилось? Пытаясь ответить на этот вопрос, Джон Мэн приходит к интересной и парадоксальной мысли: монголам было нечего дать этому миру. Иными словами, их культура, их экспансия не содержали элемента наднациональной сверхценности, способной преодолеть культурные разногласия.

Но если вдуматься, таких элементов не было и в культуре китайской. Рациональное управление — еще не все. В поисках сверхценности, которая могла бы стать объединяющей, Джон Мэн касается различных областей культуры — книгопечатания, историей которого давно занимается, литературы, театра... Однако к окончательному ответу так и не приходит.

Между тем, для человека того времени областью сверхценности оставалась исключительно религия, точнее — ее иррациональная составляющая. Китайское конфуцианство, увы, недотягивает до наднациональной сверхценности, ибо тоже касается лишь посюсторонних вещей.

У Европы же имелась такая сверхценность — христианство. И пусть европейцы давно отринули в повседневном бытии почти все его постулаты, но заложенная в него идея мессианства, несения во все углы света некоего важного знания, никуда не делась, хоть и исказилась самым чудовищным образом.

Империи Хубилая было, что сказать миру. Не было у нее лишь одного — внутренней убежденности в том, что она обязана это сделать. И об этом у Джона Мэна тоже рассказано очень доходчиво.

Но тогда получается, что именно православная Русь у ван Зайчика и сообщила Орду ее устойчивость?

На этот вопрос ответа нет. Но книга Джона Мэна — лишний повод задуматься о том, знает ли история сослагательное наклонение...

Замечания к написанию имен и названий

Существуют две основные системы транслитерации китайских слов Уэйда-Дайлса и *пинь-инь*, которые все еще местами противоречат друг другу. Хотя в настоящее время стало стандартным употреблять систему *пинь-инь*, в каждом конкретном случае я использовал ту систему, которая показалась мне наиболее уместной. Кроме того, я сохранял старые варианты написания в тех случаях, когда они стали традиционными и более привычны для западного читателя, знакомого с ними в широком историческом контексте.

Написание личных имен также имеет множество вариантов — «Кублай» (Kublai), «Хубилай» (Khubilai), «Кубилай» (Qubilai) или «Кубла» (Kubla); Дженгиз (Genghis) и Чингис (Chingis). Для облегчения чтения я предпочел использовать в этой книге наиболее распространенные в литературе формы.

Следуя этим принципам, редакция русского перевода также предпочла использовать более традиционные для отечественной литературы варианты написания имен и названий. К сожалению, в ряде случаев от этого принципа пришлось отступить — так, волшебный город Занаду, воспетый в поэме Кольриджа, пришлось переименовать в Ксанаду — поскольку именно так оно звучит в двух наиболее известных переводах этой поэмы. Написание китайских имен, как правило, дается в соответствии с традицией отечественного востоковедения — фамилия, состоящая из двух иероглифов, пишется через тире.

Благодарности

Я благодарю: Чарльза Бодена, с которого все началось; Энн Куллен, познакомившую

меня с Чжао Мен-фу; Чулуун Далая из Монгольской Академии наук; Пола Денни и Джулию Дугласс, открывших для меня мир метательных машин; Юфан Ден из Стоунброкского университета, Нью-Йорк; Люка Квантена и Лилли Чен из Шанхая; Сидзую Нисимура, почетного профессора из университета Хоси, Токио; Бенджамин Жэня — за гостеприимство в Шань-Ду (Занаду); профессора Яо Да-ли с исторического отделения Фуданского университета в Шанхае; Юан-чу Руби Лам из китайского отделения Уэлсли-колледжа, МА; Игоря де Рашевилца, Школа тихоокеанских и азиатских исследований Австралийского национального университета, — за жизненную мудрость и маршрут в тумане незнания; Рэндолла Сасаки из Техасского университета — за первый шаг на борт потерянного флота Хубилая, а также Кендзо Хайясиду, который великодушно показал мне остатки Японской стены в Фукуока и продемонстрировал находки, сделанные им и его коллегами в Такасиме; «Уильяма» Шоу (Вей Цзянь) и Шиюн Чен — за путешествие в Ксанату; Хелен Тан — великолепного учителя китайского; Джека Уитерфорда из Макалистер-колледжа в Миннесоте; Дуга Яна, Симона Торогуда и многих других; Джиллиан Сомерскейл — за великолепную редактуру; и как всегда, Фелисити Брайан и Мишель Топхэм — *за всё*.

Пролог ЧИНГИСУ — ВНУК

В 1215 году мир не был единым. И люди, и животные передвигались по нему на своих двоих или четырех. До соседнего города требовалось добираться несколько дней, а чтобы пересечь всю страну — несколько недель. Огромные пространства континентальной суши представляли собой изолированные вселенные, почти ничего не знающие друг о друге. Никто не ездил из Азии в Австралию за исключением немногих обитателей Сулавеси, пересекавших Тиморское море ради сбора морских огурцов — деликатеса, который в те времена, как и сегодня, пользовался большим спросом в Китае. Никто в Евразии не посещал Америк — за исключением немногих инуитов¹, плававших на своих каяках через Берингов пролив. Селения норвежцев в Гренландии процветали в период долгого потепления, на несколько месяцев оставлявшего моря свободными от льда, — но даже эти отчаянные мореплаватели никогда не пытались повторить сделанных их праотцами два века назад недолгих попыток колонизировать американский материк. Корабли плавали, держась берегов, и кроме полинезийских каноэ, кочующих от острова к острову по всему Тихому океану, пока мало кто связывался с открытыми океанами.

Однако уже появлялись признаки если не глобализации, то по меньшей мере регионального объединения. Европа и Азия получили в этом плане некоторую фору, так как были двумя континентами в одном. Связи между ними в свое время были выкованы великими империями и культурами — Римом, Персией, Китаем. Теперь же основной связующей силой стала религия.

В Европе христианские ученые из Ирландии и даже из Исландии общались на латыни со своими римскими коллегами, а архитекторы от Ассизи до Йорка соперничали во славе, возводя арочные контрфорсы и украшая церкви ажурными работами; в Реймсе они вот уже пятый год создавали один из величайших готических соборов Франции. Церковь обрела новую силу после того, как обратила в руины изрядную часть южной Франции, устроив жестокий крестовый поход ради истребления еретиков-альбигойцев. В том же году папа проклял этих еретиков на Четвертом Латеранском соборе (который отлучил от церкви английских баронов, совсем недавно вынудивших короля Джона несколько поступиться своим божественным правом, подписав Великую Хартию Вольностей).

Понемногу Европа протягивала руки и за пределы своих границ. Некий Альберт фон

---

¹ Инуиты — самоназвание эскимосов. (Прим. пер.)

Буксхеведен из северной Германии, неся христианство в Прибалтику, только что основал Ригу — где с целью обращения местных жителей поставил мистерию на библейские мотивы. Это была первая пьеса, когда-либо виденная латышами. Когда на сцене Гидеон напал на филистимлян, латыши подумали, что все это взаправду, и разбежались, спасая свои жизни. А тот же церковный собор, который осудил альбигойцев, устремил свой взгляд на юго-восток, в страну, которая всегда заботила европейских христиан — ибо там мусульмане удерживали контроль над тем, что христиане называли Святой Землей. Туда следовало направить еще один крестовый поход.

Крестоносцы свыше века формировали довольно неустойчивую связь между христианской Европой и исламским Ближним Востоком, создавая христианские анклавные территории современных Сирии, Ливана и Израиля. Однако их действия были направлены не только против «язычников». Девятью годами ранее воины Четвертого крестового похода, поначалу отправлявшиеся в Египет, проявили особый цинизм, отобрав Константинополь у его православных правителей. В 1215 году они все еще удерживали его, тем самым подрывая любые надежды на объединение христиан.

А вот ислам был теперь более чем равновелик христианству. Мусульманские ученые и торговцы свободно путешествовали из Испании через северную Африку и Ближний Восток в Центральную Азию. Вот уже 500 лет исламскую религиозную общину прочно связывали воедино «язык Бога» (арабский), Коран и торговля — как рабами, так и золотом; и то, и другое везли из лежащих за Сахарой районов Африки. Мусульманский купец мог отправиться из Тимбукту в Дели и быть уверенным в том, что найдет там торговца, мыслящего одинаково с ним. Если же он ехал через Багдад — как чаще и бывало, поскольку тот был сердцем ислама, — там ему могли встретиться иудеи, зороастрийцы, манихеи и христиане множества толков — несториане, монофизиты, гностики и православные. Арабские капитаны считали выгодным год или два плыть вдоль берегов до самого Китая за грузом шелка и фарфора.

Что же касается сухопутных связей между Востоком и Западом, то прежде они были куда прочнее благодаря торговому маршруту, известному как Великий шелковый путь. Но теперь по этому маршруту между исламским миром и Китаем, путешествие по которому длилось полгода, шло куда меньше верблюжьих караванов. Не так давно монголы под предводительством Чингис-хана напали на буддийское государство Си-Ся, расположенное к северу от Тибета, на территории современной китайской провинции Синьцзян, и занимающее ключевую позицию на этом пути, и мало кто верил, что караваны пройдут невредимыми.

Прежние связи заметно ослабли. Но благодаря двум событиям, случившимся в том самом году, этим столь отдаленным друг от друга в пространстве и времени краям и культурам предстояло оказаться соединенными.

* * *

Первым из этих событий стало великое нашествие на главный город северного Китая, современный Пекин (по-китайски Бэйцзин — Северная столица). Город осадили монголы во главе с Чингис-ханом.

Этот человек поднялся не то чтобы из низов, а вообще из ниоткуда и из ничего — фактически из преследуемых изгоев. И теперь, основав государство, он стремился исполнить то, что предначертано ему судьбой. Много раз оказавшись на волосок от гибели в юности, Чингис в конце концов убедился, что Небо избрало его для того, чтобы править. Чем и кем? Несомненно, своими монголами. Но потом, когда последовало одно завоевание за другим, он понял, что владения, отведенные ему божественной волей, куда шире. Насколько же они широки? Северный Китай? Вероятно. *Весь* Китай, хотя такое никогда не удавалось ни одной из кочевых держав? Возможно.

Северный Китай, источник богатства и власти, всегда манил воинов-кочевников из-за

пустыни Гоби и всегда изо всех сил старался защитить себя от них — стенами, армиями, взятками, дипломатией и браками. Северный Китай был традиционным врагом, ключом к обширной империи, а Пекин, региональный центр цзиньских правителей, был ключом к северному Китаю. Он должен был пасть еще в прошлом году, после серии длительных кампаний, в ходе которых Чингис нейтрализовал тангутское государство Си-Ся, вторгся в империю Цзинь, опустошив изрядную часть страны к северу от Желтой реки (Хуанхэ), и осаждал город, пока цзиньский император не капитулировал. В 1214 году Чингис оставил Пекин невзятым и неразграбленным, будучи уверен, что приобрел нового вассала — но когда монгольские армии отошли в степь, обнаружилось, что цзиньский император удрал, перебравшись вместе с имуществом на 3000 верблюдов и 30 000 телег в древнюю китайскую столицу Кайфын, расположенную значительно южнее Желтой реки.

Чингис пришел в ярость. «Алтан-хан (то есть цзиньский император) не верит моему слову! — бушевал он. — Он воспользовался миром, чтобы обмануть меня!»

И монголы вернулись, на этот раз не собираясь уходить, пока не падет Пекин и вся империя Цзинь не станет монгольской. Монгольская армия держала город в осаде всю зиму 1214–1215 годов. Никакого прямого штурма не предполагалось, так как Пекин представлял собой слишком сильную крепость — с пятнадцатью километрами стен, девятью сотнями сторожевых башен, катапультами, способными метать огромные камни и зажигательные бомбы, и огромными осадными луками (аркбаллистами), заряженными огненными стрелами величиной с телеграфный столб. Вынудить эту крепость к сдаче мог только голод.

Так и случилось. 31 мая Пекин открыл ворота. В последовавшей за этим резне погибло много тысяч жителей, а пожары бушевали целый месяц. Год спустя на пепелище все еще лежали тела погибших, а болезни косили тех, кто уцелел. Мусульманский посланник доносил, что земля остается промасленной от человеческого жира.

Падение Пекина в 1215 году запустило серию событий, изменивших ход евразийской истории. Но это был еще не конец северного Китая, так как Чингиса отвлекли от наступления события, произошедшие западнее. Спустя четыре года после падения Пекина торговая делегация, отправленная в новое исламское государство Хорезм, была полностью вырезана. Теперь, нейтрализовав северный Китай, Чингис молниеносно обрушился с мстостью на западных соседей, начав опустошение беспрецедентных масштабов и стерев с лица земли такие старые города Великого Шелкового пути, как Бухара, Самарканд, Мерв и Ургенч. Затем он санкционировал необыкновенный поход, в целях разведки прошедший через Грузию и Украину — первый шаг к двухсотлетнему монгольскому владычеству в южной Руси. Лишь тогда, когда его батыры вернулись из этого великого авантюрного похода, Чингис снова обратился к землям за Гоби. Однако летом 1227 года, распространив свою кампанию на горы к югу от Желтой реки, он умер.

Его великая задача осталась незавершенной. Изрядная часть исламского мира, включая сам Багдад, по-прежнему осталась непокоренной, так же как и российские степи, и отдельные очаги сопротивления в северном Китае, и весь южный Китай — отдельное государство, в котором правила династия Сун. Не говоря уже о народах, живущих еще дальше, которые тоже неизбежно должны были признать главенство Чингиса: народы на восточной окраине монгольской империи (Корея и Япония), народы на юге (современные Камбоджа, Вьетнам и Бирма) и все те, которые проживали на богатых островах Индонезии — в то время как на западе венгерская пушта наверняка могла послужить отличной дорогой в христианскую Европу. Такова была предначертанная Небом судьба монголов. Почему так должно быть, ни Чингис, ни его наследники никогда не выясняли — они просто приняли это как данность.

Таким образом, дело оставалось во многом не законченным, однако к моменту смерти Чингис уже изрядно преобразил мир вокруг себя. Никогда раньше Восток и Запад не были так прочно связаны. Теперь монгольские полководцы во всех тонкостях знали о междоусобной вражде русских князей и о том, как можно еще больше разделить их, когда придет время. Гонцы, проделывающие галопом примерно по 150 км в день и часто

меняющие лошадей, могли, проскакав за шесть недель свыше 4000 км, доставить сообщение из Пекина в Афганистан — действие, ставшее возможным лишь благодаря монгольскому контролю над всеми землями между ними.

Чего же тогда возможно достичь, учитывая протяженность этой империи? Торговцы смогут привозить богатства Востока и Запада, художники и ремесленники станут толпами стекаться служить Повелителю Мира и Потрясателю Вселенной, служителями всех религий принесут свою мудрость, ученые соберут и переведут книги из самых великих библиотек, а от правителей Востока и Запада будут прибывать посольства, спешащие выразить свою покорность властителю. Мир под одним Небом будет единым, и в нем воцарится мир. Такие видения наполняли умы наследников Чингиса.

Как покажет время, все это, разумеется, было безнадежной мечтой. Подобно всем империям, эта тоже достигнет своих пределов, разделится в себе самой и распадется.

* * *

Но 23 сентября 1215 года, почти через четыре месяца после падения Пекина, в самой сердцевине монгольской земли родился ребенок ханской крови, который, однажды став Великим Ханом, примет вызов невозможной мечты-видения Чингиса и сделает для ее претворения в действительность больше, чем любой другой правитель. Пользуясь властью, простирающейся, хотя и непрочно, от Тихого океана до южной России, он станет самым могущественным человеком, какой когда-либо жил на свете до появления современных сверхдержав. Он будет обладать номинальной властью над одной пятой населенной суши, наверное, над половиной всего человечества. Его имя разнесется далеко за пределы завоеванных стран, его узнают в Европе, в Японии, во Вьетнаме, в Индонезии; возможно, даже те самые собиратели морских огурцов, добывающие свои деликатесы у берегов северной Австралии, услышат о его попытке вторгнуться в 1292 году на Яву. Именно легенда о его богатстве через два века после его смерти вдохновит Колумба отправиться на запад, в плавание, закончившееся не освоением нового маршрута в древнюю землю, а новым открытием давно забытой. Не будь его, не будь монгольской империи в Китае — интересно, кто бы тогда вновь открыл Америку?

Наследием Великого Хана стал увеличившийся и объединенный Китай в его современных границах (плюс-минус несколько незначительных кусочков по окружности). По странной иронии судьбы, одним из этих кусочков является сама Монголия — страна, в которой родился Великий Хан. В Китае очень неохотно признают правду, что своим представлением о себе как о географической единице — с пыльным севером, пыльным югом, огромными западными пустынями, высотной твердыней Тибета — современная сверхдержава обязана монгольскому ребенку, родившемуся в год уничтожения Пекина.

Этот мальчик был внуком Чингиса Хубилаем.

Часть первая ВЕСНА

Глава 1 ЛЬВИЦА И ЕЕ ВЫВОДОК

В Монголии сразу замечаешь одну вещь: женщины там требуют внимания к себе. В сельской местности старухи с морщинистыми лицами пронзают тебя прямыми взглядами уверенных в себе людей, а крепкие краснощекие девушки держатся в седле как мастера верховой езды. В ее столице Улан-Баторе нельзя пройти от главной площади до торгового центра (он там только один), не повстречав красавицу, так и лучащуюся элегантностью и гордящуюся ею. Монголки обладают осанкой и уверенностью, какие встретишь скорее в Нью-Йорке, чем в Пекине. Разумеется, это можно сказать не обо всех, поскольку Монголии

тоже перепала своя доля нищеты. Но кочевые пастушеские традиции Монголии веками гарантировали, что женщины не уступают мужчинам по части умения полагаться только на себя. Даже сегодня сельские жительницы не только готовят еду, шьют и растят детей — они, если надо, охотятся и пасут стада. Один из законов Чингис-хана находит свое отражение в повседневной действительности: «Сопровождающие войска женщины выполняют работу и обязанности мужчин, когда те воюют». Некоторые из них тоже сражались. В 1220 году дочь Чингиса возглавила заключительный штурм персидского города Нишапур, перебив «всех уцелевших, кроме четырехсот человек, отобранных за владение ремеслами».²

И в семейной жизни, и в политике монгольские женщины всегда были силой, с которой подобает считаться. Наследование шло по мужской линии, но вдовы — то есть вдовы, принадлежащие к высшему классу, — могли взять на себя управление владениями покойных мужей, благодаря чему некоторые из них делались богатыми, могущественными и отчаянно-независимыми. Странно, но факт: величайшая сухопутная империя в мире, самое воплощение мужского господства, своим существованием и ростом обязана необыкновенным женщинам.

В детстве юный Чингис — тогда еще Тэмучжин — был нищим бродягой, о котором заботилась его овдовевшая мать Оэлун, обобранная и отвергнутая родным племенем покойного мужа и доведенная до лазанья по горным склонам в поисках ягод. Именно Оэлун показала ему, что требуется для выживания — как восстановить семейные связи, как воззвать к старым друзьям и завести новых, как создавать союзы и вознаграждать преданных, никогда не стремясь к личной выгоде, всегда заботясь о простых людях и их семьях. Если он поступал неверно, она кричала на него, пока он не осознавал ошибочность своего поведения. Когда он подростком убил сводного брата, тем самым гарантировав, что впоследствии станет неоспоримым главой семьи, она ругала его на чем свет стоит. основополагающий документ — «Тайная история монголов»³ — доносит до нас ее слова в стихотворной форме. «Душегубец», — кричит она и уподобляет его разным зверям, творящим нечто злобное и глупое. Как он мог совершить такое, когда на их стороне нет ничего, кроме единства семьи? В такое время, когда

«У нас нет друзей, кроме наших теней,
Нет хлыста, кроме скотьего хвоста».

Чингис усвоил урок и очень желал, чтобы другие тоже усвоили его, поскольку наверняка именно он в зрелые годы поощрил своих сказителей превратить эту историю в песню. Став великим ханом, Чингис чтит мать — а некоторые говорят, что боялся ее — всю ее долгую жизнь.

Жена, которую Чингис дал своему сыну Толую, была еще одной женщиной из того же теста. Звали ее Соргахтани-беки, и именно о ней в основном пойдет речь в этой главе, поскольку в 1215 году она, даже не подозревая об этом, держала в своих руках будущее — и не только из-за новорожденного Хубилая. Из пяти ее детей двое стали великими ханами, а третий правил Персией. Если бы не ее честолюбие, предусмотрительность, здравый смысл и вмешательство в некоторые критические моменты, империя Чингиса могла бы распасться в ходе внутрисемейной грызни через двадцать с небольшим лет после своего создания, а Хубилай никогда не получил бы своего наследия.

Соргахтани даже не была монголкой. Она была кераиткой, и воспитание, полученное ею среди этого тюркоязычного племени⁴, которое на момент рождения Чингиса

---

² Ата-Мелик Джувейни, «Чингис-хан. История завоевателя мира».

³ В отечественной историографии известна также как «Сокровенное сказание». (Прим. ред.)

⁴ Автор ошибается — кераиты тоже говорили на одном из монгольских диалектов. (Прим. ред.)

доминировало в центральной Монголии, научило ее хорошо разбираться в политике Центральной Азии. Кераитский хан Тогрул, что по-тюркски означает «сокол», приходился Соргахтани дядей. Он был ведущим правителем среди множества глав племен, пасших свои стада в степи за Великой стеной, и обладал хорошими связями на западе и юге. Народ Тогрула уже лет двести назад⁵ обратили в христианство несторианские миссионеры, последователи византийского еретика Нестория, утверждавшего, что Христос родился в равной мере богом и человеком, двумя лицами в одном, а не единым в трех лицах Словом-Ставшим-Плотью ортодоксального христианства. Но Тогрул также поддерживал отношения с северным Китаем и позже за помощь чжурчженскому отряду был вознагражден китайским титулом «ван» — царь, став более известен историкам под именем Ван-хан. Он сыграл критическую роль в успехах отца Чингиса Есугей-багатура, который несколько раз приходил на помощь Тогрулу и стал его побратимом-андой. При Чингисе же отношения между ними сначала складывались хорошо, но потом испортились, и два хана в конечном итоге вступили в противоборство, победителем в котором вышел Чингис.

У Тогрула был младший брат Чжаха, история которого отражает сложности и опасности переменчивых альянсов степных племен Срединной Азии. Чжаха вырос среди тангутов в Си-Ся, поднялся у них в чинах до звания командира — по-тангутски *гамбу*, — и это звание стало частью его имени, Чжаха-Гамбу. В Монголию он вернулся уже военачальником с собственной небольшой армией и присоединился к Чингису в то время, когда монголы еще дружили с кераитами — и, в отличие от Тогрула, остался верен ему, когда между монголами и кераитами начался раздор. В затянувшейся на десятилетие межплеменной войне за национальное единство кераиты сражались на обеих сторонах. Когда примерно в 1200 году основная масса кераитов была разбита, Чингис слил племена воедино с помощью браков. У Чжахи было две дочери. Старшую, Ибаху, Чингис взял в жены сам — изрядная честь для ее гордого и преданного отца, — но впоследствии отдал одному из своих полководцев. Младшую же, Соргахтани, он выдал замуж за самого младшего из своих сыновей, юного Толуя, в самом начале его выдающейся военной карьеры. За годы брака, перемежаемого долгими отлучками мужа, участвовавшего в кампаниях в Китае и мусульманских землях, она произвела на свет четырех сыновей, приобретя таким образом и мотив, и средства для завоевания друзей и влияния.

Вместе взятые, ее мальчики будут 50 лет господствовать над изрядной частью Азии и определять ход ее истории. Но ей понадобилось долго ждать, когда волчок судьбы повернется в благоприятное для нее положение.

* * *

Первый шанс, если его можно так назвать, появился у Соргахтани в 1227 году, когда умер Чингис. Перед смертью тот распорядился, чтобы его верховную власть унаследовал третий сын Угэдэй со своими четырьмя сыновьями, осуществлявшими личную власть в собственных улусах. Джучи, самый старший из братьев, получил территорию, которая сегодня является частью России, от середины Сибири до Черного моря. Он умер незадолго до смерти Чингиса, и этот улус унаследовали его сыновья Орда и Бату (в традиционном русском написании — Батый). Центральная Азия от Аральского моря до Тибета отошла к Чагатаю. Личным владением Угэдэя стало бывшее государство Си-Ся (в основном большая часть западного Китая) и северный Китай. Толуй же, самый младший, как требовала традиция, наследовал земли отцовского «юрта», что в данном случае означало всю Монголию. Именно это и дало Соргахтани в должное время точку опоры.

Подобное разделение было в немалой степени прожектерством, поскольку границы

---

⁵ Точнее — в 1009 году. (Прим. пер.)

владений оставались довольно зыбкими и все еще сильно оспаривались местными народами. Северный Китай был завоеван лишь наполовину, Хорезм требовал умиротворения, русские князья, побитые один раз, не собирались быть битыми и впредь. Самое прочное положение было у Толуя, так как он получил власть над сердцем страны с уже готовым корпусом государственных служащих. Вдобавок, поскольку все пастухи были также воинами, теоретически он мог иметь и некоторый контроль над армией. Однако он не пожелал воспользоваться этой возможностью, поскольку был не просто подданным Угэдэя, но вполне доволен своим положением: эти двое братьев очень любили друг друга. Толуй ни в коем случае не стал бы бросать вызов своему брату, поэтому у Соргахтани не было пока никаких оснований мечтать о славе для своих сыновей.

Угэдэй начал свое царствование с бурной военной активности ради осуществления отцовской мечты, затеяв четыре огромные и независимые друг от друга кампании. Одна из них восстановила власть монголов в Иране, вырвав его из рук сельджукских правителей. Вторжение в Корею стало началом завоевания, которое завершится только к 1260 году. А в 1231 году началось возвращение в северный Китай, который был непосредственной целью Чингиса, когда тот умер. Монгольские войска наступали тремя крыльями, которыми командовали соответственно величайший из полководцев Чингиса одноглазый Субудай, сам Угэдэй и Толуй, который покорил несколько городов при первом вторжении 20 лет назад.

Следующий шанс Соргахтани выпал, когда в начале кампании по покорению северного Китая умер ее муж Толуй. «Тайная история монголов» рассказывает о его смерти в хорошо выстроенном драматическом повествовании, призванном подчеркнуть преданность младшего брата старшему, полководца — хану. В 1231 году, вскоре после начала кампании, Угэдэй заболел. В нем бушевали «духи земли и воды» — вероятно, белая горячка, результат многолетнего злоупотребления алкогольными напитками. Шаманы собрались на консилиум с целью определить причину болезни. Исследовав внутренности убитых животных, они заявили, что нужно совершить жертвоприношение. Но прежде, чем шаманы успели собрать необходимых для жертвоприношения пленников, золото, серебро и еду, Угэдэю стало еще хуже. Что же делать? Встает вопрос: а не может ли послужить заменой какой-либо член ханской семьи? Толуй, присутствующий на консилиуме, добровольно вызвался принять на себя болезнь Угэдэя. Как это сделать? Снова шаманский консилиум и новый совет: Толую надо выпить некий алкогольный напиток, который привлечет к нему болезнь Угэдэя. Толуй согласен: «Читайте, шаманы, свои заклинания, заговаривайте воду!» Однако он не знал, что Угэдэй страдает не просто от болезни, а от предсмертной агонии. Вот это-то бремя он, сам того не ведая, и принял на свои плечи. Напиток быстро оказал воздействие — у Толуя хватило времени лишь на то, чтобы препоручить свою семью заботам Угэдэя, прежде чем он потерял способность говорить. «Все, что хотел сказать, я сказал, — бормочет он заплетающимся языком. — Опьянел я!» Затем он теряет сознание и так больше и не приходит в себя. Как отрывисто сказано в «Тайной истории», «так вот и умер Толуй». Возможно, он умер просто оттого, что слишком много пил. Угэдэй же, обезумевший от горя из-за потери брата, так и не выздоровел до конца. Горе стало предлогом пить еще больше, но, несмотря на это, он протянул еще десять лет.

Смерть Толуя открыла для Соргахтани новую главу в ее жизни — в качестве его вдовы, в сердце расширяющейся империи. В монгольском обществе вдова богатого человека по традиции управляла владениями мужа, пока ее старший сын не вырастет достаточно, чтобы принять это бремя на себя. В данном случае ее старшему сыну Мункэ был уже 21 год, но Угэдэй все же предоставил Соргахтани длительные полномочия на управление наследием Толуя — своей семьей, армией, секретариатом и местным населением. «Все должно быть подвластно ей, вправе она приказывать и запрещать, связывать и развязывать, и никто не должен отворачивать голов, не слушая ее приказа». По существу, Соргахтани стала царицей

Монголии, хотя и осталась подданной своего хана. Судьба сделала ее независимой, и она, женщина сорока с лишним лет, оказалась достаточно сообразительной и честолюбивой, чтобы удержаться в этом статусе. Когда Угэдэй предложил ей выйти замуж за его сына (и ее племянника по мужу) Гуюка — такой брачный союз связал бы две главные ветви семьи, — она вежливо отклонила предложение, сказав, что главная ответственность, лежащая на ней, это ее долг по отношению к родным сыновьям. Она больше не вышла замуж и отлично правила последующие 15 лет, заслужив своей мудростью и твердостью такую славу, с которой никто не мог соперничать. Все отзывы сторонних наблюдателей тут сходятся. «Эта госпожа пользовалась среди всех татар наибольшим уважением, за исключением матери императора», — писал один из посланников папы римского, Джованни Плато Карпини.⁶ «Крайне умная и способная», — отзывался о ней Рашид ад-Дин, расхваливая ее «большие способности, совершеннейшую мудрость, сообразительность и умение обдумывать последствия». «Все царевичи дивились ее умению править, — заявил врач-иудей Бар-Гебрей и добавил стихотворную цитату: — Увидь я средь женщин другую такую, сказал бы, что женщины намного превосходят мужчин».

Ее здравый смысл хорошо проявился в том, как она воспитывала своих четырех мальчиков. Она позаботилась, чтобы они хорошо знали традиционные монгольские обычаи и отлично усвоили ясу Чингиса. Но империя была широка, и в ней существовало много вер. Она — кераитка и христианка, вышедшая замуж за монгола-шаманиста⁷ — по собственному опыту знала, как важно не оттолкнуть от себя союзников и подданных. Поэтому у ее сыновей были учителя, преподававшие им основы буддизма, несторианства и конфуцианства, а позже жены, избранные по образу и подобию самой Соргахтани — напористые, динамичные, умные, гибкие и в высшей степени независимые, благодаря чему сохранялась та веротерпимость, которая была одной из наиболее удивительных черт правления Чингиса. Мункэ, старший сын, предпочел придерживаться традиционных монгольских верований, но был женат на несторианке; Хулагу, ставший впоследствии правителем исламской Персии, тоже женился на несторианке. Хубилай женился несколько раз, но спутницей на всю жизнь ему стала вторая жена Чаби, знаменитая красавица и истовая буддистка.

А империя тем временем все росла и росла, и в страну отовсюду стекалось богатство. В мае 1233 года пала цзиньская столица Кайфын, вынудив цзиньского императора спасаться бегством (он будет окружен неподалеку от границы с империей Южная Сун и покончит с собой). Через двадцать лет после первого вторжения Чингиса весь северный Китай оказался в руках монголов. Западная кампания между 1233 и 1242 годами распространила монгольскую власть через русские степи на Польшу и Венгрию. А дома Угэдэй продолжал начатый Чингисом процесс построения прочной базы имперской администрации с писаными законами, переписями населения и притоком доходов от налогов.

Угэдэй теперь понял то, что давно понимал Чингис: столь сложной империей нельзя управлять из военного лагеря. Ему требовалась столица взамен старого монгольского стойбища Аураха на реке Керулен. Это место, которое все еще ждет тщательных археологических раскопок, расположено на южном краю изначального сердца Монголии, там, где горы Хэнтэй сменяются степями. К северу расположены горы, леса и безопасность; к югу — пастбища, пустыня Гоби и Китай, источник торговли и добычи. Это была идеальная штаб-квартира для племени — но не для империи. Чингис знал, где находится наилучшее место для правления недавно основанным государством — дальше на запад, в долине реки Орхон, где некогда правили прежние тюркские императоры-каганы. Тюрки называли его

---

⁶ Он упоминает тут мать Гуюка Туракину, о которой ниже будет сказано подробнее. (Прим. авт.)

⁷ По мнению Л. Н. Гумилева, монголы не были шаманистами; их вера в «синее небо и зеленую землю» скорее была близка митраизму. (Прим. пер.)

Каракорум, «Черный камень». Еще в 1220 году Чингис избрал его своей новой столицей, но ничего особо не сделал для нее.

Угэдэй начал свое царствование в 1228 году с великого собрания в Аурахе, где, по всей вероятности, лично проконтролировал сбор рассказов и сведений, вошедших в «Тайную историю монголов» — но он уже вынашивал более грандиозные планы. Именно он исполнил отцовскую мечту, начав в 1235 году превращать Каракорум в постоянное поселение — сразу после завоевания северного Китая и непосредственно перед следующим рывком на запад.

Маленький городок опоясывали глиняные стены с четырьмя воротами, окружая также и дворец с деревянными полами, деревянными столбами-опорами, черепичной крышей и расположенными неподалеку погребями для хранения сокровищ — при недавних раскопках было обнаружено несколько статуй и терракотовых голов Будды. Частные жилища лепились к задам дворца, в то время как перед ним стояла гигантская каменная черепаха с покрытым письменами столпом на панцире — наверное, та самая, которая все еще несет одинокий караул около воздвигнутого на месте Каракорума монастыря Эрдэнэ-Дзу. Внутри дворца центральный проход вел к лестнице тронного возвышения, на котором стоял трон Угэдэя. Конечно, монголы никогда не создавали настоящих городов — и по-прежнему не создают, о чем вам скажет любой, кто побывал в Улан-Баторе. Но особенности населенному пункту придают люди, а не здания. Должно быть, так же обстояло дело и в Каракоруме. Вскоре треть поселения была занята правительственными департаментами, заведующими жертвоприношениями, шаманами, почтовой связью, казной и арсеналами. Но даже когда в его стенах начали обосновываться толпы мусульманских купцов и китайских ремесленников, город все равно был не очень-то городом. Брат Гильом де Рубрук увидел тот в 1253–1254 годах, и Каракорум не произвел на него впечатления: «Вам следует знать, что за исключением ханского дворца этот город не так прекрасен, как Сен-Дени, а монастырь Сен-Дени стоит десятка таких дворцов».

Неважно — это был центр земель, где прежде вообще не было никакого центра; здесь собрались сотни войлочных юрт (геров, как их называют монголы), тысячи кибиток и десятки тысяч животных. Богатые монголы, которых теперь насчитывались сотни, имели около двухсот влекомых волами кибиток на каждого. Они соединялись в огромные караваны по 20–30 упряжек, которые не спеша дружно тянулись по открытой степи, ведомые одной из женщин в головной кибитке. Наверное, какой-нибудь приезжий мог бы увидеть огромную — 10 метров в поперечнике — телегу с осями, подобными мачтам, влекомую одиннадцатью парами волов, на которой стояла ханская юрта. Некоторые сомневаются в существовании такой повозки, но сегодня в Улан-Баторе есть по меньшей мере три ее копии, и одна из них каждый июль со скрипом делает круг по стадиону во время празднования дня Независимости. Никто не знает, как или где применялось такое чудовищное сооружение, но в 1230-х годах оно вполне могло со страшным скрипом ездить туда-сюда между старой Аурахой и новым Каракорумом.

Такова была штаб-квартира Угэдэя для его недавно образованной администрации.⁸ Главным консультантом в этом деле ему служил китайский советник Чингиса — крайне высокий (6 футов 8 дюймов или 2,03 метра) кидань из аристократического рода Елюй по имени Чуцай. Кидани или китаи⁹ некогда правили северным Китаем, пока в 1125 году их не покорили чжурчжени, основавшие государство Цзинь (или, правильнее, Кинь). Завоеванным киданьским государством Ляо правила как раз династия Елюев, но тем не менее отец Елюй Чуцай решил служить новому режиму. Чуцай в должный срок последовал по его стопам и

---

⁸ По этой причине город, возможно, будет воскрешен как центр правительства Монголии. В 2005 году высшие официальные лица этой страны обсуждали поразительное предложение, поддержанное премьер-министром: построить в Каракоруме совершенно новую столицу. Решение предполагается принять в 2006 году — в восьмисотую годовщину основания Чингис-ханом монгольского государства. (Прим. авт.)

⁹ Именно по названию данного народа и называется у нас эта страна. (Прим. ред.)

поднялся по служебной лестнице, став помощником наместника Пекина. Хотя ему было лишь двадцать с чем-то, он сделался знаменитой фигурой, славясь своим блеском, ростом, звучным голосом и бородой до пояса. Он пережил разграбление города в 1215 году, на три года удалился в монастырь для восстановления душевного спокойствия, а потом — настолько велика была слава этого человека — его вызвали в Монголию на встречу с Чингисом. Чингис предложил ему пост главы недавно созданной канцелярии, ответственной за писцов, записывающих законы и ведущих учет поступающих налогов. Это было предложение, на которое от Чуца не ждали отказа, поскольку, как сказал Чингис, «я отомстил за вас» — ведь кидани и чжурчжени были врагами. У Чуца достало храбрости указать, что он и его отец были верными слугами империи Цзинь. Неужели Чингис действительно ждет, что он станет смотреть на своего отца и бывших работодателей как на врагов? Чинше понял намек, но все равно предложил ему пост и после всегда относился к «Длиннобородому», как он называл его, с величайшим уважением. В 1219 году Чуцай ездил вместе с Чингисом в мусульманские земли и сопровождал своего повелителя во время его последней кампании в Китае в 1226–1227 годах. В 1229 году Угэдэй сделал его временным главой своего нового совета, по существу, наместником, управляющим теми частями северного Китая, которые были уже завоеваны — первый гражданский чин, получивший такие широкие полномочия. В том же году Угэдэй назначил другого равно выдающегося иностранца наместником своих мусульманских земель. Его звали Махмуд, более известен он был по прозвищу Ялвач (по-тюркски «посланец», поскольку такой была его первая должность при Чингисе).

Именно Елюй Чуцай приложил все силы, стараясь отвлечь Угэдэя от жизни, заполненной только пьянством и охотой, и добиться от него фискальной осмотрительности. Борьба эта была не только личной, но и политической, поскольку традиционалисты при дворе считали единственным истинным богатством лишь табуны и стада, презирали ковыряющихся в земле китайцев и всерьез предполагали, что наилучшим применением для северного Китая будет обезлюдить все крестьянские хозяйства и превратить их в пастбища. Кого волнует, что станет с миллионами крестьян? Все равно они никчемный народ. Но Елюй Чуцай указал, что подобная черствость окажется самоубийственной. Лучше дать крестьянам жить спокойно и собирать с них налоги через чиновников, которые будут взимать с них шелк, зерно и серебро. В 1230 году Елюй Чуцай доказал, что его система действенна, доставив в казну 10 000 серебряных слитков. В следующем году он был утвержден на своем посту.

Разумеется, его монгольские коллеги остались недовольны и кипели злобой. Они рассматривали предложения Елюя Чуцай как заговор с целью лишить их заслуженных наград и перенаправить деньги из их собственных карманов в сундуки хана. Помощи от Угэдэя тут ожидать не приходилось, так как в ответ на этот неожиданный приток наличных он попросту стал вдвое расточительней, требуя денег как на свои военные кампании, так и на вклады в операции мусульманских дельцов, обещавших ему высокие проценты. Реформы Елюя Чуцай зашли в тупик, когда Угэдэй передал сбор налогов мусульманскому «откупщику» Абдурахману. Его приятели покупали право собирать налоги с возможностью добавлять какие угодно проценты себе за труды — вплоть до ста процентов в год (более высокие ставки Угэдэй благоразумно запретил). Они стали для монголов «акулами кредита», приводя в движение порочный круг афер. Мусульманские дельцы одалживали Угэдэю деньги под вымогательские проценты, выбиваемые из несчастных крестьян, которым приходилось брать в долг для компенсации потерянного ими в виде налогов. Результат был вполне предсказуем: люди бежали, бросая свои дома, чтобы спастись от сборщиков налогов и их банд. Согласно одной оценке, половина населения либо не имела никакого постоянного жилья, либо попала в долговое рабство к монгольским чиновникам. Елюй Чуцай же практически оттерли в сторону, и он умер через три года после Угэдэя, сломленным человеком, видя крах всех своих трудов.

Соргахтани, и так уже имевшая власть в сердце Монголии, только выгадала от всех этих потрясений и многому научилась на их примере. В 1236 году, через два года после того, как Угэдэй завершил завоевание северного Китая, она попросила у него в качестве своего личного удела часть провинции Хэбэй. Угэдэй поколебался, но недолго. Как выразился Рашид ад-Дин, он «привык советоваться с ней по всем государственным вопросам и никогда не пренебрегал ее советами». Она живо пристыдила его и заставила согласиться, указав, что эти земли все равно по праву принадлежат ей, поскольку их завоевал ее муж.

Направляясь туда, она и ее семья, включая 21-летнего Хубилая, увидели страшное опустошение, учиненное монгольской военной машиной: заброшенные хозяйства, заросшие поля, опустевшие деревни, беженцев. За последние три века состоялось еще два вторжения варваров, но не было подобного этому. К 1234 году население северного Китая, составлявшее в начале XIII века примерно 40 миллионов, сократилось на три четверти — с 7,6 миллионов дворов до 1,7 миллиона. Эта цифра настолько поразительна, что многие ученые просто не верят ей. Должно быть, что-то не так со сбором статистических данных, хотя никто не знает, что именно. Наверное, дворы были разрушены, а миллионы крестьян бежали на юг. Но в любом случае, даже если число дворов снизилось «только» наполовину или на две трети, социальные последствия были катастрофическими.

Чжэньдин, расположенный примерно в 200 км к юго-западу от современного Пекина, отделался более легко, чем большинство населенных районов, поскольку его даровали местному военачальнику, сдавшемуся Чингису. Он организовал из крестьян силы самообороны, которые сохранили этот район в качестве анклава мира и стабильности, дав возможность сыну военачальника Ши Тянь-цзе приобрести неплохой административный опыт. Да и вообще это был край, который мало кто из монголов пожелал бы тронуть. Он славился своими буддийскими храмами, пагодами и статуями. Он по-прежнему славится ими, и некоторые из них — те же самые, какие видела Соргахтани, вроде огромной 22-метровой бронзовой статуи многоглазого и многорукого буддийского божества Авалокитешвары, которая машет туристам своими сорока двумя руками в главном храмовом комплексе.

Район этот находится на западном краю великой северокитайской равнины, где богатые сельскохозяйственные земли сменяются невысокими горами, тянущимися между речными долинами. Его 80 000 дворов вероятно, свыше полумиллиона жителей были совершенно не интересны и, традиционно мыслящим монголам, которые рассматривали крестьян как мусор, а крестьянские земли — как потенциальные пастбища. Но только не Соргахтани. Благодаря предвидению Чингиса и примеру Елюй Чуая она увидела возможность увеличить свое личное богатство вдалеке от разоренных монгольскими вторжениями областей вокруг крупных городов. Она будет заботиться о своих владениях и живущих там крестьянах, заигрывать с местным населением, нанимая для своих детей китайских учителей, делать ему приятное, покровительствуя буддизму и даосизму (местный слух даже утверждал, будто она отошла от несторианства), — и богатство так и хлынет к ней и ее семье в виде налогов.

В том же году она наладила еще одну связь в этом разумном плане. Хубилай получил собственное владение в 100 км к югу от материнского, область примерно в 10 000 дворов. Слишком юный, чтобы интересоваться хорошим управлением, он сперва предоставил местным чиновникам полную свободу рук — с предсказуемыми последствиями: ростом налогового гнета, коррупцией, неуслышанными протестами, бегством в иные края тех, у кого хватало сил и энергии, и трагическим снижением как налоговой базы, так и налоговых поступлений.

Потрясенный таким поворотом событий — или, возможно, реакцией на них матери, — Хубилай приказал провести реформы. Были призваны на службу новые чиновники (в том числе Ши Тянь-цзе из имения матери), а налоговые законы пересмотрены. Через десять лет народ вернулся в свои прежние дома. Хубилай усвоил важный урок по части делового

управления.

С середины 1230-х годов Угэдэй постоянно был пьян свыше всяких разумных пределов. И пил он вино, а не традиционный монгольский напиток айрак — перебродившее кобылье молоко. Его свита назначила специального чиновника, в обязанность которого входило считать выпитые ханом чары — в тщетной попытке контролировать количество потребляемого им алкоголя. Количество это на первый взгляд снижалось, но только потому, что Угэдэй раздобыл себе чару побольше.

Имея пьяницу во главе государства, царевичи то и дело устраивали грызню. В одной такой ссоре участвовали старший сын Угэдэя Гуюк и его двоюродный брат Бату — хан Золотой Орды, степного региона на территории современной России от Кавказа до Урала. Во время вторжения 1236–1241 годов в Россию, Польшу и Венгрию монголы устроили пир, на котором присутствовали оба царевича. «Тайная история» цитирует версию случившегося со слов Бату, отправившего письмо с ее изложением галопом через всю Азию. Общеизвестно старший из всех участвующих в походе царевичей, Бату, естественно, первым осушил чару. Однако Гуюк и двое других царевичей восприняли это как оскорбление и в раздражении уехали, осыпая Бату бранью. Им всем полагается быть равными! Бату не должен притязать на старшинство! Он всего лишь бородастая баба... на его груди надо колоть дрова... ему следует вправить деревянный хвост... Но по возвращении царевичей домой Угэдэй поддержал Бату и обвинил сына: «Пусть бы лучше сгнило это единственное яйцо. Осмелился даже восстать на старшего брата! Что о себе возомнил Гуюк, восставая так на старшего, словно он самолично покори мусульман?» В гневе Угэдэй лишил Гуюка права наследования и назначил вместо него внука Ширэмуна.

В декабре 1241 года хан принял участие в ежегодной охоте — событию огромного значения, ради которого он построил ограду длиной в два дня пути, чтобы не дать диким животным, главным образом белохвостым оленям и волкам, убежать в уделы братьев. Затем он закатил ночную попойку в обществе своего фаворита, мусульманина-откупщика Абдурахмана. Он умер на рассвете 11 декабря, в возрасте 55 лет. Автор «Тайной истории» подводит итоги царствования Угэдэя, вкладывая в его уста самоосуждение: «...бываю я одолеваем темным вином. Вот первая моя вина». Такой конец был постыдным, и, наверное, именно поэтому его похоронили не рядом с отцом на священной горе монголов Бурханхалдун в северной Монголии, а в его личном поместье в Джунгарии, на дальнем западе монгольских земель.

Его вдова Туракина, взяв управление империей в свои руки, проигнорировала волю мужа и стала всячески стараться возвести на трон своего старшего сына Гуюка, которому исполнилось уже 35 лет. В одиночку он добиться престола не мог, поскольку вырос болезненным созданием, столь же склонным к пьянству, как и его отец. Туракина же была дамой весьма властной, единственной женщиной, которая, согласно Джованни Плано Карпини, занимала ранг выше Соргахтани. Она, как говорит Рашид ад-Дин, «отнюдь не великой красавицей, но очень решительной натурой» и, по всем заметкам, скверной женщиной (хотя эти заметки были написаны, когда ее уже приговорили к мусорной свалке истории, поэтому не исключено, что она была далеко не столь плоха, как ее рисуют). С помощью разных доводов и подарков она перетянула на свою сторону большую часть семьи, но Бату убедить не смогла. Тот, сославшись на подагру, отказался приехать на *курултай* — большое собрание царевичей-чингисидов, на котором полагалось избрать следующего хана. Задержки продолжались пять лет, и все эти годы Туракина постоянно укрепляла позиции своего сына с помощью интриг и взяток.

Понимая, что положение Туракины практически неуязвимо, Соргахтани играла в выжидание, неизменно тихо поддерживая семью Угэдэя все четыре года бурного междоусобия. Спор из-за престола чуть не разорвал империю на части — каждый царевич создавал для своего удела собственные законы, меняя те, которые были написаны по приказу самого Чингиса. Самый младший из братьев Чингиса, Темугэ, которому теперь давно перевалило за семьдесят, даже осмелился предложить, что его, как старейшего

государственного деятеля, следует выдвинуть в ханы, не созывая курултай — претензии, за которые он в должное время поплатится. Стране угрожал хаос, пока Соргахтани, которая старательно воздерживалась от издания собственных указов, не выступила в поддержку Гуюка, обеспечив Туракине небольшое, но много значащее большинство среди царевичей. Наконец Туракина организовала собрание, которое состоялось весной 1246 года.

Этот курултай был самым грандиозным событием в империи на рассматриваемое время, описанным Джувейни в его обычном цветистом стиле. Когда сошел снег, вновь расцвели пастбища, вяхири ворковали с горлицами и мелодично пели соловьи, Каракорум стал сценой для демонстрации новообретенной власти и богатства. Знатные нойоны съехались сотнями со всех уголков империи — все разбредшиеся кто куда потомки Чингиса сыновья и внуки, двоюродные братья и племянники, — к коим в течение нескольких недель присоединились подчиненные вожди из северного Китая, Кореи, Руси, Венгрии, Туркестана, Азербайджана, Турции, Грузии, Сирии и даже из Багдада, хотя тот пока еще не был завоеван. Прибывшие создали город-спутник в 2000 юрт. Это была сцена, «подобной которой никто никогда не видел и не читал ни о чем схожем в анналах истории». Слова Джувейни подтверждает итальянский монах Джованни Плано Карпини, только что прибывший и занятый сбором конфиденциальной информации у русских и венгров — давних жителей Каракорума, говоривших на латыни и по-французски.

Пиршества и попойки продолжались неделю, во время которой царевичи скрепя сердце предложили трон Гуюку, который, после трех традиционных отказов, принял его. Коронация состоялась в августе у второго города из юрт в речной долине, в нескольких километрах от Каракорума. Сюда привезли дань в виде пятисот телег, груженных шелками, бархатом, парчой, золотом, серебром и мехами, выставленных напоказ вокруг и внутри коронационной *ордо* — огромной юрты-дворца из желтого войлока, опирающейся на позолоченные деревянные колонны. В ходе церемонии (задержавшейся на несколько дней из-за жестокого града) Гуюк восседал на инкрустированном золотом троне из слоновой кости, созданном русским златокузнецом. Именно Соргахтани проследила за гигантской выплатой — распределением дани среди всех, от седых ветеранов, сотоварищей самого Чингиса, и далее по нисходящей лестнице чинов, от командующего десятью тысячами сабель темника до десятников, от султанов до скромных чиновников, и всех их чад и домочадцев.

Общими усилиями Гуюк и Туракина выжали из собравшихся царевичей клятву в дальнейшем передавать трон прямым потомкам Угэдэя. Это, по сути дела, сводило на нет завещание самого Чингиса, где специально оговаривалось, что должно произойти в случае, если прямые потомки Угэдэя окажутся непригодными править. «Гайная история» подчеркивает данный пункт стихом: если они окажутся настолько никчемными, что «хоть ты их травой оберни — коровы есть не станут, хоть салом окрути — собаки есть не станут, то среди моих-то потомков ужели так-таки ни одного доброго не родится?»

* * *

Итак, царевичам представлялось вполне приемлемым поискать хана из другой ветви семьи — например, из линии Толуя. Могла ли Соргахтани вытолкнуть вперед Мункэ? Ему исполнилось уже 36. Но она еще не была готова вступить в сражение. Такой ход еще больше угрожал единству империи и, вероятно, подверг бы опасности ее собственное положение. Поэтому Соргахтани хранила спокойствие и шла в ногу с теми царевичами, которых принудили поклясться, что наследование престола всегда будет идти по линии Угэдэя. Они клятвенно обещали Гуюку, что это будет оставаться в силе, «пока остатки племени твоего [не сделаются] таким куском мяса, какое ни коровы, ни собаки есть не станут, даже если завернешь их в жир или траву». Эта клятва преднамеренно извращала слова, приписываемые их господину и повелителю, Чингис-хану — более того, клятва сопровождалась немедленным шоковым воздействием: престарелый брат Чингиса Тэмугэ, который сам претендовал на трон, был предан смерти. *Брат* Чингиса! Казнен! Наверняка, среди

некоторых царевичей возникло сильное недовольство.

Самым недовольным из всех был Бату. Он с неохотой ехал на курултай, да и тронулся в путь слишком поздно: Туракина сумела закрепить наследование престола за своими потомками еще до его прибытия, когда он и его армия находились более чем в тысяче километров от Каракорума.

Но ропот недовольных не стихал. Гуюк был отнюдь не самым удачным выбором. Он всегда отличался слабым здоровьем, которое еще больше ухудшилось от пьянства. Да и человек он был угрюмый, подозрительный и неулыбчивый. Мать навязала своего сынка родственникам и подчиненным, вовсе не жаждавшим видеть его на троне, и подарков, которыми она купила их согласие, было недостаточно, чтобы сохранить его; на самом деле Туракина продолжала вызывать отчуждение среди родных и чиновников, в особенности своим выбором confidentки.

Эта история являет собой страшную повесть, начавшуюся за некоторое время до коронации. Туракина наняла мусульманку по имени Фатима, которую в свое время привели пленницей в Каракорум, где она открыла свое дело, управляя местными проститутками. Каким-то образом она пролезла в дом Туракиной, втерлась к ней в доверие и стала близкой подругой и советницей ханши — своего рода Распутиным женского пола. Знание тайных взглядов ханши и придворных интриг давало Фатиме чересчур большое влияние. Ни один министр не мог выполнять свои обязанности без ее одобрения. Она даже начала издавать собственные указы. Высшим сановникам приходилось раболепствовать перед ней, добиваясь ее расположения. С неизбежностью они негодовали на нее и молились о том, чтобы кто-нибудь как-нибудь проучил эту особу. Возможность представилась вскоре после того, как Гуюк взшел на трон. Заболел его брат — и кто-то предположил, что царевича, должно быть, околдовала Фатима. Надо сказать, что Гуюк, к его чести, попытался исправить вред, нанесенный фавориткой матери. Он вырвал ее из-под контроля матери, обвинил в колдовстве и пытал, пока она не созналась, а потом приговорил к страшной смерти, которая милостиво даровала ей положенную только членам высших классов честь умереть без пролития крови. «Ей зашили верхние и нижние отверстия, закатали в войлок и бросили в реку». Большинство, несомненно, вздохнуло с облегчением, но подобный конфликт между сыном и матерью отнюдь не послужил основой здорового правления.

А тем временем Бату, по-прежнему не торопясь, подъезжал все ближе. Гуюк заподозрил мятеж. Собрав собственную армию, он выступил в поход на запад — якобы проверить, как обстоят дела в его уделе на казахско-монгольской границе. Оказавшись там, он принялся готовить контрвторжение. Все это заняло не один месяц, открывая окно для одного из самых критических вмешательств Соргахтани в большую политику. Это было трудное решение, чреватое опасностью. Если игру раскроют, будет потеряно все — годы выжидания, ее тщательно создаваемая сеть, надежды на будущее сыновей. Ее будут рассматривать как предательницу и казнят вместе со всей семьей. Поскольку именно как предательство ее действия и могли быть расценены: памятуя об узах братства между ее покойным мужем и отцом Бату, она отправила тому тайное предупреждение о походе Гуюка. По словам Рашид ад-Дина, она писала, что поход Гуюка «не лишен некоторого коварства». С выгодой воспользовавшись этим заблаговременным уведомлением, Бату приготовился к бою — как выяснилось, без надобности. В апреле 1248 года две армии практически изготавились к схватке на берегах озера Балхаш, когда Гуюк, всегда болезненный, а теперь еще и изнуренный путешествиями, умер — возможно, от яда, возможно, в бою, но вероятнее всего, от болезни.

Бату, вполне довольный собственной империей в южной России, отнюдь не стремился продвинуться в новые ханы и был в долгу перед Соргахтани за оказанную услугу. Поэтому он мигмом превратил свою армию в курултай и предложил передать престол старшему сыну Соргахтани, своему другу Мункэ. Конечно, в столице сыновья Гуюка под руководством своей матери возражали, и все учредили собственные дворы, как, например, предпочтенный Угэдэм внук Ширэмун. Империя снова оказывалась разодранной на части. Местные

правители радели только о себе, выжимая из подданных все, что можно. Царевичи использовали систему почтовых станций-ямов, учрежденную для скоростной имперской связи, в собственных целях, примерно так же, как государственные служащие какой-нибудь слабеющей диктатуры используют министерские лимузины для левых заработков на стороне. Никто не знал, кому доведется править; все грызлись между собой, борясь за влияние, многие присылали сообщения, что даже не приедут для избрания нового хана.

Вдове Гуюка Огуль-Гаймыш следовало, по традиции, стать регентшей, пока ее старший сын не начнет править. Но ее сыновья — внуки Угэдэя — были слишком молоды. Кроме того, она была подавлена водоворотом событий, запиралась с шаманами, пытаясь достичь своих целей с помощью колдовства. Тут народ вспомнил слова Чингиса: если потомки Угэдэя окажутся негодными в правители, то нового хана следует избрать из других ветвей, то есть из потомства трех других сыновей Чингиса. Однако улусы двух из них (Джучи и Чагатай) находились столь далеко, что их наследники выбыли из состязания. Это оставляло претендентами на престол детей Соргахтани — потомков самого младшего сына Чингиса, Толюя, унаследовавшего отцовский юрт — собственно Монголию.

Теперь Соргахтани наконец-то вступила в бой за саму себя. Ей было около шестидесяти, и у нее оставался последний шанс. На ее стороне оставалось многое: собственная территория и политическая поддержка, деньги, уважение, влияние. Двор был разобщен из-за дела Фатимы. Еще одно ее преимущество заключалось в том, что потомство Гуюка доводилось Чингису правнуками, тогда как ее собственные дети были его внуками, на одно поколение ближе к великому человеку. Мункэ, мужчина почти сорока лет, был хорошим и вполне подходящим выбором. Он тоже командовал одной из монгольских армий в походе на запад в 1238–1241 годах, в ходе которого сжег Киев и уничтожил венгров в битве при Мохи. Более того, у него были два младших брата, которые тоже являлись опытными полководцами, и они сыграют крайне важную роль, когда империя вновь приступит к выполнению своей предначертанной Небом задачи по установлению монгольской власти над миром.

Спор этот почти закончился в 1250 году, когда соперники сошлись в лагере Бату и снова слышали требование Бату избрать Мункэ. Но это собрание проходило не в сердце Монголии и имело мало веса. На следующий год второе собрание, на сей раз проведенное в традиционном месте близ Аурахи, подтвердило данный выбор. Словно по завершении президентских выборов, Мункэ был сама щедрость, успокаивал своих бывших противников и их семьи, старался подружиться с ними. Это сработало — если не считать того, что у Ширэмуна все еще имелись иные планы.

Дальше рассказ продолжает Джувеини.

Место действия — собрание царевичей в Аурахе. Представьте себе новые каменные здания и окружившие их массы юрт, кибиток и стад. Все рады, что вопрос с наследованием престола решен. Сокольничий по имени Кешик (*кешиг* означает просто «гвардеец», но будем следовать рассказу Джувеини) теряет свою любимую верблюдицу. Два-три дня он проводит в степи в ее поисках — и неожиданно встречается с армией. Кто эти воины? О, следует ответить, мы прибыли поздравить Мункэ и выразить ему свое почтение. Успокоенный Кешик продолжает поиски верблюдицы. Увидев юношу, чинящего поломанную кибитку, он останавливается предложить помощь. А затем замечает, что кибитка заполнена связками оружия. «Что тут за оружие?» — спрашивает он. «Такое же, как и во всех остальных кибитках», — отвечает юнец.

Кешик начинает гадать, в чем тут дело. Он завязывает разговоры с другими воинами и мало-помалу складывает общую картину. Эти люди «замышляют измену, обман, вероломство и раздор», собираясь напасть на Мункэ, покуда все пируют. Найдя свою верблюдицу, он покрывает за день трехдневный путь, врывается к новому хану и выкладывает новость. Общество ошеломлено, присутствующие ему не верят. Он рассказывает свою повесть вновь, а потом еще раз. Мункэ все еще не воспринимает эту угрозу всерьез. Его офицеры возражают. Наконец сошлись на том, что Менгесер, главный

судья и начальник ханской гвардии, возьмет с собой 3000 воинов и отправится расследовать. Они добираются до той армии, выясняют, что она подчиняется Ширэмуну, и подступают к нему с вопросами. Ширэмун и его офицеры ошеломлены: «Язык оправдания онемел, а нога наступления и отступления охромела, они не видели никакой надежды убраться и ничего хорошего в том, чтобы остаться». Командование препровождается под охраной к Мункэ, группами по девять человек. После трех дней допросов Мункэ приходит к выводу. Вывод этот невероятен, невообразим, не может быть ни услышан ухом разумности, ни принят душою мудрости, но правилен: все они изменники. Следуют аресты, признания и — коль скоро Мункэ преодолел свою природную щедрость и порыв простить — казни. Этого пленника обезглавили, того затоптали до смерти, в то время как другие покончили с собой, всадив себе саблю в живот.

Последовали чистки, докатившиеся даже до Афганистана и Ирака. Среди жертв оказались вдова Гуюка Огуль-Гаймыш, осужденная Мункэ как существо подлей собаки, самая наихудшая ведьма, а также мать Ширэмуну, и в должный срок сам Ширэмун. Кровопускание было ужасным. Сам Менгесер утверждал, что он судил и казнил 77 вожakov оппозиции. Погибли также многие сотни других. Этот мрачный эпизод отметил утверждение режима, более строго преданного мечте-видению Чингиса, и новой идеологии, подкрепляемой официальным поклонением Чингис-хану (рождение культа, продолжающегося по сей день).

Именно так Мункэ пришел к абсолютной власти, и именно так, благодаря Соргахтани и изрядной удаче, ветвь Толуя перехватила власть у ветви Угэдэя — а это означало, что в случае, если с Мункэ стряется какая-то беда, существует шанс перехода власти к Хубилаю.

* * *

Мункэ привнес новую энергию в выполнение возложенного Чингисом на потомков священного долга — добиться вселенского господства. Начал он с вихря реформ и планов дальнейшей экспансии. Эти два направления деятельности сошлись: возобновление завоеваний объединит его разрозненный народ — но только в том случае, если все прекратят тянуть одеяло на себя и начнут трудиться вместе; а для этого требовалось употребить власть на основе точного отчета о доступных средствах. Поэтому будет проведена перепись населения (на самом деле несколько переписей), охватывающая всю империю.

Этот грандиозный проект был проведен в жизнь в 1250-х годах, породив своего рода монгольскую Книгу Страшного Суда¹⁰, исчисляющую людей, города, скот, поля и сырье от тихоокеанского побережья до Балтики. Больше не будет никакого своеволия, никакого использования системы почтовых станций-ямов теми, кто занимает высокие посты, в качестве предмета своекорыстия. Был введен подушный налог (с головы в мусульманских странах¹¹ и с огня в Китае) выплачиваемый наличными, сельскохозяйственный налог, выплачиваемый натурой, и торговый налог со всех видов деловых операций. Перепись также сообщила секретариату Мункэ потенциальные размеры его вооруженных сил и определила во всех регионах число дворов с юношами, пригодными для военной службы.

На этой основе был произведен такой рывок вперед, какого империя никогда раньше не видывала. Мункэ поставил младших братьев и других родственников во главе отдельных кампаний. Хулагу двинулся на запад, глубже в исламский мир. Сам Мункэ и Хубилай занялись окончательным завоеванием китайского юга — империи Сун. Третье наступление, мелкое по сравнению с первыми двумя, имело место в Корее под командованием

---

¹⁰ Так называется результат переписи всего имеющегося в Англии, устроенной Вильгельмом Завоевателем, пожелавшим знать, что же он заполучил, завоевав Остров. (Прим. пер.)

¹¹ Монголы также платили налоги с головы — и более высокие, чем китайцы. (Прим. пер.)

племянника Чингиса Джучи-Хасара. У руля этой экспансии стояла триада братьев — Мункэ, Хулагу и Хубилай — с Мункэ на острие и двумя его братьями в качестве правого и левого крыльев, запада и востока, с задачами, являющимися зеркальным отражением друг друга: распространить власть империи и своей семьи в мире ислама и в Китае.

* * *

В то же время Хубилай, научившийся у матери хорошей заботе о своем китайском владении, нанял мозговой центр из полудюжины китайских советников, большинство которых имело общие религиозные и интеллектуальные воззрения. Это подготовило их к работе с новым сюзереном, которому они предлагали советы, помогающие найти путь среди трех великих религиозных традиций Китая — буддизма, даосизма и конфуцианства, — в надежде вылепить из монгольских вождей хороших китайских правителей. Это был весьма примечательный шаг Хубилая, сделанный через лингвистическую и культурную пропасть. Он не говорил по-китайски, очень немногие китайцы говорили по-монгольски. Все общение шло через переводчиков.

Среди тех советников трое были особенно значительными.

Первым был блестящий буддийский монах Хайюнь, который еще в детстве был настолько умен, что находил конфуцианство слишком простым. По его словам, он читал высказывания Конфуция по вопросу о счастье и печали в семилетнем возрасте — и счел его бесполезным. Поэтому он обратился к буддизму и в девять лет был посвящен в духовный сан. Когда в 1219 году монголы захватили Лянчжоу (современный Увэй в провинции Ганьсу), Хайюнь, которому к тому моменту исполнилось шестнадцать, был обнаружен бродящим со своим наставником среди опустошений и грабежа с полнейшим спокойствием. Полководец спросил их, неужели они не боятся, что воины их убьют? Напротив, спокойно ответил Хайюнь, они полагаются на их защиту. Это произвело впечатление на коменданта северного Китая Мухали, и тот привлек к паре внимание Чингиса, который приказал их одеть, накормить и освободить от налогообложения. Вскоре после этого наставник умер, а ученик отправился на поиски религиозной основы, в ходе которых достиг просветления, выразив снизошедшее откровение в одном из самых загадочных изречений, которые в буддизме рассматриваются как свидетельства мудрости: «Сегодня я впервые понял, что брови тянутся горизонтально, в то время как нос расположен вертикально». Он возвысился, став главой нескольких храмов, был еще больше возвышен Елюй Чуцаем и многое сделал для уменьшения монгольских эксцессов в северном Китае. Однажды, когда один высокопоставленный чиновник спросил у него совета по поводу охоты, Хайюнь резко ответил, что главная задача чиновников — сохранять жизнь, а не играть в игры. Позже, когда монголы обсуждали, не ставить ли китайским подданным клеймо на руке, дабы их можно было опознать, когда они сбегут, Хайюнь снова сделал выговор своим сюзеренам. Люди не скот, сказал он, а кроме того, куда им бежать, если монголы притязают на весь мир? Идея была отвергнута.

Когда Хубилай в 1242 году встретился с Хайюнем в Каракоруме, он спросил у монаха, предлагает ли буддизм способ установить мир во всем мире. Хайюнь ответил, что предлагает, но для этого требуется понимание; Хубилаю следует окружить себя учеными. Но царевичу не терпелось найти кратчайший путь. Он спросил: которое из Трех Учений — буддизм, даосизм или конфуцианство — стоит выше прочих? Хайюнь ответил мудро и искренне: буддизм превыше всех, так как обеспечивает наилучшее руководство для царевича, желающего поддерживать добродетель, облегчать страдания, противиться заблуждениям, принимать добрые советы, избегать расточительства, отличать правильное от неправильного. Ответ произвел на Хубилая впечатление. Когда у него в 1243 году родился второй сын, именно Хайюнь дал ему имя — Чжэнькинъ, «Истинное Золото», или Чинким, как его называли монголы.

Хайюнь познакомил Хубилая с еще одним монахом, Лю Бинчжуном — художником,

каллиграфом, поэтом и математиком, наделенным многими талантами продуктом знаменитой даосской секты Полное Совершенство, патриарха которой Чань-чуня Чингис вызывал к себе из Китая в Афганистан. Позже этот патриарх обратился в буддизм, не утратив интереса к даосизму и конфуцианству. В то время как Хайюнь в конечном итоге вернулся к управлению своим храмом в Пекине, Лю остался в штате Хубилая, посвятив свою жизнь (по словам его биографа Хок-Лам Чана) «идее модификации монгольских учреждений в соответствии с конфуцианскими принципами».

Третий советник, Яо Шу, присоединился к штату Угэдэя в 1235 году, отправленный с войсками в рейд за сунскую границу. В ходе этого рейда он изо всех сил старался умерить монгольскую жестокость. Позже он помог основать в Пекине конфуцианскую академию, но затем, возмущенный монгольской администрацией, на десять лет удалился в сельскую глушь, пока Хубилай в 1251 году не отыскал его и не пригласил в Каракорум. Там он стал учителем маленького, теперь уже восьмилетнего Чинкима, любимца Хубилая и его будущего наследника.

Хубилай также взял на службу лиц иных национальностей, так как очень старался сбалансировать свое прошлое и будущее, местные интересы и имперские, монголов, китайцев и тюрок. К примеру, для советов по части управления у него заведовала китайская команда, по части военных дел он полагался на монголов, а в качестве переводчиков и секретарей — на тюрок. Это была удивительно большая и разнообразная группа — где-то около двух десятков, теневой кабинет, тщательно подобранный на предмет политической сбалансированности, — до такой степени, словно Хубилай готовился управлять чем-то намного большим, нежели собственный улус.

Поэтому он вполне подходил для выполнения более широких задач, когда попросил Мункэ расширить его зону ответственности в северном Китае. Для такой просьбы была веская стратегическая причина — требовалось гарантировать надежное снабжение припасами оккупационных войск. Он положил глаз на богатые сельскохозяйственные угодья вдоль Желтой реки и ее притоков, в современных провинциях Шэньси и Хэнань, приблизительно между древней столицей Чаньань (Сиань) и более новым и недавно завоеванным Кайфыном. Однако Мункэ остерегся дать сразу всю столь большую территорию и предложил Хубилаю выбрать какую-то часть. Китайские советники уведомили Хубилая, что земли ниже по течению подвержены наводнениям и засолению почв, поэтому он выбрал район выше по течению на реке Вэй — кляксу неправильной формы величиной почти с половину Англии, тянущуюся от долины р. Вэй на юг до границы с империей Сун. Его доводы произвели впечатление на Мункэ — «там меньше народу и немалая часть населения вообще не китайцы, управлять ими сложно, но они обладают большим потенциалом», — поэтому он дал ему также часть Хэнаня. По части управления этими областями Хубилай следовал советам покойного Елюй Чуцая, разумной практике своей матери и имперской стратегии Мункэ. Он позволял крестьянам спокойно трудиться, облагал их справедливыми налогами, а также учредил «военные поселения» — колонии, предназначенные для снабжения войск. Это окупилось. Хубилай получил свою точку опоры — китайскую, но тем самым подогрел подозрения традиционалистов из степи в том, что он «окитаивается».

Так оно и было в некотором смысле. Но он не мог позволить себе пойти в этом до конца. Мать советовала ему оставаться в контакте со всеми монгольскими веяниями в их новейшем имперском проявлении. К примеру, западное крыло империи в 1251 году состояло из современного восточного Ирана и Узбекистана. Тридцать лет эти регионы с их городами Великого Шелкового пути лежали в развалинах, в то время как западный ислам и его великая столица Багдад все еще оставались нетронутыми. Соргахтани по собственному почину поддерживала связи с теми районами, финансируя строительство мечетей и медресе, или исламских колледжей, включая медресе в Бухаре на тысячу учащихся — что, как заметили мусульмане, было весьма примечательным поступком для ханши-христианки.

В начале 1252 года Соргахтани, которой уже перевалило за семьдесят, умерла. Ее

похоронили далеко на западе в провинции Ганьсу, в Чжаньэ — древнем гарнизонном городке, охранявшем Великий шелковый путь и потому служившим стоянкой на пути направляющихся на восток несторианских миссионеров. Должно быть, у Соргахтани были какие-то давние и прочные связи с этим городком, так как говорят, что местом ее последнего упокоения стал храм Гигантского Будды, прославленный не только размерами его статуи — 34 метра, — но и тем, что статуя эта не стоячая и не сидячая, а лежачая.

Когда я побывал там в 2005 году, статую реставрировали, отскребая с нее тысячелетнюю грязь. Один, в полумраке, сам не зная, чего ищу, я обошел массив строительных лесов, думая, что они скрывают декорированную стену. И понял свою ошибку, только подняв взгляд и увидев исчезающую в царящей надо мной темноте огромную блаженную улыбку.

Ни малейшего намека на что-либо христианское. Я начал гадать, не имею ли дело с мифом, и обратился к директору музея, У Чжэнь Кэ, у которого выдалось «окно» между заседаниями, связанными с реставрацией. Подвижный китаец сорока с лишним лет с короткой стрижкой, он был как раз тем, кого имело смысл спрашивать, поскольку написал книгу об этом храме. Он также оказался энтузиастом — глаза его полыхнули из-за очков без оправы, словно взболтанное шампанское.

— В XIII веке этот храм, возможно, был раз в пять больше. Он содержал в себе элементы, которые были и христианскими, и буддийскими. Нет никаких сомнений в том, что Ве Цзи (он употребил китайское «почтительное имя» Соргахтани, которого я раньше никогда не слышал) была похоронена здесь.

В самом деле, ее связь с этим местечком была такой тесной, что некоторые считают, будто она была беременна Хубилаем, когда впервые прибыла сюда, и он действительно родился в храме.

— Местные жители, из поколения в поколение это утверждали. — У Чжэнь, подписывающий экземпляр своей книги, был слишком осторожным ученым, чтобы поддерживать подобные притязания. — Никаких доказательств у нас нет. Возможно, в один прекрасный день мы раскопаем какие-то исторические реликвии, подтверждающие их слова.

Сегодня никакие ритуалы не связывают этот храм с Соргахтани, но в иных местах она стала культовой фигурой, одной из тех, кого поминают в мавзолее Чингис-хана Эдсен-Хороо («Затвор Повелителя») — храме во Внутренней Монголии, где поклоняются Чингису и его семье.

Должно быть, Соргахтани близилась к закату своих дней в полном спокойствии, зная, что ее великий труд завершен. Ее старший сын сделался ханом, империя вновь объединилась, мечта Чингиса о завоевании мира с каждым годом становилась все ближе к реальности. Прежде чем умереть, она еще услышит донесения о кампании Мункэ по дальнейшему распространению империи на мусульманские земли и узнает, что Хубилай должен продолжить наступление в Китае.

Возможно, учитывая характер своих мальчиков, она догадывалась, что это только начало. Однако она никак не могла предположить, что в один прекрасный день улус унаследует Хубилай.

Глава 2

ПЕРВАЯ ВОЙНА С ТЕРРОРИСТАМИ

Здесь описаны обстоятельства, которые могут показаться нам удивительно знакомыми. Лидеру великой державы нужно объединить свой народ после вызвавших рознь выборов, и он составляет военные планы. Внезапно, по странному стечению обстоятельств, некая фанатичная секта мусульман, имеющая большой послужной список по части жесткого насилия, совершает коварное нападение. Потрясенный случившимся, обрушивает на террористов превосходящие силы.

Нет, речь идет не об 11 сентября 2001 года; впервые это произошло в 1250-х годах,

когда Мункэ, недавно утвердившийся на престоле монгольский хан, прослышал, что ассасины отправили за его головой отряд замаскированных убийц — то ли 40, то ли 400 головорезов, в разных источниках число варьируется. Это были убийцы совсем особого свойства, всецело посвятившие себя своему делу. Подобно тем кто направил самолеты на башни Всемирного Торгового Центра, они были вполне готовы умереть. Угроза, возмущенная реакция правителей и последствия примечательно схожи, но параллели на этом не кончаются: регион, находящийся в центре конфликта, реальная опасность, представляемая исламскими экстремистами-самоубийцами, неопределенность угрозы, твердая решимость раздвинуть границы империи, сбор огромной армии, коалиция союзников, подавляющее превосходство в силах, вторжение, падение Багдада, большой сопутствующий ущерб и оккупация.

Однако не стоит заводить это сравнение чересчур далеко. Американцы обрушились на Ирак после Афганистана, а монголы пришли через Персию и заявили бы туда в любом случае — во имя исполнения унаследованного от Чингиса предначертания судьбы; монголы завоевали страны Ближнего Востока с жестокостью, намного превосходящей зверства коалиции Буша; монголы собирались оккупировать завоеванные страны на веки вечные, тогда как Америка намерена сменить режим и быстро уйти. Но аналогии тем не менее видны невооруженным глазом — особенно мусульманам, многие из которых видят в американцах «новых монголов». Подобное сравнение напрашивается само собой — наверное, даже излишне напрашивается, если поближе приглядеться к событиям, добавившим новый огромный кусок к империи, которая в конечном итоге достанется младшему брату Мункэ, Хубилаю.

Монголы знали, что им делать, так как уже не раз проделывали подобное тридцатью годами ранее, при Чингис-хане. Армия, готовившаяся к вторжению с лета 1252 года, была весьма грозной и очень хорошо организованной. Возглавляемая братом хана Хулагу, она имела в своем составе самые лучшие осадные орудия, какие мог предложить северный Китай, в том числе тысячу камнеметов с боевыми расчетами — специалистами по обслуживанию этих массивных катапульт, способных метать огромные камни и взрывающиеся «громовые» железные бомбы на сто метров, а то и дальше.¹² Для управления недавно завоеванными землями были назначены наместники и секретари. Вперед войск высылались авангарды, чтобы занять пастбища — места, запретные для всех, кроме монголов и их животных, пока не пройдет армия. Вдоль маршрута похода собирались табуны кобылиц для обеспечения воинов их привычным напитком — перебродившим кобыльим молоком. Войска вторжения должны были идти тем же путем, каким прошел Чингис, но после минувших тридцать лет этому пути требовалось уделить немало внимания. Когда год спустя армия наконец выступила в поход, она выслала вперед бригады для ремонта мостов и устройства паромных переправ, по крайней мере, для предводителей войска и их семей; простые бойцы переправлялись через реки сами — вброд, вплавь и на надутых бурдюках.

Эта масштабная операция отличалась еще большим размахом, чем предпринятая монголами при их первом походе на запад во главе с Чингис-ханом. Во многих книгах, написанных не специалистами, о монгольском наступлении говорится так, словно оно было бурей, смерчем, новой природной силой. Но на самом деле оно было в такой же степени миграцией, как и военным вторжением, переселением народов, сравнимым с теми, которые целое тысячелетие были постоянной чертой Центральной Азии. Вся эта масса должна была находиться на самообеспечении, что было возможно, поскольку путь на запад лежал через огромные пастбищные земли, образующие для кочевников неправильной формы коридор между Манчжурией и венгерской равниной. Как указал Джон Массон Смит: «Далекие

---

¹² Почти наверняка это были взводимые мускульной силой «натяжные требушеты», а не требушеты с противовесами, которые монголы вскоре приобретут у мусульманских механиков — с интересными последствиями, рассмотренными в главе 8. (Прим. авт.)

походы монголов и необыкновенная протяженность их империи в немалой степени были продуктом этого великого логистического благоприятствования». ¹³

Согласно Рашид ад-Дину, данное войско возглавляли пятнадцать командиров-темников, каждый из которых вел свою тьму (тумен); а так как в тумене теоретически насчитывалось 10 000 сабель, хотя на практике обычно бывало намного меньше, то в целом получается что-то около 100–150 тысяч воинов; вероятно, ближе к ста тысячам. И это было только началом. Каждый воин, как обычно, вел в поводу по меньшей мере пять лошадей, а иногда и больше, для обеспечения себя запасным средством передвижения и пропитанием — 120 кг мяса забитой лошади могли накормить 100 голодных солдат. Но данное предприятие отличалось тем, что воины везли с собой семьи, а каждая семья гнала в среднем 30 овец. Это был переселяющийся народ, оккупанты и колонисты: приблизительно, 150 000 человек, с 300 000 лошадей и 1,8 миллиона овец, широко рассеянных во избежание истощения пастбищ. Лошади обычно передвигались утром, паслись после полудня и отдыхали ночью. Путешествовать быстро можно было лишь одним способом — разместив на всем протяжении пути заранее подготовленных свежих лошадей. Именно так работали ямы почтовой службы в оккупированных странах. Но этого нельзя было добиться в ходе самого завоевания и оккупации. Войско Хулагу будет двигаться на запад целый год, делая всего по несколько километров в день; не очень похожее на бурю и смерч — скорее на поток, частицы которого потекут туда, куда потребуют нужды завоевания и оккупации.

Режущей кромкой этой силы была, конечно же, кавалерия. Именно кони обеспечивали монголам их превосходство, и не из-за своей силы или выносливости, а из-за скорости, сообщаемой постоянным притоком новых лошадей. Конные войска могли обойти противника с флангов, догнать его, сбежать от него, промчаться галопом вблизи, расстреливая в упор из луков, уклоняться от атак и дожимать отступающего врага до тех пор, пока не загонят его до смерти, как шакалы буйвола.

Однако все это возможно лишь в случае, если у такой конницы достаточно хороших пастбищ и воды. В степях, раскинувшихся на сотни километров, проблем не возникает — по едва войско достигнет края степи, это станет очень большим «если». Средней монгольской лошади требуется около 14 кг травы в день, для чего ее надо пасти примерно 10,5 часов, независимо от того, едут на ней или нет. А теперь умножьте эту цифру на 300 000. Орда численностью в 250 000 человек вместе со своими лошадьми и овцами должна покрывать по 7000 гектаров в день — это 70 квадратных километров, и каждый день — новые 70 квадратных километров. Эта движущаяся орда из лошадей, кибиток и овец будет иметь фронт по меньшей мере в 8 км в поперечнике. Вдобавок потребности такой орды в воде составляют свыше миллиона галлонов ¹⁴ в день. Ими легко обеспечивает большая река в половодье — но вне степной зоны, особенно при палящем зное ближневосточного лета, пастбища пересыхают, а реки мелеют.

Монголам предстояло сделать открытие, что их длинным рукам положен довольно четкий экологический предел.

* * *

Был ли заговор с целью убийства Мункэ реальным, или нет — вопрос открытый. Подобно всем крупным религиям, ислам сеял ответвления, словно зубы дракона, и каждое претендовало, что только оно одно истинно наследует Пророку. Все они, конечно же, ссылались на Коран. Уже через два десятка лет после смерти Мухаммеда ислам омрачили

---

¹³ Джон Массон Смит, «Айн-Джалуд: успех мамелюков или неудача монголов?» [John Masson Smith, «Ayn Jalut: Mamluk Success or Mongol Failure?»] (Прим. авт.)

¹⁴ То есть порядка 4 тысяч тонн. (Прим. ред.)

доктринальные споры, политический конфликт и убийства. Одной из их жертв стал двоюродный брат и зять Мухаммеда — Али, муж дочери пророка Фатимы. Из этих начал VII века произросли страшные осложнения — взаимная вражда династий, народов, регионов и сект на протяжении 500 лет, через которые нам теперь надо проделать извилистый путь, отслеживая происхождение асасинов.

В изначальные времена ислама соперничающие вожди создали второй священный текст — Сунну, собрание деяний и изречений как Пророка, так и его преемников, в том числе, не доведшихся ему родственниками. Потом суннитам (приверженцам Сунны) противопоставили себя шииты, Ши'ат Али (партия Али), утверждавшие, что политическая власть проистекает только от Али, из потомков которого выдвинется божественно назначенный имам (духовный вождь) в качестве Махди («ведомого»). А поскольку никакого явного Махди вокруг не наблюдалось, шииты стали верить, что он «сокрыт Аллахом». Представление о «скрытом имаме» стало центральным догматом шиизма, который вдохновлял как многочисленных претендентов на эту роль, так и несколько весьма своеобразных сект. К примеру, в VIII веке от шиитов ответвились исмаилиты, которые утверждали, что Исмаил, лишенный наследства сын шестого имама, воплощает собой истинную линию преемников власти, идущей от Мухаммеда. Исмаил умер молодым, после чего его последователи стали утверждать, что ему наследовали «скрытые имамы». Это утверждение превратилось в кредо династии, притязающей на происхождение от Фатимы — жены Али и дочери Мухаммеда. Фатимиды, сделавшие своей верой исмаилизм, создали государство в северной Африке, а потом захватили Египет, планируя использовать его в качестве базы для антихалифата, который захватит весь исламский мир. Когда же этого так и не произошло, власть Фатимидов стала клониться к упадку. Однако исмаилитские миссионеры проповедовали свои тайные мистические учения так же активно, как и прежде. Секта настойчиво взывала к бедным и угнетенным. Одно из ее ответвлений сделалось особенно знаменито своей жестокостью по отношению к ортодоксальным мусульманам и утвердившимся династиям.

Следующее преобразование исмаилитов произошло под воздействием турок-сельджуков, которые примерно в 1000 году хлынули в исламский мир из сердца Азии. Когда турки под предводительством своих сельджукских правителей устремились на запад с исторической родины — территории, входящей теперь в Узбекистан и Иран, — они приняли ортодоксальную суннитскую разновидность ислама и обрушились на шиитов, в том числе на исмаилитов, которые в ответ создали сеть подпольных ячеек.

Во второй половине XI века в Рее (нынешнем Тегеране) проживал человек по имени Хасан ас-Саббах. Этот Хасан (потом будет еще несколько других, не связанных с ним Хасанов) водил дружбу с высокопоставленными людьми, в том числе с поэтом Омаром Хайямом. Он встретил одного из исмаилитских проповедников, обратился, поссорился с властями в лице тегеранского визиря Низама аль-Мулька и бежал в Египет. Там он обнаружил, что сейчас фатимидские (исмаилитские) правители Египта представляют собой лишь тень прежних, и решил начать собственную войну за исмаилизм и его фатимидского имама в самом сердце территории сельджуков. Он и его последователи присмотрели идеальную базу: грозный замок Аламут на вершине почти 2000-метровой скалы в горах Эльбурс к югу от Каспийского моря. К несчастью, он был уже занят.

Хасан заполучил Аламут, обратив в свою веру часть его гарнизона, а затем проскользнув переодетым в крепость, где продолжил пропаганду. Когда его раскрыли, было уже поздно — и гарнизон, и замок принадлежали ему. Владелец получил предложение, от которого не смог отказаться — выселение плюс чек на 3000 золотых динаров (около 75 000 долларов). К его огромному удивлению, по этому чеку ему честь по чести выдал деньги местный банкир, один из обращенных Хасаном.

Вот против чего предстояло выступить монголам. Аламут был крепостью внутри природной крепости, идеальным сердцем замышляемого Хасаном исмаилитского государства. Название его, как утверждает традиция, происходит от местного выражения,

означающего «орлиное гнездо» — удачное название, если это правда, поскольку замок располагался на пике, возвышающемся на сотни футов над единственной тропой, ведущей в крепость. А на тропу можно было попасть только с одного из концов узкого ущелья, по которому протекала река Аламут. Скала, по словам Джувейни, «похожа на опустившегося на колени одногорбого верблюда с покоящейся на земле шеей», а сам замок высится на ней, точно груз на верблюжьей горбу. За его оштукатуренными стенами и покрытыми свинцом парапетами скрываются складские подвалы, высеченные в материковой скале. Трубопровод подавал воду из ручья в «подобные океану водосборники», которые и сегодня еще собирают дождевую воду. Замок был примерно в 140 метров длиной и 10–40 шириной, выходящий на отвесные склоны, крутые тропы и охраняемые нижними оборонительными сооружениями лестницы и ни малейшего укрытия для штурмующих войск.

В 1930-е годы писательница и путешественница Фрейя Старк отправилась туда верхом на муле. Пустившись в путь в Казвине, она и ее проводники приблизились к горам, преодолев свыше тридцати километров по знойной равнине, а затем по покрытым сланцевой глиной склонам. Пройдя перевал, она увидела ведущую в горы Эльбурс долину реки Аламут. «Превышающий все, вознесенный, словно алтарь, с поднимающимися к нему сквозь снега черными грядками, Тахт-и-Сулейман, Трон Соломона, и впрямь походил на трон в большом круге своих меньших собратьев. Его белый покров сиял вдали, выходя накрахмаленным и отутюженным из-за тающих снегов». В деревне из глинобитных лачуг хозяин дома, в котором она остановилась на ночлег, говорил с сыновьями о снежной зиме, «когда волки сбиваются в стаи, чтобы драться с деревенскими собаками; о медведях, лисах и охоте; о горных речках, которые по весне набухают водой и смывают драгоценную землю маленьких полей». Вверх по течению реки узкая тропа шла, петляя вдоль стены каньона, через два оазиса с серолиственными деревьями и лозой, злаками и ореховыми деревьями. А севернее в широкой долине стояла сама Скала, подобно кораблю, повернутому бортом.

Огромная Скала выглядит мрачным местом. За ней вздымаются покрытые сланцевой глиной склоны горы Хаудеган (около 15 000 футов) с гранитными обрывами над ними. К востоку и западу от скалы, далеко внизу, протекают две речушки, сливаясь в реку Касир-Руд; они прогрызают себе путь сквозь шероховатые и голые русла. Не видно никакой зелени, пока за перемычкой, соединяющей замок с этим безрадостным фоном, не поднимешься под его восточную сторону, не поравняешься со старой лестницей со стершимися ступеньками и не глянешь с южной стороны на находящиеся почти тысячей футов ниже поля и деревья Касир-Хана, на пологие склоны южного берега и за реку Аламут, на ледники Эльбурса.

Дальше Аламут был расщелиной в огромной пропасти, единственный подход к которой ведет через леса Мазандерана, через находящийся на высоте в 3500 метров перевал Тундерхан. Это было идеальное убежище для тайного сообщества.

Отсюда Хасан, первый из семи повелителей Аламута, решил насаждать свое личное видение исмаилизма. Он был грозным вождем, уверенным в себе, ученым, аскетичным, суровым, деспотичным и предельно безжалостным — он казнил двух своих сыновей, одного за распитие вина, другого за предположительный замысел убийства исмаилитского миссионера. Это были отчаянные времена, когда ислам разлагали ереси, и на взгляд Хасана все средства представлялись оправданными в борьбе за его дело, которое вскоре приобрело политическую режущую кромку. В 1094 году в далеком Египте один из военачальников местной армии сверг наследника Фатимидов Низара, распорядился убить его в тюрьме и посадил на трон собственную марионетку. Хасан же считал, что наследники Низара должны произвести на свет Махди, который волшебным образом появится и спасет ислам от нечистоты и турецких захватчиков. Тот факт, что Низар не оставил никакого объявленного наследника, он счел лишь временной трудностью, ибо эта ветвь «скрыта» и в должный срок проявится. А пока Хасан нарек себя помощником и поборником Низара. Его последователи официально назывались низаритами, ответвлением исмаилито-шиито-мусульман, сектой внутри секты в ветви ислама. Эта «новая проповедь», как назвал ее Хасан, была в значительной степени рассчитана на сельских жителей, которые, подобно нынешним

самоубийцам с поясами шахидов, отчаянно желали спастись от войны, нищеты и неуверенности в завтрашнем дне, посвятив себя делу, требующему абсолютного и бездумного повиновения. И вскоре мир узнал юных фанатиков Хасана как асасинов.

Название это озадачивает. Европейское слово «асассин», означающее, несмотря на различное написание, одно — «убийца», происходит от арабского слова «хашишин», корень которого — «хашиш» или «гашиш» — тоже вошел во многие европейские языки для обозначения старой доброй индийской конопли, *cannabis sativa*. Некоторые люди называли низаритов «хашишийя» (или персидским аналогом этого слова) — «курильщики гашиша», — и именно этот термин подхватили в XII веке крестоносцы, когда прослышали о них в Сирии. Поэтому все автоматически полагают, что гашиш являлся для этих убийц тайным избранным наркотиком, позволяющим расслабиться перед тем, как пойти заколоть какого-нибудь высокопоставленного деятеля и с высокой вероятностью повстречать собственную смерть. Это представление было подкреплено в первом серьезном исследовании асасинов, написанном профессором арабистики Парижской школы восточных языков, а после преподавателем персидского языка в Коллеж де Франс, бароном Антуаном Сильвестром де Саси. Вследствие этого подобный взгляд стал общим местом. Однако дело обстояло совсем не так. Гашиш был широко известен и отнюдь не являлся тайной низаритов; ни один низаритский источник не упоминает о нем. Вероятнее всего, это слово служило оскорблением, адресованным презираемой и вызывающей страх группе — точно так же, как сейчас самоубийцы с поясами шахидов могут назвать «психами» или «обкуренными» — просто в качестве унижающего обозначения, из-за поведения, которое со стороны выглядит пугающим и иррациональным.

В руки Хасана попали и другие горные замки — Гирдкух, господствующий над главной дорогой из Хорасана, Шадиз на юге близ Исфохана, Ламасар и Табас близ нынешней ирано-афганской границы. Эти твердыни вместе с несколькими десятками других дали Хасану неприступную стартовую площадку, с которой он мог запустить свою страшную машину убийств. Сам же он никогда не покидал Аламута, где 35 лет инструктировал, вдохновлял и организовывал последователей, повиновение которых простиралось вплоть до могилы. Подобно тем, кто в наши дни вступает в «Аль-Каиду», они приветствовали смерть как мученичество, уверенные, что будут вознаграждены загробной жизнью в раю.

Позже применяемая Хасаном техника убеждения стала основой легенды, которая достигла ушей Марко Поло, когда через 20 лет после исчезновения асасинов тот проезжал через Ближний восток в Китай к своей славе наиболее яркого источника сведений о Хубилае и его дворе. В его версии голая долина Аламута преобразилась в самый прекрасный сад, какой когда-либо видел свет, заполненный позолоченными павильонами и раскрашенными дворцами, где по трубам текли мед, вино, молоко и вода, а прекрасные девушки играли и пели. Это и в самом деле был рай, каким он представлен в Коране. Здесь имам держал группу крепких подростков, из которых и готовил асасинов. Он якобы одурманивал их наркотиком, выносил в сад, а когда те приходили в себя, их там всячески ублажали. «Жены и девы во весь день с ним: играют, поют, забавляют его, всякое его желание исполняют; все, что захочет, у него есть». Еще одна доза вызывающего сон наркотика — и юноши снова оказывались в реальном мире, лишённые испытанных удовольствий и готовые сделать все, что угодно, лишь бы вновь обрести радости рая. «Иди и убей того-то и того-то, — говорил им имам, — и когда вернешься, мои ангелы снова перенесут тебя в Рай. А если погибнешь, я пришлю ангелов унести тебя в Рай навсегда».

Тем не менее там не было никакого сада и никакого наркотика — Хасан не нуждался ни в том, ни в другом. Его первой жертвой стал визирь Низам аль-Мульк, от которого Хасан сбежал много лет назад, а затем и двое его сыновей. Тем же путем последовали десятки других: муфтий Исфохана (убитый в мечети), кади Нишапура, наместник Байхака, глава антиисмаилитской секты, и другие; в почетном списке асасинов числятся в качестве жертв 50 важных должностных лиц. Регион корчился в агонии гражданской войны, и исмаилизм с его обещанием исламского возрождения находил массу сторонников. Военачальники и

офицеры выходили из дому только в сопровождении вооруженной охраны и носили под одеждой доспехи. Террор порождал контртеррор, официальные преследования исмаилитов, дотоле умеренные сменились обвинениями наобум, облавами, заточениями и смертями в тюрьмах. Однако ничто не действовало.

«Что ж, вы убили меня, — сказал один из видных исмаилитов своим тюремщикам. — Но сможете ли вы убить тех, в замках?»

Это был хороший довод. Некоторые замки пали, но Аламут даже после восьмилетней осады остался неприступным. Результатом стал компромисс, организация отношения по типу «живи и давай жить другим» со случающимися порой убийствами — здесь наместника, там правителя города, а в 1131 году и самого халифа в Багдаде — и столь же периодическими безуспешными репрессиями. Так все и продолжалось после смерти Хасана в 1124 году — мало-помалу асасины приобрели больше, чем утратили прежде.

Дальнейший элемент преобразовательского рвения привнес еще один Хасан, что и ввергло асасинов в великий мрак. В 1164 году, во время поста в месяц рамадан он собрал своих последователей и обратился к ним, поставив свою кафедру так, чтобы никто из слушателей не был обращен лицом в сторону Мекки. Время пришло, объявил он, — Скрытый Имам говорил с ним и назвал его, Хасана, своим представителем. Отныне существуют только его законы — «имам освободил вас от бремени шариата и привел к Воскрешению». Закон больше не нужен, так как низариты будут общаться непосредственно с Аллахом через Хасана, который по духу сам имам и истинный потомок Низара, и первый его приказ — нарушить священный пост, присоединившись к нему за пиршеством с музыкой и вином.

Хасан недолго наслаждался своим новым статусом — через два года он был заколот своим более ортодоксальным родственником. Но доктрина Воскрешения с этим Хасаном в качестве мессианского лидера стала частью асассинских верований.

Правда, это новшество не следовало открывать миру: оно оставалось исмаилитским секретом, защищенным постулатом, что дозволено все — даже отступление от принципов, — если это сохраняет ядро исмаилитских верований. Следовательно, вполне допустимо прикидываться человеком более ортодоксальных религиозных взглядов, если это помогает выжить. Любого рода внешние законы, даже исмаилитские, суть всего лишь «временная оболочка», под которой лежит скрытая истина. По сравнению с этой внутренней истиной не имели значения ни шариат, ни вообще вся нравственность в том смысле, в каком ее понимал внешний мир, ибо в ней заключалась кияма — Воскрешение. Наверное, именно этой двуличностью можно объяснить внезапное, пусть и кратковременное, изменение, озвученное в 1210 году тогдашним имамом Джелал ад-Дином. Поразив своих последователей и весь исламский мир, он объявил, что пришло время возвращения в традиционный ислам. Он так убедительно обратился ко всем другим исламским лидерам, что те поверили ему. Лишь его смерть позволила остальным членам секты вернуться к убийствам и разбою.

Однако секта асасинов характеризуется не только двуличностью и насилием. В конце концов, они утверждали, что их вера и есть правдивая воля Аллаха. А правде никогда не помешает дополнительная помощь в виде разума и науки; потому, как это ни удивительно, исмаилитские имамы любили не только эзотерические знания, но и объективные. Они построили знаменитую библиотеку и принимали ученых с распростертыми объятиями. Одним из них был знаменитый астроном и теолог Насир ад-Дин Туси, который много лет жил в Аламуте.

Они все еще обитали там, время от времени убивая кого-нибудь, когда в 1219 году монголы напали на их нового восточного соседа, султанат Хорезм, выскочка-шах которого изгнал в 1194 году сельджуков. В катаклизме 1219–1222 годов погибло свыше миллиона жителей Средней Азии, были уничтожены великие города, а государство рассыпалось на обломки. Обычно великая смута благоприятствовала асасинам — можно было захватить под шумок новые замки и обратить неофитов в свою веру видениями исламского

возрождения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Мункэ опасался за свою жизнь и сделал асасинов первой мишенью, когда решил раздвинуть границы империи на запад под предводительством Хулагу.

Это был вызов, который требовал энергичного руководства. Но у асасинов не было ничего подобного. Занимавший должность имама Ала ад-Дин, которому было только тридцать с небольшим лет, сошел с ума от изоляции, спиртного и некритического повиновения окружающих. Все знали, что его любовница была женой красивого юноши по имени Хасан (еще одного!), который попал в плен к монголам во время их первого вторжения, сбежал, присоединился к асасинам и стал своего рода комнатной собачкой при психически неустойчивом Ала ад-Дине, пребывая то в фаворе, то в немилости. Хасану приходилось одеваться в лохмотья, как его эксцентричный хозяин, который кулаком выбил ему почти все зубы и отрезал часть от «орудия его мужественности». И в довершение всего, «развлекаясь с женой Хасана, Ала ад-Дин не избегал и Хасана». Щербатый, с наполовину отрезанным пенисом, содомизируемый рогоносец — у этого Хасана хватало причин негодовать на своего хозяина, как и у многих других, в том числе собственного сына Ала ад-Дина, Руки ад-Дина, юнца, которому еще не исполнилось и двадцати. «В своем сумасшествии и меланхолическом безумии, — писал Джувейни, — [Ала ад-Дин] постоянно мучил и донимал [мальчика] без всякой причины». Его заставляли оставаться в женских покоях рядом с покоями отца, откуда он сбегал побродить по замку только в отсутствие имама. До ужаса боясь пьяных безумств отца, он пришел к убеждению, что единственный способ выжить — это поднять мятеж, захватить свое наследство и подчиниться монголам. Замок мог бы продержаться много лет, задержав наступление монголов, и, наверное, даже сохранить независимость на всем протяжении их оккупации — но только не при такой никуда не годной паре на самом верху.

В ноябре 1255 года юный Рукн ад-Дин активно планировал свое выступление, когда вождь асасинов отправился в близлежащую долину, очевидно, проверить отару овец. В последнюю ночь месяца кто-то посторонний напал на него и двух его спящих слуг. Его нашли на следующее утро, «голова у него была отрублена ударом топора». Один слуга был настолько тяжело ранен, что умер, другой же выздоровел, но не смог пролить свет на личность убийцы. Некоторые поговаривали, что это сделал сам Рукн, однако тот валялся в постели с горячкой. Значит, это должен быть Хасан. В самом деле, его жена под нажимом призналась, что ей известно о заговоре. Конечно, Рукн мог в нем участвовать, мало того, с высокой вероятностью участвовал, поскольку сам Хасан, прежде чем его успели допросить, тоже был обезглавлен неким неопознанным лицом с топором, пока стерег овец. Вся его семья была казнена и сожжена — удобно и быстро. Рукн ад-Дин стал новым и в равной степени неадекватным лидером.

Теперь он был волен договариваться о выживании. Он переехал в другой замок, Маймундиз, и отправил гонцов в местную штаб-квартиру монголов в Хамадане — сообщить, что готов покориться. Оттуда пришел ответ, что вскоре ожидается прибытие Хулагу и покорность следует изъяснить ему. Рукн начал тянуть время. Прошло пять месяцев. В мае 1256 года он отправил брата к Хулагу, находившемуся теперь в пяти днях пути, в Дамарванде. Хулагу ответил, что Рукну требуется всего лишь уничтожить свои замки и приехать лично. Рукн снова стал влиять, умоляя дать ему еще немного времени, даже произвел несколько символических разрушений, но главные замки оставил нетронутыми. В доказательство своих добрых намерений новоявленный имам прислал в заложники шестилетнего сына. Но когда выяснилось, что этот заложник — внебрачный сын Рукна от курдской служанки, Хулагу отправил мальчика обратно, как не имеющего никакого значения.

Уже наступил ноябрь; Рукн увиливал почти год, и монголы подступили к нему вплотную. Астроном Туси сказал, что звезды не одобряют сопротивления, лучше сдаться — что Рукн в конце концов и сделал. Хулагу поступил как надлежало: принял его со всем положенным имаму почетом и роздал подарки Рукна монгольским воинам. Рукн пробыл с

Хулагу достаточно долго, чтобы положить глаз на монгольскую девушку, и ему позволили пополнить ею свой гарем. Он также до крайности увлекся боями верблюдов, и в ответ на это Хулагу подарил ему 100 верблюдиц. Очевидно, чувствуя себя в полной безопасности в качестве гостя Хулагу, Рукн не проявил должной радости при этой милости — верблюдицы-то не дерутся! «Как я могу ждать, пока они дадут потомство?» — жаловался он. Однако Хулагу пока был вполне расположен проявлять великодушие, поскольку хорошее обращение с этим имамом могло избавить монголов от хлопот, связанных с необходимостью штурмовать один замок за другим.

И это сработало: большинство замков открыли ворота перед завоевателями. Лишь Аламут, Ламасар и Гирдкух не сдались. Два последних продержались еще не один год — веское доказательство, что эти замки и в самом деле были неприступными, если твердо решали сопротивляться. Что касается Аламута, то прибытие в ноябре 1256 года монгольского войска вкупе с капитуляцией Рукна через месяц убедили его коменданта передумать. Обитатели вышли, и монголы сожгли крепость. Пропало бы и все хранившееся в ней, если бы Джувеини, уже служивший монголам, не предложил проверить библиотеку, из которой он изыал Кораны, астрономические инструменты и коллекцию исторических сочинений. Он заметил, что замок был в очень хорошем состоянии и смог бы продержаться почти бесконечно долго.

Примерно 12 000 человек, принадлежащих к элите низаритов, были убиты. Сам же Рукн ад-Дин оказался в роли мавра, который сделал свое дело и в конечном итоге тоже будет отправлен на тот свет, так как асасины либо сопротивлялись, либо медлили капитулировать. Тем не менее Хулагу терпел Рукна еще некоторое время, осознавая, что казнь добровольно сдавшегося вождя будет не слишком хорошим посланием, отправленным другим потенциальным вассалам. Однако Рукн сам подписал себе смертный приговор, потребовав, чтобы ему позволили предстать перед Мункэ в Каракоруме. Хулагу это вполне устраивало: таким образом юный имам будет убран с дороги. Поэтому Рукн отправился через всю Среднюю Азию ко двору Мункэ, где через несколько месяцев его ждал весьма холодный прием. «Отправляйся домой и уничтожь свои замки», — приказал ему Мункэ. Но по пути домой, около горного хребта Хангай, сопровождающие монголы, отведя и Рукна, и его свиту в сторону, предали его спутников мечу, а его — в конце концов, он все еще был вождем — забили ногами, оказав ему таким образом подобающую вождю честь: смерть без пролития крови.

* * *

В сущности это стало концом асасинов, хотя отделение в Сирии протянуло еще какое-то время, пока не было раздавлено в 1273 году египетскими мамелюками. Концом асасинов, но не низаритов, позднейшая история которых почти столь же странна, как и их происхождение.

Как персидская, так и сирийская группы раскололись, следуя за разными претендентами на власть. Линия сирийских имамов пресеклась примерно в 1800 году. Персидская же линия уцелела до наших дней. В середине XIX века тогдашний низаритский имам был назначен наместником Кума с новым титулом Ага-хан, который отныне стал наследственным. После того, как его лишили второго наместничества (Кермана) и он оказался замешан в восстании, Ага-хан увел свои войска и семью в Афганистан и сделался союзником англичан в Индии. Вполне вероятно, что англичане поощряли его с целью дестабилизировать ситуацию в Персии — это было частью «Большой игры», англо-русских интриг в Средней Азии. Как раз в этот момент англичане вынуждены были оставить Кабула после катастрофического поражения 1842 года. В конце концов в 1848 году Ага-хан поселился в Бомбее под защитой англичан. Там «Его высочество», как его титуловали англичане, и оставался последующие 30 лет, вновь создавая свое богатство и разводя скаковых лошадей.

Нынешний имам, его высочество Ага-хан IV, получивший образование в Гарварде, оказывает помощь своей разбросанной по разным странам общине в несколько миллионов низаритов через Фонд Ага-хана в Швейцарии и свою штаб-квартиру около Парижа, заведует университетом Ага-хана в Пакистане, примерно тремя сотнями других школ и колледжей и сетью из двухсот программ и учреждений в области здравоохранения, включая шесть больниц. Его связь с Англией остается прочной. Первой женой имама была леди Джеймс Крайтон-Стюарт, в девичестве Сара Кроккер-Пул, до брака — известная манекенщица; самая большая община низаритов, примерно 10 000 членов, проживает в Лондоне.

Из всех последствий нападения монголов на исламский мир это, должно быть, наиболее поразительное. В 1254 году Мункэ, напуганный слухом о стае охотящихся на него асасинов, начинает кампанию с целью уничтожить их. Кампания завершается успехом. Асасины исчезают. Но исчезая, они перерождаются, и их имам в конечном итоге извлекает добро из зла, становясь истинным отцом возрожденного народа.

* * *

Для монголов же это была лишь половина решения задачи. Теперь они могли переключить свое внимание на остаток этой части исламского мира — Аббасидский халифат и его центр, Багдад, с которым у них имелось одно незаконченное дело, поскольку они в 1238 году попытались взять его и потерпели неудачу.

В некотором смысле стоящая перед Хулагу цель не представляла трудности. Аббасидский халифат уже давно израсходовал все свои силы, разделившись внутри себя на бесчисленные секты — низаритов, друзов, карматов, тахтаджиев, зайдитов, суфиев. Турки резались с персами, те и другие резали арабов. Сирийцы все еще негодовали из-за завоевания их страны Аббасидами 500 лет назад и жаждали найти мессию, который освободит их. На востоке подвластные Хорезму города Великого шелкового пути — Бухара, Самарканд, Ургенч, Мерв — лежали в развалинах после монгольского нашествия 1219–1222 годов. В центре царствующая династия Аббасидов выродилась от излишеств, как некогда Римская империя. Как говорит Филип Хитти в своей «Истории арабов», «Больной уже лежал на смертном одре, когда двери внезапно распахнулись под напором грабителей».

В сентябре 1257 года, наступая от гор Эльбурс на лежащий в 400 км от них Багдад, Хулагу отправил халифу послание, повелев ему капитулировать и в знак своих честных намерений снести внешние городские стены. «Халиф аль-Мустасим, должно быть, знает о судьбе, уготованной миру Чингис-ханом, — писал Хулагу. — Какое унижение, но милости Вечного Неба, постигло династии хорезмшахов, сельджуков, царей Дейлема [региона, где гнездились асасины]... И все же ворота Багдада никогда не закрывались перед любым из этих народов. Как же можно тогда отказываться впустить нас, обладающих такой силой и таким могуществом?»

Халиф, бесцветный тип, предшественники которого были не более чем марионетками, пляшущими, когда их дергают за ниточки сельджукские хозяева, мог надеяться лишь на то, что эта угроза минует, как миновала сельджукская. В конце концов, он был духовным главой всего ислама; несомненно, Аллах на его стороне. «О юноша, — имел глупость похвастать и пригрозить он, — ужель ты не ведаешь, что от Востока до Магриба все поклоняющиеся Аллаху, будь то цари или нищие, суть рабы двора моего?» Пустые слова, как оказалось. Из всех «рабов» халифа ни один нищий, не говоря уже о царе, не пришел ему на помощь.

В ноябре монгольская армия, оставив в тылу свои семьи и стада, начала двухмесячное наступление на находящийся в нескольких сотнях километров Багдад. Она шла тремя колоннами. Одна, под командованием Байджу-нойона, ветерана нападения на Багдад в 1238 году, подходила с севера, переправившись через реку Тигр близ Мосула, в 325 км вверх по реке. Второй командовал один из лучших полководцев армии, Китбуга-нойон, который был не монголом, а найманом — членом одного из племен, разбитых Чингисом 50 лет назад. Его группа, самая южная, наступала строго на запад из современного Луристана в Иране, в то

время как в центре выступал сам Хулагу. Спускаясь с иранских нагорий вдоль реки Альванд, Хулагу приказал расчетам катапульта собрать в качестве боеприпасов целые кибитки камней, так как монголы знали, что вокруг Багдада никаких камней нет. Сопrotивления наступающим почти не оказывали. Войска мусульман, стоявшие на равнине близ Бакубы, примерно в 60 км к северо-востоку от Багдада, постигла катастрофа, когда монголы открыли оросительные каналы, выгнали их из затопляемой низменности, а потом двинулись в атаку на вязнувших в грязи пехотинцев, перебив 12 тысяч, когда они попытались бежать от илистых вод. Три колонны встретились у Ктесифона, в 30 км к югу от Багдада на Тигре, нацеливаясь взять более новый восточный район города с дворцом Аббасидов, училищем права и стенами 150-летней давности, а затем занять два моста, переброшенные через реку на понтонах.

К 22 января 1258 года Багдад был окружен. Учитывая, что выше по течению Тигр заблокирован понтонами, а ниже по течению — туменом всадников, бегство стало невозможным; одного сановника, который попытался сбежать с небольшим флотом вниз по реке, вынудил повернуть назад град камней, горячей сырой нефти и стрел, пробивших борта трех его лодок и убивших многих из его свиты. Штурм начался через неделю. Камни, выпущенные из монгольских катапульта, вышибали куски стен, заваливая их подножье щебнем. Желая устроить себе более удобные наблюдательные пункты, монголы под прикрытием лучников собрали эти обломки и построили вышки, на которые подняли катапульти, дабы лучше целиться по зданиям за стенами. Среди постоянного града стрел, вынуждавшего жителей прятаться в укрытия, огромные камни проламывали крыши, а горшки с горячей нефтью поджигали дома. К 3 февраля монгольские войска захватили восточные стены.

А в самом Багдаде панический страх превратил халифа в дрожащее желе. Как язвительно выражается Джувейни, «истина и ошибка оставались сокрыты от него». Он попытался отправить послов договориться о мире. Сперва он прислал своего визиря вместе с городским католикосом, духовным лидером местных христиан, в надежде повлиять на Хулагу через его жену-несторианку — кераитскую принцессу Докуз-хатун, родственницу его матери-несторианки Соргахтани. Докуз-хатун славилась как своей мудростью, так и решительной защитой своей веры, внешним признаком которой являлась возимая ею с собой повсюду юрта-церковь. Хулагу, глядя на свою могущественную, устраивающую браки мать, питал здоровое уважение к жене и ее вере. Поэтому когда она заступилась за багдадских христиан, он прислушался. В посланиях, заброшенных в город стрелами, Хулагу пообещал, что всем кади — ученым и религиозным лидерам, включая несториан, ничего не угрожает, если они прекратят сопротивление.

С просьбой о мире пришло второе посольство, а затем и третье. Хулагу проигнорировал оба. Визирь халифа доложил об отсутствии какой-либо надежды, уведомив своего повелителя, что его «поспешно собранный сброд столь же бесполезен, как подергивания забитого животного». При таких обстоятельствах ему следует капитулировать. «Смириться и унизиться будет разумным». Визирь советовал сдаться, отдать монголам сокровища, так как именно за ними они и явились, а потом договориться о браке, «дабы империя и религия слились, дабы владычество и величие халифата и могущество стали одним целым».

Халиф колебался, а в это время боевой дух в городе стремительно падал. Тысячи людей хлынули из города, надеясь на пощаду, но поскольку никакой официальной капитуляции не объявляли, их всех убили. Оглядев уцелевших, попрятавшихся по норам и щелям, халиф увидел, что у него нет никаких шансов. 10 февраля он во главе свиты из 300 сановников и родственников явился в лагерь Хулагу сдаваться. Хулагу вежливо приветствовал халифа и велел ему приказать всем жителям разоружиться и выйти из города.

Они так и поступили — только для того, чтобы оказаться отправленными в загоны и зарезанными как бараны за непрекращение сопротивления. По свидетельству источников, было перебито 800 000 жителей. Ко всем цифрам следует относиться скептически, но монголы, привычные к массовым казням, были вполне способны на бойню таких масштабов.

Даже если истинная цифра — одна десятая от этого числа, все равно это была резня с размахом, достойным Третьего Рейха. Неудивительно, что мусульмане и сегодня вспоминают о ней как об одном из величайших преступлений против их народа и религии. Через три дня монголы хлынули в пустой город и почти весь его предали огню. Мечети, святилища, гробницы, дома — все сгорело. Однако несториан пощадили, как и обещал Хулагу. В то время как вокруг них полыхал объятый пламенем Багдад, они со своим патриархом нашли убежище в христианской церкви. После патриарх получил в качестве вознаграждения дворец первого советника и, несомненно, присоединился к другим христианам в торжествах по случаю поразительного краха ислама и своего спасения.

Для увенчания победы Хулагу решил поупражняться в унижении повергнутого. Заняв Восьмиугольный дворец халифа, он устроил там пир для своих офицеров и членов семьи, на который пригласил и своего пленника. «Ты хозяин, а мы твои гости, — насмеялся он. — Принеси нам, что у тебя есть подходящего для нас».

Халиф, дрожа от страха, добровольно вызвался отпереть свои сокровищницы и обнаружил, что никто из его уцелевших слуг не может разобраться, какие из ключей к ним подходят. В конце концов, после того, как замки вышибли, служители вынесли 2000 одеяний, 10 000 динаров золотом, чаши, инкрустированные драгоценными камнями, и бесчисленное число самоцветов. Все это Хулагу щедро разделил среди своих командиров, а затем повернулся к халифу: «Что ж, это были сокровища, лежащие на виду. А теперь скажи моим слугам, где твои *зарытые* сокровища».

Зарытые сокровища и впрямь имелись, о чем Хулагу наверняка уже знал: целый бассейн, заполненный золотыми слитками, которые выудили и разделили.

Далее следовал гарем из семисот женщин и тысяча слуг. «Пожалуйста, — взмолился халиф, — только не всех женщин!» Хулагу снова проявляет великодушие и щедрость: халиф может выбрать сотню, которых освободят, остальных же распределяют среди монгольских командиров.

На следующий день все имущество из прочих помещений дворца — собранные за 500 лет царские произведения искусства — сваливают кучами за воротами. Позже часть этой добычи будет отправлена Мункэ в Монголию. Остальное (согласно Рашид ад-Дину) присоединится к добыче из Аламута и других замков асасинов, из Грузии, Армении и Ирана. Вся эта добыча будет отвезена в крепость на острове в соленом озере Орумне (Урмия) в дальнем северо-западном углу Ирана.

Наконец, когда город источал вонь разлагающихся мертвецов, Хулагу приказал провести еще ряд казней — самого халифа и оставшихся членов его свиты. Аль-Мустасим и пятеро других, включая старшего сына халифа, умерли позорной смертью в близлежащей деревне. Через два дня был казнен и второй сын. Пощадили только самого младшего — его женили на монголке, от которой у него родилось двое сыновей. Это было концом династии Аббасидов, и впервые в истории весь исламский мир остался без религиозного главы.

Наступило затишье. Тела похоронили, рынки восстановили, назначили новых чиновников. Три тысячи монголов приступили к задаче отстраивания Багдада, в то время как другие принялись брать под контроль остальную территорию государства Аббасидов. Большинство городов, вроде Аль-Хиллы, открыли ворота. Некоторые не пожелали — с обычными последствиями: к примеру, в Васите, в 15 км к юго-востоку от Багдада, погибло 40 000 жителей (согласно одному источнику, хотя опять-таки к этим цифрам надо относиться с осторожностью — они всегда неточны и обычно преувеличены — вплоть до десятикратного завышения). Соппротивление ничего не меняло. Весь регион от Афганистана до Персидского залива стал принадлежать Хулагу. Грузия и остаток Сельджукского султаната — современная восточная Турция — подчинились. Дальше лежали Сирия и Египет.

* * *

Чтобы закончить эту часть нашего рассказа, мы, прежде чем вернуться к Хубилаю, должны заглянуть еще на несколько лет вперед. Следующей была очередь Сирии — ее побережья с пестрой смесью государств крестоносцев и с арабской династией, правящей лежащими вдали от моря Алеппо и Дамаском. Когда Хулагу двинулся к побережью Средиземного моря, христиане быстро вступили в союз с монгольским завоевателем, рассматривая его антимусульманскую кампанию как продолжение собственных крестовых походов; их армянские единоверцы тоже присоединились к этому союзу. Великодушный, как и прежде, со своими христианскими союзниками, с мусульманами Хулагу был столь же жесток, как всегда. Один мелкий эмир, правивший в Диарбекире (современная юго-восточная Турция), совершил ошибку, распяв христианского священника, путешествующего с монгольской пайцзой (аналогом паспорта). К тому же он оказал сопротивление войскам Хулагу, чем еще больше усугубил свою участь. В качестве прелюдии к походу на запад монголы взяли его твердыню, захватили эмира в плен и предали смерти посредством расчленения на тысячу кусков, срезая с него мясо по частям и засовывая куски ему в рот, а затем отрубили ему голову, которая стала своего рода талисманом, когда кампания развернулась в полную силу.

Армия перевалила через Евфрат и 24 января 1260 года достигла Алеппо. После шестидневной резни эти земли были подарены королю крестоносцев Боэмунду VI. Хама и Хомс капитулировали. Дамаск был покинут султаном, бежавшим в Египет, и Китбуга-нойон лично обезглавил дамаскского градоначальника. Христиане ликовали, звонили колокола, вино лилось рекой, а в одной мечети восстановили христианские богослужения. Казалось, шесть веков мусульманского господства закончились. Затем монголы, пользуясь все это время хорошими пастбищами пограничья Сирии, повернули на юг, к Наблусу, гарнизон которого был истреблен за сопротивление.

Теперь наконец впереди лежал Египет, в котором ныне верховодили бывшие рабы-тюрки — мамелюки («мамелюк» означает «принадлежащий»), которые всего девять лет назад захватили власть, убив одного за другим нескольких султанов. И в этот момент пришли новости о событии в Монголии, изменившим все. В августе 1259 года умер Мункэ (обстоятельство, к которому мы еще вернемся в главе 5). Услышав об этом, Хулагу с большей частью сил вторжения вернулся в Персию, оставив Китбугу-нойона командовать 20 тысячами воинов.

Тогдашний египетский султан Куттуз сделал нечто, кажущееся верхом глупости, но оказавшееся крайне умным. Когда Хулагу отправил к нему послов, требуя капитуляции, Куттуз отрезал им головы. Для монголов убийство послов было актом варварства, исключавшим всякое дальнейшее общение, включая возможность капитуляции. Подобный поступок считался самым тяжким оскорблением. Именно такой поступок хорезмшаха Мухаммеда привел к знаменитому нападению Чингиса на Хорезм в 1219 году. Ничего лучшего для гарантированного вторжения нельзя было придумать. Наверное, это был акт вызова: лучше погибнуть, чем вновь стать рабами!

Но также это могло быть и преднамеренной провокацией, поскольку Куттуз вполне мог знать, что у него появилась возможность разбить монгольские войска, сокращенные уходом Хулагу и колеблющиеся на самой грани возможности к самообеспечению. В мае главные реки Сирии — Кувайк, Оронт (Аси), Барада, Авадж — резко мелеют, а пастбища высыхают. Оставшаяся треть монгольской армии в принципе могла есть и пить только потому, что другие две трети вернулись на восток. Вскоре монголы усвоят фундаментальную истину о ведении кампаний в этих краях, кое-как сформулированную Джоном Массоном Смитом: «Любые войска, которые были достаточно невелики, чтобы сосредоточить их среди адекватных пастбищ и источников воды, были недостаточно велики, чтобы бросить вызов мамелюкам». Выражаясь в современных терминах, у монголов катастрофически не хватало живой силы, танков и горючего для ведения крупных сражений. Более разумный предводитель дважды подумал бы, прежде чем лезть в драку. Но столкнувшись с таким оскорблением и столь откровенным вызовом, монголы не видели перед собой иного выбора,

кроме как драться.

В июле 1260 года войска мамелюков численностью примерно 15–20 тысяч сабель — наверное, все же меньшие, чем силы монголов, хотя точная численность их неизвестна, — выступили из Египта в Палестину, пополнили в Акре¹⁵ запасы фуража и провианта и 3 сентября, во время рамадана, приготовились встретить армию Китбуги-нойона неподалеку от Наблуса. Это была армия совсем иного типа, чем у монголов. Из-за ограниченности пастбищ в Египте у среднего мамелюка был только один конь — зато холеный, более крупный и сильный, чем низкорослые лошадки монголов, родственные лошади Пржевальского. Мамелюки полагались не на скорость, а на вооружение: конечно же, на луки и стрелы, но также на копья, дротики, сабли, топоры, палицы и кинжалы. Они были превосходными лучниками, оружие им изготавливали опытные мастера по выделке луков (монголы свои луки делали сами), а стрелами снабжали в изумительных количествах профессиональные стрелоделы. Джон Массон Смит подсчитал, что в битве при Хаттине, в которой Саладин разбил в 1187 году крестоносцев, было израсходовано 1,3 миллиона стрел. Воинов обучали как скорости стрельбы, так и меткости, при стрельбе со стоящего коня. Везя на себе такую большую тяжесть, в открытой местности, где монголы чувствовали себя как дома, мамелюкские кони нипочем не смогли бы догнать врагов, чтобы позволить пустить в ход оружие — но в перестрелке монголы проиграли бы, как с ними уже однажды случилось в 1221 году в битве при Парване в Афганистане. Вдобавок мамелюкских бойцов отбирали за физическую силу, тогда как монголы были обыкновенными гражданами-воинами, превосходными только до тех пор, пока они могли сами выбирать условия битвы.

Но на этот раз они выбирать не могли. Местечко это называлось Айн-Джалуд, Источник Голиафа — поскольку предполагают, что именно здесь, где долина Изреель заканчивается, упираясь в изгиб бесплодных гор Гилбоа, Давид и выпустил из пращи свой роковой камень. Никакого хорошего отчета о битве не сохранилось, но согласно информации, представляющей наиболее надежной¹⁶, Куттуз прибыл сюда после 50-километрового марша из Акры рано утром 3 сентября. Это место он выбрал из-за его поросших лесом гребней и хороших источников воды. За спиной у него находились горы Гилбоа и восходящее солнце. Согласно одному сообщению, он разбросал войска по ближайшим склонам под деревьями, а остальные расположил у подошвы гор. Чтобы встретить мамелюков, монголы должны были обогнуть горы, идя от Иордана, так как наступали они медленно, производя страшный шум и тем самым сообщая о себе всему свету. Слишком поздно ослепленные солнцем монголы обнаружили, что их обошли. С подтягивающимися из долин по склонам Гилбоа подкреплениями мамелюкская кавалерия, свежая и хорошо вооруженная, сомкнулась вокруг уменьшившихся в числе и ослабевших монголов. Двое перебежавших к монголам мамелюкских вождей вновь переметнулись к своим, еще больше сократив монгольские силы.

Монголы погибли почти все до последнего. Согласно одному отчету, Китбуга-нойон был великолепен до конца, побуждая своих бойцов сражаться, пока не пал его конь, а он сам не попал в плен и не предстал перед Куттузом. Он отказался поклониться, заявив, что горд быть слугой хана. «Я не то, что ты, убийца своего господина!» — таковы были его последние слова, прежде чем ему отрубили голову.

Именно здесь, на современном Западном берегу реки Иордан, у монгольской военной машины наконец иссяк пар. Монгольские войска, в конце концов, не были непобедимы. Они совершат еще несколько нападений на Сирию, но так и не сумеют удержать ее, потому что

---

¹⁵ Характерно, что Акра в то время принадлежала крестоносцам (о чем автор скромно не упоминает) — таким образом, далеко не все христиане на Ближнем Востоке помогали монголам; многие европейские «рыцари веры» делали бизнес на торговле с врагом. (*Прим. пер.*)

¹⁶ Устное донесение Сарима ад-Дина, проанализированное в работе Питера Торо «Битва при Айн-Джалуде: Новое исследование» [Peter Thorau, «The Battle of Ayn Jalut: A Re-examination».] (*Прим. авт.*)

как только они уходили с хороших пастбищ, то разом лишались всякого естественного преимущества. Честолюбивая мечта Чингиса о мире под властью монголов достигла на западе своих пределов. Будущая экспансия найдет себе место на востоке, у Хубилая.

* * *

Разгром монголов в 1260 году вызывает особый резонанс в наши дни. Мусульмане, рассматривающие американцев как «новых монголов», черпают надежду в воспоминаниях об Айн-Джалуде, так как этот пример доказывает им, что даже явно неодолимое нападение на ислам никогда не преуспееет. Цитата из статьи о втором захвате Багдада гласит: «фундаменталисты считают, что у них есть все основания предвидеть победу в этой битве, потому что история Багдада отнюдь не закончилась в 1258 году. Два года спустя египетские мамелюки сумели остановить поток монгольских побед в битве при Айн-Джалуде».¹⁷

Однако история не обладает силой, если нет личностей, готовых и способных применить ее уроки на практике. Нет никаких причин считать, что нехватка горючего ограничит возможности коалиции, возглавляемой США, в той же мере, в какой отсутствие пастбищ ограничило возможности монголов. И тем не менее мусульмане видят тут урок, черпая дальнейшую уверенность даже в последующей столетней оккупации монголами Персии и Ирака. Ибо прежде, чем закончилась их власть, монголы обратились в ислам — и для некоторых это служит доказательством того что, невзирая на любые неудачи, ислам в конечном итоге всегда победит.

Глава 3 ЗАХВАТ ЮННАНИ

В это время Хубилай глядел на юг, в сторону южнокитайской империи Сун, представлявшей собой куда больший вызов монголам, чем мир ислама.

За 300 лет со времени своего основания сунский Китай стал ведущей державой мира. Достигнутое им высокое положение не имело никакого отношения к его географическим размерам. Он почти наполовину сократился, когда в 1125 году чжурчжени из Манчжурии захватили север страны и его 40 миллионов населения, и занимал всего лишь одну пятую площади современного Китая — куда меньше, чем родина Хубилая. Но империя Южная Сун была всем, чем не была Монголия: 70 миллионов населения — вероятно, даже больше, десятки больших городов, теснящихся в сердце древнего Китая и вокруг него, плодородная долина реки, которую китайцы называют Чан, а европейцы — Янцзы. Начиная с границы тибетского нагорья, откуда она вырывается через ущелья с отвесными склонами, эта река была и по сей день остается благословением и проклятьем: ее воды орошают и иногда затопляют плодородные рисовые чеки вдоль русла. Судоходная на протяжении 2700 км, она также являлась главной дорогой страны, в пределах досягаемости от которой стояли шесть самых больших городов Китая. Именно это имели в виду китайцы, когда именовали Китай «Срединным государством» — миром между морем и горами, между северными пустынями и влажным жарким югом, где окаймляющие Янцзы лесистые горы снова переходят в прибрежные равнины, поросшие пышной растительностью. Какой контраст с монголами — народом безлесных степей и бесплодных каменистых равнин, где нет ни одной естественной преграды и ни одной судоходной реки, с численностью населения едва в один процент сунского и лишь с одним собственным городком!

Но одна лишь численность не дает никакого представления о настоящих силах Сунской империи, о ее культурной глубине, экономическом подъеме и политическом единстве.

---

¹⁷ Хусейн Хаккани, «Американские монголы», журнал «Форин Полиси», май-июнь 2003 года [Husain Naqqani, «The American Mongols», Foreign Policy, May-June 2003.] (Прим. авт.)

Империя Сун соединила шесть независимых царств, создав более великое национальное государство, чем все его соседи — тангуты и тибетцы на западе, Наньчжао и два Вьетнама (как сейчас, но с иными названиями) на юге. Да, она утратила северный Китай вместе со своей столицей Кайфын, завоеванный в 1125 году чжурчженями — но Южная Сун сохранила свое культурное своеобразие, правя из новой столицы Ханьчжоу (тогда она еще называлась Линань). В любом случае Цзинь не была отрезанным ломтем, так как китайское население обоих государств объединяли общий язык и культура¹⁸, и оба правительства, китайское и чжурчженское, по большей части уживались друг с другом, а споры, иной раз возникавшие между ними, мало расстраивали повседневную жизнь.

Южная Сун не имела соперников по части искусства, богатства, изобретательности, глубины мысли — в области, качества и количества практически любых культурных и социальных особенностей, какие есть желание измерить. По сравнению с ней ислам был новинкой, империей, объединенной религией и торговлей, но разделенной внутри себя. Сунский Китай буквально распирало знаниями, в то время как Европа едва ворочалась в своем предренессансном сне. Индия? Юго-Восточная Азия? Япония? Африка? Ничего сравнимого. Французский ученый Жак Жерне описывает происходящее при власти династии Сун до вторжения монголов как Возрождение в европейском смысле этого термина: возвращение к классической традиции, взаимопроникновение знаний, подъем науки и технологии, новый гуманистический взгляд на мир — некоторая часть которого хлынет на Запад и воодушевит Европу.

Из-за употребления термина «Возрождение» напрашивается сравнение империи Сун с Италией XV века, которое в некоторых отношениях достаточно справедливо, за исключением того, что сунское возрождение не привело к устремленному вовне динамизму постсредневековой Европы: это было общество, предпочитавшее революциям преемственность и традицию.

Вот краткий набросок того мира, которому собрались бросить вызов монголы, немногие сорванные наугад цветы из сада, на исследование которого потребовалась бы не одна жизнь.

На самом нижнем уровне возрождение подпитывалось новыми способами выращивания риса. Для огромных масс крестьян жизнь, казалось, сделалась чуть легче, хотя крестьян практически не видно в хрониках, которые, как большинство официальных анналов в большинстве культур, писались грамотной элитой для своих господ. Более обильная и сытная еда, рост населения, торговля, новые виды производства (например, хлопчатобумажных тканей), люди, странствующие в поисках самосовершенствования, повышение доходов с земли, распространение образования, увеличение числа государственных служащих — все эти улучшения взаимодействовали, вызывая культурный бум. Огромные поместья обеспечивали доходами не посещающих их землевладельцев, которые предпочитали жить в городе. Рост богатства позволял финансировать искусство, разведение садов, моду, керамику, архитектуру. Многие крестьяне, оказавшись безземельными при расширении поместий знати, предпочитали поступить в армию, стать слугами в особняках богачей, уйти работниками в кабаки и чайные, податься в артисты или же на работу в одной из растущих индустрий — угледобывающей, металлургической, бумажной, печатной, солеваренной; возможно, на одну из финансируемых государством фабрик — на некоторых из них трудилось свыше трех тысяч рабочих. Сунский фарфор стал одной из вещей, которые прославили Китай. Дороги наводняли повозки, реки и каналы запрудили лодки.

Поскольку материковые границы Китая были заблокированы «варварскими царствами», он обратил взор в сторону моря. Янцзы с ее притоками и каналами образовывала 50 000 км водных путей, по которым плыли парусники, спускаясь к побережью со

---

¹⁸ Впрочем, общим у них был только письменный язык. (Прим. пер.)

множеством портов, намного превосходящих уровнем свои европейские аналоги, а из них выходили в море океанские суда с усовершенствованной парусной системой, спроектированной в расчете на преимущества, даваемым регулярными муссонными ветрами. Самым большим из этих портов был Гуанчжоу, настолько хорошо знакомый иностранным купцам, что более употребительным его названием было арабское «Зейтун» или «Зайтон» возможно, искаженное древнекитайское слово, по-арабски этот корень имеет значение «олива».¹⁹ Отсюда или из устья Янцзы сунский капитан, прокладывая курс с помощью компаса (изобретения, перенятого у специалистов по геомантике почти за два века до того, как оно добралось до Европы), выходил в море на своей четырех- или шестимачтовой джонке, надежность которой обеспечивалась водонепроницаемыми переборками (в Европе такую деталь судов увидят только в XIX веке), с тысячей человек на борту. Заморская торговля распространила сунские монеты от Японии до Индии. Китайская керамика экспортировалась на Филиппины, Борнео и даже в Африку.

И так уже прочно утвердившаяся система экзаменов для пополнения рядов государственных служащих была расширена, дав новую силу двадцати тысячам мандаринов и двум или трем тысяч их подчиненных. Законы сдерживали аппетиты богатых и помогали бедным. Государственным чиновникам платили достаточно хорошо, чтобы ограничить коррупцию. Государство, доходы которого гарантировались налогами и монополиями на добычу соли и полезных ископаемых, заботилось о народе как никогда раньше, строя приюты, больницы, каналы, кладбища и амбары для хранения резервных запасов зерна, даже финансируя деревенские школы. Система налогообложения была реформирована с целью добиться сотрудничества крестьян. Доходы, получаемые государством от налогообложения, были огромны и тщательно записывались. В конце XII века ежегодные доходы только от портовых таможен доходили до 65 миллионов связок по 1000 монет в каждой — это будет 65 миллиардов монет. Правда, монеты — штуки неудобные, и эти неудобства очень обременяли финансовую систему. Каждый император выпускал собственную валюту, и 1000 монет, нанизанных через квадратные дырочки в связки (чохи), весили 6 килограмм, но были эквивалентны примерно унции серебра (чуть больше нынешних семисот долларов); на эту сумму можно было купить примерно 60 кг риса.²⁰ Вскоре после 1000 года в Сунской империи начали печатать банкноты. Позже торговые общества стали использовать чеки, которые можно было обналичить в обменных пунктах любого крупного города.

Но как же изготавливались бумажные деньги? Ответ на этот вопрос позволяет понять определяющую черту китайского общества вообще и сунского в частности — информационный взрыв. Деньги печатались так же, как и книги — с помощью деревянных матриц, рельефных изображений, вырезанных на дереве. Именно эта техника подкрепила тот взрыв учетно-отчетных материалов и литературы, который начался в VIII веке в Китае, Японии и Корее. Огромный труд по вырезанию каждой страницы с идеограммами шиворот-навыворот вдохновил на следующий логичный шаг — печать разборным шрифтом; до этого не додумались больше нигде — или, по крайней мере, нигде не осуществили идею на практике, пока в середине XV века Иоганн Гутенберг не усовершенствовал эту революционную технологию в Германии.

Идея эта приписывалась некому Би (Пи) Шэну, который в XI веке создал литеры, вырезая их из влажной глины, а потом обжигая. Чтобы печатать с их помощью, он выбирал нужные литеры, закреплял на раме, обмазывал чернилами, клал на них ткань или бумагу и скорее слегка давил на них, чем отгискивал притиранием, как гравюры на меди. Это не

---

¹⁹ Считается, что от названия этого порта происходит английское слово «satin» (атлас). Идея красивая, повторяемая во многих книгах, но неверная — слово «satin» появилось куда раньше. (Прим. авт.)

²⁰ Эти монеты до сих пор настолько обычны, что их можно купить у нумизматов всего за несколько долларов. (Прим. авт.)

могло срабатывать особенно хорошо, так как литеры, вылепленные из влажной глины, едва ли дадут отличную каллиграфию. И все же это был изощренный ход мысли — но в контексте китайской культуры обернувшийся тупиком: во-первых, печать с деревянных матриц была дешевой и эффективной технологией, абсолютно подходящей для китайской письменности и иллюстраций; а во-вторых, применение разборного шрифта было прямо противоположно этому. Лишь для передачи полного диапазона китайского письма наборщику понадобилось бы несколько тысяч литер, а ведь каждый знак в наборе должен иметься более чем в одном экземпляре — таким образом, общее число литер дошло бы до десятков тысяч. В XVIII веке в имперских типографиях имелось 200 000 печатных знаков, индексированных по рифмам; они хранились на нескольких вращающихся круглых столах, каждый по 2 метра в диаметре. Но даже тогда такая техника, применяющая керамические и металлические литеры, использовалась лишь изредка, поскольку подбор литер и набор страницы занимал весьма много времени. Для механического набора эту технику адаптируют только в XIX веке, и лишь современная электроника отравила эту трудность в область истории.

Когда Гутенберг разработал схожее решение проблемы воспроизведения текстов, у него было несколько технических преимуществ. Двумя из них являлись бумага с твердой поверхностью и давящий пресс для винограда — но наивысшим было культурное преимущество в виде алфавита, 26 строчных и заглавных букв, каждая в нескольких версиях, плюс знаки пунктуации. Наверное, из-за большей простоты своего письма идею подхватили корейцы и не бросили ее, став первым народом, применившим разборный металлический шрифт для печати в 1234 году 50-томных «Принятых ритуальных текстов прошлого и настоящего». Волей случая это произошло незадолго до того, как империя Сун пала под натиском монголов, имея на тот момент в использовании почти все элементы, которые могли позволить изобрести книгопечатание разборным шрифтом на два века раньше Гутенберга — о чем подробнее в главе 16.

Поразительный рост числа книг в сунском Китае служит доказательством того, насколько эффективна была печать с деревянных матриц. Для печати большинства обыкновенных работ выбирались доски из древесины груши с гладкой и ровной текстурой, тогда как изящные иллюстрации вырезались по твердой древесине гледичии сладкой, а один лишь текст, без картинок, вырезали на досках из мягкого самшита. Общий итог был феноменальным: имперская библиотека в Кайфыне насчитывала 80 000 томов. Вскоре после того, как к власти пришла династия Сун, был опубликован весь буддийский канон — 260 000 страниц на двустраничных блоках. Существовали огромные официальные сборники текстов и энциклопедии объемом до 1000 глав. Мода на коллекции вдохновила на создание каталогов картин, каллиграфии, камней, монет, чернил — всего и вся. Выходили научные трактаты о грибах, бамбуке, пионах, плодовых деревьях, птицах, крабах, цитрусовых и всякого рода технических предметах, один из которых («Мэнци битамь» Шэнь Гуа, или «Раздумья об озере снов») включает в себя рассказ о Пи Шэне и его разборном шрифте. Медицина, география, математика, астрономия — по всем этим отраслям знания существовали трактаты. Пакеты распечаток в результате прогона поражали, доходя до многих миллионов экземпляров. От одного буддийского сборника X века до сих пор сохранилось 400 000 экземпляров.

Под влиянием жившего в XI веке Сыма Гуана у историков развились и литературный стиль, и забота о надежных источниках с систематическими ссылками на них. Ученые, стремясь вырваться из-под оупляющего влияния буддийской теологии и стимулируемые страшно трудными экзаменами на чин, дающими пропуск к карьере, статусу и доходам, стремились вернуться к конфуцианским традициям и пойти дальше, развивая их, утверждая веру в разум, очевидность и выгоды образования — короче, в возможность прогресса в обществе и политике. Эти ученые-чиновники были глубоко озабочены природой нравственности и ее результатами в жизни здесь и сейчас — а не, слава небесам, природой Бога и его предполагаемыми путями, чем будут увлекаться столь многие европейцы в эпоху Возрождения. Религиозные споры бурлили в изобилии — но не религиозные войны, которые

велись правительствами, а не церквями. Из этих интеллектуальных интересов произошло много блестящих личностей и по меньшей мере один гений: Шэнь Гуа, своего рода предшественник Леонардо да Винчи и Дарвина из XI века. Этот мыслитель распознал природу окаменелых останков, выдвигал теории, что горы были некогда дном моря, усовершенствовал астрономические инструменты, достиг больших успехов в математике, описал действие компаса, писал о фармакологии и проявлял острый интерес к политике, истории и литературе — таков список лишь немногих его достижений.

Сунские высшие классы отвергали буйные развлечения, называя их удовольствиями варваров и черни, в пользу литературы, живописи и каллиграфии. Они любили древности; трактат Хун Цуня «Гу-чжуань» («Древние монеты») был первой книгой о нумизматике. Каталог древних надписей на камне и бронзе насчитывает 2000 наименований; он был составлен коллекционером Чжао Минченом, жена которого Ли Цинчжао была одним из самых блестящих поэтов своего века. В городках лавочники и ремесленники любили чтение вслух, короткие музыкальные пантомимы, представления марионеток и театры теней — традиции, которые впоследствии стимулируют появление театра и оперы.

Культурно великая держава; но в военном отношении отнюдь не столь великая. И не из-за малочисленности армии — в 1045 году у империи Суй было свыше миллиона солдат. Дело заключалось в ее статусе и эффективности. Офицерами служили ученые-чиновники, а не профессиональные военные, солдаты же были наемниками, подонками общества, вытасненными со дна вербовщиками, которые были настоящим бичом сельской местности. В армию не брали наемников-варваров из северных степей, поэтому у нее не было никакой кавалерии, о которой стоило говорить. Однако неэффективность основной массы армии уравнивалась кое-какими необыкновенными технологиями. По мере того, как росли города, рос и парк разнообразных сверхмощных осадных машин, вроде взводимых мускульной силой требушетов и аркбаллист, которые вскоре приспособят к делу монголы. Эта машинерия была соединена с алхимическими исследованиями предыдущего века. В начале X века порох на основе селитры использовался в зажигательных устройствах, именуемых «летучими огнями» — примитивных ракетах. Век спустя сунские катапульты метали бомбы и дымовые гранаты.

Вот на такую великую культуру и собирались теперь напасть монголы. Последствия этого были более чем странны — что-то вроде попытки залить струей воды горящее масло: горячее растеклось, хлынув на запад вместе с монгольскими войсками и привнося в Европу китайские идеи и открытия. И движущей силой, стоявшей за этой цепью событий, был Хубилай.

* * *

Фронтальное нападение на империю Сун через оживленную, широкую и хорошо защищенную Янцзы явно грозило полным провалом. Столь безнадежными делами монголы не занимались. Значит, Мункэ требовалось нечто, способное дать ему преимущество. Случилось так, что к юго-западу от империи Сун, за пределами ее границ, располагалось мелкое государство, способное, если его завоевать, послужить базой для открытия второго фронта.

Во главе операции был поставлен Хубилай, и очень вовремя. В 1252 году ему было 37 лет, и ему еще никогда не приходилось нести ответственности ни за что, кроме своего удела. Его же брат и отец вели крупные кампании, когда им еще не исполнилось двадцати или в двадцать с небольшим. То была первая операция неопытного предводителя; поэтому Мункэ озаботился обеспечить Хубилая самой лучшей помощью в лице одного из самых опытных своих полководцев — Урянхадая, 50-летнего сына легендарного Субудая, завоевавшего при Чингис-хане половину Азии и значительную часть России.

Цель их выглядела далекой и очень труднодостижимой. Она была ядром того, что между 647 и 937 годами называлось великим царством Наньчжао, но теперь сократилось до

огрызка вокруг своей столицы Дали и именовалось по ней. Контролировавшее дорогу и тем самым торговлю между Индией (через территорию теперешней Бирмы) и Вьетнамом, Дали представляло собой узел из поросших лесом гор и соперничающих племен, куда, как знали с давних пор, крайне трудно проникнуть, не говоря уже об установлении власти над этим краем. В 751 году один из императоров династии Тан попытался покорить его и потерял 60 тысяч солдат.

Поэтому неудивительно, что сведения о Дали-Наньчжао остаются скудными и спорными. К примеру, тайские легенды называют Наньчжао изначальной родиной тайцев, где они правили в расцвете величия и славы, пока их не изгнали монголы; современные ученые придерживаются единодушного мнения, что тайцы были незначительной группой воинов, жившей далеко на юге. Населяющие Дали байцы, тибето-бирманское племя, выдвинулись в качестве преобладающей группы в 937 году и с тех пор стойко сохраняли независимость под властью царствующей семьи Дуань.

Мало кто из жителей запада когда-либо слышал об этом регионе и культуре, поскольку это место не имело никакого значения. Семейство Дуань правило краем примерно в 800 км в поперечнике — полмиллиона квадратных километров, величиной примерно с Афганистан или Техас. Лежащая к северу от него Сычуань славилась своей сыростью, поэтому китайцы называли Дали и окружающий его район Юннань, «к югу от туч». Эта страна являлась своего рода южноазиатским гибридом Афганистана и Швейцарии: межплеменная вражда в ней обуздывалась правителями, богатеющими на торговле и поддерживающими мирные отношения с китайцами, которые достаточно усвоили уроки прошлых лет, чтобы оставить в покое этот край с его путаницей племен, горами, великолепным озером и очаровательным климатом. В наше время Дали по-прежнему процветает благодаря своим корням и самобытности. Проживающие там байцы все так же носят традиционные яркие запашные рубашки и массивные головные уборы. Вдоль мощеных улиц тянутся каменные дома, украшенные резьбой по дереву. Буддийские пагоды напоминают о древнем Наньчжао. Мастера работают с местным мрамором. Туристы бродят по старому городу или по горным тропам и берегу озера. Это напоминает Катманду стареющих хиппи, каким он когда-то был. Для Мункэ и Хубилая же эта земля стала каменной ступенью к дальнейшим завоеваниям.

Подробности этого крайне рискованного предприятия, требующего большого напряжения сил, неясны, но к нему стоит приглядеться как можно внимательней, поскольку это объясняет, как Юннань стала частью монгольской империи и в силу этого — провинцией современного Китая.

Стратегам в Каракоруме вторжение, должно быть, представлялось безумной идеей. Дали, защищенное с одной стороны Лазурными горами, похожими на зубья пилы, а с другой — озером Эрхай, имело не так много подступов, и все они без труда защищались. Однако три века мира сделали данное государство самодовольным, у него не было никакой армии, заслуживающей упоминания. Оно стало созревшим плодом, который осталось лишь сорвать — если только монголы смогут добраться до него через территорию Сунской империи. А это означало, что им понадобится собрать армию на землях, недавно отвоеванных у тангутов, а потом прорваться на юг, пройдя тысячу километров вдоль слабо охраняемых западных границ империи Сун. Сделать это надо было безусловно — значит, операцию требовалось тщательно спланировать. Начав с конца лета 1252 года стягиваться в полупустыню Ордос в большой северной излучине Желтой реки, армия Хубилая потратила на сборы целый год; процесс весьма нудный в связи с необходимостью доставить огромное число кибиток и осадных машин, которым пришлось пересекать реки и долины. В конце концов осенью 1253 года это огромное войско направилось на юго-запад, пройдя 350 км вдоль Желтой реки до Дао, а затем на юг через предгорья Тибетского плато туда, где теперь находится северная часть провинции Сычуань. Это был весьма отдаленный район, даже для монголов, но в 1239 году туда все же вторгся («завоевал» было бы слишком сильно сказано) второй сын Угэдэя Хадан. Хубилай стал лагерем в холодной горной степи в современном автономном районе Аба, не столкнувшись ни с какими неприятностями со стороны местных жителей,

отъявленно диких полукочевых нголоков, и был теперь готов напасть на Дали.

Если Дали капитулирует, то уничтожить ничего не понадобится. Позже китайская «Юань-ши» («История династии Юань») повествует историю о том, как советники-китайцы сумели уговорить его во имя здравого смысла обуздать свою монгольскую душу, склонную от природы к насилию. Однажды вечером его главный советник Яо Шу рассказал ему о том, как сунский полководец Гао Бинь захватил Наньцзин, не убив «ни одного человека; рынки открылись в обычное время, словно вернулся законный властитель». На следующее утро, подымаясь в седло, Хубилай склонился к Яо Шу и сказал: «То, о чем ты мне рассказывал вчера, как Гао Бинь никого не убил, могу сделать и я».

Следуя обычной практике, Хубилай отправил вперед трех послов, предлагая Дали возможность капитулировать, однако главный министр Дали, правивший из-за трона Дуаней, казнил их. Должно быть, он был плохо информирован, излишне самоуверен или лишен всякого чувства истории — либо все это вместе взятое. Убийство послов было самым тяжким из дипломатических преступлений, публичной пощечиной, гарантирующей решительное нападение всеми имеющимися силами и непредсказуемые последующие ужасы.²¹

Хубилай разделил свои силы на три части. Одно крыло устремилось на восток, спустившись с высокогорной степи в долину Сычуань, к современному городу Чэнду, пополняя запасы на недавно убранных полях Дуцзяньняня, где плотины и искусственные острова, некоторые из которых насчитывали полторы тысячи лет, контролировали реку Минь. Сам Хубилай направился горной степью на юг, соединившись с первой колонной примерно через 350 км пути и около трех дней спустя. Обо всем этом наверняка должно было стать хорошо известно в Дали. В то же время Урянхадай двинулся трудной, практически несуществующей тропой примерно ста пятьюдесятью километрами западнее двух других колонн, углубившись в горы западной Сычуани, пересекая долины и горные цепи, чтобы выйти на главную дорогу между Дали и Тибетом. Это даст ему возможность в должное время совершить стремительный двухдневный бросок к Дали.

Гао, правитель Дали, собрал свои войска на Верхней Янцзы, истоки которой образовывали долину в одном дневном переходе за горами к востоку от города. Армия Дали могла показаться грозной, но монголы уже много раз оказывались в подобном положении. Река не была для них препятствием, ибо по пути на юг они переправились через десятки рек. Иные бывалые воины участвовали еще в походе 1226 года под предводительством Чингиса, когда тот переправился через Желтую реку, используя в качестве плотов наполненные воздухом бурдюки из-под воды. Это уже много веков было стандартным способом переправы; даже сегодня можно попробовать переправиться таким образом в Ланьчжоу, или даже еще ниже по течению, в Шапотоу, недалеко от того самого места, где переправились армии Чингиса во время его последней кампании. Разумеется, переправа производилась ночью и в полном молчании. Возглавляемые полководцем по имени Баян, о котором подробнее будет рассказано ниже, монголы на рассвете зашли во фланг Гао, атаковали, нанесли большой урон и вынудили его спешно отступить к Дали.

Поскольку Урянхадай галопом подходил с севера по берегу озера, Дали оказалось отдано на милость Хубилая. Учитывая оказанное сопротивление и убийство послов, можно было предположить, что дальше последует тотальная резня в духе Чингиса. Однако Чингис отнюдь не был средоточием безжалостного варварства. Если он вырезал население городов, то главным образом с целью поощрить другие города к сдаче — когда город капитулирует

---

²¹ По мнению Л. Н. Гумилева, монголы поступали так не из какого-то особого пиетета перед дипломатической неприкосновенностью, а потому, что этого требовал основной постулат их религии: не обмани доверия. Последствия такого поступка как раз хорошо предсказуемы: согласно монгольским законам все население города, где совершили подобное преступление против их веры, подлежало поголовному истреблению. Когда Хубилай не сделал этого с Дали, ограничившись, как будет описано ниже, лишь казнью лиц, прямо причастных к убийству монгольских послов, его отозвали для объяснений в Монголию (*Прим. пер.*)

сам, это уберегает от многих хлопот. В любом случае победитель получает достаточно добычи, но ему живется легче, если подданные благодарны за сохранение жизни, а не озлоблены проявленной жестокостью и вследствие этого склонны к мятежу. Здесь же не было никаких других городов, которые требовалось покорить. Поэтому Хубилай приказал проявить сдержанность, провозгласив, что не следует наказывать простой народ за провинности глупого руководства. Вряд ли это было заслугой его китайских советников — к этому времени Хубилай уже приобрел достаточный административный опыт, чтобы постигнуть эту истину самому; но вполне естественно, что его советники (а также авторы «Истории династии Юань») припишут всю честь такого поступка цивилизирующему влиянию Китая.

Все стало на свои места с необыкновенной легкостью. Казнивший послов главный министр и его подчиненные сами были казнены, но этим все и ограничилось. Царь стал марионеткой в руках чиновников Хубилая. Примерно так же, как какого-нибудь раджу в британской Индии, его сделали угодливым подчиненным, изнежив роскошной жизнью, а позже наградив величественным с виду, но пустым титулом магараджи. Используя Дали в качестве военной базы, Урянхадай двинулся дальше на юго-восток «умиротворить» проживающие там племена, проник в современный северный Вьетнам, в 1257 году взял Ханой, а затем довольно поспешно отступил, столкнувшись с тропической жарой, малярией и энергичным сопротивлением. На словах это выглядит очень просто, однако масштабы операции потрясают — от Юннани до Ханоя тысяча километров пути. За четыре года монголы, почти не встречая сопротивления, совершили марш в обход всей западной границы империи Сун; теперь у них — точнее, у самого Хубилая — имелись все необходимые возможности для планирования следующей фазы войны с югом.

* * *

Юннань стала подобна новой гире, поставленной на чашу весов — она причудливым образом вывела Китай из состояния равновесия.

Этот край почти на 20 лет предоставили самому себе, оставив там всего лишь небольшой гарнизон. За эти годы единственное примечательное событие — то есть достойное не более чем примечания на полях — заключалось в установлении местными офицерами краткого дружественного контакта с крошечным соседним княжеством Каунгай, расположенным в верхнем течении Иравади и, таким образом, на главном пути на запад, в бирманские долины. Это событие, в то время совершенно незначительное, приобретет вес намного позже, когда Хубилай обратит взор в сторону Бирмы.

В 1273 году в Юннань прибыл первый администратор высокого уровня. Саид Аджаль был туркменом, пережившим в 1220 году жестокий штурм Чингисом Бухары, поскольку его дед сдался монголам во главе тысячи всадников. В то время ему было девять лет. Мальчик вырос в Монголии и Китае и в дальнейшем сделал выдающуюся карьеру на различных государственных постах, достигнув вершины в Юннани, которую он, с помощью своего сына Насир ад-Дина, полностью и окончательно привел в состав империи.

Последствия этого сказываются до сего дня — современная Юннань является местом смешения многих культур. Эта земля, населенная аборигенами, не представлявшими ни для кого опасности, была все же атакована армией, состоящей по большей части из китайцев и возглавляемой монголами. А потом этот район передали мусульманину, который сделал его частью монголо-китайской империи и был ответственным за внедрение там ислама. В результате это привлекло сюда мусульман. Сегодня полмиллиона мусульман составляют часть богатой амальгамы проживающих в Юннани народов.

Глава 4 В КСАНАДУ

Вернувшись в свои китайские земли, Хубилай начал эксперименты с крупномасштабным управлением уделом, словно оттачивал мастерство, которое ему понадобится как будущему императору, который, широко расставив ноги, стоит сразу на двух мирах, монгольском и китайском. Его уделы начали меньше походить на поместья и больше — на миниатюрные царства, особенно его главное владение в долине Вэй. Для надзора за этим существенным куском территории 50 000 квадратных километров со смешанным китайским и некитайским населением — он назначил двадцатилетнего уйгура Лэнь Сисяня, который, в свою очередь, взял на службу почтенного конфуцианца Цзу Хэна. Выражаясь утонченным языком «Истории династии Юань», оба они усвоили возвышенный конфуцианский идеал «обуздывать буйных и поддерживать слабых». Вместе с другим советником Хубилая, дзен-буддийским монахом Лю Бинчжуном, они восстанавливали школы, запрещали монголам обращать в рабство ученых и печатали бумажные деньги.

В пространной докладной записке Лю расписал, какие шаги следует предпринять Хубилаю, чтобы общество продолжало развиваться гладко и с выгодой для себя, и, вероятно, указал, что хорошее правление зависит от хороших государственных служащих, которые могут появиться только из хороших школ. По сути дела, эрудит Лю советовал Хубилаю вести себя подобно китайскому императору. Ему следовало кодифицировать налоги и юридические системы, вновь ввести для поступающих на государственную службу экзамены на чин и финансировать написание истории предыдущей династии²² — традиционная задача нового китайского правителя. Однако Хубилай не собирался заходить столь далеко. Никаких экзаменов на чин не будет, так как это означало бы, что все его советники окажутся китайцами; не будет никакой истории династии Цзинь, так как китайцы воспримут это как провозглашение новой династии, что, в свою очередь, в глазах монголов будет выглядеть как попытка узурпации власти брата. Возможно, именно этого-то и хотел Лю — но не Хубилай.

* * *

Хубилай уже опирался на два мира, и в 1256 году принял первое важное решение с целью сделать такое шаткое балансирование постоянным. Ему требовалась хорошая база, однако в его уделе не было достойного для этой цели города. Если он желал сохранить доверие своих новых китайских подданных, от которых теперь зависел его доход, ему нельзя было утверждать традиционные монгольские ценности, создавая город из юрт с передвижным дворцом. Поэтому, возможно, отчасти благодаря Лю, он решил создать постоянную столицу. А почему бы и нет? Создал же Угэдэй такую в Каракоруме, а брат Хубилая Хулагу мог выбрать себе столицу из многих исламских городов; правительству северного Китая требовался никак не меньший центр власти. Но выбирать место для него надо было особым тщанием. Настоящий китайский правитель, несомненно, занял бы одну из старых столиц, возможно, Чанъань (Сиань) или Кайфын (обе они располагались неподалеку от владений Хубилая), либо даже Пекин, восстановивший в какой-то мере свое самоуважение после взятия его в 1215 году Чингисом. Но Хубилай не был китайцем и не мог позволить себе выглядеть таковым в глазах своей семьи и соотечественников-монголов. Его китайские советники поняли эту трудность и занялись подысканием подходящего места для строительства столицы.

Хубилай в общих чертах представлял, в каком районе должна находиться его столица, поскольку если он хотел равно утвердиться в двух культурах, диапазон выбора был не слишком велик. Столица должна была располагаться в пределах досягаемости от Пекина, именовавшегося в ту пору Чжунду — «Центральная столица», однако она должна была находиться в степи, на традиционной монгольской территории.

---

²² Вероятно, автор имеет в виду издание истории предыдущей династии — так как писалась она, как это принято в Китае, на протяжении всего ее правления, а публиковалась только тогда, когда эта династия сходила со сцены. (Прим. пер.)

Степи Внутренней Монголии, осваиваемые ныне наезжающими с юга китайцами, подступают на карте удивительно близко к Пекину до них всего 250 км. Однако на практике между ними лежит целый мир, даже при наличии отличных новых дорог, порождения современной экономики, находящейся на подъеме. Это семь часов езды по дороге, которая сначала ведет вас по крутым медленным подъемам, а потом делает большой зигзаг, огибая горы и растягивая путешествие еще на сотню километров. Мы направляемся на северо-восток, прочь от насыщенного городского уличного движения и вездесущего супа с лапшой, по скоростному шоссе, которое доставляет к Великой Стене миллион туристов в год. Однако это чудо не должно нас задерживать, поскольку его построили уже после Хубилая.²³ Наше внимание должно быть устремлено к тем волнообразным горам, по которым плывет Стена. Здесь проходила последняя естественная линия обороны Пекина — два покрытых лесом гребня, горы Чжунду и Си, сплошные острые пики и крутые ущелья, ландшафт, похожий на скомканную жестяную фольгу. Древний путь через них некогда проходил по ущелью Цзуён, ширина которого сокращается в самом узком месте до нескольких десятков метров. Оно не может вместить в себя все скоростное шоссе, поэтому некоторое время полоса, ведущая на север, с нудными вереницами ревущих грузовиков, врзается в стену долины, а полосы, ведущей на юг, не видно, ибо она тянется по другую сторону гор. Защищать эту линию обороны не составляло труда, здесь можно было остановить большинство армий — но только не монголов в 1213 году. Именно поэтому империя Мин, опасаясь монгольского возрождения, построила на горах Стену, и именно поэтому Стена эта на самом деле представляет собой много стен, разные куски и кусочки, охраняющие боковые гребни, где могли проскользнуть отчаянные воины на крепких лошадях.

Теперь мы поднялись на несколько сотен футов и находимся фактически на полуплощадке. Следующую сотню километров ехать легко. Дорожные знаки на английском предупреждают об опасностях, вызванных монотонностью езды: «Не пытайтесь ехать утомленным!», «Не ездите усталым!» Следующая остановка, Чжанцзякоу, прежде находилась в семи часах езды от Пекина; теперь ехать до нее всего два часа, если поток машин невелик.

Чжанцзякоу — город исторический, хотя об этом никак не догадаешься, глядя на потрепанные многоквартирные дома, которые ныне совсем заслонили кучку одноэтажных домиков и улочек старого города. Некогда этот городок отмечал границу между низинными землями Китая и расположенными на плато землями Монголии, поэтому монголы (и иностранные исследователи) называли его Калганом — от монгольского слова «ворота». Через эти ворота протекала торговля между Россией, Монголией и Китаем. Век назад тут действовало 7 тысяч торговых обществ; через узкие северные ворота городка проезжали сотни кибиток, запряженных волами, и проходили сотни тысяч верблюдов. Революция 1917 года в России убила это поселение, а вскоре его окрестности прославились разгулом бандитизма. Ныне город обрел новую жизнь в связи с усиленным продвижением Китая в свою пограничную провинцию, автономный район Внутренняя Монголия, в то время как монгольское влияние, насколько я мог видеть, совершенно исчезло. Ощущение его исторической роли дает только ландшафт, долгим зигзагообразным подъемом ведущий к фермам и деревням монгольского плато.

Затем мы сворачиваем на восток, и мобильный телефон с пискom высвечивает сообщение: «Добро пожаловать во Внутреннюю Монголию». Надпись на огромном изваянии — руке, сжимающей монгольскую узду, — призывает нас всех защитить степь, которая определенно нуждается в защите, так как осталось от нее немного. В Чжэнлан-Ци построена новая железная дорога с целью привезти еще крестьян и цивилизовать этот пограничный район с помощью новых плугов и новых сел.

---

²³ Данное высказывание остается исключительно на совести автора. Вообще-то Великая Китайская стена была построена еще при великом императоре Цинь Ши Хуан-ди, то есть *задолго* до Хубилая. (Прим. ред.)

Однако сразу за полотном железной дороги есть еще открытые пространства, которые порадовали бы душу Хубилая. Этот край тоже богат историей, поскольку тут располагался лагерь Чингиса, когда тот двигался на юг, к Пекину, и когда возвращался из похода. Вероятно, именно поэтому Хубилай направил сюда внимание своих советников. Возглавляемая Лю Бинчжуном группа «Золотой Лотос», как называли мозговой трест Хубилая, выполнила предписанные ритуалы геомантики и определила, где находится место, которое сейчас известно в англоязычном мире как Ксанаду. Имя, которое дал ему Хубилай, звучало как «Шан-ду», Верхняя Столица — в противоположность Да-ду (Пекину), Великой Столице, какой он стал при монголах.

Существует легенда, что первоначально это место именовалось Лун Ган, Драконий Хребет, поэтому Лю и Золотому Лотосу пришлось навести чары, дабы изгнать этого дракона и воздвигнуть высокий железный вымпел, наделенный магическими силами, желая предотвратить его возвращение. Кроме того, посреди этой открытой равнины находилось озеро, которое пришлось осушить и засыпать.

Строить было, по большому счету, почти не из чего — кругом едва ли росло хоть одно дерево и не имелось никаких каменных карьеров. Главный дворец Ксанаду, храмы, правительственные здания, меньшие дворцы и дома чиновников — строительство всего этого пришлось начинать с нуля, с упряжек тягловых животных и верениц повозок, везущих лес и камень (и мрамор, как мы скоро увидим) из мест, лежащих за сотни километров от места строительства.

* * *

Хубилай несколько остерегался называть свою новую резиденцию столицей, возможно, предпочитая делать вид, будто это всего лишь летний лагерь. Строить его пришлось три года, последующие три года он был известен под названием Кай-пин и переименован в Шан-ду только в 1263 году. Но столицей ему было предназначено стать с самого начала, хотя и предполагалось быть скорее резиденцией правительственной администрации и местом отдыха самого Хубилая, чем живым городом; скорее Версалем, чем Парижем.

В городе имелось три сектора, сплошь квадратных, вмещенных один в другой в стиле китайских столиц. Размеры Внешнего Города — 2,2 км с каждой стороны, почти 9 км в целом — и близко не дотягивают до упомянутых ненадежным Марко Поло 16 миль, однако достаточны, чтобы вместить кучку домов из дерева и глиняных кирпичей для массы простого народа, теснящихся в углу меньше квадратного километра величиной и заботливо отделенных от северного сектора. Там располагался прямоугольный парк, именуемый Императорским Садам. Здесь, согласно надписи у нынешнего входа на площадку, «царило благоденствие». Марко Поло оставил его описание — олени щипали луговую траву, бродя среди куп деревьев, пили из ручьев и фонтанов. Это была Аркадия Хубилая, искусственная версия монгольской степи, где он мог подстрелить одного оленя из лука, а на другого натравить ручного снежного барса, либо спустить сокола на певчих птиц. Здесь также стоял бамбуковый павильон около 15 метров в поперечнике, крытый, словно черепицей, уложенным внахлест расщепленным камышом, откуда хан мог наблюдать за демонстрацией искусства верховой езды. В этом мирном окружении Хубилай также воздвиг свою Большую Юрту-Дворец — центральную точку ансамбля в монгольском стиле.

В юго-восточном углу Внешнего Города находился Императорский Город — 1,4 квадратных километра, окруженных четырехметровой кирпичной стеной, за которой располагались правительственные учреждения, мастерские ремесленников и несколько храмов, даосских и буддийских, аккуратно выстроившиеся вдоль сетки улиц.

Сердце столицы, Дворцовый Город, располагалось внутри Императорского Города. На самом деле квадрат, содержащий в себе дворец, был не совсем квадратом, имея размер 570 на 620 метров, чуть больше двух километров в окружности. Шесть залов заседаний — залы Хрустала, Благоденствия, Мудрости, Ясности, Благоухания и Правящего Неба — были

собраны у подножия самого дворца, Зала Великого Постоянства, построенного, как и все другие здания, в китайском стиле, с изогнутыми сверху краями крыш и глазурованной черепицей. Рашид ад-Дин говорит, что дворец был построен прямо над озером, на платформе из щебня и расплавленного олова, в результате чего вода позже вырывалась повсюду, создавая ручьи и ключи.

После того, как в 1368 году монгольская династия пала, Ксанаду оказался заброшен. За 600 лет он совершенно развалился, его великий дворец, дворы, здания и стены разрушались, пока не превратились в жалкие руины, едва различимые во всхолмленной степи. Один из врачей английской дипломатической миссии в Пекине, Стивен Бушелл, в 1872 году случайно наткнулся на эти развалины и сообщил, что видел мраморные блоки, остатки больших храмов, «лежащих повсюду разломанных белых львов, драконов и остатки других резных монументов». Когда в 1930-е годы японцы оккупировали Внутреннюю Монголию, то вели в этом районе какие-то работы, после которых мало чего осталось. И до, и после прихода к власти коммунистов в 1949 году Китай не проявлял к этому месту ни малейшего интереса, так как монгольская династия, установленная варварами из-за Гоби, была главой в истории страны, которую современные правители предпочли бы забыть.

Именно здесь, как знает каждый английский и американский школьник, Хубилай повелел воздвигнуть для своих удовольствий величественное здание со сводчатой крышей, как пригрезилось однажды летним днем 1797 года Сэмюелу Тейлору Кольриджу, прежде чем его грезы нарушил незваный гость. Но видение Кольриджа и его поэма — плод фантазии; поэтому открытие, что это место и это великолепие действительно существовали и что посетив одно, можно ощутить другое, становится большим сюрпризом.

* * *

Когда я впервые побывал в Ксанаду, на подъездных дорогах не было никаких указателей. Моего гида это ничуть не взволновало. «Под носом есть рот», заметил он с мудростью веков и доказал это, спросив дорогу у пары крестьян. Мы смогли въехать напрямик на место, в восхитительно дикую местность, где из колышущихся трав и красивых луговых цветов плавно поднимались разрушенные стены. Это место не окружала никакая ограда, ничего не требовалось платить за вход, никакие музейные смотрители не блокировали подъезд по дороге, прорезавшей внешнюю стену. Небо отливало чистой монгольской голубизной, дул легкий ветерок, и единственные звуки издавала одинокая кукушка.

Но мы были тут не одни. С полдюжины людей измеряли тут все, с помощью бечевы разбивая участок на квадраты. Это были археологи из Хух-Хото, начавшие наконец подхватывать нити исследований. Один из них, Вэй Цзянь, помощник профессора в Институте Археологии, вкратце просветил меня через гида. Вот здесь находились стены, а вон там дворец. Вся эта низина некогда называлась Равниной Золотых Цветов — легко понять, почему, видя изобилие лютиков в смеси с лилово-белыми цветами, названия которых я не знал.

— Видите, какое это прекрасное место, защищенное горами, — указал он. Я посмотрел на стену невысоких гор на севере. Они казались очень островерхими. — Это место избрали по суеверным причинам. Оно благоприятное. На севере — Драконья гора, а на юге — река Молния.

— Эти горы кажутся похожими на... зверей.

— На вершинах у них святилища, груды камней. Есть предание, что эти святилища посвящены Семи Богам, — он употребил название, каким монголы обозначают созвездие, называемое у нас Плугом, то есть Малую Медведицу. — Это надо будет проверить. Нам нужно многое узнать.

Раздвигая колышущуюся траву, я прошел ко дворцу и наткнулся на грубую, маленькую, неуместную здесь статую — тюркскую, домонгольскую, стоящую словно на

страже. Может быть, ее привезли сюда люди Хубилая, или нашли здесь и просто оставили в покое. Земля была усеяна обломками, грозившими вывихом лодыжки, если я буду неосторожен. Основание дворца по-прежнему оставалось там — земляная насыпь примерно пятидесяти метров в длину, возвышающаяся над травой метров на шесть. Несмотря на утверждения Рашид ад-Дина, не наблюдалось ни малейшего намека на подземную влагу, за исключением того, что некогда, возможно, было колодцем в том, что некогда, возможно, было двором. Хотя вполне возможно, что тут всего лишь находилась опора для знамени. По бокам от дворцовой насыпи высились две других — остатки трех больших зданий, образующие трехсторонний двор. Проложенные туристами тропы, петляя, подымались на вершины насыпей по обеим сторонам. Однако спереди был почти отвесный земляной фас, пронизанный линиями отверстий, где давно исчезнувшие балки крыши, должно быть, поддерживали кровлю. Я представил себе прибывших в город сановников, спешивающихся в тени этого навеса, прежде чем подняться по лестнице в сам дворец, где хан примет их, сидя на вознесенном троне. Теперь там не осталось ничего целого, равно как и внизу.

Мне это показалось крайне странным: земляная платформа пережила семь веков, несмотря на яростные летние ливни и зимние морозы, раскалывающие камни — от самого же здания не осталось и следа. Есть, конечно, мелкие обломки, валяющиеся среди жестких трав. Но где же кирпичи и черепица? Где виденные Бушеллом в 1872 году остатки храмов и монументов? Неужели все забрали японцы, оставив только грубые каменные обломки? Я подобрал некоторые из них — сплошь бесформенные куски и кусочки без малейшего намека на то, чем они когда-то были. Но какие обломки, какие камни: прах Ксанаду... Как же мне, черт возьми, воздать им должное?

Я вернулся туда в 2004 году. Там наступили перемены, отражая перемены, происходящие повсюду в Китае. Теперь на восток из Чжэнлан-Ци ведет отличное новое шоссе с указателем как на китайском, так и на английском, указывающим путь к «Юань Шан-ду», а также недавно проложена малая дорога, идущая прямо на север через пастбище к туристическому лагерю из круглых белых монгольских юрт. Шоссе огибает лагерь, делая два поворота под прямым углом, и приводит вас к ограде, воротам и небольшому музею с парой смотрителей и платой за вход. Однако после въезда я, как и прежде, оказался предоставлен самому себе. Иностранцы не получают никакой помощи, поскольку власти еще не оценили значимости этого места, особенно для англоязычных лиц. Немногочисленные указатели все еще только на китайском. А я был все еще волен бродить по горкам, по дворцовой платформе и покрытым травой обломкам, все еще волен подбирать любые кусочки и обломки камня.

Теперь так останется уже недолго. Археологи немало поработали. Во дворе музея стоит стеклянный ящик, содержащий громадный блок белого мрамора в 2 метра высотой. Его нашли под развалинами дворца в 2003 году вслед за двумя другими подобными находками, отправленными в музей Хух-Хото. Вероятно, некогда капитель колонны, он украшен великолепно изваянным барельефом из переплетающихся драконов и пионов — символов и войны, и мира.

Подобные находки и впрямь повергают в изумление. Они намекают на былое величие этого места, на мастерство художников Хубилая и на затраченный труд — ближайший источник мрамора находится в 700 км отсюда. Они также являются новым доказательством в громком академическом споре о том, в самом ли деле этот ненадежный Марко Поло побывал в Китае. Однако он начинает свое описание словами: «В этом месте есть очень красивый мраморный дворец». Как гласит табличка около дворцовой насыпи, «эти предметы свидетельствуют о присутствии Марко Поло».

Самая большая перемена, однако, не на самой территории раскопок, а на подъезде к ней. Первый признак близости к Ксанаду — это туристический лагерь, примерно 40 маленьких монгольских юрт (герое) и три огромных бетонных с двойными куполами. Это намек на грядущее. Лагерь создан местным бизнесменом «Бенджамином» Жэнем (китайцы, ведущие дела с Западом, часто называют себя западными именами). Жэнь замечателен в

нескольких отношениях: это красивый, общительный, щедрый и честолюбивый человек, движимый желанием соединить бизнес с экологией. Сознвая разрушительное распространение в степь промышленности и сельского хозяйства, он задумал посадить леса и спасти пастбища. Поддержанный богатым индонезийцем, он приобрел участок земли величиной с округ, посадил на его половине не менее 15 миллионов деревьев и отвел бы остальное под пастбище, если бы не обнаружил, что земля пострадала от катастрофического перевыпаса. Теперь он предоставляет ей снова сделаться лугом.

Одно потянуло за собой другое. Волей случая его земля оказалась рядом с Ксанаду. Неплохо говоря по-английски, он сразу увидел скрывающийся тут огромный потенциал для туризма, особенно благодаря новому шоссе. Туристам же требуется где-то останавливаться. Его туристический лагерь открылся в 2003 году, предлагая туристам монгольские *геры*, хитроумно приспособленные к современности наличием в них двуспальных кроватей, освещения, водопровода и туалетов, а также двухкупольные рестораны, в которых работают местные жители, готовя для туристов монгольские пиршества и развлекая их монгольской музыкой. За первый год работы предприятия он принял 1500 гостей, а в 2004 году — 6000; цифра, которая ко времени Пекинской Олимпиады 2008 года должна возрасти в шесть раз.

В современной атмосфере приватизации я мог без труда представить, как Жэнь заключает сделки с музеем и получает доступ к территории раскопок и потоку информации. В скором времени поездка сюда станет делом легким, комфортным, многолюдным и дорогим. И если вы не отправитесь туда как можно скорее, боюсь, что путешествие в Ксанаду больше не будет приключением, и вам определенно не позволят собирать осколки битой черепицы.

Но куда же подевались те виденные Бушеллом остатки? У Жэня имелся на это ответ. В близлежащем городке Долон-Нур многие здания построены из довольно приличного кирпича и крыты прекрасной черепицей. А теперь вспомните, что в этом районе всегда имелись проблемы со стройматериалами. Похоже, что Ксанаду по кирпичику, по черепичке растащили местные домовладельцы. Осталось лишь то, чем они не могли воспользоваться.

Те подобранные мной кусочки все еще хранятся у меня, и мне думается, я знаю, как с ними поступить. Я истолку их в прах и заполню этим прахом вырезы в столешнице, образующие два иероглифа:

* * *

Растущая столица, полумонгольская-полукитайская по своему замыслу, была все же слишком китайской для монгольских традиционалистов. В Каракоруме хватало тех, кто ревниво относился к успеху Хубилая и ворчал, что он чересчур занесся, стал слишком честолюбив, мечтает о собственной империи, соперничая со столицей Мункэ, да еще и чересчур богат. Уж не присваивает ли он себе часть налоговых поступлений, которые по всем правилам следует отправлять в Каракорум? Мункэ прослышал о подобных разговорах и стал гадать, есть ли в них доля правды. В конце концов его убедили предпринять некоторые действия. В 1257 году он отправил двух налоговых инспекторов провести проверку чиновников Хубилая. Инспектора нашли недочеты, составили список из 142 нарушений правил, обвинили китайских чиновников и даже казнили некоторых, а потом, с санкции Мункэ, взяли на себя сбор всех налогов во владениях Хубилая. Хан мог бы спустить с поводка свою гвардию и арестовать этих недоброжелательно настроенных бухгалтеров — но это, как указали его конфуцианские и буддийские советники, было бы открытым мятежом. Лучше уладить дело миром. Хубилай так и поступил, сперва отправив посольство из двух человек, не добившееся никаких результатов, а затем явившись лично, взывая к Мункэ как брат к брату. Это сработало. Братья, прослезившись, обнялись: Хубилай — сплошное раскаяние, невинность и преданность, а Мункэ — предлагая прощение и возобновленное доверие. (Свое слово он сдержал, через три года казнив своих проверяющих за

подстрекательство к мятежу).

Правда состояла в том, что двое братьев нуждались друг в друге. Сила Хубилая зависела от поддержки Мункэ — у Мункэ же возникла одна проблема, созданная 30 лет назад самим Чингисом. В свое время на него произвел столь сильное впечатление даосский монах Чань-чунь — тот самый, которого Чингис вызвал к себе из Китая в Афганистан с просьбой научить его путям Дао, — что он освободил секту Чань-чуня от всяких оброков и налогов. Даосы, некогда младшие в иерархии религий, обрадовались и принялись эксплуатировать свое новообретенное богатство и статус, захватывая буддийские храмы. Богатство послужило чудесным источником вдохновения, и даосские секты сильно размножились. Согласно одному источнику, их теперь насчитывалось 81, с аскетами на одном конце шкалы и гадалщиками на другом. Большая их часть была едва ли чем-то большим, чем хулиганами, радующимися случаю стащить статуи и картины из буддийских святилищ.

Буддисты возражали не менее бурно. Их группировка изрядно усилилась благодаря притоку лам из Тибета — региона, который вскоре тоже станет частью империи Хубилая (к чему мы вернемся подробнее в главе 7). В 1258 году буддисты чересчур хорошо осознавали, сколь важны политические контакты, и отчаянно желали отомстить даосам.

Эту ссору следовало прекратить, иначе в северном Китае не могло быть никакой стабильности и никакой надежной базы, с которой можно заняться намного более важным делом вторжения в империю Сун. Ключом к решению обеих проблем был Хубилай. Моррис Россаби пишет об этом. «Хотя я не исключаю возможности того, что изображенная в китайских хрониках сцена действительно имела место, она, на мой взгляд, произошла лишь после того, как и Мункэ, и Хубилай разумно оценили всю глупость раскола между ними».

Поэтому в начале 1258 года на повестке дня у Хубилая стояла первоочередная задача созвать конференцию даосских и буддийских лидеров и столкнуть их лбами. Конференция вышла весьма напряженная. В Ксанаду приехали триста буддистов и двести даосов, которых держало врозь присутствие двухсот придворных чиновников и ученых-конфуцианцев. Председательствовал на ней сам Хубилай.

Дело даосов основывалось на двух документах, оба из которых утверждали, что Лао-цзы, мудрец, основавший даосизм, претерпел 81 перевоплощение — отсюда и число даосских сект, — в одном из которых был известен как Будда. Вдобавок один из документов утверждал, будто Лао-цзы умер в Индии, на родине буддизма, а не в Китае. Следовательно, делали вывод даосы, буддизм — это на самом деле ветвь даосизма. Подобная мысль представлялась буддистам оскорбительной, в особенности из-за составляемых даосами планов, подытоженных их известной формулой *буа-ху* («обращение варваров»). Однако даосы не учли того, что Хубилай был уже почти буддистом, а его любимая жена Чаби — буддисткой несомненной. На него произвела немалое впечатление служившая ему группа буддийских монахов и их практические причины для принятия хорошего правления в буддийском стиле.

Фактически ему даже не понадобилось проявлять пристрастность: даосы не привыкли к диспутам и оказались бесцветной компанией. Тибетский советник Хубилая Пагба-лама устроил старшему даосу перекрестный допрос по вопросу об аутентичности их главного текста об «обращении варваров» с его утверждениями, будто основатель даосизма Лао-цзы умер в Индии. Как странно, что Сыма Цянь, великий историк I–II веков, ничего не упомянул об этом интересном утверждении и подкрепляющем его документе... По той простой причине, заключил Пагба-лама, что Лао-цзы на самом деле умер в Китае, а этот документ был подделкой. В итоге даосы, не способные привести в ответ каких-либо ссылок или аргументов, имели глупый вид. Хубилай предложил им последний шанс — вызвать духов и демонов, доказать свои магические способности, совершив сверхъестественные деяния. Естественно, они не продемонстрировали ни малейших способностей.

Хубилай вынес приговор: входит буддизм, даосизм выходит. Семнадцать даосских голов обрили наголо, все копии поддельных текстов предписывалось уничтожить, 273 храма

вернуть буддистам. Однако у него достало мудрости не проявлять мстительности, поскольку он знал, что не может позволить себе вызвать отчуждение среди многочисленных приверженцев Дао. Никаких казней — только возвращение «статус кво» начала века, до внезапного возвышения Чань-чуня три десятилетия назад.

Этот диспут окончательно скрепил возвращение благосклонности к Хубилаю. Он водворил мир твердым административным действием, проявив ум и умеренность. Все его одобрили, и он целиком посвятил себя следующей важной задаче — вторжению в империю Южная Сун.

Глава 5 ПРЕТЕНДЕНТ

Как все успешные диктаторы, Мункэ по части упреждения разногласий полагался на такой способ, как быстрая и всеобъемлющая завоевательная война. Правда, никто не формулировал этот замысел именно в таких категориях, ибо данный мотив оставался сокрыт наивысшей истиной, как ее понимали монголы, согласно которой завоеванию подлежал весь мир вообще. К 1257 году власть монголов в Персии и южной России стала прочной: теперь настал черед остального Китая — а потом и мира в целом.

Монголы занимали сильные позиции, имея армии, базирующиеся в Ксанаду (под началом Хубилая) и Юннани, в северном Китае и на месте прежнего тангутского государства Си-Ся. Однако стоявшая перед ними задача была не просто тяжелейшей, но откровенно обескураживающей — настолько огромной выглядела разница между двумя сторонами.

Империя Сун была страной рек, лесов и гор, без каких бы то ни было открытых равнин, дававших преимущество монгольской кавалерии. Край между Желтой рекой²⁴ и побережьем считался тогда, как и теперь, житницей Китая. Его столица, современный Ханчжоу, называвшийся тогда Линань, была самым многонаселенным городом в мире, насчитывая 1,5 миллиона жителей — больше, чем население всей Монголии. Век императорского пребывания превратил столицу в бурно растущий город. Господствуя над южным концом Великого Китайского канала у выхода в залив Ханчжоувань, она была одним из прекраснейших портов в мире. Окружающая ее обстановка — горы Небесный глаз, Западное озеро — была так же прекрасна, как ее дворцы. Как могли монголы мечтать о победе над одним только этим городом, не говоря уже о более чем сорока других городах со стотысячным или более населением и о 50 миллионах крестьян, густо населявших плодородные земли бассейна Янцзы?

Собственных ресурсов для такого предприятия у монголов не имелось. Для войны с южными китайцами им надо было использовать китайцев северных. При практически бесполезной монгольской кавалерии все зависело от китайской пехоты, китайских осадных машин, китайских механиков. Летний климат в тех краях — уже субтропический, местность — пересеченная, расстояния — огромные, а болезни — самое обычное дело. Кто решится поставить на успех?

По крайней мере, у Мункэ имелась хорошая штаб-квартира. Основанная 30 лет назад самим Чингисом, она располагалась примерно на 200 км южнее Желтой реки, близ истока впадающей в нее реки Циншуй, во вздымающихся предгорьях Люпаньшань, где Чингис провел лето 1227 года до того, как его свалила болезнь, оказавшаяся смертельной. Это было хорошее место, так как оно находилось на открытой равнине, но всего в дне пути галопом от той тайной долины в горах — с лесами, плодородными почвами и обилием лекарственных растений, — куда, по всей вероятности, перевезли Чингиса в тщетной попытке исцелить. Ставший теперь важным районом археологических раскопок, Кайчен был командным центром, в котором последний лидер Си-Ся сдался недужному — а может быть, и уже

---

²⁴ Вероятно, ошибка автора — Хуанхэ вместо Янцзы. (Прим. пер.)

умершему — Чингису только для того, чтобы быть убитым. Он находился всего в 70 км от границы с империей Сун.

Мункэ достаточно хорошо понимал, сколь громадна предстоящая задача. По его плану предполагалось начать боевые действия с размахом, рассекая противника пополам. Три колонны сойдутся на Янцзы у Учана (ныне это часть мегаполиса Ухань) — ключа к нижней Янцзы и тем самым к сунской столице Ханчжоу. Одной из колонн должно было стать войско Хубилая, наступающее из Ксанаду на юг марш-броском протяженностью примерно в 1400 км. Правда, в какой-то момент участие Хубилая оказалось под сомнением, так как он страдал от подагры — болезни, которая будет донимать его всю жизнь. Когда Мункэ предложил ему заменить его одним из племянников Чингиса, Хубилай вознегодовал. Он совсем недавно разрешил спор между буддистами и даосами и рвался в бой. «Моя подагра уже слабеет, — запротестовал он. — Разве годится, чтобы мой старший брат шел воевать, а я остался бездельничать дома?»

Мункэ спустил ему подобное высказывание. Под Учаном Хубилай должен был встретиться с двумя другими колоннами: второй под началом Урянхадая, подошедшей из Юннани (почти в 1500 км от Учана), и третьей из Кайчена. Сам же Мункэ хотел двинуться отдельным походом, пройдя 650 км по юго-западу, взять Чэнду в сердце Сычуани, а потом повернуть на юго-восток, преодолев 250 км до Чунцина, речного порта, служившего связующим звеном между торговлей ниже по течению Янцзы и идущему по горам торговому маршруту в Тибет.

Мункэ организовал подобающие ритуалы, дабы гарантировать, что Небо будет с ним, почтив дух деда у его могилы на Бурхан-халдуне и окропив землю вокруг своего дворца молоком табуна в тысячу белых кобылиц. Затем он отправился на юг, пересекая Гоби через территорию бывшего государства тангутов, ставшую теперь имперской землей, в Кайчен. Лето 1257 года он провел в горах Люпаньшань, собирая войска. Следующей весной его армия взяла Чэнду и двинулась сквозь сычуаньские туманы — настолько густые, сказано в источнике, что собаки лаяли при виде солнца.

Но продвигалась армия медленно, так как завоевание требовалось сопровождать насаждением монгольской администрации, поэтому Чунцина Мункэ достиг только в начале 1259 года. Затем случилась новая задержка: чтобы взять Чунцин, сперва надо было одолеть грозную крепость в 60 км к северу. Стоящая на крутом гребне 400-метровой высоты, называемом Рыбьей горой, возвышающаяся над тем, что в наши дни является городом Хэчуань, она господствовала над тремя реками, которые сливались тут, прежде чем впасть в Янцзы. Эта операция заставила Мункэ резко притормозить. Недели превращались в месяцы, весна в лето. Жара нарастала, войско поразили болезни, от которых умерло несколько тысяч воинов. И все же, несмотря на уговоры своих полководцев, Мункэ отказывался сдаться.

В августе, спасаясь от жары в близлежащих горах и потребляя слишком много вина под предлогом того, что оно предотвращает болезни, он слег с чем-то очень серьезным, вероятно, холерой. Если его свалила именно она, то у него было мало шансов. Внутренности его превратились в воду, хана мучили спазмы, и через десять дней он умер.

С этого момента все военные действия полагалось прекратить, поскольку монгольские вожди вновь переключали все свое внимание на передачу престола. Сперва имели место ритуалы погребения, которые заняли не меньше месяца, а скорее всего, целых два: подготовка тела к путешествию, 1800-километровый месячный путь обратно в Каракорум, где четыре последующих дня пройдет официальный траур во дворцах высокопоставленных женщин, а потом последняя 500-километровая процессия через степь на восток, мимо гор, тянувшихся возле современного Улан-Батора, в самое сердце изначальной Монголии, вверх по реке Керулен, через гребень, охраняющий долины ее истоков — к священной горе Бурхан-халдун, месту погребения Чингиса и его сына Толуя. В подобном массивном оказании почестей полагалось участвовать всем князьям-царевичам, всем царевнам и прочим знатым лицам, с сопровождающей каждого свитой из лошадей и кибиток. Заканчивалось все это установкой множества юрт в подготовке к погребению. Окончательное захоронение

произойдет в Великом Запретном Месте, с его постоянным корпусом конной стражи, охраняющей дозорами все подходы. Под конец меньшая группа скорбящих пройдет 20 км извилистой долиной реки Богд, а затем поднимется по лесистым склонам на открытое плато, лежащее под великой куполовидной вершиной Бурхан-халдуна. Само место погребения планировалось хранить в тайне: могилы сравнивали с землей, прогоняя по ним табун лошадей, а затем потревоженная земля постепенно зарастает молодыми деревцами и жесткой травой, в то время как летние дожди и зимние морозы вгоняют могилы в вечную мерзлоту. Поэтому по-прежнему остается тайной, где именно лежат Чингис, Толуй, Мункэ и последующие ханы.

Следующим пунктом в повестке дня полагалось быть великому курултаю, который изберет нового великого хана. Но к этому времени уже близилась зима; поэтому выборы пришлось провести только следующей весной, дав претендентам на трон убедиться, что они располагают необходимой поддержкой.

* * *

А что же тем временем делал Хубилай? Когда до него дошли известия о смерти Мункэ, он собирался переправиться через реку, известную сейчас как Хуайхэ, углубившись на 250 км на территорию империи Сун. Он пробыл в пути несколько недель, преодолев более тысячи километров, предпочел быстроту безопасности, обойдя стороной большой город-крепость Цзяньян, после чего прошел еще 400 км (вероятно, десятидневный поход), спеша на условленное место встречи. Впереди стояли сунские войска. Их разведчики наверняка прослышали о смерти его брата и распространили эту хорошую новость, которая вселила новую отвагу в сердца противостоящих ему южных китайцев. Поэтому особого выбора у Хубилая не было: сидеть, ничего не делая и давая южанам время подготовить контрнаступление, отступить и бросить завоеванную территорию — или наступать.

Правильное решение он знал из собственного опыта: когда умер его дед, ему было двенадцать — достаточно много для посвящения в план сохранить смерть в тайне от основного на тот момент врага, тангутов, на случай, если подобная новость сможет вселить в их сердца надежду. Он переговорил об этом со своим заместителем Бахадуром.²⁵ Бахадур, одногодок Хубилая, происходил из выдающейся военной семьи, будучи внуком великого полководца Чингиса Мухали (или, в ином написании, Мукали). Он все понял, и было принято совместное решение: они сделают вид, будто эта новость — всего лишь пустой слух, распространяемый с целью вызвать страх и отчаяние. «Не обращайтесь на болтовню, — сказал Хубилай согласно Рашид ад-Дину. — Мы пришли сюда с армией, подобной муравьям или саранче. Как же мы можем повернуть назад, не выполнив свою задачу?»

И он продолжил наступление к вселенной воды, которой была Янцзы. Начиная с того места, где эта река покидает Три Ущелья на 400 км выше по течению, она становится полноводной, как Амазонка, лениво петляя по плодородным рисовым равнинам, снижаясь каждый километр всего на 2,5 сантиметра. Она походит скорее на внутреннее море, чем на реку, и столь же неудержима в каких-то границах, как разлитые на промокашке чернила. Во времена Хубилая у нее вообще едва ли были какие-то берега, настолько регулярно она разливалась за все мыслимые пределы. В этом месте она представляла собой лабиринт из излучин, протоков и озер, создавая преграду свыше 10 км шириной. Чтобы переправиться через нее, должно быть, понадобился целый флот; но Хубилай все-таки переправился, ибо вскоре его войска осадили Учан, где к ним присоединились 20 тысяч воинов, приведенных Урянхадаем из Юннани. Они вынесли много тягот, захватывая крепости на горных перевалах, потеряв от болезней 5 тысяч человек. Их прибытие чуть не заставило учанцев

---

²⁵ По другим данным. Бахадур был не сыном, а внуком Мухали. (Прим. пер.)

лишиться мужества. Вероятно, город уже был на грани капитуляции, когда в начале октября на противостояние с Хубилаем прибыли контингенты, освобожденные от боев смертью Мункэ. Каким-то образом, вероятно, по реке, они сумели обойти монголов и вступили в город, доказав, что кольцо осаждающих было далеко не таким плотным, каким ему следовало быть.

Пат.

Хубилай столкнулся со сложным выбором: продолжать осаду Учана — или вернуться в Монголию, чтобы принять участие в решении вопроса о престолонаследии? Имперские стратегические замыслы все чаще сводились на нет внутренними делами на родине. В декабре Хубилай решил, что больше не может колебаться. И все-таки что же выбрать: закончить начатое или отвести войска?

Сунский командующий Цзя Сыдао, хитрый дипломат, несомненно, знавший, под каким нажимом находится его противник, попытался подтолкнуть хана к отступлению. Цзя, один из самых знаменитых и противоречивых людей своего века, сыграл важную роль в истории Хубилая. Его дед и отец носили военные звания среднего ранга — ничего из ряда вон выходящего, но достаточно неплохо, чтобы маленький Цзя пришел в мир на все готовое. В своем родном городе, сунской столице Ханчжоу, он принадлежал к числу золотой молодежи, любил хорошеньких девушек, азартные игры и выпивку. К тому же ему везло в жизни. Его сестру выбрали в императорские наложницы; она стала фавориткой императора, родив ему дочь, его единственного выжившего ребенка, и поднялась в гареме до высокого ранга Драгоценной Супруги. В 1236 году император заболел, и какой-то высокопоставленный сановник собрался предложить отправить его в отставку. Но Цзя прослышал об этом заговоре и сообщил о нем сестре, она же рассказала все императору, позволив тому предпринять нужные действия по спасению трона.

За этим последовали хорошие посты, и к тому времени, когда Цзя исполнилось 40 лет, он сделался могущественным и богатым. В свободное время он увлекался искусством и древностями. У него было великолепное поместье в горах с видом на Западное озеро, где он устраивал вечера для тысяч гостей. Имея вдоволь времени и достатка, Цзя мог позволить себе весьма странное увлечение: он любил заставлять сверчков драться друг с другом. Он стал таким большим специалистом по сверчкам и присущей им агрессивности, что написал руководство по их разведению и выращиванию из них бойцов-чемпионов. Были у него и претензии на место в литературе: другая написанная им книга, ничем не примечательный текст, в котором он делится с читателем своими мыслями и опытом, называлась «Случайные выдержки из Зала наслаждения жизнью» и была подписана псевдонимом «Полупраздный старик». Разумеется, его соперники называли его высокомерным и легкомысленным, сетуя на то, как он пропускает меж пальцев государственные деньги, чтобы наполнить дорогими произведениями искусства свой собственный Ксанаду, Сад Собранных Благоуханий. В 1259 году, когда ему было 46, его назначили канцлером империи, поручив ему упорядочить пошатнувшиеся сунские финансы и вооруженные силы. Таким образом он и оказался во главе обороны Учана, в положении, из которого имел возможность повлиять на решение Хубилая.

Цзя выбрал очень рискованную стратегию. Что, если империя Сун станет платить ежегодную дань в обмен на согласие монголов считать Янцзы новой границей между государствами?

Однако Хубилай и слышать об этом не желал. «Намерения у тебя, возможно, добрые, поскольку ты выступаешь за мир ради живых существ, — ответил он через своего посла. — Но какой прок в этих словах теперь, после того, как мы переправились через Янцзы?»

Монголы не нуждались в соглашениях, дабы получить то, что могли попросту взять; договор же, определяющий новую границу, станет дипломатическим неудобством, когда придет время для завершения завоевания. Хубилай счел, что лучше просто отвести войска, а потом вернуться, когда он сам сочтет нужным, особенно — и это было решающим фактором — потому, что на родине происходило нечто весьма угрожающее.

* * *

Как Хубилай узнал из послания обеспокоенной жены, его младший брат Ариг-буга (Ариг Сильный), хозяин кочевого сердца империи, по какой-то неизвестной причине собирал войска. Это наверняка имело связь с наследованием престола, поскольку из трех еще живых братьев Хулагу, будучи правителем Персии, на трон не претендовал; оставались только Ариг-буга и Хубилай.

Если Хубилаю требовалась какая-то дополнительная причина для возвращения, то он получил ее два дня спустя, когда прибыли посланцы от самого Ариг-буги, не привезя ничего, кроме безобидных приветствий и вопросов о здоровье хана. У Хубилая тут же зародились подозрения. Он спросил посланцев, что делает их господин с набранными войсками. Приведенные в замешательство тем, что он в курсе действий Ариг-буги, те принялись юлить: мы-де люди маленькие, ничего не знаем ни о каких войсках, это наверняка ложь. Хубилай почувствовал коварство. На тайном совещании со своими высшими полководцами он сообщил им о намерении отправиться на север и выяснить, что там происходит.

Истина состояла в том, что Ариг-буга был традиционалистом. Ему не нравилось видеть, как брат предаст забвению старинные обычаи, женившись на христианке и обзаведясь поместьями в Китае, и он искал поддержки на родине, дабы гарантировать, что следующей весной курултай изберет великим ханом именно его. Но он явно не желал, чтобы Хубилай узнал о его планах. Через две недели Хубилай, проделав путь в 600 км обратно на север к Желтой реке, отправил Ариг-буге послание, расспрашивая того о войсках: с какой целью они собираются и почему их нельзя передать ему, Хубилаю, для борьбы с китайцами? Один из помощников Ариг-буги указал, что Хубилай явно догадался, в чем дело. Лучше отправить к нему посланцев с сообщением, что сбор войск прекращен, и успокоить его, подарив соколов и охотничьих животных.

Так и случилось. Внешне Хубилай выразил облегчение — «Души всех успокоились», — но одурачить его не удалось. Политика теперь подрывала строительство империи. Он приказал своим полководцам немедленно снять осаду с Учана, оставив символические силы для защиты плацдарма на южном берегу Янцзы, и направиться обратно в Монголию.

Это стало финалом вторжения. В скором времени Цзя вновь захватит все отнятое, и империя Сун останется незавоеванной еще 20 лет. Все внимание Хубилая оказалось сосредоточено на споре, который стремительно перерастал в гражданскую войну.

* * *

К наступлению 1260 года за одной хитростью немедля следовала ответная, гонцы носились туда-сюда галопом через степь и Гоби, возя послания, а двое претендентов в великие ханы соперничали, добиваясь преимущества, словно они и их сторонники были всего лишь фигурами на огромной шахматной доске. Ариг-буга пытался собрать курултай, чтобы тот избрал его великим ханом, но это не сработало. Намерения Ариг-буги исказить правила были настолько очевидны, что несколько царевичей не откликнулись на приглашение. Тогда тот попробовал другую хитрость, умоляя всех срочно прибыть, чтобы оплакать старшего брата. Находившийся на тот момент в Пекине Хубилай понял, что если приедет, то сам влезет в западню, и принялся тянуть время. Он заявил, что его воины только что вернулись из похода, и им нужен отдых. Но не успели гонцы Ариг-буги уехать, как Хубилай послал за теми войсками, которые возглавлял Мункэ перед тем, как умер. Куда они делись? Очевидно, были убраны с дороги в угол, в страну тангутов — туда, где некогда было государство Си-Ся до того, как его завоевал Чингис.

К этому времени наступила весна. Ариг-буга, недавно прибывший в летнее стойбище в Алтайских горах на западе Монголии, понял, что не может больше ждать, но не рискует

отправиться в Каракорум — наверное, потому, что тот находился в пределах досягаемости для армий Хубилая. Он собрал тех князей, каких смог, добился провозглашения себя великим ханом и отправил во все стороны гонцов, провозглашающих, согласно Рашид ад-Дину, что Хулагу, Берке (новый правитель Золотой Орды в южной России), нынешний правитель Чагатайского улуса в Центральной Азии и прочие чингисиды дружно согласились возвести Ариг-бугу в великие ханы. Сообщение завершилось словами: «Вы не должны обращать внимания на речи Хубилая».

Хубилай был разгневан. Это был прямой мятеж, не столько против него лично, сколько против обычая, согласно которому нового великого хана выбирало собрание из большинства царевичей-чингисидов. Кроме того, это была прямая ложь. Хань Персии и Золотой Орды не прибывали в Монголию и в любом случае являлись сейчас злейшими соперниками, которых разделяли как религиозные, так и территориальные споры. Хулагу и в самом деле отправился было в Монголию после смерти Мункэ, но катастрофа при Айн-Джалуде заставила его повернуть обратно. Берке обратился в ислам, чтобы лучше править своими мусульманскими подданными, Хулагу же убивал мусульман тысячами. И оба этих князя, настроенные один про-, а другой антимусульмански, притязали на территорию, которая сейчас называется Азербайджаном. Когда Хулагу вернулся, желая спасти то, что еще можно, Берке воспользовался слабостью своего двоюродного брата для объявления войны. Так какова же вероятность, что столь лютые соперники сойдутся на одной кандидатуре в новые великие ханы?

Ариг-буга сам себе поставил подножку. Хубилай был не единственным, кого разгневала его наглость. Князья и полководцы, не откликнувшиеся на приглашение Ариг-буги, собрались у Хубилая. Чтобы спасти империю, можно было сделать лишь одно: провозгласить себя великим ханом с той законностью, какая только возможна.

Однако это нельзя было проделать *вполне* законно, так как потребовалось бы полное собрание в Каракоруме, обуздать которое он был пока не готов. Поэтому в начале мая 1260 года тех, кто поддерживал Хубилая, созвали на церемонию в Ксанаду.²⁶

Баланс сил с обеих сторон был равным. Хубилай мог рассчитывать на Хулагу, но Хулагу был занят, отбиваясь от Берке. Кроме того, Хубилай мог опереться на ресурсы северного Китая, который он попытался сделать максимально надежным тылом, издав воззвание, указывающее на его достоинства: он собирается править с добротой и любовью, снизит налоги, накормит голодных, будет чтить предков, в общем, будет всем, чем надлежало быть насквозь китайскому императору. Последовал вихрь приказов, устанавливающий учреждения в китайском стиле. По рекомендации своего китайского советника Ван О он дал своему правлению девиз Чжун Дон, «Умеренное Правление». Некоторые ученые полагают, что это было сделано, дабы провозгласить прокитайский мандат Хубилая, создав связь между его правлением и оракулом двухтысячелетней давности — «И Цзином» («Книгой Перемен»).

На мой взгляд, этот исторический фрагмент четко высвечивает тот выбор, перед которым стоял Хубилай. Корни его были в степи, и все же у него имелись китайские владения; он участвовал в завоевании севера и части юга и нацелился завоевать остальное. Теперь он находился в городе, построенном в китайском стиле посреди степи, и собирался провозгласить себя императором — но чего именно? Монгольской империи? Китайской империи? Чтобы разобраться, как лучше всего с этим управиться, ему требовалась помощь. Но он, насколько нам известно, не стал призывать к себе монгольских шаманов²⁷, читающих

---

²⁶ Таков порядок событий в изложении Рашид Ад-Дина. Другие источники утверждают, что избрание Хубилая состоялось первым, а сразу за ним последовало избрание Ариг-буги. Однако это не имеет особого значения, поскольку первенство тут никак не влияет на суть вопроса. (Прим. авт.)

²⁷ Правильнее называть их просто прорицателями. (Прим. пер.)

судьбу по бараньей лопатке, а вместо этого обратился к китайскому знатоку, умеющему гадать по «И Цзину».

«И Цзин» занимает уникальное место в китайской культуре. И конфуцианцы, и даосы находят в нем отражение своей философии. По сути, как наверняка знал от своих советников Хубилай, «И Цзин» означает течение жизни, символизированное как Путь Воды или Дао, по которому, если мы только сможем правильно прочесть символы, можно увидеть, что грядет в будущем, а что минуло и завершено. Корни этой в высшей степени сложной системы гадания, вобравшей в себе мифы, символы, ритуалы, ландшафты, иероглифы, язык и многое другое из присущего людям, уходят в прошлое пятитысячелетней давности — до царства Шан, до бронзового века, до появления письменности. Ее сложность и (как сказали бы некоторые) мудрость росли с каждым минувшим веком. Она входила в канон Шести классических книг, составляющих основу всякого обучения. Все, от императора до уборщика улиц, советовались с ней во времена перемен и принятия решений, особенно в критические моменты, когда Небесный Мандат выпадал на новую династию, поскольку «Книга Перемен» позволяла проникнуть умом в незримый мир, куда отбрасывают тени события мира вседневного. В зависимости от уровня вашего скептицизма или доверчивости «И Цзин» — либо весьма впечатляющий образец бессмыслицы, либо нечто, полное поразительных истин. Как в огромной и сложной чернильной кляксе, в «Книге перемен» можно узреть свои самые тяжкие проблемы и обнаружить самые поразительные озарения. В наше время многие говорят, что это, выражаясь словами Юнга, метод зондирования подсознательного, помогающий сквозь шум соперничающих мыслей прорваться к принятию решения. Вся трудность в том, как понять, что именно она говорит; тут-то и подключаются знатоки.

Сказанное Хубилаю было именно тем, что желал бы услышать любой китайский император.

Представьте себе Хубилая, который в своем новом дворце мучается, пытаясь понять, что же ему делать. Он знает, что должен каким-то образом предъявить права на трон. Более того, он обязан утвердить свои претензии, дав девиз своему правлению и вводя тем самым новый календарь, как поступали все китайские императоры. Но следует ли ему делать это здесь? Сейчас? И какой девиз избрать?

Мудрец готовится дать рекомендацию при помощи 50 стеблей тысячелистника, которые сложатся в одну из гексаграмм, а из нее, в свою очередь, будут выведены Суждение, Образ и Комментарий. Дело осложняется тем, что мудрец говорит по-китайски, а Хубилай — нет. Все идет через переводчика. Каждую из шести линий, образующих гексаграмму, нужно создать, комбинируя случайные решения, ритуальные акты и сложные числовые преобразования. Все это, не забывая, делается ради понимания перемен. Один стебелек отложен в сторону (я так и не смог выяснить, почему; наверное, чтобы создать нечетное число). 49 оставшихся стеблей делятся на две произвольных кучки. Повинуясь древним правилам, Хубилай медленно перемещает стебельки из одной кучки в другую и из кучки в руку, до тех пор, пока между пальцев его левой руки не окажется либо девять, либо пять стебельков. Эти стебельки откладываются в сторону, и им придаются новые цифровые значения. Прodelывает он это трижды. Затем три выбора интегрируются, давая окончательную цифру. Та, в свою очередь, означает либо прерывистую, либо неразрывную линию, которая, в зависимости от цифры, претерпит или не претерпит дальнейшее преобразование. В данном случае это линия «молодая ян» — положительная, непрерывная, не претерпевающая дальнейших изменений. Шесть раз он повторяет эту процедуру, производя шесть горизонтальных линий. И смотрите — все шесть линий одинаковы! Эта гексаграмма самая первая в освященном времени каталоге: Цянь, «Созидание».

Данная гексаграмма весьма благоприятна: порыв к созиданию исходит от Неба. Она состоит из двух триграмм, обе из которых называются Цянь. Это удвоение представляет собой действие. Поэтому весь знак являет собой первозданную мощь, силу Неба, созидательное действие как божества, так и его земного подобия, правителя.

Хубилай знает о Небе, поскольку именно от монгольского Неба (или небесного бога

Тенгри) его дед Чингис и получил санкцию на правление. Если Хубилай примет правильное решение и станет правителем, то унаследует эту санкцию, сперва как монгольский хан, но затем и как завоеватель мира, что будет включать в себя и власть китайского императора, который, конечно же, правит только благодаря Небесному Мандату. Не в этом ли заключается его судьба? И если так, как ему лучше всего достичь этого? Он ждет, сгорая от любопытства. Мудрец объявляет Суждение: «Созидание создает великий успех, достигаемый через настойчивость».

Могу себе представить внутреннюю реакцию Хубилая: «Это еще что такое?!»

Мудрец набирает побольше воздуха в грудь и старается объяснить. Когда кому-то выпадает такое предсказание, это значит, что успех придет к нему из первозданных глубин вселенной, и все зависит от его стремления к своему счастью и счастью других только одним способом, то есть от настойчивости в том, что является правильным. Один из атрибутов этого предсказания — слово, которое иногда переводится как «великий», но которое также означает «происхождение, отличный, изначальный, первый, высший». И слово это звучит как юань.

Мудрец еще не закончил. Судьба хана — явить четыре атрибута величия, потенциала, мощи и настойчивости. Движение Неба исполнено мощи. Таким образом, наивысший делается сильным и неутомимым. Поскольку он с великой ясностью видит причины и следствия, то в подобающее время создает шесть ступеней лестницы и поднимается по ним к небу, как по шести драконам. Он высоко возносится над множеством существ, и все земли объединяются в мире. И прочее в том же духе.

Предсказание это носит туманный, мистический характер, но кажется разумным почти в любой версии перевода (этот вариант взят из подстрочника Кэри Бэйна с перевода на немецкий Рихарда Вильгельма). Хубилай же получил из него не что иное, как уверение, что он на верном пути. Из этой трактовки он и взял девиз для своего правления: «Чжун Дон», неясный термин, означающий нечто вроде Центрального или Умеренного правления. В конечном итоге, когда его провозгласят великим ханом, ему придется еще тверже отметить себя названием того, что наверняка станет новой династией. Сделать такой шаг сейчас было бы слишком надменным, однако слова мудреца подали ему идею имени династии, которое он будет помнить, пока не настанет срок принять его. Имя это отражает все, чем он желает видеть свою династию: великая, первая, высшая. Династия Юань.

5 мая 1260 года Хубилай сделал решительный шаг. Собравшиеся в Ксанаду князья-царевичи²⁸ трижды умоляли Хубилая принять трон. Как требовала традиция, он дважды отказался, а на третий раз милостиво согласился. Князья присягнули на верность и провозгласили его новым великим ханом.

Теперь у империи появилось два великих хана — примерно так же, как во время Великого Раскола 1378–1417 годов у христианской церкви появились папа и антипапа. Здесь же имели место хан и антихан. Но кто из них кто?

Военные операции в империи Сун продолжали сворачиваться. Хубилай попытался найти дипломатическое решение, отправив послов в Ханчжоу, но Цзя ответил на это, арестовав их. Все лето 1260 года двое противостоящих друг другу братьев усиленно маневрировали, и каждое действие и противодействие повышали ставки. Один из людей Ариг-буги, Дорчжи, который присутствовал на коронации Хубилая, сбежал, спеша донести эту новость до повелителя, но добился лишь того, что за ним отправили погоню и поймали. Ариг-буга вернулся в Каракорум с целью утвердить свою власть оттуда. Хубилай попытался поставить во главе центральноазиатского Чагатайского улуса своего человека, внука одного из своих кузенов Абишху — только для того, чтобы услышать, как тот с еще двумя царевичами и сотней сопровождающих захвачены Ариг-бугой, который затем назначил

---

²⁸ Из «князей-царевичей», т. е. чингисидов, на курултае в Шан-ду присутствовали лишь Хадан, сын Угэдэя, и Тогаچار, сын Тэмугэ-отчигина. (Прим. пер.)

ханом Чагатайского улуса собственного кандидата. Потом произошло первое вооруженное столкновение в неустановленном месте, в ходе которого Ариг-буга явно потерпел поражение. Мстя за это, Ариг-буга распорядился казнить Абишху и всю его свиту.

Хубилай закрыл торговые маршруты через Гоби, лишив Каракорум снабжения съестными припасами, которые тогда поставлялись из Китая. Он мог это проделать, поскольку его двоюродный брат Хадан контролировал Си-Ся и лежащие западнее уйгурские регионы. Общими усилиями они могли блокировать всю дугу в 2300 км от Бешбалыка на границе Чагатайского улуса до Ксанаду, вынудив Ариг-бугу с наступлением зимы обратиться к грубым крестьянам и ремесленникам сибирских долин на севере. Хубилай не желал рисковать. Он набрал дополнительные войска, купил 10 000 запасных лошадей, приказал доставить 6000 тонн риса — годовую поставку, — а затем повел свою хорошо снабжаемую армию на север, в сердце Монголии. Неподалеку от Каракорума он узнал о казнях и в порядке мести за них казнил Дорчжи.

Ариг-буга, вынужденный отступить в долину Енисея, источник своего снабжения в Сибири, начал впадать в отчаяние. Он оправдывался и выражал готовность подчиниться брату: «Мы, твой младший брат, совершили преступление и нарушили закон по неведению. Вы мой старший брат, и я отправлюсь, куда бы вы ни приказали».

Но это были только слова. Стычки продолжались до нового открытого столкновения в степи восточной Монголии следующей осенью. Произошли две битвы с большими потерями у обеих сторон и без всякого решающего исхода, однако Ариг-буга сильно пострадал. «Обезумевший и приведенный в замешательство, с отощавшей и голодной армией», по словам Рашид Ад-Дина, он отступает в леса и горы Сибири. Союзники его покинули. Алгу, назначенный им марионеточный правитель Чагатайского улуса, отказал ему в помощи и казнил чиновников Ариг-буги; ханство погрузилось в пучину набегов, а его столица Алмалык стала «местом смерти и голода». Именно туда и бежал теперь Ариг-буга, гонимый бывшим союзником в глубины Центральной Азии, в то время как Хубилай занял на зиму Каракорум. Весной Ариг-буга обнаружил, что его поддержка быстро иссякает. Наглядным символом этого послужил смерч (май в Центральной Азии славится своими ветрами), сорвавший его юрту для аудиенций с тысячи колышков, поломавший ее опорный столб и ранивший многих, кто находился внутри. Для его советников это было предзнаменованием грядущего поражения.

И в этот момент — в начале 1262 года — его спас мятеж против Хубилая в далеком Китае. Беда пришла из Шаньдуна, сердца северного Китая, богатого прибрежного района неподалеку от устья Желтой реки. Местный военачальник Ли Тань был зятем одного из высших сановников Хубилая и помогал Мункэ воевать с империей Сун. Хубилай считал его верным союзником и поддерживал его набеги на империю Сун денежными вливаниями. Это казалось хорошей ставкой еще и потому, что сын Ли служил при дворе — по существу, был заложником. Но Ли, контролировавший местную солеварную и медную промышленность, был больше заинтересован в том, как набить карманы, чем в том, как поддержать Хубилая, и решил, что его, как китайца, в империи Сун ждет лучшее будущее, чем у монголов. Он организовал бегство сына из двора Хубилая, затем спустил свою армию на местных монголов, захватил склады и явно намеревался учредить собственное отколовшееся царство. Хубилаю потребовалось несколько месяцев, чтобы раздавить его — в самом прямом смысле слова, так как казнили его, зашив в мешок и насмерть затоптав лошадьми; традиционная судьба, уготованная монголами провинившимся лицам княжеского звания. В придачу к этому Хубилай казнил также тестя Ли, а затем снова вернулся к разборкам с Ариг-бугой.

Бунт в Шаньдуне был скверным эпизодом, однако Хубилай извлек из него пользу. Хотя в дальнейшем он всегда будет остерегаться доверять китайцам, он по-прежнему заботливо консультировался с китайскими советниками и приказывал своим войскам заботиться о штатских. Но теперь он понял, что для управления военной машиной ему нужна лучшая организация. Учреждение в 1263 году Военного Совета (шумиюань), управляемой монголами комбинации военного министерства и секретной службы, впервые провело

четкое разграничение между гражданской и военной администрацией. Война стала своего рода монгольской *cosa nostra*, к которой китайцы не допускались. Формируя это ведомство, Хубилай делал важный шаг, отходя от империи своего деда, базирующейся на степи и связанной воедино личной преданностью Чингису. Этот Совет станет целой параллельной бюрократией с чиновной элитой, преданной не персоне Хубилая, а его творению, государству.

Для угодившей в среднеазиатский капкан армии Ариг-буги зима 1263–1264 годов оказалась суровой. Не хватало всего: продовольствия, оружия, друзей. Люди и лошади голодали. Союзники — даже члены семьи самого Ариг-буги — дезертировали. На флангах Алгу вновь собрал войска и активно отбивался.

В 1264 году Ариг-буга смирился с неизбежным и явился молить о мире — брат, подчиняющийся брату. По описанию Рашид Ад-Дина, эта встреча была весьма эмоциональна. Ариг-буга приблизился к огромной юрте-дворцу Хубилая на традиционный лад, поднял закрывающий дверь полог и повесил его себе на плечо, дожидаясь приглашения войти. Вызванный в юрту, он стоит среди приближенных хана, словно провинившийся школьник. Двое братьев пристально глядят друг на друга. Если бы я писал роман, то рассказал бы вам, как память переносит их в детские годы, к временам, проведенным под строгим присмотром Соргахтани, к воспоминаниям о ее достоинствах: сдержанности, терпимости, умению прощать. Даже Рашид ад-Дин делает такую ретроспективу, почти как в киносценарии. И Хубилай смягчился. Оба брата прослезились, Хубилай жестом подзывает Ариг-бугу к себе. «Дорогой брат, — говорит он, — кто был прав в этой борьбе и соперничестве, мы или вы?»

Ариг-буга не совсем готов признать, что виноват исключительно он. «Тогда были мы, а сегодня вы», отвечает он. Для Хубилая этого почти достаточно. Но не для брата Абишхи²⁹, царевича, казненного одним из полководцев Ариг-буги, Асутаем. Тот протестует. «Я убил его по приказу тогдашнего правителя Ариг-буги, — горячо говорит Асутай. — А ныне Хубилай-хан правит всей землей. И если он прикажет, я убью и тебя тоже».

Еще один из командиров старается утихомирить страсти. Не время сейчас ворошить прошлое. Сейчас надо радоваться и веселиться. Хубилай одобряет. Ариг-буге отводят место среди царевичей.

Но он не свободен. На следующий день происходит допрос с целью установить, как такое могло произойти. Следует длительное выявление виновных, когда командиры спорят, кто же больше всех повлиял на Ариг-бугу. Дело это трудное, поскольку Хубилай желает найти виновных, но пока не видит причин казнить родного брата.

В итоге десять помощников Ариг-буги предают смерти, тогда как Ариг-бугу и Асутая щадят, хотя и оставляют под арестом. Что же делать с Ариг-бугой? Чтобы обсудить этот вопрос, Хубилай вызвал трех своих младших ханов — Хулагу, Берке, а теперь и Алгу, но все трое медлили с приездом. Хулагу и Берке все еще воевали друг с другом, а Алгу лишь недавно восстановил свою власть, поэтому никто из них не смел покинуть свои земли.

Но кто тогда избавит хана от брата, причиняющего ему неприятности? От родных, похоже, помощи не дожидаться; да и от Вечного Неба тоже — Ариг-буге еще нет и пятидесяти, он прекрасно чувствует себя и служит постоянным напоминанием, что претензии Хубилая на трон все-таки оспаривались.

Затем, как гром среди ясного неба, при необъясненных обстоятельствах, как неуклюже заявляет Рашид ад-Дин, Ариг-буга «внезапно заболел и умер». Или был убит? Некоторые так и подозревали в то время, другие с тех пор утверждали, что именно так все и случилось. Как бы то ни было, произошедшее определенно было удобным решением трудной проблемы.

А затем действительно вмешалось Небо. Через несколько месяцев после смерти Ариг-

---

²⁹ По другим данным Асутай был сыном Мункэ и приходился Абишке, сыну Бури, сына (внука) Чагатая, всего лишь кузенном. (Прим. пер.)

буги один за другим умерли также Хулагу в Персии, Берке в Золотой Орде и восстановленный хан Чагатайского улуса Алгу. Какой напрасной тратой времени и сил были минувшие пять лет — и все в результате противоборства Ариг-буги со своим братом! Великая задача вторжения в Китай была отложена в долгий ящик, стабильность монгольской власти во всей Евразии оказалась под угрозой, коренные земли Монголии отделились от своих китайских территорий, правители трех западных ханств вцепились друг другу в глотки. Теперь же все, казалось, восстановлено одним ударом. Неважно, что его избрание было не вполне законным — теперь Хубилай осуществлял прямую власть в Монголии, в северном Китае, в изрядной части Центральной Азии и на некоторых территориях империи Сун, а также был сюзереном подчиненных ему ханов в Персии и Южной России.

Портрет, относящийся примерно к этому времени, показывает нам Хубилая в возрасте 50 лет, в расцвете сил, в простом запашном халате без украшений. В нем есть что-то от мудреца, но выражение его лица выдает человека, бескомпромиссно приверженного стоящей перед ним задаче. Пришла пора снова обратить взор в сторону юга.

Часть вторая ЛЕТО

Глава 6 НОВАЯ СТОЛИЦА

Некоторые столицы рождаются великими: Рим, Париж, Лондон. Некоторым величие навязывается: Бразилиа, Канберра, Вашингтон — и Пекин. Три тысячи лет китайская культура была привязана к двум великим рекам, Хуанхэ и Янцзы. Пекин ни для кого не был наилучшим вариантом — слишком далеко на севере, никаких хороших рек, — пока в 1120-х годах из Манчжурии не вторглись предшественники монголов, чжурчжени империи Цзинь (Кинь). При Южной Сун, правящей из Ханчжоу, Пекин стал одной из трех столиц северного Китая — Чжунду, Центральная Столица, как его тогда называли.³⁰ Так что правительственным центром его сделали северяне, пришедшие из-за пределов коренного Китая, и тем самым привлекли к нему внимание Чингиса.

Захваченный и разоренный монголами в 1215 году, город был по современным стандартам небольшим — квадратом со стороной в 3,5 км. Современный неопределенный район непосредственно к юго-западу от площади Тяньаньмэнь, почти без всяких следов, намекающих на его прежнее существование, он к 1260 году все еще не оправился от разрушений, учиненных армией Чингиса. Со временем на его улочки, несомненно, вновь вернулись привычные картины и звуки: звон камертонов, которым оповещали о своем прибытии бродячие цирюльники, лязг медных чаш продавцов прохладительных напитков, колокола, отбивающие часы дневной и ночной стражи, доносящиеся отовсюду крики уличных торговцев-лоточников. Но стены и выгоревшие дворцы по-прежнему лежали в развалинах. Если бы людям Хубилая показывал город какой-нибудь нынешний агент по продаже недвижимости, то наверняка твердил бы о его потенциале. Но возможный покупатель не увидел бы ничего, кроме безнадежной разрухи.

Держа в 1260-х годах северный Китай, как гончар держит глину, еще не получившую окончательной формы, Хубилай мог выбрать любой из множества вариантов. Он мог проигнорировать Пекин и править из Ксанаду. Но сделав это, он навсегда провозгласил бы себя чужаком. Видя выгоды правления с китайской базы, он мог выбрать возрождение

---

³⁰ Впрочем, недолгое время. За свою историю Пекин сменил много названий, и его теперешнее китайское название Бэйцзин (Северная Столица) носили также и другие города. Я постарался свести эти ссылки к минимуму, предпочитая все время называть этот город Пекином. (Прим. авт.)

какого-нибудь древнего правительственного центра вроде Кайфына или Чанъана (Сиани). Но у Пекина имелось два важных преимущества: из многих возможных столиц северного Китая он находился ближе всего и к Ксанаду, и к Монголии. В 1263 году, всего через семь лет после начала строительства Ксанаду, Хубилай решил сделать Пекин своей главной столицей. Это завершит своего рода перешагивание с камня на камень — из монгольской степи в Китай, из Каракорума в Ксанаду и далее в Пекин. Каракорум он вообще забросит и отныне будет сновать взад-вперед между двумя своими базами, проводя лето в Ксанаду, а зиму в Пекине — способ стоять, опираясь ногами на два своих мира. Именно поэтому Пекин и является сегодня столицей Китая.

Но как лучше всего поступить с этой разрушенной недвижимостью? Недавно занявшие трон новые династии часто отмечали свое восхождение полным уничтожением и постройкой заново столицы династии предшествующей (как позже поступит династия Мин с монгольским Пекином). Наверное, с год Хубилай пребывал в нерешительности, поскольку в 1260 году происходила починка стен старого города, словно хан собирается начать строительство на фундаменте прошлого. Но, как указали советники Хубилая, новая жизнь в этих древних улочках будет кипеть негодованием. Работа на развалинах внутри города будет означать принятие программы действий низвергнутой династии и, возможно, вскормит мятеж. Поэтому Хубилай решил строить совершенно новую столицу.

Непосредственно к северо-востоку от цзиньской столицы находилось идеальное место, где реки с Западных гор (Сишаня) впадают в Бэйхай (Северное море). Здесь за тридцать лет до прибытия монголов располагалось место отдыха для богачей. Озеро, занимающее 35 гектаров в центре этого лесопарка, возникло в результате легенды, что некогда в давние времена в Восточном море были три волшебных горы, где жили боги, потребляя чудесный напиток бессмертия. Многие искали те горы и напиток, но никто не сумел их найти. Во II веке до н. э. ханьский император У-ди распорядился выкопать у своего дворца в столице озеро с тремя островками, символизирующими волшебные горы. Последующие императоры делали в своих столицах то же самое. Так поступила и династия Сун в Пекине в конце X века, вырыв озеро, которое питала водой река, стекающая с Западных гор, и устроив в нем уже ставшие традиционными три острова. Вот это-то красивое место с тщательно вылепленным ландшафтом и выбрал в XII веке цзиньский император для своего Дворца Мириада Безмятежностей; он также построил себе второй приют на вершине холма нынешнего Нефритового острова, самой высокой точки города (ныне увенчанной Белой Пагодой XVII века, пекинским эквивалентом Эйфелевой башни). Когда Чингис захватил Пекин в 1213–1215 годах, эти имперские здания были разграблены, но озеро по-прежнему оставалось в центре заброшенного и одичавшего парка. Вполне естественно, что Хубилай выбрал в качестве центра своего нового города именно его.

При Ксанаду, представляющем монгольские аспекты Хубилая, новая столица стала насквозь китайской. В это было бы трудно поверить осенью 1263 года, когда император прибыл из Ксанаду восстановить район, за 50 лет небрежения сделавшийся полудиким. Представьте себе озеро, задушенное наносами и растениями, обветшалые летние дома по его берегам и мелкие участки возделанной земли тут и там, где крестьяне решились освоить то, что некогда было императорским парком. Поскольку старая столица лежала в руинах, Хубилаю было негде остановиться на ночь, кроме своих юрт. Поэтому, очистив выбранную площадку от кустов и молодых деревьев, воздвигли лагерь: ханский участок из нескольких больших *геров*, меньшие жилища для царевичей и сановников, и еще сотни для гвардии, конюхов, возчиков, оружейников, инженеров, плотников и тысяч других работников, включая, конечно же, архитекторов.

Общее руководство проектом осуществлял Лю Бинчжун, вдохновитель строительства Ксанаду. Но среди бригады архитекторов был один, имеющий особое значение, о котором в китайских источниках не упоминается, так как это был араб с именем, звучащим вроде бы как Ихтияр ад-Дин (примерная искаженная китайская передача его имени — Е-хэй-те-эр-дин). Мы вообще знаем о нем лишь благодаря китайскому ученому Чэнь Юаню, который в

1930-х годах наткнулся на надпись, посвященную сыну Ихтияра Мухаммед-шаху. Надо полагать, Ихтияр доказал свою ценность в Персии после монгольского завоевания, случившегося поколение назад, поскольку Хубилай — или, что вероятнее, Лю Бинчжун — вызвал его возглавить департамент в Министерстве общественных работ, который имел какое-то отношение к юртам (никто не знает, какое именно; может быть, занимался их производством для императорского дома?) Но в чем бы ни заключались его обязанности, за годы, проведенные в Китае, он стал большим специалистом по городской планировке. И вот теперь, на старости лет, его избрали надзирать за претворением в жизнь нового грандиозного замысла Хубилая.

Та надпись заслуживает пространныго цитирования, ибо передает ощущение масштаба проекта и недвусмысленно выражает политические цели Хубилая, а также выражает почтение к его главному архитектору. Осенью 1266 года, как гласит надпись, двор приказал возвести новые стены и дворцы столицы, и продолжает так:

«Когда Великое Предприятие [наверное, строительство Ксанаду] подошло к концу, влияние государства расширилось. Если дворцы и украшения столицы не прекрасны, они не смогут внушить уважения к империи. После своего назначения Ихтияр беспрестанно трудился над сей задачей, пока не начертил великий план. Выдающийся астролог выбрал благоприятный день, а начальник снабжения собрал необходимые материалы. Были подготовлены подробные планы проходов и ворот, залов аудиенций, дорог и жилищ постоянных обитателей, неофициальных приемных и отдельных дворов, кабинетов администрации, святилищ, домов стражи, складов для одежды, продуктов и столовых приборов, покоев для дежурных офицеров в императорском доме и так далее вплоть до бассейнов, прудов, садов, парков и мест для развлечений, высоких многоэтажных строений, балочных павильонов и неизукрашенных веранд с изогнутыми свесами крыш... В 12-й месяц [с 28 декабря 1266 года по 26 января 1267 года] был издан указ, повелевающий [трем сановникам] и Ихтияру ад-Дину совместно взять на себя обязанности Совета Общественных Работ и выполнить план строительства дворцов и городских стен. Были приняты меры для обеспечения строительства необходимым оборудованием, для установки на место колонн и балок, для доставки туда камня и кирпича, леса и глины. На строительстве работало множество ремесленников. Были заложены фундаменты и террасы, прочно и твердо. Все сделанное получило высочайшее одобрение. Услуги Ихтияра были высоко оценены, но он начинал ощущать тяжесть преклонных лет».

Однако из официальной истории династии Юань имя Ихтияра вымарали, упомянув только трех его младших китайских коллег. «Либо его опустили намеренно, — говорит Чэнь, — либо пропуск был допущен из-за невеликого уважения, каким прежде пользовалась архитектура». На мой взгляд, это больше походит на преднамеренный расизм. Хубилай, как и его дед, рад был воспользоваться любым талантом, где бы его ни нашел. Но Пекин вскоре станет весьма внушительной имперской столицей, а сам Хубилай — китайским монархом. И тут какой-то нанятый монголами араб показывает китайцам, как надо строить китайский город! Не нужно особого воображения, чтобы представить клику китайских официальных историков, желающих отомстить за свое унижение. Ихтияра попросту вычеркнули из истории — до тех пор, пока Чэнь Юань не дешифровал надпись, чтящую Мухаммед-шаха и его отца. «Гости страны, приезжающие в наши дни в Пекин, изумляются величию дворцов и городских стен, — писал Чэнь. — Но кто бы мог предположить, что человек, разработавший планы всех этих красот, был родом из Аравии?»

Сегодня парк Бэйхай, некогда место отдыха и развлечений императоров и князей за городскими стенами, стал местом отдыха и развлечений для всех прямо в центре города. И за это пекинцы, устраивающие пикники на берегах озера Бэйхай и катающиеся по нему на лодках, должны в какой-то мере благодарить Хубилая. Это он превратил запущенный парк в Аркадию, которая стала теперь туристическим штампом; именно он первым построил мост к

Нефритовому острову (замененный позже в его царствование тем мраморным Мостом Вечного Спокойствия с изящным изгибом, который гости города видят сегодня); именно он засадил склоны редкими деревьями и построил на них винтовые лестницы, а также дал поэтические названия храмам и павильонам — Золотая Роза, Нефритовая Радуга, Приглашающий Счастье, Вечная Гармония; именно он сделал озеро и остров зрелищем, при виде которого ахали иностранцы. Марко Поло отметил изобилие рыбы в озере и металлические решетки по обоим его концам, не дававшие рыбам сбежать в реку. Почти 50 лет спустя брат Одорик из Порденона на северо-востоке Италии восхищался множеством плавающих по озеру лебедей, гусей и уток.

Естественно, Хубилай заменил старый дворец на вершине холма на Нефритовом Острове новым, увеличив высоту холма землей, вынутой со дна озера. Именно тут он, надо полагать, держал свой двор в те десять лет (1264–1274 годы), пока шло строительство собственно города.³¹ Тот дворец на вершине холма ныне давно исчез, но заменен стоящей на его месте удивительной постройкой. В одном из семи залов дворца был второй, миниатюрный дворец, а в нем находилось ложе, инкрустированное золотом и нефритом, на котором любил возлежать Хубилай, когда держал свой двор. Рядом с ложем стояла громадная, весом в 3,5 тонны и емкостью 3000 литров, нефритовая ваза, покрытая сложной резьбой, изображающей играющих в волнах драконов. Из нее Хубилай отпускал вино. Опрокинутый вихрем событий, этот необыкновенный сосуд был в XVIII веке обнаружен и снова помещен на вершину холма, укрытый в собственном небольшом павильоне и стоящий на новой нефритовой капители. Что довольно странно на западный взгляд, на его подставке красуется свастика — но не в ее страшной нацистской версии, а с концами, загнутыми против часовой стрелки в изначально благотельной зороастрийской форме этого символа (этот символ используется на китайских картах для обозначения буддийского храма). Способность этой вазы приносить удачу признается всеми. Туристы покупают маленькие красные амулеты и развешивают их на окружающей ограде. Удачи всю жизнь! Молитва о счастье для всей семьи!

Ихтияр проектировал город, который имел бы традиционную форму прежних столиц, присущую в том числе и Ксанату — уложенные в прямоугольники дворец, внутренний город и внешний город. Этот замысел напоминал основные планы и блеск нескольких предыдущих китайских столиц, и более всего Чаньань (современный Сиань), столицу империи Тан в VI–X веках, возможно, величайший в мире город тех времен. Хубилай ничего не мог знать о Терракотовой армии, каждый год привлекающей в Сиань тысячи туристов, но он почти наверняка слышал о могуществе ее покойного командующего — Первого Императора Цинь Ши Хуан-ди, объединителя Китая в III веке до н. э., строителя дорог, каналов и Великой Китайской Стены. На эту мантию власти и славы и притязал теперь Хубилай.

* * *

В августе 1267 года несколько тысяч рабочих под руководством Ихтияра начали возводить валы через холмы и вдоль трех извилистых рек. Они использовали землю, а не камень, получая сырье при копании рвов. Как пишет Рашид ад-Дин, «в той стране принято класть две широких доски, засыпать между ними влажную землю и утрамбовывать ее большой дубинкой, пока она не затвердеет. Потом доски удаляют, и стена готова». Работа эта не требовала мастерства и шла быстро. Владельцев 382 мелких участков земли, перебравшихся сюда за годы, пока район был заброшен, бесцеремонно выгнали прочь по указу, сопоставимому с постановлением о принудительной продаже собственности — все они получили компенсацию в 1271 году. Через год стены из утрамбованной земли, у

---

³¹ См.: Дж. Н. Кейтс, «Новая дата происхождения Запретного Города» [G.N. Kates, «A New Date for the Origins of the Forbidden City»]. (Прим. авт.)

основания доходившие до 10 метров толщины, поднялись ввысь на те же 10 метров, сужаясь наверху до трехметровой дорожки, так что в разрезе стена походила на усеченный треугольник. Люди Ихтияра построили прямоугольник 5,5 на 6,5 км; 28 км по периметру, пронизанный одиннадцатью воротами. Внутри этого прямоугольника поднималась вторая стена, скрывающая Императорский город, а внутри него — третья, за которой в должное время будет заложен дворец и сопутствующие ему здания. На самом деле Ихтияр пошел на шаг дальше, чем в Сиани, воздвигнув четвертый ряд стен и создав дворец-во-дворце.

С марта 1271 года 28 000 рабочих начали строить инфраструктуру Императорского города, прокладывая сеть улиц, пересекающихся под прямым углом, как на Манхэттене, где каждый жилой массив принадлежал какой-то сановной семье, имевшей посреди него свой большой дом. В сердце Императорского города, но не совсем в центре, справа от озера Бэйхай располагался дворец. Окружающие его стены лишь частично проектировались для обеспечения безопасности. Неоглашаемая цель их возведения, как в случае Кремля или Альгамбры в Гранаде (что характерно, по воле случая построенных незадолго до того) была политической и психологической: произвести впечатление на всех входящих и внушать трепет перед величием хозяина дворца. Представьте, как вы въезжаете — через ворота во внешних бастионах, по забитым народом улицам, через еще одни ворота, для пропуска в которые требуется эскорт и письменное разрешение — в анклав богатых и могущественных с их большими особняками, садами и армиями слуг, и наконец, в святая святых империи, шкатулку с драгоценностями, в коей пребывает всемогущее воплощение власти, которого само Небо избрало править величайшим политическим образованием со времен падения Рима, по сравнению с которым бледнеют Арабский халифат и Российская империя. У Хубилая были свои противники и опасности, но приближение к нему сквозь все эти ворота стирало сами мысли о подобных вещах. Задолго до того, как вас проведут в божественное присутствие, вы окажетесь полностью подавлены целым набором царственных атрибутов: мощью, величием, властью, таинственностью и несказанным богатством.

Именно такие чувства и описал Марко Поло, когда в 1275 году приехал в город, известный под его неофициальным тюрко-монгольским названием — Ханбалык, Ханский Город, или Камбалук, как пишет его Поло. Для китайцев же он был Да-ду, Великая Столица. Поло сделал особый упор на описании дворца и его садов, со всех сторон окруженных десятиметровыми стенами, соединяющими восемь крепостей, каждая из которых имела склад для собственного военного снаряжения — луков, седел, сбруи, оружия. Под деревьями — редкостями, привезенными на слонах из отдаленных краев — паслись олени и газели, хорошо видные с дорожек, идущих под пологим наклоном с расчетом, чтобы дождевая вода быстро стекала, не успев промочить аристократические ноги. Дворец с крышей из красной, желтой, зеленой и синей черепицы был одноэтажным зданием с громадным центральным залом, где 6000 приглашенных на ужин пировали под изображающими зверей фресками, которые перемежались золотыми и серебряными украшениями. А вокруг зала — бесчисленное число покоев, куда не разрешалось входить никому, кроме элиты.

В конечном итоге, когда весь Китай падет перед монголами, этот город станет столицей всей объединенной страны и останется ею. Сердце сегодняшнего Пекина, Запретный Город, было построено прямо над творением Хубилая, с его входом, обращенным на юг, как дверь в любой монгольской юрте. 800 дворцов и залов, 9000 комнат, вход с площади Тяньаньмэнь — все они находятся там, где они есть, потому что Хубилай выбрал там место для своего дворца.

* * *

Когда шахматная доска из улиц и новых зданий начала превращаться из стройплощадки в столицу, Хубилай должен был принять решение. Чтобы помощь его правлению стала абсолютной, чтобы осуществить амбиции, унаследованные от деда, ему требовалось публично объявить, что Небо дало ему свой мандат на основание новой

династии. А ей требовалось имя. Однако монгольское название явно не слишком одобряют его китайские подданные, особенно жители юга, которые скоро будут его подданными, если осуществляться его планы. Вот тут и подоспел Лю Бинчжун с идеальным китайским именем, которое впервые предложило само себя, когда Хубилай размышлял над тем, как лучше провозгласить себя императором. Слово это присутствовало в выпавшей в Ксанату расшифровке гексаграммы Цянь.

Теперь это пророчество нашло еще большее оправдание в наборе слов, магическом заклинании, ассоциируемом с Путем Воды или Дао, в формуле, которая символизирует течение жизни. Слова эти — *юань хэн ли жэнь*. Каждое напоминает посвященным о ряде веков, за которые складывался «И Цзин», каждое содержит в себе целые вселенные значения. Но сейчас мы заинтересованы лишь в первом: в слове *юань*.

Словарная трактовка его — первый, главный, ведущий, фундаментальный. Но в нем есть еще многое другое. Вот что в итоге способен сказать о *юань* Стивен Карчер в своем «Полнейшем И Цзине: мифы, означающие Перемены»: «Юань — это конечный источник, *primum mobile*, движение, стоящее за абсолютным происхождением вселенной. Это сила весны и востока. Равно как неявно выражаемое первенство, оно также предполагает понятия „древнейший“ и „источник мысли и роста“. Оно обозначает хорошего человека и связь с фундаментальными истинами. Оно связано с идеями фундаментальных ритуалов, величия и основывающихся действий».

Поэтому Юань стало новым именем, провозглашенным в декабре 1271 года. Оно было избрано с преднамеренной оригинальностью: никакой прежний император не избирал для своей династии названия, которое не было бы каким-то топонимом. И все же родословная этого имени была безупречной. Никакое название не могло лучше взывать к чувствам китайцев (вот почему оно, помимо всего прочего, является также названием современной денежной единицы Китая). Более того, его туманно религиозные обертоны намекали на высшее, связывая его с Тенгри, монгольским Небом. Выбор императора произвел сильное впечатление на всех подданных Хубилая, и китайцев, и монголов.

Современный Пекин представляет собой лагуну, запруженную современностью. Но под мутной поверхностью уличного движения, загрязнения окружающей среды и новых зданий таится слабый образ старого города, призрачный прямоугольник, определенный самой внутренней сетью улиц. Как-то жарким летним днем я окунулся в прошлое, пытаюсь сделать этот призрак реальным. Я решил пройти по следам Эмиля Бретшнейдера — ботаника, врача российской дипломатической миссии и неутомимого историка этого города. В его время, где-то около 1875 года, монгольский вал высился, отделяя город от села, пересекаемый тропами и колеями телег. Когда сорок лет спустя по нему бродил историк Линь Ютан, то нашел его «совершенно сельским на вид, с фермами и прудами для уток. Это казалось очаровательным».

С тех пор все очарование давно исчезло. В четырех километрах к северо-западу от парка Бэйхай проезжие части дороги разделяет покрытый деревьями гребень. С виду он похож на что угодно, но только не на остатки земляного вала Хубилая. До него добираться, уворачиваясь от машин. Тропа из серого кирпича, по обеим сторонам которой высятся ряды увядших зарослей травы, привела меня на вершину, откуда сквозь густой как суп воздух открылся прекрасный вид многоэтажек, проезжих частей дорог и потоков машин. Попавшаяся тут табличка призывала: «Берегите траву, потому что трава — живая». Чего-либо иного живого здесь присутствовало не много, равно как и не много дошедшего из прошлого. Современный храм пустовал, за исключением единственного человека с бритой головой, играющего на однострунной скрипке. Там, где некогда маршировала стража, и неспешно прогуливались придворные, гудели потоки машин.

Кварталом севернее проходит канал, некогда бывший рвом, отмечавшим северную границу нового имения Хубилая. Я последовал к нему мимо того, что скоро станет главным центром Олимпиады, и вышел к парку Юань Даду, названному в честь династии Хубилая и монгольского Пекина. Гуляющих поджидали ярко раскрашенные прогулочные лодочки. На

скамейке дремал какой-то юноша. Вымощенные камнем дорожки окаймляли бывший вал, от которого теперь не осталось ничего, кроме стройных деревьев и тропинок. На одной колонне красовался барельеф Чингиса, сопровождаемого оркестром, плывущим на облаке, и наследниками. Это была не настоящая история, но наследие: колонна была поставлена здесь в 1987 году при создании парка. Но здесь, по крайней мере, хоть что-то уцелело от тринадцатого века — две каменных черепахи, эти символы мощи, любимые китайцами и перенятые монголами. А за ними — территория, на которой стоял дворец Хубилая, заросшая многоквартирными домами.

Если вы хотите получить ощущение Пекина при Хубилае, то лучше всего избегать улиц и поискать нечто, способное высвободить ваше воображение...

* * *

К 1274 году дворец у озера Бэйхай был почти полностью завершен для проведения Хубилаем первой аудиенции в главном зале (хотя работы над стенами и над дворцами продолжались до самого конца его царствования). Теперь у него был театр, в котором можно разыгрывать драму власти.

Одна из тайн власти заключается в том, что ее надо демонстрировать. Современный мир стал несколько равнодушен к ее эффектным проявлениям. Демократии эта эффектность смущает; особы же королевской крови, там, где они сохранились, замаринованные в наследии, смотрятся очень красиво, но лишены сущности власти. Но самодержцы, альфа-самцы и иногда альфа-самки истории, всегда знали, что власть и демонстративность отлично работают в паре. От древней Персии до нацистской Германии политическое господство делали осязаемым, используя символы, ритуалы и церемонии для представления тех идеалов, с которыми отождествляют себя правители и через которые они утверждают себя. У разных обществ есть свои способы это делать. Римские императоры становились богами на своих похоронах; непальские короли показывали себя воплощениями бога Вишну через акты щедрости; на Бали король являл свою власть, участвуя в карнавалах; Гитлер превратил самого себя в эпического героя театральностью Нюрнбергских съездов. Как указывает историк Дэвид Каннадайн, короли правят столь же по божественному *ритуалу*, сколь по божественному *праву*. Но под различными ритуалами скрывается фундаментальное сходство, о котором много спорят антропологи и историки. Подобные ритуалы и церемонии всегда утверждают несколько вещей: стабильность государства, власть государства над отдельной личностью, важность структуры власти, иерархию «правитель, семья, суд, народ», легитимность правителя и сверхчеловеческие качества, связывающие его с божеством.

Одна из театральных постановок такого рода, которая обнаруживается в нескольких обществах — церемониальная охота. К примеру, она была одним из наиболее значимых событий во Франкской империи Карла Великого после того, как в 800 году его короновали императором. Она была естественным завершением собрания, на котором разрешались крупные политические кризисы, поскольку «охота есть упражнение в достоинствах сотрудничества и демонстрация их».³² В драматической форме, в том числе и на последующем пиршестве, она символизировала преимущество коллективного действия, военного и политического союза.

Хубилаю, у которого хватало ума понять пользу ритуалов, не хватало знакомства с их формами в китайской культуре, и в этом вопросе его консультировали многочисленные советники. Источников для этого более чем хватало, особенно громадное трехтомное собрание имперских ритуалов, записанных полтысячелетия назад при династии Тан (618–

---

³² Дженет Нельсон, «Помазанник Божий и народный избранник: Каролингский королевский ритуал», в сб. «Ритуалы царственных особ» под редакцией Дэвида Каннадайна и Саймона Прайса (Janet Nelson, «The Lord's Anointed and the People's Choice: Carolingian Royal Ritual», in David Cannadine and Simon Price, eds, *Rituals of Royalty*). (Прим. авт.)

906), в период, когда Китай был объединенным, богатым и стабильным.³³ Танские ученые считали, что эти ритуалы дошли к ним из глубокой древности, где-то с 2000 года до н. э., и в II–I веках до н. э. были модифицированы введением конфуцианской практики. 150 ритуалов, символическая сущность власти, были скомбинированы с космологией, этикой и конфуцианством с примесями буддизма и даосизма. Здесь имелись правила принесения жертв богам неба и земли, пяти направлений, сбора урожая, солнца, луны, звезд, священных гор, морей, великих рек, а также предкам и лично Конфуцию. Существовали обряды для повторяющихся и не повторяющихся ритуалов использования священной горы Тайшань, где сходились миры людей и духов; обряды для монарха и для тех, кто временно занимает его место, для принятия и развлеченя послдов, для объявления о победах, для браков сановников, для царственных благодарностей, для облачений, для церемоний достижения совершеннолетия (по всем уровням вплоть до чиновников шестого класса), для рассылки меморандумов провинциальным чиновникам, для процедур, проводимых после неурожая, болезней и траура... и масса вариаций всего этого и многого другого в зависимости от того, проводятся ли они самим императором или его полномочным представителем, и для чиновников всех рангов, от императора до самых низших, чиновников девятого класса. Благоприятные ритуалы требовали воздержания на двух уровнях, ослабленного или усиленного, на протяжении семи, пяти или трех дней, в зависимости от того, каким был ритуал — крупным, средним или мелким. Правила конкретизировали шатры, музыкальные инструменты, занимаемые участниками места и слова молитв. Здесь содержались инструкции по поводу того, как селянам следует приносить в жертву богам земли и зерна вареное мясо, нефрит и шелк. Для проведения ритуалов существовала своя огромная и сложная бюрократия, с четырьмя подразделениями, занимающимися соответственно жертвоприношениями, имперскими пиршествами, императорской семьей и церемониями для иностранцев, а также Совет по Обрядам в департаменте государственных дел. Им требовались сотни специалистов по ритуалам; однако ожидалось, что 17 000 ученых-чиновников всех других департаментов во всех подробностях знают об особых ритуалах в собственной сфере деятельности.

Весь этот громадный, в высшей степени дорогостоящий и страшно неповоротливый аппарат считался жизненно необходимым для функционирования государства, поскольку создавал контекст для человеческих действий и связывал их с космосом. Он поддерживал общественную иерархию, обуздывая непомерные аппетиты человека. Он действовал там, где переставал действовать уголовный кодекс, так как не принуждал людей и не наказывал их. Он подтверждал благодать мирового порядка и роль императора в посредничестве между землей и небом. По сути дела, он был огромным общественным гироскопом, поддерживающим стабильность общества (и это одна из причин, почему династии столь часто продолжали править, даже практически лишившись могущества, до самого конца, который, казалось, наступал внезапно). Последующие династии следовали примеру Тан, производя собственные кодексы ритуалов. Если Хубилай хотел, чтобы его всерьез принимали за китайского правителя, ему требовалось вооружиться именно этим.

Поэтому на исходе среднего возраста Хубилай демонстрировал и упорядочивал изо всех сил, которых у него было больше, чем у любого тогдашнего монарха на земле. Если ты правишь третью населенной Азии, а твои родственники правят всем остальным; если в то же время твои первоначальные претензии на власть выглядят немного шаткими; если ты стареешь, прибавляешь в весе, легко сбиваешь дыхание и морщишься от боли в подагрических ногах — то, естественно, желаешь разыграть спектакль, насколько у тебя хватает сил. В годы после 1274 года Хубилай обладал большим богатством, чем любой

---

³³ Дэвид Мак-Маллен, «Чиновники и космология: ритуальный кодекс Танского Китая», в сб. «Ритуалы царственных особ» под редакцией Дэвида Каннадайна и Саймона Прайса [David McMullen, «Bureaucrats and Cosmology: The Ritual Code of T'ang China», in David Cannadine and Simon Price, eds, *Rituals of Royalty*]. (Прим. авт.)

монарх в истории, и, видят небеса, знал, как использовать это богатство для демонстрации и укрепления своей власти. Но он не стал прикидываться китайцем, рабски следуя танским предшественникам в своих церемониях и ритуалах; его цель по-прежнему состояла в уравнивании монгольского и китайского начал, и применяемая им для этого техника включала в себя хорошо испытанные средства внушать трепет — ритуал и демонстрацию, поднимающие его от человека до монарха, а от монарха до полубога.

Опорой его власти, через которую его влияние распространялось на весь Китай и за его пределы, служил двенадцатитысячный двор, состоявший из родственников, сановников и офицеров, и у каждого в этой толпе имелось по меньшей мере три набора парадной одежды, несколько менее богатые аналоги нарядов самого Хубилая, по одному для каждого из трех главных государственных праздников — дня рождения хана в конце сентября, Нового Года и ежегодной весенней охоты.³⁴

Взять хотя бы Новый Год. Это был праздник, предназначенный подчеркнуть как китайскую, так и монгольскую санкции хана. Один из величайших китайских праздников, при Хубилае он был вдвое значительнее, так как имя его династии, Юань, наряду с прочим означает «первый», особенно первый месяц лунного календаря. (Сегодня два календаря, лунный и григорианский, действуют в Китае параллельно). И это был также один из важнейших монгольских праздников. До сих пор, как всегда в сельской местности, в первый день первого месяца — день «Белого Месяца» — встают с утра пораньше, надевают самые лучшие одежды, выходят из юрты, кланяются в сторону востока, а потом в сторону остальных стран света, и, плеснув в воздух немного молока или водки Синему Небу, возвращаются почтить буддийские образа или, что более вероятно в наше время, фотографии покойных членов семьи. Отец-хозяин юрты отливает Синему Небу немного сброженного кобыльего молока, дети преподносят родителям шелковые шарфы, сложив руки на правильный лад. Следуют поклоны и благословения. Потом пьют чай, ходят в гости, вспоминают, как было в старину, в общем, укрепляется сеть общественных связей.

Придворный церемониал Хубилая смешал эти простые частные ритуалы с китайскими придворными торжествами, создавая празднество гигантских масштабов, всеподавляющее утверждение личной и государственной власти. Марко Поло описывает его. Тысячи людей — по его словам, сорок тысяч, хотя мы должны помнить о его привычке бросаться подозрительно круглыми цифрами, — облаченных в белое, в должном порядке следуя за царской семьей, перетекают из Большого Зала на окружающие площадки. Какой-то высокопоставленный сановник — Поло не уверен, кто именно, верховный шаман, буддийский священник или старший управляющий двора — призывает «склониться и почтить», и все собрание четырежды бьет челом об пол, совершая массовый *коуту*. Затем следует песня, потом священник затягивает молитву: «Великое Небо, простершееся над всем! Земля, руководимая Небом! Взываем к вам и молим вас осыпать благословениями своими императора и императрицу! Да живут они десять тысяч лет, сто тысяч лет!» После чего каждый священник подходит к алтарю и машет кадиллом над табличкой с высеченным на ней именем Хубилая. Из всех углов выступают чиновники с подарками в виде золота, серебра и драгоценных камней, многие из них в восемьдесят одном экземплярах, поскольку 81 — вдвойне благоприятное число (девять, помноженное на девять); сокровища эти выставляются на обозрение в сундуках на спинах целой колонны богато украшенных слонов и верблюдов.

После этого переходят к трапезе. Хубилай сидит за столом, расположенным на высокой платформе, вокруг него, несколько ниже — князья-чингисиды и их жены. С одной стороны зала стоит огромный стол с готовыми блюдами на выбор, украшенный резьбой в виде зверей. Центральное место на нем занимает золотая винная чаша величиной с бочонок. У нее

---

³⁴ Число этих праздников в источниках возрастает с ходом времени, часто до четырех, а иногда до 12 или 13 (в версиях Поло слова *trots* и *treize/tres* вполне взаимозаменяемы). (Прим. авт.)

имеются четыре краника, из которых слуги наливают вино в золотые кувшины. Дальше зал расчерчен рядами из нескольких сотен столов поменьше, а по обеим сторонам этих столов уложены ковры, на которых сидит стража и ее офицеры. По одну сторону тронного возвышения находится оркестр, его руководитель не сводит глаз с императора.

Поло упоминает странный элемент в этой сцене, многозначительную деталь, напоминающую о кочевых корнях Хубилая. Всякий, кто путешествовал по современной Монголии, поймет. Входя в *гер*, надо позаботиться шагнуть прямо через порог, нижнюю планку дверной коробки, не задев его. Никто не знает происхождения этого суеверия, но невозможно отрицать его силу. Задеть порог по ошибке — дурное предзнаменование; нарочно же встать на него было бы преднамеренным оскорблением. Вряд ли в Большом Зале Хубилая имелся настоящий порог, через который требовалось перешагивать, но тем не менее у каждой двери стояли двое рослых стражников, вооруженных дубинками, зорко следящих за тем, не нарушит ли кто обычай. У себя дома в Монголии раба могли запросто убить, если он наступит на порог нойона. На государственном банкете Хубилая не происходило ничего столь жестокого, но все же с этим не шутили. Страже приказывали оскорблять и унижать нарушителей этого правила, сдирая с них наряд или нанося им несколько номинальных ударов палкой. Пощадить могли только невежественного иностранца — в этом случае на него набрасывался старший чиновник, объясняя придворные обычаи.

Когда все разместятся, начинается пиршество, где сидящих за столами обносят старшие слуги. Хан вновь использует ритуал для утверждения своего статуса, так как у его прислужников «рты и носы прикрыты шелковыми да золотыми тканями, чтобы ни дух, ни запах не касались пищи и питья великого хана». Повелитель милостиво принимает от прислужника чару. Оркестр играет, провозглашая значимость момента. Все присутствующие опускаются на колени и низко кланяются. Повелитель осушает чару. Когда он соглашается принять пищу, происходит то же самое. Эти церемониалы регулярно пронизывают все пиршество, до самого конца, когда блюда уносят, и наступает время развлечений, такого подобия выступления в кабаре с участием актеров, жонглеров, акробатов и фокусников.

Новый Пекин Хубилая был центром охоты едва ли не промышленных масштабов. Под контролем 14 000 егерей находилась местность радиусом до 500 км — 40 дней пути, по словам Поло — во все стороны от города, которая была посвящена делу снабжения двора. Вся крупная дичь являлась императорской: кабаны, олени, медведи, лоси, дикие ослы (которые все еще водятся на дальнем западе Монголии) и дикие кошки различных видов.

Для своей охоты Хубилай держал целый зоопарк кошек — гепардов и тигров, специально обученных преследовать и убивать дичь покрупнее. И если с гепардами охотились разные властители по всей Азии, то уссурийские тигры с северных границ империи Хубилая, кажется, были новинкой. Поло, не знакомый с тиграми, называл их львами, у которых «прекрасная шерсть отличной масти с черными, рыжими и белыми полосами». Имелись также орлы, обученные казахами и напускаемые охотиться не только на зайцев и лис, но и на оленей, диких коз, кабанов — даже на волков, которых орлы атаквали когтями и клювом, одновременно ввергая добычу в ступор молотящими по морде крыльями (охота с орлами и сегодня по-прежнему жива в Казахстане и западной Монголии). Все это вступало в свои права весной.

И обо всем этом нам рассказывает Марко Поло.

1 марта. Зима закончилась, близится весна. Двор готовится к ежегодной весенней охоте такого потрясающего масштаба и размаха, что легко забыть о цели, лежащей в ее основе. Под китайским богатством скрываются монгольские корни, старая идея о несочетающихся друг с другом кланах, объединенных под властью одного вождя. В этом ритуале Хубилай, внук человека, утверждавшего, что в душе он остается простым кочевником, сам играл роль кочевника. Дворцы и изрядная часть Пекина пустели, сотнями перебираясь в кибитки и тысячами — на лошадей. Для самого Хубилая соединяли упряжью четырех слонов, несущих огромный паланкин, сделанный из дерева покой, обитый изнутри золототканым сукном и обтянутый снаружи львиной кожей. Рядом с ним ехала верхом дюжина дежурных старших

советников. По словам Поло, в охоте участвуют 2000 псарей и 10 000 сокольников, каждый со своей птицей, но не следует воспринимать названную цифру как точную, потому что воздвигается также 10 000 юрт; просто это впечатляюще большое число. Чтобы не создавать пробок в воротах и на дорогах, участники охоты покидают город группами по сто человек.

Марко говорит, что они направляются на юг. Император движется на слонах степенно и неторопливо, где-то со скоростью 30 км в день, каждый вечер прибывая в новый лагерь, представляющий собой город из юрт. По пути птицы многих видов рассеиваются в разные стороны и вылетают из своих новых гнезд.

Снова дадим слово Марко Поло:

«А иногда, когда они едут, и император в своем покое беседует с сопровождающими его баронами, один из последних, бывает, воскликнет: „Царь! Журавли летят!“ Тогда император немедля велит распахнуть верх своего покоя, и, наметив журавлей, запускает одного из своих кречетов, какого захочет, такого и запустит: и зачастую кречет излавливает журавля прямо у него на глазах... Думаю, вряд ли в мире когда-нибудь существовал или когда-либо будет существовать человек, предающийся таким развлечениям и удовольствиям».

В некоторых охотах задействуются собаки — огромные, похожие на мастиффов твари, обученные охоте своими проводниками, известными как «волколюди» (Поло правильно передает монгольский термин, но думает, что он означает «смотрители собак»). «И когда великий хан скачет по равнине, собаки, смотришь, гонят с той и с другой стороны медведей, оленей и всяких зверей!»

Они направляются к месту, где Великая Стена сейчас круто спускается с гор к Тихому океану. Пока, конечно, никакой Стены нет, равно как нет никакой опасности со стороны кочевников, ибо вся эта страна подчинена Хубилаю. Впереди, за узкой полоской между горами и морем, лежит манчжурская степь. После недельного пути слоны Хубилая привозят его в лагерь, который на следующие три месяца станет штаб-квартирой двора. Это традиционное место, избранное за широкие просторы и богатство дичью. Сокольничие со своими соколами и ястребами под колпачками на руках и свистками наготове рассыпаются по холмистой местности на несколько километров во все стороны. Три императорских юрты уже готовы — огромная, способная вместить весь двор в тысячу человек, спальня покой и малая палата аудиенций. Поло не сообщает нам, какой формы эти юрты, но у каждой три шеста, которые, вероятно, поддерживают центр традиционной круглой юрты для напоминания Хубилаю о его степном происхождении.

Огромное впечатление на Поло произвели украшения этих передвижных дворцовых палат. Они хорошо защищены от непогоды тигровыми шкурами — на данном этапе уссурийским тиграм еще не грозило исчезновение — и обиты мехом горностаев и соболей, наиболее ценными из сибирских мехов. Давайте подсчитаем: окружность юрты, способной вместить тысячу человек, составляет примерно 125 метров. Чтобы покрыть ее стены мехом, потребуется 16 000 шкурок, каждая из которых стоит сегодня 50-100 долларов. Это эквивалентно миллиону долларов только на обивку главной юрты — без защищающих от непогоды тигровых шкур. А повсюду вокруг расставлены юрты царской семьи — старшей жены Хубилая Чаби, трех младших жен, царевичей, девушек из племени хонкират (монгольского клана, традиционно снабжавшего женами семью Чингиса), привезенных для пополнения гарема — и юрты старших министров, прислужников, сокольников, конюхов, поваров, псарей, домашней прислуги, секретарей. И все с семьями, и всех, конечно же, защищают воины. Это был город из юрт с многотысячным населением, поддерживаемым кровавым развлечением. Каждый день ястребы и соколы приносили журавлей, лебедей, уток, гусей, а собаки — зайцев и оленей. Заяц, олень, лось, косуля именовались царской дичью; простым людям в это время охота на них запрещалась, дабы обеспечить хороший запас дичи для императорских вылазок на равнину северо-восточного Китая.

В то же время продолжается обычная придворная рутина с совещаниями, аудиенциями,

прибывающими и отбывающими гонцами и приемом послов зарубежных стран. И в центре всей этой огромной массы находится хан: обремененный избыточным весом, подагрой, но все еще горящий желанием воссоединиться со своими корнями, проехавшись по равнине. Портрет Хубилая кисти придворного художника Лю Гуаньдао показывает его тяжело сидящим в седле, с наброшенной на плечи горностаевой мантией, в сопровождении едущей рядом Чаби. При нем двое прислужников. Это сцена преднамеренной псевдонебрежности, подобной моментальному снимку Картье-Брессона³⁵, так как внимание всех четверых привлекло что-то, не попавшее в объектив — может быть, кто-то, крикнувший: «Ваше величество, журавли летят!» Но на ханской руке не сидит никакой птицы, и рядом нет никакой ждущей приказа гончей.

И так все продолжается два с половиной месяца, пока в середине мая длительная поездка не завершается там, где начиналась, приводя хана со свитой обратно в столицу, где, когда разгорается лето, начинаются приготовления к переезду на север в Ксанаду.

Глава 7 ПРИНЯТИЕ БУДДЫ И ТИБЕТА

К несчастью для тех, кто желает, чтобы это было не так, Тибет ныне является частью Китая. Ему не раз угрожали, над ним господствовали, его колонизировали, оккупировали и преобразовывали, пока не исключили всякую возможность восстановления им своей независимости — или обретения ее, так как Китай утверждает, что Тибет был его частью с давних-предавних времен. Но это зависит от того, насколько в давние времена вы желаете углубиться. Мы видим корни китайского вовлечения в тибетские дела, оглянувшись на 750 лет назад, и именно в это время сюда вписывается Хубилай. Но есть и более глубокие корни, которые уносят нас в прошлое еще на 500 лет. Их вполне стоит откопать, так как они объясняют роль Хубилая в истории Тибета и таким образом помогают нам понять присутствие китайских солдат и колонистов в Тибете сегодняшнем.

Для начала немного истории, показывающей, насколько независимым был когда-то Тибет.

В VII веке Тибет был империей, охватывающей высокогорные земли и пустыни северо-запада, простиравшейся от границ Узбекистана до центрального Китая, от середины Синьцзяна до Бенгальского залива. Это 2250 км с востока на запад, 1750 км с севера на юг — район, больший, чем все коренные земли Китая. В 763 году тибетская армия даже ненадолго захватила китайскую столицу Чаньань (ныне Сиань).

Беда случилась примерно в то же время, когда государственной религией Тибета стал буддизм. Он не достиг больших успехов в борьбе с первоначальной версией тибетского шаманизма³⁶ — религией бон. Напряжение возросло, когда в IX веке один тибетский царь сделался фанатичным приверженцем буддизма. Извлекая из своих недавно основанных монастырей богатство и власть, буддийские монахи бросали вызов традиционным правителям. Связанные с религией бон аристократы взбунтовались. В 838 году они убили царя, отрубив ему голову, и посадили на трон его младшего брата, которого пять лет спустя тоже убили. Буддистов преследовали, монастыри уничтожали, империя же рухнула, превратившись в лоскутное одеяло из грызущихся меж собой мелких царьков и феодальных владык. Политически Тибет провалился в историческую черную дыру. Без центральной власти, при лежащих в развалинах монастырях, хроник велось очень мало.

---

³⁵ Анри Картье-Брессон (род. 1908) — французский мастер фотоискусства. В репортажных фотоснимках сочетал простоту технических приемов и лаконизм образного строя с гуманистическим, нередко социально-критическим пафосом (выписка из энциклопедии). (Прим. авт.)

³⁶ Здесь автор вновь смешивает митраизм с шаманизмом. (Прим. пер.)

Из этих обломков вновь поднялся буддизм, разделившийся на несколько сект. Преобладающее течение, со сложной мистической верой во множественность проявлений Будды и трансцендентных существ-бодисатв, называлось махаяна («широкий путь»). Все эти секты включали в себя элементы тантрического буддизма с его заклинаниями, мистическими слогами и чертежами в качестве наивысшей и наилучшей практики, и все принимали специфически тибетскую форму, приспособлявая к своим нуждам бонские песнопения, ритуалы и божеств.

Семя возрождения проросло на востоке благодаря действиям трех буддистских ученых, позже ставших известными как «трое из Кхама», которые, спасаясь от преследований, бежали со своими книгами в Амдо, современную провинцию Цинхай, у истоков Желтой реки.³⁷ Там они жили в пещере, посвятив себя восстановлению монастырского образа жизни. Примерно с 950 года монах из Амдо по имени Клумес (одна из возможных транслитераций данного имени) усиленно способствовал возрождению буддизма, неся это учение на запад в коренной Тибет. В ходе этого явления, известного как «вторичное введение буддизма», были отремонтированы старые монастыри и основаны новые.

Схожее возрождение происходило на дальнем западе, куда в свое время бежал после крушения империи один из членов царской семьи. Он и его потомки создали три крохотных царства в верховьях реки Сатледж, неподалеку от границ современной Индии. Особенно выделялось одно из них, Гу-гэ, ставшее центром возрождения буддизма в западных Гималаях, населенных тогда тибетцами. Царь Гу-гэ стал «царственным монахом», Е-шей-одом (или Еше-О). Он отправил двадцать одного молодого тибетца учиться в Индию. Девятнадцать из них там и умерли. Один из уцелевших через семнадцать лет вернулся и пошел дальше, став знаменитым средневековым ученым Ринченом Цанпо (958-1055), «Великим Переводчиком», который основал монастырский комплекс в Толинге, действовавший до тех пор, пока его частично не разрушили в 1967 году в ходе «культурной революции».

X и XI века стали свидетелями интенсивных программ строительства и восстановления монастырей, а также перевода санскритских текстов, включая текст, устанавливающий тибетский 60-летний календарь с его циклом из двенадцати зверей и пяти стихий. Самым крупным специалистом по этой системе был индийский учитель и наставник Атиша. Ешей Од пригласил Атишу приехать, и тот, будучи уже шестидесяти лет от роду, прибыл в Гу-гэ в 1042 году — жизненно важная дата, поскольку она служит точкой отсчета для тибетского лунного календаря. Атиша прожил три года в Толингском монастыре, а потом путешествовал по Тибету до самой своей смерти в 1054 году. За это время он заложил основы уже вполне оперившегося возрождения буддизма, подтвержденного в 1076 году большим советом в Гу-гэ, который установил связь между восточными и западными буддистами. Перевод буддийской литературы на тибетский ускорился. Это оказалось жизненно важной работой для религии, которая в самой Индии клонила к упадку под давлением ислама.³⁸ Влияние Атиши, переводы, возрождение монастырской дисциплины — все это гарантировало, что Тибет станет со временем главным наследником индийского буддизма. Правда, это отнюдь не дало Тибету политического единства под властью единого правителя. Борьба между верой бон и буддизмом продолжалась вплоть до XVII века, когда члены секты гелугпа убили последнего политической целостности на трон, открыв дорогу для далай-лам — правителей в равной степени духовных и светских.

Все это показывает, что исторически, вплоть до начала XIII века, у Китая не было

---

³⁷ Автор опять путает Хуанхэ с Янцзы. (Прим. пер.)

³⁸ Упадок буддизма в Индии начался еще раньше, во времена так называемого индуистского возрождения. Религия, родившаяся в Индии, распространилась из нее по свету — но для самой этой страны оказалась неограниченной. (Прим. ред.)

никаких прав на Тибет. На самом деле имело место прямо противоположное: Тибет правил половиной современного Китая. Но самое значительное влияние на себя, буддизм, он искал на западе.

Так на каком же основании Китай притязает на власть над Тибетом? Какое оправдание существует случившемуся в 1950-е годы «освободительному походу» армии Мао, когда тридцать тысяч закаленного в боях коммунистического войска сокрушили четырехтысячную тибетскую армию? За этим последовали военная оккупация, подавление восстания 1959 года, бегство далай-ламы, смерть сотен тысяч (а некоторые утверждают, что свыше миллиона) тибетцев, бомбардировка Джохана, самого почитаемого религиозного учреждения Тибета, и последующее разграбление 6000 монастырей — полное разрушение страны...³⁹

Оправдание заключается в том, что Тибет стал китайским, когда попал под власть монголов.

Однако это попадание под власть произошло далеко не таким образом, как утверждает большинство книг. Стандартные сообщения гласят, что возведения Чингиса в ханы вполне хватило для того, чтобы Тибет официально предложил монголам свое добровольное подчинение. Лучано Петек в самом авторитетном недавнем анализе⁴⁰ называет подобное предположение «сплетением нелепостей». И равным образом нет никаких доказательств, будто к задаче присоединения Тибета приступила в 1215 году Соргахтани — в том самом году, когда она якобы родила Хубилая в Чжаньэ.

Первая достоверная связь с Тибетом была создана в 1239 году вторым сыном Угэдэя Хаданом (двоюродным братом Хубилая), который после кампании в Сычуани получил удел в пограничье Тибета с центром в современном городе Увэй. На следующий год он ненадолго вторгся в Тибет, разрушив один монастырь. Смерть Угэдэя задержала любое дальнейшее наступление, но в 1244 году Хадан прислал довольно настойчивое приглашение 62-летнему ламе монастыря Саскья по другую сторону Лхасы, неподалеку от непальской границы. Его слова предполагают, что он распознал в буддизме ключ к политическому господству: «Мне нужен наставник, дабы говорить мне, какой путь следует выбрать. Я решил взять в наставники тебя. Будь любезен приехать, невзирая ни на какие тяготы пути. А если ты находишь предлоги для отказа в своем пожилом возрасте... не бойшься ли ты, что в ответ на это я пришлю войска?» Не видя перед собой большого выбора, лама пустился в долгий путь с тибетского нагорья в сопровождении двух племянников, девяти и семи лет от роду, один из которых приобретет особое значение в истории Хубилая. Не забудьте, что данные события происходили на огромных пространствах: от Саскьи до Увэя 1700 км пути, и путь этот лежит через одну из самых пересеченных местностей на земле. Лама прибыл в ставку Хадана в 1246 году, однако не застал там монгола, так как тот уехал на курултай, избравший новым великим ханом Гуюка. По возвращении Хадана обе стороны договорились, что лама будет выступать в качестве монгольского агента в Тибете. Лама написал письма различным тибетским вождям, предлагая им сотрудничать: «Выход только один — подчиниться монголам». Чтобы скрепить соглашение, семилетнего племянника ламы женили на дочери Хадана. Как выражается Петек, «Хадан заложил основы монгольского влияния в Тибете», —

---

³⁹ История присоединения Тибета к КНР гораздо сложнее и неоднозначнее, чем это описывает автор. Достаточно сказать, что к 1951 году Тибет являлся средневековым феодально-теократическим государством, большинство жителей которого были лишены не только гражданских, но и элементарных человеческих прав — вплоть до права на личную свободу. Приводимые им цифры взяты из пропагандистских источников и многократно завышены; достаточно сказать, что на охваченной восстанием 1959 года территории Внешнего Тибета проживало около 600 000 человек — то есть о сотнях тысяч и миллионах жертв речи просто не может идти. (*Прим. ред.*)

⁴⁰ «Отношения Тибета с сунским Китаем и монголами», веб. «Китай среди равных: Срединное государство и его соседи» под ред. Морриса Россэби [«Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols», in Morris Rossabi, ed., *China Among Equals: The Middle Kingdom and its Neighbours*], (*Прим. авт.*)

влияния, которое в один далеко не прекрасный день и унаследует Китай.

И тут одна за другой последовали три смерти: нового великого хана Гуюка, Хадана и старшего ламы. Новый великий хан, горя желанием утвердить свои права в этих краях, отправил в Тибет войска с сопутствующими разрушениями. Он и несколько царевичей взяли под свое покровительство какое-то количество тибетских сект. Одним из этих царевичей был Хубилай, который таким образом оказался соперничающим за влияние на Тибет (в числе прочих) со своими братьями Мункэ, Хулагу и Ариг-бугой.

Но теперь Хубилай сделал жест огромного значения. Он по-прежнему был всего лишь царевичем, находившимся в полной власти своего брата Мункэ, но имевшим честолюбивое устремление расширить свое влияние в северном Китае. Хубилай уже сообразил, что его китайских советников из числа конфуцианцев и даосов неплохо бы уравновесить прославленным буддийским мудрецом — и по счастливой случайности один из двух племянников покойного ламы Саскьи пребывал не у дел в ставке Хадана. Имя его представляло собой нечто совершенно непроизносимое для жителя Запада — Лочо Гьячан или Лодой Чжалцан, но вскоре он приобретет титул Пагба-лама (Благородный Учитель)⁴¹, под которым и будет известен в истории. Вот этого 16-летнего Пагба-ламу и пригласил ко двору Хубилай. Должно быть, это устраивало их обоих. Юношу радовало приобретение покровителя в мире хаоса, уже наполовину ставшем монгольским, и он горел желанием познакомиться со всем, что могла предложить расширяющаяся империя Хубилая. Хубилай же отлично сознавал, что этот молодой священник, наследник старшего ламы самой могущественной секты Тибета, но еще слишком юный, чтобы вызвать какие-то подозрения Мункэ, может стать ключом ко всей стране.

В 1251–1252 годах Хубилай ездил туда-сюда по западным регионам Китая, наезжая то в Ордос, то в Чжаньэ, то в Увэй для подготовки вторжения в Юннань. И здесь у него возникло затруднение: ему требовалось значительно лучшее оправдание для завоевания, чем то, которое он унаследовал от деда и отца. У Чингиса и его непосредственных наследников было твердое, но довольно ограниченное представление о том, чем является империя. Они считали — нет, знали с полнейшей непоколебимостью истинно верующих, — что Небо отдало мир в их руки. Несомненно, для управления своими новыми владениями Чингис вышел за пределы одной лишь жестокости, но оправдание завоеваний оставалось таким же, каким было раньше — Божьим повелением.

Конечно, любые правители всегда притязали на божественную поддержку. Все китайские династии поступали именно так, утверждая, что сам факт успешной смены династии означает получение новым императором Небесного Мандата, значит, только он и его наследники могут правильно применять правила хорошего правления, вековой системы конфуцианской этики и бюрократии.

Но, как указывает Герберт Франке в своем авторитетном анализе этой темы, монголы были иными. Что бы там ни просочилось в мозги Чингиса от соседей, его совершенно не интересовали никакие благоглупости в китайском стиле про Небесный Мандат с его добродетельным лоском. С точки зрения Чингиса и его наследников суть заключалась в том, что Небо отдало им мир, поэтому задача монголов — господствовать, а всем прочим полагалось просто подчиниться. Об этом говорится в «Тайной истории»: «Небо с землей сговорились, нарекли Тэмучжина [первоначальное имя Чингиса] властителем царства. Пусть, говорят, возьмет в управление царство...» О том же говорится во многих свидетельствах первых европейцев, вступивших в контакт с монголами. Джованни Плано Карпини в 1247 году доносил, что монголы намерены завоевать весь мир, и только тогда прекратится война, что Чингиса рассматривают как милостивого и почитаемого Сына Неба («*filius Dei dulcis et venerabilis*») и владыку, единственного на Земле, как Бог един на Небе. Ему вторит и Гильом де Рубрук: «*Super terram non sit nisi unus dominus Chingischan*» — «На Земле есть только один

---

⁴¹ Титул Пагба означает скорей «достойный» чем «благородный». (Прим. пер.)

властелин, Чингис-хан». Обратите внимание на употребление настоящего и будущего времени. В некотором смысле Чингис даже после смерти оставался живым духом; если вдуматься, остается он им и сейчас, как может видеть всякий, кто навестит его так называемый мавзолей во Внутренней Монголии, или станет свидетелем того всплеска обожания, который в 2006 году может выпустить на волю восьмисотая годовщина его возведения в ханы.

Но уже при жизни Чингиса такая установка оказалась чересчур упрощенной. Одно дело завоевание, совсем иное — управление.⁴² Сам Чингис вышел за рамки простого завоевания, введя письменность, писанный закон (ясу), бюрократию и некоторые правила администрации; его наследники, невзирая на возражения реакционеров, по большей части дрейфовали в том же направлении. Волей случая фундаментальная монгольская вера в Тенгри оказалась вполне терпима к другим взглядам, откуда и проистекает та относительная легкость, с какой монгольские правители Персии и Центральной Азии приняли ислам. Как предполагает Герберт Франке, нетрудно представить, что если бы монголы после 1242 года остались в Венгрии, то со временем стали бы христианами.

Точно так же обстояло дело и с Хубилаем. Из-за потребностей управления его китайскими территориями ему уже понадобилось обзавестись внешними атрибутами конфуцианства. Но этого было недостаточно. Его взгляд устремлялся за пределы традиционных китайских земель — на Юннань, на Тибет. Он должен был узаконить свою власть в глазах монголов, китайцев и представителей любых других культур, которые, как решило Небо, войдут в состав охватывающей весь мир монгольской империи. И в буддизме он нашел как раз то, что искал.

Возможно, вам буддизм представляется религией мирной и, следовательно, непригодной для империи, посвятившей себя завоеванию мира, но это далеко не так. В ламаистском буддизме один из четырех царей-богов, властвующих над четырьмя углами земли — это Вайшравана, воин, вооруженный копьем или палицей, которыми он разит неверующих. Если угодно, он был буддийским богом войны. В ламаистской версии буддизма нет ничего несовместимого с монгольским империализмом.

И именно юный Пагба-лама показал Хубилаю, что буддизм может отлично послужить его надобностям. Ибо буддизм предлагал нечто такое, чего не существовало ни в китайском взгляде на историю, ни в исламе, ни в христианстве: он не только притязал на право зваться религией универсальной истины, но также содержал в себе модель «универсального императора», чакравартин-раджи, который правит людьми многих языков и «вращает колесо Закона».

Некоторые прежние правители уже экспериментировали с этой идеей, равняя себя с Буддой через повеление называть себя бодисатвами (просветленными) — Бодисатва-Император или Бодисатва Спаситель Мира. В общем, буддизм стал для Хубилая наилучшим способом прислониться к религии, которая была не только намного более распространенной, чем китайская, но и предлагала идеологию, оправдывающую завоевание мира и власть над миром. Хубилай станет и кесарем, и папой, главой равно церкви и государства, источником как земного благополучия, так и духовного спасения.

Процесс этот начался около 1253 года — дата не слишком отчетливая, ибо в то время Хубилай занимался покорением Юннани, — когда 18-летний Пагба-лама посвятил его в сан, приобщив к таинствам обрядов высшего божества ламаизма, Хеваджры, культовый центр которого находился в монастыре Саскья, в котором и получил воспитание Пагба-лама.

Покорив Юннань, Хубилай вернулся в Ксанаду, привезя с собой Пагба-ламу, ключ как к своей складывающейся идеологии, так и к Тибету. Пагба-лама завершил свое обучение, став полноправным монахом, и в 1258 году, в возрасте 23 лет, сделался буддийским гуру

---

⁴² Тут можно процитировать слова Елюй Чуцая, сказанные им хану Угэдэю: «Империя была создана сидящим на коне, но управлять ею с седла невозможно» (*Прим. пер.*)

Хубилая, так как Хубилаю, который вскоре провозгласит себя императором, требовалось официально утвердить свой мандат в качестве вселенского правителя.

Статус Пагба-ламы был подтвержден, когда в том же году он принял участие в устроенном Хубилаем третьем и решающем диспуте между буддистами и даосами. Это поставило его на очень прочные позиции, когда Хубилай в 1260 году провозгласил себя великим ханом. В последовавшей затем его междуусобице с братом соперничающие секты в Тибете навлекли на себя подозрения в поддержке Ариг-буги и были подавлены (как оказалось, временно). В 1261 году Хубилай присвоил Пагба-ламе титул Наставника Страны и сделал его высшим главой буддийского клира в своих китайских владениях. Через три года Хубилай дал своему протезе так называемый Жемчужный Документ, согласно которому буддийские монахи освобождались от налогообложения и получали разные другие привилегии. Вскоре после этого он отправил Пагба-ламу вместе с младшим братом на родину в качестве настоятеля главного монастыря Саскья. В то время как Хубилай посылал мелкие отряды войск «умиротворить» отдаленные углы Тибета, которые пока оставались вне досягаемости монголов, Пагба-ламе и его брату полагалось установить моральную власть Хубилая над всей страной.

Сделать это было не так-то легко. Местные жители противились, явно видя в Пагба-ламе не столько блестящий молодой ум, сколько ренегата, перенявшего у монголов их одежду и манеры. Весь проект пошел ко дну, когда в 1267 году в 27-летнем возрасте умер брат Пагба-ламы, поэтому армия выступила в поход из Цинхая, запугала оппозицию и учредила Бюро Умиротворения для прямого управления страной. Политически Пагба-лама был отеснен на второй план и последующие несколько лет провел, трудясь над задачей, о которой мы сейчас поговорим отдельно. Монголу по имени Дашман поручили установить в Тибете почтовую систему с 27 станциями-ямами и провозгласить власть Хубилая над Тибетом. К 1269 году Тибет стал составной частью владений Хубилая, которой и оставался последующие 80 лет, до распада монгольской империи.

* * *

В то же время на Хубилая нашло поразительное культурное озарение. Он распознал проблему, проистекающую из природы монгольских достижений и из его собственных честолюбивых устремлений, и захотел, чтобы Пагба-лама нашел ее решение.

Хубилай вырос в двух мирах, монгольском и китайском. Он говорил по-монгольски, но пытался овладеть китайским. Теперь вокруг него возвышался Ксанаду, его окружали китайские советники, огромное большинство его подданных было китайцами. А в скором времени, если все пойдет хорошо, появятся миллионы новых подданных — и не только китайцев.

Проблема заключалась в следующем: как сформировать администрацию, которая действительно распространялась бы на два мира? Разумеется, можно писать указы для монголов по-монгольски, а для китайцев по-китайски. Но эти две системы письма были несовместимы.

У монголов было изящное вертикальное письмо, введенное по приказу Чингиса его новыми вассалами, уйгурами, жившими на территории, входящей теперь в западный Китай. Это было алфавитное письмо, из чего следует, что оно более-менее могло передать звуки почти любого языка (как передает, например, латинское письмо в *пиньине*, латинизированной версии китайского). Однако, поскольку вертикальное письмо создавалось для уйгуров, а не для монголов, у него имелось множество изъянов, в том числе неспособность передать некоторые звуки китайского языка. Вдобавок в нем имелось три версии большинства букв — начальная, средняя и заключительная, что доводит общее число знаков до 80 (в нашем алфавите 52 буквы, если считать заглавные и строчные за отдельные). И все же данное письмо работает достаточно неплохо, чтобы дожить до нашего времени. Оно употребляется в повседневной жизни во Внутренней Монголии и довольно

распространено в самой Монголии, пусть даже только в академических кругах либо в качестве дизайнерского шика, как способ бегства от стандартной и куда менее экзотической кириллицы.

Китайская же письменность бесконечно более сложна. Это тысячи иероглифов, каждый из которых обозначает слог, сформированный по жестким правилам — начинающийся с согласного и заканчивающийся на гласный либо на «й», «н» или «нь».⁴³ В пользу этой письменности можно сказать, что она эффективна для китайцев, столь же выразительна, как любое другое письмо, красива, является самостоятельной формой искусства и самое главное — набрала громадную культурную инерцию, существуя уже 4000 лет (происхождение некоторых иероглифов можно проследить до эпохи династии Шан, примерно 2500 до н. э.) Так что китайцы отнюдь не собирались и не собираются ее менять — разве что Мао одно время носился с идеей перейти на латиницу, но отступился. Хубилаю было бы невозможно ввести в Китае монгольское письмо; равно невозможно было применять китайское письмо для писания на монгольском. Поэтому возникла система, при которой документы сперва писались по-монгольски, а потом переводились. Но Хубилай остерегался давать китайским писцам слишком много власти, поэтому им не разрешалось учить монгольский; следовательно, приходилось полагаться на переводчиков-некитайцев. Дело получалось утомительное и неудобное.

Дальше становилось только хуже. Чингис завоевал государство Си-Ся, населенное тангутами, у которых имелось собственное письмо, изобретенное в XI веке по велению основателя этого государства Ли Юань-хао. Он выбрал за образец письменность господствующей культуры региона, Китая. Но он также хотел, чтобы письменность была исключительно тангутской, а тангуты говорили на тибетском языке, совершенно не родственном китайскому. Поэтому Юань-хао велел своему ученому Ели Ренронгу (иначе Жэньрону) придумать нечто совершенно новое. Тангутские знаки, из которых записано примерно 6000, с виду похожи на китайские иероглифы, но они не более китайские, чем сам язык. А поскольку Чингис практически уничтожил тангутскую культуру, этот язык в конечном итоге исчез из истории, в результате чего расшифровали его лишь совсем недавно; тангуты все еще медленно выходят из той тьмы, в которую их вверг Чингис.⁴⁴ У Хубилая было много тысяч подданных-тангутов. И им тоже требовалось читать его указы.

К тому же имелось письмо киданей (чжурчженей) — манчжурского народа, который завоевал северный Китай прежде монголов. И санскрит — язык, на который новые тибетские подданные Хубилая смотрели как на источник происхождения своей религии. И разумеется, сам тибетский, насчитывающий уже около 600 лет. Не надо забывать и про Корею, на которую монголы уже нападали в 1216 году и в которую скоро вернется Хубилай. Не говоря уже о языках тех народов, которые находились под властью брата Хубилая Хулагу, главным образом персидском...

И это только те языки, с которыми Хубилай напрямую соприкасался в районе 1261 года. Если же дела пойдут так, как он надеялся, и южный Китай падет под натиском монголов, империя вступит в контакт с бирманской, вьетнамской, японской и кто знает, с какими еще иными культурами. Надвигался настоящий бюрократический кошмар. Если и дальше будет продолжаться в том же духе, любое управление будет задушено переводческой работой.

Однако разглядев проблему, Хубилай сразу же увидел и ее решение. Китайцы объединили свои земли, сплавив различные диалекты в единое целое общей письменностью;

---

⁴³ Если точнее, то схема китайского слога состоит из четырех компонентов: согласный — гласный — гласный — конечной «й», «н», «нь». При этом любой компонент, кроме второго, может быть опущен — ср. Хуэй, Тан, Инь, Сяо, Ли, У. Существует также слог-исключение «эр» — помимо всего прочего, единственный случай появления звука «р» в китайском языке. (Прим. ред.)

⁴⁴ Автор ошибается, тангутов уничтожили не монголы, а китайцы. (Прим. пер.)

значит, Хубилаю требовалась письменность, которая объединит весь мир. Ксанаду был уже построен, мятеж Ариг-буги подавлен, Хубилай уже подумывал о новой столице на месте Пекина и планировал долго откладываемое вторжение в южный Китай. Ему требовалось сплотить уже завоеванные территории и обеспечить самое эффективное управление ими, какое только возможно, как основу для экспансии. И под рукой был именно тот, кто требовался: юный Пагба-лама, только что вернувшийся из неудачной поездки в Тибет. В 1267 году Хубилай велел ему изобрести новую письменность, с помощью которой можно записывать слова любого языка под Небом.

Пагба-лама, бегло говоривший на тибетском, монгольском и китайском, а также, вероятно, неплохо знавший уйгурский и санскрит, проанализировал их фонетические требования и модифицировал родную тибетскую письменность в своего рода Международную фонетическую транскрипцию, состоящую примерно из 60 знаков, большинство которых обозначало отдельные гласные и согласные, но включавшую также некоторые распространенные слоги. Тибетское письмо читается слева направо, но Пагба сделал свое письмо читаемым вертикально из уважения к уйгурской системе письма, введенной великим Чингисом. Буквы большей частью состояли из прямых линий и прямых углов, отсюда монгольское название этой письменности — квадратное письмо. Оно определенно имело большое преимущество перед китайским по части передачи звуков монгольского и других языков: к примеру, имя Чингис транслитерируется по-китайски как *чэн цзи си*; а письмом Пагба-ламы — как *чжин гис*.

После двух лет трудов работа была завершена. В 1269 году Пагба-лама представил своему господину новую письменность. Хубилай пришел в восторг и даровал Пагба-ламе титул Императорского Наставника с соответствующим доходом. Он приказал вести новым письмом — Государственным Письмом, как он его назвал — всю официальную документацию и открыть школы для обучения ему. Письмо это использовалось на печатях и металлических или деревянных пропусках (пайцзах, как их называли по-монгольски), которые давали высокопоставленным сановникам право требовать от штатских товары и услуги. «Силою Вечного Неба, милостию Величества и Могущества [Чингиса] всякий, кто не будет уважать [эту пайцзу], виновен и умрет», — гласит надпись на одной из них.

Это был пик международного влияния Пагба-ламы. Вскоре после этого он вернулся в Тибет в качестве главы монастыря Саскья, который осуществлял непрочную власть над другими монастырями и сектами. Внезапно в 1280 году он умер. Ему было всего 45 лет, и возникли сильные подозрения, что его отравили. В преступлении заподозрили тибетского гражданского администратора. Никаких доказательств не нашли, но правосудие Хубилая-императора было скорым и энергичным, и он все равно казнил этого субъекта.

Сегодня проблему Хубилая и ее решение можно увидеть воплощенными в камне. Если вы посетите главный туристический аттракцион Китая, Великую Китайскую Стену в Бадалине, совсем рядом с Пекином, то увидите за Стеной древнюю арку — Облачную Террасу (Юнь Тай), построенную в 1342 году в качестве ворот к проходу. По каменным плитам мостовой тянутся параллельные колеи, оставленные бесчисленными колесами кибиток, из-за чего арка походит на заброшенный железнодорожный туннель. Если вы остановитесь под аркой и поднимете взгляд, то увидите, что вас окружают пять плоских поверхностей с вытесанными на них переплетающимися барельефами из царей-воинов, будд, слонов, драконов, змей и растений. Все это обрамляет буддийский текст на шести языках: санскрит, тибетский, монгольский, тангутский, китайский — и ответ Хубилая на это вавилонское столпотворение, «Государственное Письмо» Пагба-ламы.

Фактически этот монумент сообщает новой письменности ту значимость, которой она была лишена на практике. Это письмо хорошо выглядело на печатях, каменных плитах, монетах и даже на фарфоре. Его до сих пор можно встретить на монгольских банкнотах и иных статуях, но все это — лишь для видимости, напоказ. Повседневных записей оно так никогда по-настоящему и не охватило. За 15 лет после первоначального введения Хубилай четырежды повторил свой приказ, подкрепляя его созданием специальной академии для

обучения новому письму. Чиновники же поступали с этими требованиями так, как всегда поступают бюрократы с приказами, затрудняющими им жизнь: говорили «да» и ничего не делали. В созданных школах не было преподавателей, потому что никто не хотел обучаться этому письму, и в любом случае чиновники отказывались направлять в эти школы своих детей.

Недостаток письменности Пагба-ламы не имел никакого отношения к ее качеству. Вся беда заключалась в человеческой природе. Обучение письму, сколь бы ни было оно легким и удобным — дело, требующее известных усилий. Письменность выросла из ниоткуда лишь четыре раза за всю историю — в Междуречье, в Египте, в Китае и в Центральной Америке, и для усовершенствования каждой из них требовалось много веков. Коль скоро письменность достигала зрелости, она распространялась и на другие культуры, так как для сложных обществ записи жизненно необходимы. При этом системы письма отличаются невероятной инертностью. Изменение письменности в культурном плане сопоставимо с отращиванием новой руки или ноги. Бывали примеры изменения письменности авторитарными методами: в 1920-х годах Кемаль Ататюрк заставил Турцию перейти с арабской вязи на латиницу; монгольские правители советской ориентации в 1941 году заменили вертикальное письмо Чингиса кириллицей. Но в обоих случаях правительство обладало всеподавляющей властью над крошечными чиновничьими структурами и неизощренными обществами. Хубилай мог поручить своим чиновникам заведовать сбором налогов, армией и летописями, но не мог контролировать их разум. Пытаться одолеть культурную инерцию китайской бюрократии было все равно что плыть на айсберге с помощью весел. Из этого просто ничего не вышло.

Но в некотором смысле это не имело значения. Вовлеченность Хубилая в тибетские дела и так уже сделала для его империи больше, чем могла достичь новая письменность. Выведя на доску своей игры с миром Пагба-ламу, он добавил к своим владениям огромную новую территорию и установил связь между Китаем и Тибетом, которая отныне станет основой их отношений.

При манчжурах Тибетом правил далай-лама, сохраняя номинальную независимость при манчжурской поддержке (а иной раз и вмешательстве) вплоть до свержения в 1911 году манчжурской династии, после чего Тибет ненадолго восстановил независимость⁴⁵, утраченную почти семь веков назад. Поэтому после революции 1949 года Мао и его пропагандисты могли утверждать, что Тибет являлся «неотчуждаемой частью Китая», независимость Тибета в предыдущие 40 лет была иллюзией, основанной на слабости Китая, а коммунисты всего лишь восстановили статус кво.

Подобный аргумент не достигает больших моральных высот; следуя таким путем, Англия могла бы вновь притязать на власть над Британской империей. Фактически основания у китайских претензий на Тибет еще более шаткие, чем британские претензии на США или Индию. По крайней мере, Англия когда-то захватила Индию и Америку. Китайские же претензии основаны на том, что Тибет оккупировали сперва войска сына Чингиса Угэдэя, а потом воинство его внука Хубилая — в обоих случаях монголы. С точки зрения монголов, это Монголия завоевала Китай, и Монголия же завоевала Тибет, и Монголия учредила Монгольскую империю. Именно это они, кстати, до сих пор и утверждают. К счастью для Китая, Хубилай решил учредить китайскую династию, сделав своего деда ее посмертным основателем, и таким образом перевернул историю с ног на голову, позволив делать официальные заявления вроде следующего, имевшего место в одной недавно вышедшей книге: *«Китайский император пользовался высшей властью в краях,*

---

⁴⁵ Китай утратил власть над Тибетом в 1912 году, после Синьхайской революции 1911 года. 6 февраля 1913 года была провозглашена независимость Тибета. Однако по итогам англо-китайско-тибетской конференции 1913–1914 годов в Симла (Индия) была признана лишь автономия Внешнего Тибета под китайским сюзеренитетом. В течение 1920-х — 1940-х годов, в период гражданских войн в Китае, Тибет фактически являлся полностью независимым государством, однако формально-юридически он продолжал оставаться под протекторатом Китая. (Прим. ред.)

находящихся под его управлением, и в число этих краев входил и Тибет».⁴⁶

С точки зрения китайцев, Чингис и Хубилай на самом деле были китайцами. Поэтому, следовательно, Тибет тоже китайский. И говорить тут больше не о чем.

Глава 8 КЛЮЧ К ЗАВОЕВАНИЮ

Есть вещи, которые не подлежат обсуждению. Для Хубилая одной из них было завоевание Сунской империи. Попытавшись вторгнуться туда, он потерпел неудачу, но Хубилай, как и его деда, неудачи не обескураживали. Он готов был испробовать все, что угодно, лишь бы оно сработало. Поэтому, пока его армии разбирались с Ариг-бугой на севере, на юге он прибег к мягким речам и щедрости, надеясь добиться обаянием того, чего не смог получить силой. Но когда он в 1260 году отправил в Ханчжоу посольство с предложением о договоре, посол даже не пересек сунских кордонов. Его задержали, и он оставался под домашним арестом на долгие 16 лет, пока его не освободили вторгшиеся армии Хубилая.

Почему же сунцы так поступили? Ученые склонны объяснять данный арест чистым недомыслием, поскольку он давал Хубилаю *casus belli*.⁴⁷ Но данное дело скорее позволяет нам заглянуть в темный мир разведки и контрразведки.⁴⁸ Посол Хао Цзин был протеже северокитайского полководца, который после завоевания в 1234 году империи Цзинь перешел на сторону монголов. Как китаец и ренегат, он был бы неплохим тайным агентом. Заведовавший тем пограничным регионом сунский военачальник задействовал своих шпионов и каким-то образом узнал о содержании докладной записки Хао Цзина Хубилаю, в которой тот вносил предложения на тему того, какой должна быть политика Хубилая. «Есть два способа завоевывать страны: путем применения силы и путем стратегии», — писал он. Силой не получилось, следовательно, надо прибегнуть к стратегии, а это потребует немалого терпения. «Нам следует таким образом выиграть время, добиться доверия сунцев и потребовать, чтобы они уступили нам часть территории и представляли нам ежегодную дань деньгами. Когда же придет время завоевания, нам следует сперва...» Далее он вкратце излагает план нападения, который, по существу, и примет в конечном итоге Хубилай. Поэтому условия, которые он собирался предложить сунскому правительству, были всего лишь выжидательной тактикой, ибо Хубилай отнюдь не собирался хранить долгий мир. Его цель заключалась в завоевании, как повелели Чингис и Небо. Миссия Хао Цзина была насквозь фальшивой, потому его и арестовали. А арестовав, уже не могли освободить, так как он сообщил бы Хубилаю, что сунцам теперь известно о долгосрочной стратегии хана.

Хубилай стиснул зубы — у него практически не было выбора, учитывая, что почти все его войска отвлек на себя Ариг-буга — и продолжал делать умиротворяющие жесты. Без всяких просьб со стороны сунцев он освободил сто семьдесят двух купцов, арестованных за тайную торговлю через монгольско-сунскую границу, и одаривал землей, одеждой и волами сунских перебежчиков, которых набралось немало. Но это не было настоящим миром, так как обе стороны уже знали, к чему идет дело. Как только у Хубилая появится возможность, он снова повернет на юг.

Предыдущая кампания показала, что монголы еще не готовы справиться с

---

⁴⁶ Ван Цзя-вэй и Нийма Гяйнкайн, «Исторический статус китайского Тибета» [Wang Jiawei and Nyima Gyaincain, *The Historical Status of China's Tibet*], (Прим. авт.)

⁴⁷ *Casus belli* (лат.) — повод к войне.

⁴⁸ Данный абзац основан на книге Дженнифер В. Джей «Смена династий: лоялизм в Китае XIII века» [Jennifer W. Jay, *A Change in Dynasties: Loyalty in 13th-Century China*]. (Прим. авт.)

поставленной задачей. Сунская империя состояла сплошь из рек и городов, являясь тем, чем не были ни Монголия, ни большая часть северного Китая. Главными призами были города, поскольку именно там жили богачи, и именно оттуда осуществлялась власть — в этих землях не было никаких замков и помещичьих усадеб для грабежа, как у европейской знати. Поэтому города были крепкими орешками, хорошо снабженными взрывчаткой, во многих случаях расположенными на реках ради лучшей торговли и собственного содержания. Монгольские всадники могли быстро передвигаться по открытой местности, но, как показали штурмы Рыбьей горы и Учана, не могли обеспечить побед над городами, стоящими на реках и горах. Монголам требовалось победить сунцев на их же условиях — с помощью лучших осадных средств и кораблей. О принципах осадной войны они знали со времен Чингиса, однако теперь им требовалось сильно увеличить количество и качество своих осадных машин. Но корабли? Единственные известные им корабли были паромы для переправы через реки. Чтобы построить боевые корабли, способные перевозить армии и вооружение по широким китайским рекам, им придется начинать с нуля.

Ключом ко всему являлась могучая Янцзы, за низовьями которой располагалась столица Ханчжоу. Янцзы же течет с запада на восток, в то время как армии Хубилая предстояло вторгаться с севера. Однако прямо посередине монгольско-сунского пограничья на юг сворачивал главный приток Янцзы, река Ханьшуй, создавая речную дорогу напрямик до Учана, низовьев Янцзы — и Ханчжоу.

Имелось лишь одно затруднение. К реке Ханьшуй существовал собственный ключ — город Сяньян⁴⁹, расположенный на месте ее слияния с двумя другими реками. В наше время Сяньян и его город-спутник на другом берегу реки, Фаньчэн, образуют мегаполис Сяньфань, узел шоссейных и железных дорог, процветающий благодаря промышленности и туристам, которые направляются на запад в горы Удан-шань, знаменитые своими семьюдесятью двумя пиками, даосскими храмами и мастерами единоборств, возводящими свое похожее на тай-цзи-цюань искусство к сунским временам. Во времена же Хубилая Сяньян был городом-крепостью, окруженным рвом, крупным торговым центром с двухсоттысячным населением. С Фаньчэном его связывал понтонный мост, состоящий из лодок, причаленных между вбитыми в дно реки сваями. Летом, вздувшись от дождей, Ханьшуй делалась широкой и медленной, катя свои воды на юг между горами Цзин и Дахон, а затем петляя по усеянными озерами низинам вокруг Учана. Любой армии, направляющейся на юг по реке, пришлось бы сперва ликвидировать Сяньян.

Это было известно обеим сторонам, поскольку город и прежде бывал главной мишенью — при нападении империи Цзинь в 1206–1207 годах и во время кампании Угэдэя в 1235–1241 годах. Ни в тот, ни в другой раз он не пал, но в 1236 году сдался монголам, которые удерживали его короткое время, прежде чем вернуться на север. Поэтому Сяньян привык к тяготам осад; кроме того, частично благодаря добытой разведкой докладной записке Хао, город занимался восстановлением своих укреплений. Его окружало 6 км сплошных каменных стен, в иных местах высотой до 6–7 метров, образующих грубый квадрат свыше километра в поперечнике. Трое из шести ворот давали прямой доступ к реке, которая служила магистралью для снабжения припасами и поддержания связи, была шириной в полкилометра в половодье и чересчур глубокой для перехода вброд. Зимой же, когда воды спадали, река становилась настоящим лабиринтом из протоков и песчаных кос; подпитывающийся из реки ров был шириной в 90 м. Все это означало, что атакующие не смогут ни подобраться к стенам достаточно близко, чтобы штурмовать их с помощью лестниц и осадных башен, ни подвести под них мину.

В этой главе речь пойдет в основном об ответе на эту проблему, первую из нескольких проблем, решение которых приведет к величайшему достижению Хубилая — воссозданию

---

⁴⁹ Сяньян писался по разному в различных версиях — у Марко Поло он Сайан-фу, у Рашид ад-Дина Сайян-фу и т. д. (*Прим. авт.*)

объединенного Китая. В обратном порядке аргументация выглядит примерно так: ключом ко всему Китаю был юг, империя Сун; ключом к югу была Янцзы с ее огромным населением, многочисленными городами и сельскохозяйственным богатством; ключом к Янцзы, если подходить с севера, была река Ханьшуй; ключом к реке Ханьшуй был Сяньян; а ключом, который открыл монголам Сяньян, был... не стану пока выдавать, в чем суть. Давайте просто скажем, что им никак не могла быть старомодная монгольская кавалерия.

Должен признать, что доказательств здесь недостаточно: источники описывают общий ход кампании, трудности и значимость осады, упоминают о механиках, решивших эту проблему, и далеко идущих последствиях. Но в моих рассуждениях есть последовательная логика, неотвратимо приводящая к выводу, который мне очень хочется считать верным: по сути дела, современный Китай обязан своим существованием одному устройству, которое покончило с осадой Сяньяна, устройству, какого Китай, да наверное, и весь мир, никогда раньше не видели.

Когда Хубилай, разделившись с Ариг-бугой, вновь собирал силы, мысли его занимало очень немного из вышеозначенного. Прошло четыре года, прежде чем его полководцы доложили ему, что готовы. Значит, минуло девять лет с тех пор, как Хубилай был вынужден прекратить первое наступление на империю Сун. Может показаться, что девять лет — достаточно большой срок для подготовки, но Хубилай не мог знать, что Сяньян окажется такой проблемой, и уж конечно, никак не мог заранее представить, как с ней справиться.

* * *

Все началось с того, что в начале 1268 года монголы подошли к городу под командованием молодого (32 года), но знаменитого Ачжу — знаменитого из-за воинской славы, окружавшей его семью: он был сыном Урянхада, который пятнадцать лет назад завоевал для Хубилая Юннань, и внуком успевшего стать легендарным Субудая, который составил планы западных кампаний Чингиса и Мункэ. Но едва начав наступление, Ачжу обнаружил, что ему нужна помощь. «Возглавляемые мной войска состоят целиком из монгольских воинских частей [т. е. кавалерии], — писал он хану. — Сталкиваясь с препятствиями в виде гор и рек, частоколов и крепостей, я ничего не могу сделать без китайских вооруженных сил». Хубилай выполнил его просьбу: прибыла пехота, были захвачены либо изготовлены лодки, и Ачжу получил подкрепления, которые, по его мнению, могли ему понадобиться.

Ачжу и его армия не могли найти достаточно добычи для своего пропитания, так как, готовясь к осаде, правители города стандартно проводили политику выжженной земли, очищая окружающую сельскую местность от всего, что способно помочь врагу: высоких зданий, деревьев, камней, металлов, черепицы, зелени, соломы, скота, зерна. Многие из вышеперечисленного отправлялось на городские склады. В военном учебнике «У-бэй цзи-яо» («Основные элементы боеготовности»)⁵⁰ перечислено, что именно надо запасти в таких случаях: светильники, масло, топоры, древесный уголь, сера, известь, балки, гвозди, циновки, конопля, лопаты, песты, камни для прижимания ткани, сосуды для нечистот, кисти, тушь, чернильницы, письменные столы и т. д. и т. п. Штатских полагалось натаскивать в качестве ополченцев, из женщин организовать кухонные бригады, а детей обучать доставлять еду и материалы. Особая забота проявлялась об упреждении неприятностей типа шпионажа и саботажа со стороны недовольной бедноты, для чего предлагалось избегать сурового обращения с ней. «Бедняки — наши дети, способные держать оружие и изо всех сил противостоять врагу», — гласит «У-бэй цзи-яо», а затем приводит слова мудреца Су Дона: «Если город осажден, надо сперва позаботиться о внутреннем мире и только потом

---

⁵⁰ Справочник этот появился примерно в 1830 году, но перечисляемые им мероприятия древнее. (Прим. авт.)

думать о внешнем враге». Горожане должны держаться вместе. Хозяева постоянных дворов обязаны ручаться за своих жильцов, настоятели — за монахов. Бродячие музыканты, кудесники и гадалышки изгонялись как потенциальные шпионы. Семьи группировались в десятки, в которых все ручались друг за друга. На службе оставались только давние работники, новые увольнялись. Вводился комендантский час. В каждом квартале имела своя пожарная бригада с огромными водяными кувшинами, лестницами, крючьями и блоками для разборки разрушений. Специалисты готовили двойные и тройные арбалеты, способные стрелять двухметровыми стрелами примерно на 200 метров, в то время как механики проверяли свои требушеты.

Теперь самое время познакомить вас с требушетом — предметом, который ненадолго, но изрядно займет наше внимание.

Становым хребтом китайской осадной технологии был «натяжной требушет», ныне воскрешенный реконструкторами. Типичный требушет состоит из рамы около четырех метров высотой, на которой вращается 11-12-метровая балка. Балка насажена на ось несбалансированно — один ее конец длиннее другого. На длинном конце находится праща, на коротком — канаты, обычно соединенные с тавровой балкой. Самая главная в этой конструкции — праща: она удлиняет балку и умножает ее мощность, не увеличивая ее веса. Один конец пращи прибит к головной части балки, к другому присоединен простой крюк. При спуске она действует как кнут: ее увлекает вверх и вперед словно бы утяжеленный крючок на конце лески. Центробежная сила заставляет ее описывать полукруг. Когда она достигает своей высшей точки, инерция освобождает незакрепленный конец, который летит прямо, выпуская снаряд. Каждый требушет обслуживался расчетом из 5-15 человек в зависимости от его размера. В пращу заряжался камень, весящий не более пары килограммов, или же какое-то зажигательное устройство; расчет тянул на себя другой конец балки (отсюда и название «натяжной»), рычаг поднимался, праща, хлестнув, сдергивала крюк и отправляла камень в полет. Вся операция занимает не более 15 секунд; современные реконструкции показывают, что хороший расчет может выпускать 5–6 зарядов в минуту. Все это довольно примитивно, но вполне действенно на малой дистанции — при метании камней через городскую стену и на расстояние до 100 метров. В XIII веке это была одна из стандартных осадных технологий. Натяжные требушеты можно было соорудить на месте или привезти — по частям на лошадях либо целиком на кибитках. Любая армия, достойная такого названия, имела парк из десятков, а иногда и сотен этих машин.

При ведении кампаний требушеты образовывали целую ветвь осадной войны, как образует ее артиллерия в современных армиях, хотя бы потому, что при работе с требушетом нужны немалые усилия, примерно как при гребле на гоночной восьмерке. Расчетам требовалось отдыхать, требовался собственный транспорт — несколько лошадей, вол и кибитка. Каждому требушету приходилось придавать несколько расчетов, работающих посменно. Эти специализированные солдаты нуждались в собственном продовольствии, доспехах и лошадях. Поэтому каждый требушет, сколь бы ни прост он был, сопровождала изрядная свита — у крупных экземпляров до двухсот человек, из чего вытекали громадные последствия при планировании наступления, устройства лагерей, осады и отступления. Часто требушеты изготавливали на месте, и они регулярно нуждались в ремонте, поэтому представьте себе также контингенты плотников. Канаты делались из конопли либо из кожи попеременно, так как их качество варьировалось в зависимости от погоды (при сырой погоде кожа сжимается, а конопля разбухает).

Безусловно, требушеты были стандартным оружием не только нападения, но и обороны. При осаде 1206–1207 годов в Сяньяне их было сто четырнадцать. Укрывшись за городскими стенами, расчеты требушетов работали в относительной безопасности, а указания им давал корректировщик на стене. Перед осадой защитники собирали в окружающей местности огромное количество камней — как для собственного применения, так и с целью лишить противника боеприпасов.

Как при нападении, так и при обороне требушеты метали не только простые камни, ибо

во всех китайских армиях служили специалисты по взрывчатым веществам и химической войне. Эта техника, основанная примерно на семи веках алхимических экспериментов, развилась в начале X века из первого применения пороха на войне — в огнемете. Очень быстро появился целый спектр оружия на пороховой основе: взрывающиеся стрелы, мины, а также бомбы, швыряемые требушетами. Одна из таких состояла из пакетика пороха в бамбуковой палке, окруженного битым фарфором — первое известное применение шрапнели. К началу XIII века, примерно ко времени первого вторжения монголов, это устройство эволюционировало в намного более смертоносную «громовую бомбу», которая детонировала внутри металлической или керамической оболочки 5-сантиметровой толщины. Взяв в 1232–1234 годах цзиньскую столицу Кайфын, монголы поэкспериментировали с этими бомбами:

«Среди оружия, которым располагали защитники, была сотрясающая небеса „гром-бомба“. Она состояла из черного пороха, положенного в железный сосуд; когда зажигался фитиль и этим снарядом выстреливали, происходил сильный взрыв и звук, похожий на гром, слышимый на расстоянии более ста ли [ок. 50 км], а растительность выжигалась и опалялась жаром больше чем на половину му [400 кв. м]».

Для самозащиты монголы выкапывали себе траншеи, прикрывались коровьими шкурами, но чжурчжени опускали бомбы на цепях: «Когда их опускали до окопов... бомбы взрывались, вследствие чего коровьи шкуры и штурмующих разносило в клочья, не оставалось и следа».

Такие бомбы изготавливались в больших количествах — «одна-две тысячи в месяц», согласно докладу сунского чиновника в 1257 году. Он жаловался, что в текущее время производство упало. «Прежде в Сяньян и Инчжоу, бывало, отправляли по десять-двадцать тысяч разом», — писал он. Но теперь боеприпасов не хватало: «Правительство предположительно хотело подготовиться к обороне укрепленных городов... и все же это все, что оно нам дает! Что за страшное безразличие!»

Также стоит ненадолго отвлечься на исследование отравляющих устройств, первые шаги в области химической и бактериологической войны. Разновидностей хватало. Самым отталкивающим, наверное, было изначально грязное оружие⁵¹, которое я склонен называть «фекально-жучиной бомбой» в честь ее наиболее экстравагантных компонентов.

Вот ее рецепт:

— 7 кг измельченных человеческих экскрементов. Собрать 70 кг человеческих испражнений, высушить и просеять в мелкий порошок. Это будет основной объем нашего ядовитого облака, опаляющий легкие и инфицирующий открытые раны. К этому добавить:

— 400 г корней аконита, растения с капюшонообразными цветами, корни которого производят один из самых смертельных ядов. Поглощенный сквозь кожу, этот яд парализует. Если же его вдохнуть или проглотить, он вызывает тошноту, затрудненное дыхание, конвульсии и паралич сердца.

— 200 г кротонного масла. Дерево кротон произрастает в Индии и Индонезии. От масла из его семян на коже появляются волдыри, а если его проглотить, оно воспаляет желудок и приводит к мгновенной диарее.

— 400 г белого мышьяка (As_2O_3 и его производное — сульфит мышьяка). При взрыве образует что-то вроде спрея-инсектицида, который, когда его вдыхают в достаточной дозе,

---

⁵¹ Извлечение из работы Роберта Темпля «Китайский гений» — выжимка из массивного труда Джозефа Нидэма «Наука и цивилизация в Китае» [Robert Temple, *The Genius of China* (London: Prion, 99), a distillation of Joseph Needham's massive *Science and Civilisation in China*]. (Прим. авт.)

вызывает долгую диарею, боль в желудке, повреждение крови и почек, а затем смерть.

— 100 г жуков вида *Mylabris*. Это самый странный элемент в этой до крайности странной смеси. Когда я впервые увидел его, мое воображение заработало в режиме форсажа. Были ли те жуки живыми? Удавалось ли им пережить взрыв и его яды? Какой, черт возьми, может быть прок в военных действиях от облака отравленных жуков? Но специалист по насекомым из Музея естественной истории Ли Роджерс поправил меня. Жуки *Mylabris* издавна использовались в традиционной китайской медицине из-за производимого ими в небольших количествах химического вещества, кантаридовой кислоты, которая стимулирует различные органы, в том числе половые. Это активный компонент афродизиака, известного под названием «шпанская мушка». Быстро запросив Google, я выяснил, что в данный момент в Китае проявляется большой интерес к этому химическому веществу, поскольку есть предположения, что оно противораковое. Но попадая на кожу в более массивных дозах, оно действует как токсин и вызывает волдыри. Отсюда и распространенное название этих созданий — «волдырники». Итак, собираем 100 граммов (всего несколько десятков) *Mylabris phalerata* или *Mylabris cichorii*, давим их, высушиваем, толчем в порошок и добавляем порошок в мешок с отравой.

Ингредиенты упаковывались вместе с черным порохом, от которого тянулся фитиль. Затем все это заворачивалось в толстую бумагу, обвязывалось тесьмой и покрывалось слоем подобного канифоли свечного воска, оставляя торчащий фитиль. Весившая примерно 10–15 кг, эта ядовитая бомба помещалась в пращу требушета, поджигалась и выстреливалась. Это было специализированное оружие, ему требовался большой требушет и расчет никак не меньше дюжины человек, которым надо было швырнуть этот смертельный пакет на добрых 100 метров, чтобы не рисковать самим попасть под действие отравы.

Все усилия обеих сторон вполне могли бы закончиться равновесием сил, хотя бы потому, что у требушетов имелся огромный изъян, ставящий в особенно невыгодное положение защитников: если они метали камни, самые дешевые из боеприпасов, то попросту снабжали боеприпасами неприятеля. Одни и те же камни летали туда-сюда через стены, разбивая головы, ломая руки, прошибая крыши. Иной раз их летало столько, что снаряды сталкивались в воздухе. При обороне или нападении подумайте о камнях, которые вам понадобятся для обстрела города: два выстрела в минуту на машину, 100 машин — это 12 000 камней за час, и так час за часом, день за днем. Откуда возьмется такая масса камня? Сколько людей и лошадей потребуется на поиски, рубку и доставку камней? Потому и возник стимул создать более действенные снаряды — взрывчатые, способные разбрасывать вокруг себя отравляющие химические вещества и шрапнель. Но даже эти снаряды для истребления живой силы, применяемые только при близких артиллерийских дуэлях, редко достигали дальше ста метров.

* * *

Именно с этим оружием началась в начале 1268 года осада Сяньяна, и наступление Ачжу остановилось. Осаде предстояло стать пятилетней эпопеей, своего рода китайской Троянской войной со штурмами, попытками прорывов и актами героизма. Эта осада даже получила свой аналог драматического конца Трои, хотя и не путем хитрости, а через подавляющее превосходство в силе. К несчастью, поскольку мы пребываем в пространстве истории, а не предыстории, никакие барды не воспели героев Сяньяна, никакой местный Гомер не сложил эпической поэмы; поэтому, не имея для пересказа легенд о подвигах, первые три года осады придется описать буквально парой абзацев.

Для надлежащей блокады требовались лодки — 500 судов, построенных под надзором адмирала Лю Чэна, старшего офицера сунской армии, перебежавшего к Хубилаю. На их постройку ушло несколько месяцев. Все лето монголы ниже по течению строили на обоих берегах Ханьшуй укрепления для обстрела сунских лодок с припасами. Когда снова наступила зима, Ачжу распространил осаду на другой берег реки, включив в кольцо блокады

и Фаньчэн. Попытка китайцев прорваться закончилась для них катастрофой: сотни «десантников» были захвачены в плен и обезглавлены. После этого китайцы ушли в глухую оборону и упорно держались, благо к ним поступало достаточно припасов для выживания. Весной 1269 года Хубилай отправил на усиление осаждающих еще 20 000 человек. В августе, после восемнадцати месяцев действия и бездействия, вверх по реке Ханьшуй для атаки монгольских укреплений поднялись три тысячи сунских судов, которые были отброшены и убрались назад, потеряв две тысячи человек и 50 лодок.

Теперь монголы каким-то образом соединили два укрепления на разных берегах ниже по течению — вероятно, цепью или понтонами. Возможно, это сработало не очень хорошо, так как командиры затребовали еще 70 000 бойцов и 5000 лодок. Даже делая допуск на обычную неточность военной статистики, это было весьма массивное увеличение контингента. Несомненно, монгольские командующие, подобно генералам на Западном фронте Первой мировой или во Вьетнаме, уверяли, что видят свет в конце тоннеля, еще один нажим и все закончится. Китайские же защитники города, успокоенные заверениями офицеров секретной службы, которые тайком доставляли в шарах воска приказы, деньги и письма, выказывали равную твердость: никакой капитуляции не будет!

Осажденные еще несколько раз пытались прорваться. Однажды в марте 1270 года отряд пехоты и кавалерии, сопоставимый по размерам с дивизией — «Десять Тысяч», — с сотней лодок предпринял десантную операцию с целью прорваться мимо укреплений ниже по течению; понеся тяжелые потери, китайцы отступили обратно за стены города. Но список бесполезных рывков на этом не закончился: в октябре 1270 года китайцы потеряли тысячу воинов, две тысячи — в августе 1271 года и почти целый трехтысячный отряд — в следующем месяце.

Что могло сломать этот пат? Как сказал Хубилаю один монгольский полководец, уйгур по имени Али-хайя, монголам нужно не что иное, как соответствующая артиллерия. В общем, у монголов уже имелась артиллерия многих видов — камнеметы, требушеты, стрелометные баллисты, — поскольку технологией и военными специалистами они обзавелись еще после осады Пекина, в год рождения Хубилая.

Затруднения представляли ров и каменные стены Сяньяна. Монгольско-китайская артиллерия попросту не обладала ни дальностью, ни мощностью для преодоления этих оборонительных сооружений, и никто ни в Монголии, ни в Китае не имел опыта и мастерства для постройки более тяжелых и мощных осадных машин.

Но прослышав об этой проблеме, Хубилай увидел и решение. Ему требовались самые лучшие проектировщики осадных машин, которые волей случая имелись в Персии, в 6000 км от Пекина, в двух третях пути через всю империю. Он знал об этом, поскольку ему приходилось читать донесения об осаде Багдада, присланные в 1258 году его братом Хулагу. Разве у Хулагу не было катапульт, разрушающих стены? Слова Рашид ад-Дина наверняка должны были найти отражение в донесениях из архивов Хубилая: «Они установили катапульты перед башней Аджамы и разрушили ее». Обыкновенные старые натяжные требушеты не способны разрушать стены. Это были машины иного порядка.

Однако даже это новое секретное оружие не могло гарантировать успеха. Сяньян оставался невзятым; победа над империей Сун качалась на весах. И все же поражение выглядело невыносимым. Как мог Хубилай лучше всего исполнить волю Неба?

Пагба-лама посоветовал ему поискать помощи в мире духов. А к духам-помощникам нужен правильный подход, с проведением соответствующих обрядов, причем совершенных в месте, достаточно впечатляющем, чтобы оно могло не только служить святилищем для того божества, с которым придется иметь дело, но и утверждать авторитет императора как духовного вождя. Для этого дела Хубилай избрал храм, прежде никем и никогда не виданный: Байта Си, Белую Пагоду, которая все еще тянется к небу над центральным Пекином, непосредственно к западу от Запретного Города (не путать с другой Белой Пагодой в парке Бэйхай).

В 2005 году я посетил это строение, смутно надеясь, что оно некоторым образом вернет

к жизни Хубилая. Ему это удалось, главным образом потому, что был один вопрос, о котором я пока еще даже не думал: кому или чему собирался молиться Хубилай? Я столкнулся лицом к лицу с ответом и, не выдавая заранее слишком многого, могу сказать, что он оказался не то чтобы пугающим, но определенно неожиданным.

Участок, на котором предстояло подняться Белой Пагоде, был местом силы. Люди избегали его из-за сообщений об огненных шарах, вырывающихся из низины (наверное, это были вспышки, вызванные болотным газом). Хубилай приказал выкопать там яму, желая посмотреть, что скрывается под землей, — и по счастливой случайности кто-то нашел руины, монеты и каменную табличку с вырезанными на ней драконами. Это было именно то доброе предзнаменование, какое ему требовалось. Здесь явно некогда стоял драконий дворец, поэтому это место идеально подходило для царского храма.

Теперь полагалось определить границы храма. Это было сделано по древнему монгольскому обычаю разметки нового стойбища. Хубилай — или скорее один из его офицеров — выпустил стрелы на все четыре стороны света, каждый выстрел на 200 метров определил расстояние до стены. Таким образом, первоначальный храм был комплексом зданий на участке примерно 400 на 400 метров. Последующие династии и неумолимое время не были милосердны к окружающим зданиям и стенам, сократив участок до малой доли от первоначального размера, но сама пагода, словно огромная перевернутая трубочка мороженого, высится над окружающей ее кучкой залов и офисов выставки, оставаясь почти во всем такой же, как во времена Хубилая.

Туристы толпами валят туда посмотреть на Будд — официальные символы готовности Китая сделать всех частью одной великой семьи. Зал Тысячи Будд с его сверкающими как самоцветы миниатюрными статуэтками из всех буддийских стран притягивает на право зваться одной из величайших коллекций в мире. В Зале Семи Будд их теперь только три — еще четыре исчезли во время культурной революции. В Зале Великого Просветленного каллиграфические надписи императора XVIII века Циан Луна напоминают посетителям, что «разум Будды столь же ярок, как сияющая жемчужина».

Сердцем комплекса является сама пагода. Естественно, для постройки храма и окружающего его комплекса Хубилай выбрал буддиста: 27-летнего непальского архитектора и художника по имени Арнико, который еще в отрочестве приобрел репутацию в Тибете, а потом перебрался в Китай в качестве одного из протеже Пагба-ламы. В 1265 году, когда ему был всего 21 год, он отличился перед Хубилаем, восстановив бронзовую статую, на которой были размечены точки для иглоукалывания. Он продолжил карьеру, создав много других храмов и статуй по всему Китаю, и занимался этим почти до самой смерти в 1306 году, в возрасте шестидесяти двух лет. Все гордятся пагодой Арнико, и неудивительно, учитывая, что в XIII веке это сооружение в 374 метра высотой было самым высоким зданием Пекина. Статуя архитектора, изображающая стройного юношу с тонкими чертами, стоит у подножия пагоды, помещенная туда Непальским Обществом Арнико. Открытие ее состоялось в 2003 году в присутствии крупных фигур из правительства Непала.

Я захотел взглянуть на пагоду изнутри. Вместе с моим гидом, девушкой по имени Серебро, я поднялся по лестнице рядом со статуей Арнико и обнаружил, что путь мне преградила стена из гофрированного железа. Пагода была закрыта на реставрацию. Однако в стене обнаружилась открытая дверь, и мы проникли внутрь.

К своему удивлению, я увидел там двух монахов в красных балахонах, расстилающих молитвенные коврики — одного огромного, словно борец, другого ниже среднего роста. Очевидно, ритуалы здесь все еще проводились. Монахи выглядели робкими, и я не хотел докучать им вопросами, поэтому побрел к другой стороне пагоды и, задрвав голову, принялся разглядывать огромный толстый выступ белой штукатурки, словно парящий в лучах яркого осеннего солнца, удивляясь отсутствию окон и дверей. И тут до меня донеслось негромкое пение. Два монаха совершали какой-то обряд; к тому моменту, когда я поспешно вернулся к фасаду здания, они закрыли дверцу чего-то похожего на буфет и начали жечь ладан и рис. На этот раз я встретился с ними взглядом, а они улыбнулись и кивнули мне.

Поощренный этим, я попросил Серебро представить меня. Монахи оказались тибетцами. Крупного звали Ту Дань, худощавого — Ганга. Как странно, сказал я, что это место все еще функционирует. Оно всегда функционировало, ответили мне, — всегда оставалось защищенным, всегда было местом укрепления отношений между китайцами, монголами и тибетцами...

Тут к нам присоединился человек с мягкими округлыми чертами пекинского интеллигента, который мигом выказал прекрасное знание английского. Бенджамин Ли изучал английский язык и литературу и был бизнесменом, а сюда зашел потому, что восхищался храмом и дружил с этими двумя монахами. Тут меня осенило, что он также является их спонсором, так как Бенджамин заметил, что живут монахи исключительно на пожертвования. Небольшой взнос и предложение купить им обед вызвало улыбки и открыло дорогу к дальнейшему разговору.

Бенджамин любил этот храм.

— Это очень, очень хорошее место, для меня — самое важное место в Пекине, а может быть, и во всем Китае. — Он кивнул в ответ на мой удивленный взгляд. — По-настоящему хорошее место. Даже далай-лама однажды побывал здесь.

Мне захотелось узнать о первоначальном назначении этого храма.

— Он должен был помочь нанести поражение сунцам и объединить страну. Она, знаете ли, не была единой. Есть и еще один, тоже построенный Арнико, в Чжоучжоу, в провинции Хэбэй — это в семидесяти пяти километрах к юго-западу от Пекина. Он называется Храм, Защищающий Страну.

И все же было здесь нечто не вполне ясное для меня. Что сделало этот храм и его близнеца в Хэбэе таким особенным, тогда и сейчас? Чему или кому на самом деле поклонялся Хубилай?

— Этот храм создали для Хубилая как его личное семейное место поклонения. — Бенджамин помолчал. Думаю, тут не было никакой сознательной попытки утаить что-то от меня, но внезапно правда об этом месте выплеснулась одним духом. — Этот храм, знаете ли, создали для поклонения хранителю, именуемому Махакалой.

— Махакалой? А кто такой этот Махакала?

— Махакала... это нечто наподобие бога войны.

Вот, значит, какое божество Хубилай надеялся призвать себе на помощь в борьбе с сунцами! Лично я прежде не слыхал о нем, но миллионы людей по всей Азии от Индии до Японии чтят его как «Великого Черного».⁵² Индусы знают его как аватару Шивы-разрушителя. В Тибете он уничтожает тех, кто не проявляет должного уважения к буддизму. Я пока не знал, как он выглядит, но он явно был не тем богом, с которым пожелаешь встретиться темной ночью.

Удача распорядилась так, что несколько дней спустя я говорил в Улан-Баторе с монгольским ученым и ведущим монголоведом Шагдариним Бирой, который занимался исследованиями по данной теме. Махакала был хранителем, каким-то образом связанным с Хеваджрой — божеством, бывшим предметом особого благоговения в монастыре Саскья, откуда вышел Пагба-лама; божеством, к культу которого Пагба-лама причастил Хубилая в 1253 году. И теперь, восемнадцать лет спустя, императорская власть сделала Хубилая достойным защиты со стороны его личного бога. Или, как выразился Бира в статье, которую готовил для публикации: «Хан, вступив в прямой духовный контакт со своим охраняющим божеством Махакалой, самым могущественным защитником веры, мог претендовать на приобретение особой непостижимой силы в деле управления империей. Таким образом, монгольский хан мог пользоваться не только милостью Тенгри, но и милостью могущественного тантрического бога».

И не только Хубилай, как объяснил мне Бенджамин:

---

⁵² Собственно Махакала и означает в переводе с хинди «Великий Черный». (Прим. пер.)

— Для Хубилай-хана и Пагба-ламы, и для всех последующих духовных вождей, вплоть до нынешнего десятого Панчен-ламы, хранителем всегда был Махакала.

— И по-прежнему остается им?

— Да. Он прямо здесь. Оглянитесь.

Ту Дань открыл дверцу, которую недавно закрыл у меня на глазах, и за ней обнаружился небольшой алтарь, увенчанный на редкость живым портретом Махакалы: черное лицо, три пристально глядящих глаза, свирепый оскал, клыки, головной убор из черепов поверх желтых волос. Вот чем занимались монахи, пока я бродил по пагоде — богослужением Махакале...

На одной полке в передней части святилища стояло серебряное блюдечко с прозрачной жидкостью.

— Спиртное, — сказал Бенджамин. — Другим бодисатвам можно подносить цветы и фрукты, но ничего спиртного. Однако хранителям, особенно таким могущественным, как Махакала, полагаются подношения в виде спиртного. Вместе с подходящими молитвами это нечто вроде, — он отстучал слово на электронном китайско-английском словаре, такие часто носят с собой студенты и гиды, нектара. И еще еда, подобно ладану и рису, испускающая запах, который питает духов. Нас насыщает еда, но как можно насытить духов? Только запахом. Тогда Махакала станет твоим хранителем. Он приносит удачу.

— С виду он не похож на удачу. Скорее на кошмар.

Бенджамин перевел, и все трое рассмеялись.

— Если он на твоей стороне, это хорошо. Он отпугивает всех других духов.

Я помолчал, надеясь на новые откровения.

— Можно нам заглянуть внутрь пагоды?

— Невозможно. Она будет готова только через несколько месяцев. Но вы можете снова обойти ее кругом. На этот раз идите правильно, по часовой стрелке.

— А что внутри?

— Махакала! Настоящий Махакала!

Когда мы обходили кругом массивное строение, я пообещал себе, что в один прекрасный день вернусь и увижусь с ним лицом к лицу. Может, он всего лишь статуя, но я не стану рисковать. Он получит и молитвы от коллег Ту Даня и Ганги, и спиртное. Я ручаюсь, что он будет на моей стороне — как, вероятно, был на стороне Хубилая в 1271 году, если произошедшие события могут о чем-то свидетельствовать.

* * *

Для лучшего понимания, какую трудность представляли собой стены Сяньяна, позвольте мне познакомить вас со странным миром противовесных требушетов. Эти машины были тяжелой артиллерией своего времени, по сравнению с которыми натяжные требушеты, приводимые в действие мускульной силой расчета, выглядели относительно несолидно. В противовесном требушете усилие людей заменялось ящиком, наполненным балластом (камнями, землей или свинцом). Преимущество его заключалось в том, что вес этого ящика мог быть огромным, удлинялся метательный рычаг, снаряды металась более тяжелые, становился больше (не увеличивая веса) праща, возрастала дистанция боя, и — если противовес и снаряд от выстрела к выстрелу оставались неизменными — улучшалась меткость.

Однако расчет величины этой конструкции требовал опыта, на приобретение которого тратилось время. Поэтому противовесный требушет появился на сцене довольно поздно, возникнув в XII веке в исламском мире и распространившись по Европе после того, как армии крестоносцев столкнулись с ним примерно в 1200 году. Впрочем, никто до конца не уверен, от кого к кому распространялось это изобретение. Китайцы называли эти новые машины «мусульманскими катапультами», а мусульманский автор Рашид ад-Дин именует их «франкскими». Но где бы впервые ни возникла эта идея, информация о ней вскоре потекла в

обе стороны. Как в Европе, так и в исламском мире эти машины развились в специализированные устройства, которые не только уничтожали стены, но и потрясли воображение, влияя на стратегию и делая звездами инженеров (у которых в результате появилась веская причина не записывать своих секретов).

К концу XV века они исчезли, сметенные черным порохом. В конце концов, они были всего лишь деревянными, занимали немало места и, устарев, стали хламом, пригодным только для извлечения из них балок или досок либо на дрова. Ни один противовесный требушет не дожил до XX века, за исключением экземпляра, который нашли в 1890-х годах в старой церкви того, что было тогда Восточной Пруссией (ныне это часть Польши). А все иллюстрации сильно стилизованы, ибо незнакомые с техникой художники опускали такие важные детали, как спусковые и поворотные механизмы. Долгие годы об этих машинах усиленно думали лишь очень немногие специалисты по военной истории.

Чтобы понять их, эти машины надо воскресить. В наше время образовалась международная субкультура энтузиастов «треб», которые как раз этим и занимаются. Объединяя теоретическую науку, историю и практику, они все энергично, многие одержимо, а некоторые даже весьма эксцентрично посвятили себя делу швыряния огромных грузов настолько далеко, насколько можно закинуть без применения взрывчатки. Немалая часть этой работы является серьезной реконструкторской археологией, но она также порождает очень странное поведение, поскольку силы задействованы огромные, а результаты трудно предсказать, отчего каждая машина приобретает индивидуальность и зачастую получает собственное имя: Кидатель Сыра, Сын Кидателя Сыра, Швырялка.

В 1991 году Хью Кеннеди, английского землевладельца, изобретателя и военного историка, заинтриговала машина, нарисованная Леонардо да Винчи, которая, если судить по чертежам, была способна метать тела мертвых лошадей. Он спроектировал и построил 30-тонный требушет, с помощью которого далеко метнул полдюжины автомобилей, 60 роялей и много дохлых свиней, чем заслужил большую известность. (Почему-то рояли и пианино особо популярны в качестве боеприпаса среди подобных артиллеристов — наверное, потому, что их струны замечательно воют при полете, а при падении они столь же замечательно грохаются, расшвыривая клавиши во все стороны). Телеканалы, любящие сочетание мощи, драматизма и безумия, проявили острый интерес к подобным забавам. В США телепрограмма «Северная Экспозиция» засняла, как катапульта, построенная Джоном Уэйном Сайрой, швыряет одно за другим девять 200-килограммовых пианино, поставленных на бок. Программа вышла в эфир в октябре 1992 года, и пианино описывали в полете 100-метровую дугу под мелодию «Голубого Дуная».

Рон Томс, техасец (этим делом занимается немало техасцев, которых всегда притягивали мощь и масштабы), увлекся требушетами еще подростком. Построив данное устройство, он использовал в качестве боеприпаса самого себя, взлетел на 30 футов в воздух и совершил посадку в реку. Он и его друзья счастливо провели день, запуская друг друга в воду, пока Рон не увеличил противовес с целью метнуть себя еще дальше, и тогда, как он выразился, «машина самоуничтожилась посреди броска». Томс продолжил свое занятие, построив для телешоу «Во имя науки» патриарха всех требушетов. Он назвал своего монстра «Ти-Рекс»: если его тезка питался диплодоками, то этот плевался автомобилями. Сайты сообщают о планах соорудить «Тора» — требушет со стофутовым рычагом и 25-тонным противовесом, который предположительно будет метать «бьюики», как бог войны метал молнии. Но в то время, когда пишутся эти строки, «Тор» остается лишь мечтой.

Я стал поклонником требушетов после визита в замок Кэрфилли в южном Уэльсе. В замке стоят четыре действующих реконструированных катапульты, и одна из них — противовесный требушет. В мрачное и пасмурное пасхальное воскресенье 2005 года я наблюдал за тем, как расчет из дюжих ребят в средневековых нарядах готовит машину к метанию снарядов в ров перед толпой туристов. Работали они под опытным оком Пола Денни, инженера, который вместе с женой Джулией работает в серьезном археологическом ключе исследования требушетов. Эта машина не слишком огромна — ее вес около десяти

тонн, с противовесом в две тонны. Но даже при этом подготовка ее к стрельбе — не самое легкое дело. Для нее потребовалось два человека, крутящих кабестан, и еще шестеро, тянущих канат для взвода машины. Из-за всего этого веса и медленно накапливаемой мощности возникало ощущение надевания упряжи на огромного зверя. Спусковое кольцо держал крюк. Кто-то разложил пращу с ее снарядом. Обычно снарядом служит двухкилограммовый бетонный шар, но в этом предποказном испытании Пол использовал камень весом в 5 кг.

— Хочешь рвануть спуск, Джон?

— Пальнуть из нее? Разумеется.

— Не «пальнуть». Мы так не говорим. Пальбу устраивает артиллерия с черным порохом. А мы говорим «метнуть» или «выстрелить».

Вот я и выстрелил.

Есть какая-то красота в том, что происходит, когда высвобождается эта накопленная энергия, ибо здесь задействованы только природные элементы — дерево, железо, камень, канат, гравитация, — которыми мастерски управляют. Рывок за спуск высвобождает рычаг. Противовес падает, рычаг поднимается, за ним следует праща со своим снарядом. Звуки очень тихие, словно при работе гигантского лифта: шипение смазанной оси, свист пращи. Я ожидал действия, похожего на взмах кнута, но все произошло, как при ускоренной съемке, довольно грациозно. Снаряд улетает прочь, и зверь принимает прежнее положение, издавая негромкие довольные звуки — вздохи качающегося взад-вперед противовеса, стук располагающихся в нем по-новому тяжелых камней, шлепанье пустой пращи о колеблющийся рычаг. А в вышине камень, переворачиваясь, лениво плывет семь секунд (я засекаю время) по огромной высокой дуге и плюхается в ров, расположенный в восьмидесяти метрах от нас. Последовал долгий миг благоговейного молчания. Я был соблазнен. Мне хотелось выстрелить еще.

Нельзя сказать, что я рвался швыряться роялями и «бьюиками» — для этого требуется металлическая конструкция, а это уже неаутентично. Мне же хотелось получить ответ на исторический вопрос: насколько большими и мощными бывали средневековые деревянные противовесные требушеты? И это возвращает меня к обсуждаемой теме — завоеванию Хубилаем империи Сун.

Король Эдуард I Длинноногий почти ответил на мой вопрос, поскольку именно он несет ответственность за появление, наверное, самого большого требушета в Европе. В 1304 году он напал на замок Стирлинг, ключевой элемент в сопротивлении шотландцев, однако его армия не произвела никакого впечатления ни на мощные стены замка, ни на хорошо запасшихся продовольствием защитников. Ответом Эдуарда стал приказ инженеру по имени Реджинальд построить самый большой противовесный требушет, какой он только может соорудить. Пять плотников с пятью помощниками трудились три месяца и создали машину, названную Лю де Гер, «Волк Войны». Подробности отсутствуют, но, должно быть, она обладала возможностью разрушить стены Стирлинга, ибо, как гласит один из рассказов, замок капитулировал, едва завидев ее — хотя Эдуард отказался принять капитуляцию, пока не испробовал в деле свою гигантскую машину и не доказал, что та работает.

Деревянный требушет, который, должно быть, приближался по величине к данному, построил французский дизайнер Рено Бёфет. Дизайн этой машины аутентичен и основан на единственной известной схеме требушета — рисунке французского художника Виллара д'Оннекура, о котором практически ничего не известно, кроме его подборки рисунков. Требушет Бёфета — настоящий монстр с 10-тонным противовесом, способный метнуть снаряд весом в 100 кг на 220 метров.

Итак, теперь мы знаем, что именно стремился заполнить Хубилай. И знаем, что такая возможность существовала. Известно нам также, что в Китае подобных специалистов не имелось, их требовалось доставить из Персии. Ничто не могло лучше продемонстрировать преимущества империи, управляемой сплошь одной семьей и связанной воедино сетью коммуникаций через всю Евразию. Его письмо было отправлено конной почтой, заведенной

монголами. Через пять недель, проделав 6000 км от Пекина, послание оказалось в Тебризе, в северной Персии, в ставке племянника Хубилая Абаги, ставшего ильханом (подчиненным ханом) после смерти в 1265 году его отца Хулагу. У Абаги находилось под рукой несколько проектировщиков, которые строили противовесные требушеты, примененные при осадах Багдада, Алеппо, Дамаска и замков крестоносцев в Сирии. Он смог выделить дяде двоих из них, Исмаила и его помощника Ала ад-Дина.⁵³ В конце 1271 года оба прибыли со своими семьями в Ксанату, где им отвели официальную резиденцию на зиму. Следующей весной, после того, как мастера построили катапульту и продемонстрировали хану принципы ее работы, оба они — плюс, очевидно, сын Исмаила, которого он обучал своему мастерству — оказались в зоне боевых действий, глядя на прочные стены Сяньяна, на ров, на широкую реку и на Фаньчэн, город-спутник Сяньяна на другом берегу.

Давайте поставим себя на место Исмаила. Перед нами стоит задача метать стокилограммовые каменные ядра в стены Сяньяна с учетом того, что ров помещает нас на расстояние по меньшей мере в 100 м от них. Значит, мы уже имеем дело с машиной слишком большой, чтобы быть мобильной. А это означает, что мы должны поместить себя и свой расчет еще дальше от стен, за пределами досягаемости летящих со стен стрел и отравляющих разрывных бомб. Получаем дистанцию примерно в 200 метров. Тут вполне подошла бы гигантская машина Бёфета. Должно быть, машина Исмаила весила 40 тонн и достигала в высоту почти 20 метров.⁵⁴

Нужно проанализировать и иные разнородные переменные: каков будет точный вес противовеса, если тот по воле случая промокнет; что произойдет со свойствами недавно срубленных и обтесанных рычагов, когда те медленно высыхают; в какой момент праща должна выпустить снаряд (раньше для высокой траектории, позже для низкой); воздействие температуры на жир, снижающий трение деревянных осей в деревянных опорах (если наши мусульманские инженеры не решили отлить бронзово-металлические опоры, которые обладают замечательным свойством достигать при долгой работе такой гладкости, что, по существу, сами себя смазывают). В знании, как достичь всего этого, не преступив пределов возможного, и заключалось мастерство Исмаила. И были еще вещи, о которых он мог не знать до прибытия на место, вроде того, из какой древесины делать рычаг, так как все деревья различаются по весу и прочности, которые опять же варьируются в процессе высыхания.

Теперь подумаем о боеприпасах. Для нас крайне важна меткость. Никак не годится грубо обтесать старые камни, чтобы те весили примерно 100 кг, ибо мелкие различия в весе и форме переведутся в разницу между попаданием в цель и промахом. Кувыркающийся в воздухе беспорядочно обтесанный камень движется хаотически, его траектория непредсказуема. Если мы хотим поразить зубцы стены, башню или определенную точку стены несколько раз подряд, нам нужны снаряды одинакового веса и правильной формы, а именно сферические. Поэтому нам нужен контингент каменотесов, местный каменный карьер и хороший транспорт.

Быстрота была крайне важна. В июне того же года сунские лодки спустились вниз по реке, привезя 3000 солдат, и те, пройдя с боями 50–60 км вдоль реки, вошли в город. Потеряли они при этом, похоже, только сунского полководца, тело которого, все еще сжимающее в руках лук, нашли несколько дней спустя прибитым течением к понтонному

---

⁵³ Рашид ад-Дин называет совершенно иные имена: Талиб и трое сыновей, что походит на совершенно иную семью. Я не видел возможности разрешить это противоречие и следую китайским источникам в «Юань Ши». (Прим. авт.)

⁵⁴ Вы можете получить представление о том, что требовалось, заглянув на сайт австралийской группы «Серый Отряд» (Grey Company). Здесь вы найдете ссылку на программу «The Algorithmic Beauty of the Trebuchet» («Алгоритмическая красота требушета»), которая с помощью сложной формулы, позволит вам стать виртуальным инженером-проектировщиком требушетов. (Прим. авт.)

мосту через реку. Исмаил и Ала ад-Дин направили свои расчеты валить в близлежащих лесах подходящие деревья и обтесывать камни. Если требует Эдуарда I «Волк Войны» может служить аналогией, то на эту работу должно было уйти добрых три месяца: срубить и ошкурить деревья, вытесать балки конструкции, придать камням сферическую форму, собрать 10 тонн балласта для противовеса, спроектировать все сооружение с таким расчетом, чтобы его можно было разобрать за тали подъемным механизмом и перевезти в другое место.

Откуда лучше всего атаковать? Монгольский полководец Ариг-хайя решил сделать это не в лоб, напав сперва на Фаньчэн. По словам его биографа, «он воспринял отношение Фаньчэна к Сяньяну как подобное отношению губ к зубам» и попросил у Хубилая разрешения перенести острие атаки на город-спутник. Хубилай одобрил такой подход. Первым делом требовалось изолировать Фаньчэн, разрушив понтонный мост и тем самым прервав подвоз припасов. Биография Ариг-хайи подытоживает рассказ: «В то же время Исмаил, человек с запада, представил новый способ изготовления катапульта, поэтому Ариг-хайя взял этого человека с собой в армию. В первую луну (в январе-феврале 1273 года, хотя „Юань ши“ датирует штурм декабром 1272 года) они сделали катапульты и штурмовали Фаньчэн». Теперь, если Исмаил применил данную машину впервые, он, как любой артиллерист, наверняка занялся ее доводкой, сделав пару выстрелов на максимальную дальность, а потом подгоняя длину пращи или установку спускового крюка пращи с расчетом зашвырнуть другой каменный шар за стену. Выражаясь языком артиллеристов, он устанавливал пристрелочную дистанцию. Заключительная тонкая подгонка — наверное, сдвигание узла с целью уменьшить на несколько сантиметров мах рычага — и третий выстрел попадает прямо в цель. Защитники Фаньчэна видят, как шар лениво описывает в воздухе дугу, устремляясь к ним, а затем врезается в зубцы и разбивает их на мелкие осколки, оставляя наверху стены скверную пробоину. Как гласит биография Ариг-хайи, «хуй-хуй пао [мусульманская катапульта] проделала в стенах брешь... [и поскольку] подкрепления из Сяньяна не могли больше добраться до крепости, та была захвачена».

Здесь сложилась интересная ситуация. Фаньчэн сопротивлялся до конца, а все знали, что происходило с городами, которые не сдавались: их жители массово истреблялись, главным образом с целью запугать население других городов и заставить их быстро капитулировать. Хубилай не поощрял подобную тактику. Но проблема Сяньяна оставалась нерешенной. Ариг-хайя и Ачжу пришли к единому мнению: с монгольской точки зрения иного выбора не остается, город должен умереть, и очень публично. При кампаниях в мусульманских странах зачастую щадили ремесленников, женщин и детей, так как их можно было сделать рабами. Но военачальники не видели никакого смысла оставлять в живых кого-то из этих людей. Не делалось никакого различия между старыми и малыми, гражданским населением и воинами, мужчинами, женщинами и детьми. Примерно трем тысячам солдат и по некоторым оценкам семи тысячам прочих горожан перерезали глотки, как скоту, а из тел соорудили курган, чтобы эту бойню было видно и из Сяньяна. По словам Ричарда Дэвиса, «ничто не могло так деморализовать защитников Сяньяна, как это зрелище и пугающее послание, которое оно столь усиленно доносило до них».

Затем Исмаилу с его осадной машиной велели переключиться на Сяньян. Можно представить, каким тяжким трудом было демонтировать ее, волоочь по земле и по воде, переправлять через реку и снова собирать на нужной дистанции от Сяньяна, «у юго-восточного угла города», как гласит «Юань ши». Исмаил, мастер своего дела, теперь очень точно знал свойства своей машины. Путем триангуляции он расположил ее, как мне думается, с таким расчетом, чтобы она находилась на таком же расстоянии от одной из сторожевых башен Сяньяна, как ранее от Фаньчэна. Снаряд, сообщают нам, весил 150 *катти*, что лишь чуть меньше 100 кг. Результат получился поразительный. По словам биографа Ариг-хайи, «первый же выстрел угодил в сторожевую башню. Звук сотряс весь город, словно удар грома, и все в городе пришло в полнейшее замешательство».

После этого на монгольской стороне пошли споры среди полководцев, не следует ли

тут же пойти на штурм. Разумеется, он закончился бы еще одной кучей трупов, но с куда меньшим стратегическим смыслом, при этом вызвав у потенциальных подданных ниже по реке понятное отвращение к монголам. Однако у Ариг-хайи были на этот счет собственные мысли. Он лично подошел к подножью стены и позвал градоначальника Лу Вэнь-хуаня. «Вы много лет удерживали город с отрезанной армией, — крикнул он (надо полагать, через переводчика). — Но теперь перекрыты подходы даже птицам небесным. Мой повелитель хан очень восхищен вашей преданностью, и если вы сдадитесь, он даст вам почетный пост и щедрую награду. Можете быть уверены в этом, мы определенно не убьем вас».

Лу, «подозрительный как лис», заколебался. Ариг-хайе пришлось взять в руки стрелу и четырежды повторить клятвенное обещание. В конце концов Лу поверил ему и 17 марта 1273 года сдал город монголам. Слово свое Ариг-хайя сдержал. Лу Вэнь-хуань мгновенно сделался изменником в глазах сунцев и принял высокий пост в стане Хубилая. Он окажется весьма ценным активом в грядущей кампании.

Значение этой победы трудно переоценить. Если империя Сун была замком, то Сяньян — подъемным мостом к нему. Он не только открыл в военном плане дорогу к сердцу империи Сун, но и начал подрывать работу правительства. В Ханчжоу попал в беду первый министр Цзя Сыдао — старый противник Хубилая по осаде Учана, богатый политик, любивший сверчков и их драки. Отчасти виновен в этом был он сам, поскольку скрывал правду от сунского императора — или, во всяком случае, так все считали, что ничуть не меньше вредило боевому духу. История эта разворачивалась примерно так.

В 1270 году император спросил Цзя, правда ли, что осада длится вот уже три года. «Северные войска уже отступили, — ответил Цзя. — Но кто сказал об этом Вашему величеству?» «Одна из моих наложниц», — был ответ. Согласно официальной сунской истории, Цзя выяснил, кто именно из нескольких сотен девушек при дворе нашептывает императору лишнее, обвинил ее в каком-то не зафиксированном анналами преступлении — наверное, в измене родине — и вынудил покончить с собой. Император явно не скучал по бедной девушке, но придворные отметили произвол Цзя, и среди горожан стали распространяться анекдоты и насмешливые песни о нем. После этого хроники гласят, что «никто не смел говорить о делах на границе», а это означало, что новость о падении Сяньяна поразила императора и его двор не хуже ядра, выпущенного из мусульманской катапульты.

Благодарный Хубилай наградил Исмаила 250 таэлями серебра — 325 унций или 9 кг, что в наше время потянет всего на 2000 долларов, но тогда было эквивалентно примерно десятилетнему доходу ремесленника. Этой суммы хватило бы для покупки поместья, будь у него на это время. Однако времени у него не было — во-первых, потому, что его также назначили главой местных мусульманских артиллеристов, а во-вторых, потому, что на следующий год он заболел и умер. Однако дело его продолжало жить. Пост и мастерство Исмаила унаследовал его сын Абу-Бекр, начав династию, которая продолжалась почти до конца династии Юань. Отныне его великое создание было известно не только как мусульманская (*хуй-хуй*), но и как «сяньянская катапульта».

Это была одна из самых знаменитых осад в китайской истории — настолько знаменитая, что Марко Поло прослышал и с большим удовольствием рассказал о ней. Вся беда в том, что к тому времени, когда Марко принялся диктовать записки о своих приключениях, он явно уже столько раз рассказывал эту историю, что успел вписать в нее важные роли для себя, своего отца и дяди. Его отчет об осаде «Сайанфу», мягко говоря, грешит искажениями. Многим ученым он кажется вопиющим образцом самовосхваления. Скажем откровенно: Марко попросту врет.

Вот как писатель-призрак Марко, романист Рустикелло, записал на свой псевдо-доверительный лад то, о чем рассказывал ему Марко, когда они оба сидели в тюрьме Генуи лет через 25 после события (цитируется по изданию Юль-Кордьера 1903 года с его очаровательными архаизмами):

«Скажу вам по правде, после того, как вся область Манги покорила, этот

город не сдавался три года.⁵⁵ Всякий раз, когда войско великого хана приходило сюда, останавливалось оно на севере; а с других сторон вокруг города было большое и глубокое озеро. Только с севера войско великого хана могло обложить город, а с других сторон по воде жителям подвозилось продовольствие.⁵⁶ Никогда бы города не взяли, не случись вот что: три года осаждало войско этот город и не могло его взять, и было это досадно рати. Говорили тут Николай, Матвей и Марко: „Придумаем вам снаряд овладеть городом“. Ратные люди согласились и слова эти передали великому хану. Пришли к великому хану гонцы из войска и докладывают, что обложением города не взять, подвозят туда продовольствие с таких-то сторон и помешать этому нельзя. А великий хан повелел взять город во что бы то ни стало. Говорили тут два брата и сын, господин Марко: „Великий государь, есть у вас мастера, делают они такие снаряды, что большие камни бросают; не выдержит этот город; станут машины бросать камни, тут он и сдастся“. Согласился великий хан и повелел как можно скорее изготовить те снаряды.

Были у братьев в услугах немец да христианин-несторианец — хорошие мастера. Приказали им братья построить две-три такие машины, чтобы бросали камни в триста фунтов. Построили мастера две отличные машины; приказал великий хан отвезти их к войску, что осаждало Саианфу и не могло города взять. Пришли туда машины, установили их: татары глядели на них, как на великое в свете чудо. Что же вам сказать? Уставили машины и бросили камень в город; ударился камень в дом, рушит и ломает все, наделал шуму страшного. Увидели жители такое неслыханное бедствие, изумились, испугались и не знают, что говорить им и что делать. Собрались на совет, а как спастись от этого снаряда, не придумали. Стали они тут говорить, что если не сдадутся, так все погибнут; посоветовались, да и порешили всячески сдаваться. Послали сказать военачальнику, что сдаются и хотят быть под великим ханом. Принял их военачальник и согласился, а город сдался. По милости Николая, Матвея да Марко вышло так, и немалое то было дело».

Рассказ хороший, но с большими изъянами. Юный Марко, которому был тогда всего 21 год, добрался до двора Хубилай-хана только в 1275 году, через два года после окончания великой осады. Ни он, ни его отец и дядя никоим образом не могли иметь никакого отношения к разработке катапульты, и у Марко на деле нет оправдания для вписывания в историю семейства Поло и вымарывания Исмаила и Ала ад-Дина. Все это дело дурно пахнет и сильно отдает эгоцентрической фантазией — никаких подробностей об устройстве требушетов, какие-то безымянные «помощники», которые нигде больше не фигурируют, никаких упоминаний о Фаньчэне, одни туманные общие слова о Сяньяне.

Что ж, он (или его писатель-призрак) любил драматизировать повествование — о чем свидетельствует наглое утверждение относительно Янчжоу: «Господин Марко Поло, тот самый, о ком говорится в этой книге, три года управлял этим городом по приказу великого хана». Тем не менее, он им не управлял — в источниках приводятся списки всех наместников, и его среди них нет. Тут можно сказать лишь одно: это отнюдь не первый и не последний случай, когда правда (которая преобладает у Поло) была оттеснена в сторону писателем-призраком, в жажде шумного признания шептавшим ему на ухо: «Брось, Марко, никто ведь никогда не узнает!»

Нужно сделать пару замечаний в пользу Марко. Во-первых, многие писатели, критикующие его за искажение правды, похоже, думают, будто он притязает на участие в

---

⁵⁵ На самом деле Манги — т. е. империя Сун — пала в 1279 году, через шесть лет после окончания осады. (Прим. авт.)

⁵⁶ К северу от города протекала река Ханьшуй. Трудно представить, как кто-то мог подойти к нему с этого направления. (Прим. авт.)

осаде. Это неверно. И замысел, и постройка катапульты происходят исключительно при дворе Хубилая в Ксанаду, где он, как я полагаю, как раз впервые услышал эту историю и сделал ее своей. А во-вторых, претензия на службу наместником Янчжоу фигурирует только в пяти первых изданиях его труда, которые все до единого являются искаженными версиями утраченного оригинала. Поэтому, наверное, при работе над книгой совесть у Марко все-таки не молчала.

Когда новость о падении Сяньяна дошла до Ханчжоу, столицу охватила паника. Высшие слои внезапно осознали угрозу своему комфортному и цивилизованному образу жизни, литературным дискуссиям, пикникам на Западном озере, ритуалам, освященным временем, и прекрасным произведениям искусства. Это представлялось немислимым: никогда еще в китайской истории варвары не угрожали коренным землям Китая на юге. Двор немедленно отменил государственный праздник и сообщил, что сэкономленные деньги будут потрачены на укрепление обороны по Янцзы. Ради укрепления боевого духа тех, кого сочли ответственными за поражение, не казнили, а всего лишь понизили в должностях. Даже родственникам Лу Вэнь-хуаня, человека, который сдал Сяньян и перешел на сторону монголов, сказали, что в их преданности сомнений нет. Несомненно, это были очередные симптомы слабости правящего режима.

А затем пошла катастрофа за катастрофой. Без всякого предупреждения, внезапно умер император Ду-цзун, которому исполнилось всего 34 года. Вслед за тем Горы Небесного вида, прекрасная вулканическая гряда в дне езды к западу от Ханчжоу, затряслись и разразились обвалами и селями. На китайском «обвал» и «смерть императора» — это различные значения одного и того же иероглифа *бэн*. В качестве лидеров у империи Сун остались четырехлетний наследник Ду-цзуна, его больная бабка, вдовствующая императрица, и дискредитированный первый министр Цзя. Бедствия соединялись, словно прорехи на старом шелке, а заштопать расплывающуюся ткань империи Сун было некому. Небо отбирало свой мандат на правление. Эпоха близилась к концу.

Глава 9 ДЖАГГЕРНАУТ

В следующей, жизненно важной кампании Хубилай хотел не оставить ни единого места для ошибок. Он сохранил на прежнем посту Ачжу, победителя при осаде Сяньяна, но подчинил его динамичному и опытному государственному деятелю и полководцу Баяну.

Несколько слов о Баяне. Назначая его, Хубилай разыграл две крайне удачные карты — империи и семьи, так как предки Баяна сыграли ведущие роли в одном из наиболее драматичных эпизодов «Тайной истории». Это произошло за пять лет до того, как Чингис стал ханом, когда он, пока еще нося имя Тэмучжин, боролся за объединение монгольских племен. В свое время Тэмучжина-Чингиса еще подростком захватил в плен предводитель его родного племени, обобравший сирот своего бывшего вождя Есугея, отца Тэмучжина. Звали этого тяжеловесного типа Таргутай («Толстяк») Кирилтух. Тэмучжину удалось сбежать, а впоследствии он, обретя силу, разгромил противящиеся ему племена, в том числе и бывшее родное, тайджиутов. Разбитого и прячущегося Кирилтуха схватили несколько его подданных — мужчина и два его сына — и бросили на телегу, поскольку пленник был слишком толст для езды на лошади. Троица схвативших Таргутая Кирилтуха уже двинулась, чтобы доставить его Чингису, но тут ему на выручку прискакали его сыновья и братья. Тогда отец по имени Ширгуету вспрыгнул на своего толстого пленника, приставил ему нож к горлу и закричал: «Назад!», а потом обратился к Кирилтуху (цитирую «Тайную историю»): «Твои сыновья и братья собираются отбить тебя. Мне все равно пропадать. Не убью тебя из страха поднять руку на своего природного хана, так меня все же убьют за поднятие руки на своего хана. А убью — мне тоже смерть. А раз все равно умирать, так умру лучше на подушке!»

Тогда Таргутай крикнул им: «Сейчас же поворачивайте назад! Тэмучжин не может, не должен меня убить; в конце концов не убил же я его, когда имел возможность». Сыновья и

братья Таргутая Кирилтуха убираются прочь, а захватившие его принимаются размышлять. Тэмучжин восхищается преданностью, не так ли? А мы предаем своего хана. Наверняка Тэмучжин скорее убьет нас за измену своему исконному господину, чем вознаградит. И они отпустили Таргутая Кирилтуха на все четыре стороны. Когда же отец с сыновьями попали наконец к Тэмучжину, оказалось, что они были правы: «Правильно вы поступили, что не предали своего настоящего хана! — сказал Чингис-хан. — Ибо я должен был вас казнить со всем родом вашим, как холопов, поднявших руку на своего хана, если б вы вздумали явиться ко мне после того, как убили Таргутая». И сказав так, он проявил милость к пришедшим. Так эта семья обрела славу и состояние. Старика Ширгуету обессмертила легенда, а Чингис, став в 1206 году ханом, сделал двух его сыновей, Наяя и Алаха, тысячниками; вдобавок Наяя стал одним из трех его высших полководцев.

А теперь к сути: Ширгуету, приставивший нож к горлу Кирилтуха, доводился Баяну прадедом, Наяя — двоюродным дедом; а Алах, его дед, командовал войсками в кампании против Персии 1219–1220 годов и стал там наместником города. Отец Баяна служил в 1256 году у Хулагу и погиб в бою, когда Баяну не было и 20 лет. Сам же Баян около десяти лет оставался на службе у Хулагу, а потом отправился в Китай, где поступил на службу к Хубилаю в качестве одного из высших гражданских администраторов. За пять лет он приобрел известность умением сохранять спокойствие и ясность мысли в стрессовых ситуациях, а также тем, что сумел выучить китайский язык. Затем Хубилай, по существу, поставил его управлять Военным советом, при номинальном главенстве старшего сына Хубилая. И теперь, когда Баяну было всего 34 года, ему поручили сделать еще один гигантский шаг к осуществлению божественно предопределенной судьбы, к делу, с которым вот уже четыре поколения была теснейшим образом связана его семья.

Операция предстояла громадная. Старые времена, когда победа добывалась исключительно монгольской конницей, давно миновали. Теперь кавалерия составляла лишь одно крыло из трех. Армия, которую Баян и Ачжу собрали летом 1274 года вокруг Сяньяна, насчитывала примерно 200 000 пехотинцев, свыше половины которых составляли уроженцы северного Китая, поддерживаемых речным флотом из 800 недавно построенных боевых кораблей и еще 5000 транспортных судов помельче с 70 000 матросами, по 14 на судно. Это были гибкие многонациональные силы, способные действовать как на суше, так и на воде. Им приходилось быть такими, поскольку в распоряжении империи Сун все еще имелось 700 000 солдат и 1000 боевых кораблей на Янцзы.

Победа, конечно, грядет. Но это должна быть победа с долгосрочной целью, какую Хубилай впервые принял во время кампании в Юннани. Тогда один советник побудил его проявить сдержанность, и он прислушался: «То, о чем ты мне рассказывал вчера, как Гао Бинь никого не убил, могу сделать и я». Теперь он по опыту знал, что военная победа должна быть сопряжена с победой иного рода, позволяющей завоевать сердца и умы простого народа. Если он хочет завоевать империю Сун навсегда, потребует хорошее управление завоеванной территорией; а это означало сведение к минимуму страданий гражданского населения. И он велел Баяну: «Подражай Гао Биню!»

Первой задачей Баяна осенью 1274 года было спуститься со своей армией по реке Ханьшуй к Янцзы, преодолев примерно 250 км. Но Ханьшуй был перекрыт стотысячной сунской армией, стоящей лагерем вокруг двух крепостей, соединенных пересекающей реку цепью. Чтобы избежать еще одной осады, Баян приказал своим войскам обойти этот участок реки. Прикрываемые с флангов двумя меньшими десятитысячными колоннами, наступавшими параллельно в нескольких десятках километров по обеим сторонам, основные силы перенесли лодки по суше на бамбуковых шестах, отбив по пути одну атаку. К весне 1275 года Баян и Ачжу вывели свои войска из долины реки Ханьшуй на затопленные половодьем равнины Янцзы.

Хубилай следил за ходом этой кампании со страстным интересом — и не только потому, что от непрерывного успеха зависел исход войны. Пятнадцать лет назад он сам переправился через Янцзы в этом самом месте, когда смерть Мункэ и мятеж Ариг-буги

превратили его наступление в отход. Он очень хорошо знал расположение трех городов, образующих современную Ухань, большую крепость Ян-ло ниже по течению и тот лабиринт неглубоких озер и проток, которые пересек тогда в бесплодной попытке взять Учан.

Каким-то образом Баян одолел явно неприступную крепость Ян-ло, которая охранялась флотом намного большим, чем у него. Его единственная надежда добиться преимущества заключалась в переправе через хорошо охраняемую реку и создании плацдарма на южном берегу. Лобовая атака могла провалиться, поэтому он попробовал применить хитрость — разделил свое войско и направил одну его часть атаковать крепость, вынудив китайского командующего подтянуть подкрепления, стоящие выше по течению. А затем одной снежной январской ночью он отправил Ачжу с другой половиной войска на 20 км вверх по течению реки, с несколькими лодками, которые они несли с собой. Они перешли вброд ледяные воды реки и заняли несколько песчаных отмелей. Когда наступил рассвет, они построили понтонный мост и, одолев сопротивление сократившихся вражеских сил, создали плацдарм на южном берегу. Двинувшись обратно вниз по течению, они напали на сунский флот и каким-то образом — подробности нам не известны — победили. Командующий бежал, рассеянный сунский флот уплыл вниз по течению, а крепость сдалась.

Следующий месяц ушел на беспрепятственный спуск вниз по реке, чему немало способствовал бывший командующий гарнизоном Сяньяна Лу Вэнь-хуань, который в свое время был также начальником многих гарнизонов в нижнем течении реки. По одному его слову командующие сдавались, позволяя монгольской армии наступать без задержек.

Ханчжоу начал впадать в отчаяние. Грозная репутация Баяна росла с каждой победой. Китайцы называли его «Стоглазым», так как именно это означает по-китайски *бай янь*. А вот престиж Цзя, по контрасту, падал с каждым днем — придворные сановники и простой народ поносили его за любовь к роскоши, накопленные сокровища и расточительные вечеринки. Пытаясь восстановить свой авторитет, он решил лично принять командование армией. В феврале того же года он вывел из города войско в 100 000 копий, огромную толпу, растянувшуюся на 40 км, и направился на запад, чтобы перехватить наступавшего вдоль Янцзы Баяна. Столица вдруг оказалась без войск, и понадобились новые.

На этом этапе вдохновлять народ на борьбу стала бабушка императора, грозная вдовствующая императрица Се. Она была отнюдь не красавица, со странного вида темной кожей и катарактой на глазу. Но она много лет служила успокаивающей силой — щедрая, сдержанная, никогда не стремившаяся распространить свою власть за пределы дворца. Теперь же она выступала, призывая простой народ поддержать военные усилия: «Несмотря на мой пожилой возраст и немощность, я все же с неохотой взялась руководить государственными делами, — говорилось в ее указе. — Как же все дошло до нынешнего состояния, кое отклоняется от постоянства Неба и Земли? Триста лет добродетельного правления наверняка наложили отпечаток на народ... Достойные люди с преданной печенью и праведными желчными пузырями [т. е. сердцами], выйдите из тени и сразитесь с теми силами, что донимают трон, покажите свое мастерство». Это подействовало. К марту 1275 года в армию потянулись добровольцы со всей страны, целых двести тысяч.

Через месяц, пройдя 250 км, Цзя оказался в современной провинции Аньхой и стал разворачивать свою армию около Тунлина, намереваясь заблокировать реку. Но это легче сказать, чем сделать: как показывает самый новый (построенный в 1995 г.) тунлинский мост через многоводную Янцзы, река здесь имеет ширину в 2,6 км, а холмы, между которыми она петляет, невысокие и удаленные друг от друга. И все же небольшое возвышение в Тунлине заставляет реку делать широкую излучину, а остров на стрежне может послужить замковым камнем построения. После того, как к нему присоединились 2500 боевых кораблей, многие из которых бежали сюда после поражения у крепости Ян-ло, Цзя стал ждать прибытия Баяна.

Однако Баян находился на гребне волны своих предыдущих успехов. Его флот вез испытанные контингенты всех вооруженных сил — монгольскую кавалерию (занимавшуюся также разведкой на флангах и впереди), китайскую пехоту, изрядное количество переметнувшихся к монголам сунских командиров, полных полезной информации об

обороне ниже по течению, и страшных артиллеристов с их машинами, включая «сяньянскую катапульту» Исмаила, огромные части которой даже не требовалось тащить волоком — их можно было просто сплавить, сопровождая на баржах.

Что же вам сказать (как мог бы выразиться Марко Поло)? Боюсь, немного, поскольку подробностей никто не записал. Артиллеристы соорудили гигантский требушет с намного большей дальностью — в несколько сотен метров, — который метал менее тяжелые снаряды. На суда обрушился град камней, по берегу атаковала кавалерия, на остров высадились пехота, а деморализованные войска Цзя рассеялись, оставив в руках монголов 2000 судов.

Цзя сбежал — разбитый, униженный, обреченный. Враги при дворе дружно требовали его казнить, но вдовствующая императрица Се, закаленная полувекowym опытом, не поддавалась подобному давлению. «Цзя Сыдао неустанно трудился на службе у трех императоров, — ответила она. — Как можно из-за неудачи одного утра допустить забвение пристойности по отношению к важному сановнику?»

Вместо казни она сняла его с должности и сослала в Чжанчжоу, на побережье в 800 км к югу. Но это его не спасло. По дороге командующий конвоем офицер, некий Цзэн Хуцзэнь, приказал носильщикам донимать ссыльного оскорбительными песнями о нем, слышанными ими в Ханчжоу; а потом, когда они приблизились к месту назначения, Цзэн убил его. После смерти все вспоминали только о недостатках Цзя и чернили его как «Дурного последнего правителя империи Сун».

Тем временем Баян продолжал победное продвижение вниз по реке. Увэй, Хэ Сиань, местная столица Наньцзин дружно капитулировали, своим примером вдохновив с полдюжины других градоначальников перейти со своими городками на сторону монголов, а двоих — покончить с собой (это были, как мы увидим в дальнейшем, первые из многих). В Наньцзине Баян вспомнил суть плана Хубилая по долгосрочному завоеванию — удержать и править, чтобы остаться навсегда — и задержался там на четыре месяца, учреждая местное правительство для тридцати завоеванных им городов и двух миллионов новых подданных, а также укрепляя оборону по обе стороны реки. Отсюда он начал вести переговоры с Ханчжоу, которым изрядно мешали антимонгольские настроения простого народа и рядовых чиновников. Сложности с этим все нарастали, поскольку народ, не имеющий касательства к военным и высшим уровням правительства, выказывал поразительную преданность своей стране и культуре. Уже началась партизанская война, и партизаны ненадолго вернули сунцам несколько городков. В апреле местные жители убили двух послов Баяна, прежде чем те вступили в Ханчжоу. Следующего его посла постигла та же судьба.

Наступило лето. Монголы и уроженцы северного Китая ослабевали в липкой жаре. Баян был всей душой за дальнейший натиск, но ему пришлось задержаться, так как Хубилай столкнулся на родине с еще одним мятежом (о нем пойдет речь в следующей главе) и хотел услышать ценные советы Баяна. Эта задержка позволила Ачжу отбить сунские войска, снова надумавшие бросить вызов монголам, и очистить от противника другие города, более всего Янчжоу и расположенный неподалеку от него речной порт Чжэньцзян. Здесь в ходе еще одной большой битвы сунцы заблокировали реку неуклюжими морскими боевыми кораблями, скованными друг с другом цепями. Когда маленькие монгольские корабли подожгли несколько таких неповоротливых черепах, они загорелись, словно гигантский фитиль, уничтожив весь флот. Еще одна военная катастрофа — 10 000 убитых и 10 000 пленных (с обычной поправкой, что все цифры лишь предположительные). Теперь монгольские войска находились в 225 км от устья Янцзы, и за окончательностью полуострова Шанхай лежал Ханчжоу. Один последний рывок и дело сделано.

Вернувшись в сентябре к полевой войне, Баян спланировал последний штурм, трехстороннее нападение с суши и с моря. Центральный отряд этого трезубца должен был вести он сам, следуя вдоль Великого Китайского Канала. Основные морские и сухопутные силы продвигались быстро, но корпус Баяна столкнулся с затруднением в виде неожиданного и упрямого сопротивления древнего процветающего города Чанчжоу,

славившегося своими учеными — ключа к южному сектору Великого Китайского Канала, получившего теперь новые подкрепления в 5000 сунских солдат. Баян дал ему шанс сдаться, запустив в город послание, обмотанное вокруг стрелы: «Если вы будете упорствовать в бессмысленном и стойком сопротивлении, то даже дети не избегнут кровопролития и смерти. Вам следует побыстрее вновь рассмотреть свое положение и передумать, чтобы не сожалеть потом». Защитники города не передумали — после чего прожили недостаточно долго для каких-либо сожалений, ибо монголы второй раз за эту кампанию совершили свое знаменитое «вырезание злого города». Баян пошел на штурм, взял город за два дня и истребил всех, как уцелевших солдат, так и мирных жителей, общим числом, наверное, в десятки тысяч. И снова, как в Фаньчэне, вырос огромный курган из трупов, занявший пол-акра близ восточных ворот города. Засыпанный потом землей, он простоял еще свыше шестисот лет, чуть ли не до конца прошлого века, и порой дожди вымывали из него кости.

Резня в такой близости от столицы имела целью поощрить немедленную капитуляцию. Первым ее воздействием было распространение паники и паранойи. Солдаты бунтовали, один старший офицер забил до смерти сановника, сменившего Цзя. Вдовствующая императрица изо всех сил старалась отсрочить неизбежное с помощью страстной и униженной мольбы о массовой поддержке: «Грозная опасность, надвигающаяся на империю, вызвана, к моему глубокому сожалению, исключительно хрупкостью Нашей нравственной добродетели». Народу следовало вспомнить о более чем трехстах годах нравственного и благодетельного правления и явиться в столицу, чтобы «схватиться с врагом своего принца».

Этот второй призыв к всеобщей мобилизации в некотором смысле тоже подействовал. Люди в количестве десяти тысяч пришли с ближайших гор и равнин; но преданность — ничто без толкового руководства. Новоприбывшие были просто пестрым сборищем местных ополчений, которые лишь усилили замешательство и панику.

В течение шести недель вдовствующая императрица отправляла одного посла за другим, стремясь достичь какого-то соглашения. Несмотря на дерзкие возражения сменившего Цзя сановника, она предлагала выплачивать империи Юань дань, намеревалась поделить страну, обещала чтить Хубилая как дядю юного сунского императора. Но Баян, располагаясь вокруг Ханчжоу, отказывался обсуждать условия — или полнейшая капитуляция, или продолжение войны. Однако при этом не проявлялось никакой мстительности. Он гарантировал, что капитуляция купит мир народу и безопасность царственной семье, даже прислал копию указа Хубилая, подтверждающего его слова. Некоторые при дворе советовали сражаться до последнего солдата, другие хотели вообще покинуть столицу, но вдовствующая императрица Се решила иначе. На самом деле никакого выбора и не было. Сухопутные силы и флот Баяна соединились. Столица была почти полностью окружена и слабела с каждым днем по мере того, как бежали на юг солдаты и гражданское население.

Конец, по крайней мере этой главы, наступил быстро. Новый первый министр Чэнь Ичжун удрал в поисках безопасного убежища. 26 января 1276 года вдовствующая императрица отправила Баяну в его ставку в 20 км к северу от города письмо, признающее сюзеренитет Хубилая: «Я почтительно сто раз кланяюсь Вашему величеству, благодетельному, блистательному, духовному и воинствующему императору Великой Юань». Через неделю представляющий двор наместник передал династическую печать Сун и меморандум, заявляющий о готовности императора уступить Хубилаю свой титул и отдать все свои территории. Баян триумфально вступил в город со своими командирами и войсками при полном параде. Хорошенькие куртизанки дрожали при мысли о том, что может с ними случиться; сотня этих девиц, полагая, что их свяжут и в компании с евнухами и музыкантами погонят в долгий путь на север, не стала дожидаться этого и утопилась. И наконец 21 февраля прошла заключительная официальная церемония подчинения, когда пятилетний император Чжао Сянь самолично привел своих сановников к Баяну и в знак покорности поклонился в сторону севера, туда, где находился Хубилай.

Баян, как и Хубилай, сдержал свое слово. Когда в 1215 году монголы взяли цзиньскую

столицу Пекин, то ударились в оргию разрушений и убийств. Однако теперь захват столицы был совершенно иным: мирная передача власти, строгий запрет не уполномоченным на то войскам входить в город, гарантия безопасности царственной семьи, защита царского мавзолея; не делалось никаких попыток расстроить денежное обращение или хотя бы моды. Монголо-китайские офицеры составили списки всех солдат, гражданского населения, запасов еды и наличных, прежде чем забрать сокровища для отправки на север. Ополчения распустили, регулярные войска влили в армию Баяна. Безусловно, всех чиновников заменили монголами, уроженцами северного Китая и немногими сунскими ренегатами, но в других отношениях, как с гордостью докладывал Хубилаю Баян, «рыночные места девяти улиц не переносили, и блеск целой эпохи остается таким же, как прежде».

Указ Хубилая повелевал всем продолжать жить как всегда. Сановников и чиновников не наказывали за прошлое; знаменитые места брались под охрану; вдовам, сиротам и беднякам оказывали помощь из общественных фондов.

26 февраля из Ханчжоу в Пекин отбыл первый из двух огромных караванов со свитой — 300 сановников, 3000 кибиток с добычей, государственными печатями и самим актом капитуляции. Через месяц Баян, выполнив свою задачу, оставил Ханчжоу и весь южный Китай в руках своих подчиненных и направился на север со вторым караваном, везущим царствующую семью: мальчика экс-императора, его мать, принцесс, наложниц и родственников. В городе осталась лишь больная вдовствующая императрица Се — до тех пор, пока не сделается годна для такого путешествия.

Через три месяца, в июне, эта огромная толпа прибыла в столицу, где ее приветствовал Хубилай, радость которого была такова, что он не мог найти достаточно высоких похвал для Баяна. Он пожаловал ему 20 комплектов «одежд единого цвета» — получение даже одного такого считалось высокой честью — и вновь утвердил его соруководителем Военного Совета. «Стоглазый» был героем империи, гением, спасителем, едва ли не новым воплощением Субудая.

Позже вдовствующую императрицу и ее внука поселили в Пекине, где им предоставили необлагаемое налогами хозяйство. Жена Хубилая Чаби проявила личную заинтересованность в их благополучии. Старая дама жила своей жизнью с небольшой пенсией и слугами и умерла шесть лет спустя. Вот так официально закончила свое существование империя Сун, и конец ее сопровождал не взрыв разрушения, но всхлип мира и сочувствия.

* * *

Но был и другой конец, столь иной, какой только можно вообразить: кровавый, полный отчаяния, страданий и страшного горя. Он породил «драму невысказанной силы», как сказано в блестящем исследовании Ричарда Дэвиса о завоевании империи Сун.⁵⁷ Ее пролог начался перед самой капитуляцией, когда сунский двор отправил на далекий и безопасный юг двух оставшихся малолетних принцев, братьев юного Чжао Сяня, который скоро двинется в Ксанаду — четырехлетнего Чжао Ся и трехлетнего Чжао Бина. С ними отправился дух, совсем не похожий на тот, каким были отмечены церемонии сдачи — дух возмущенного и бескомпромиссного сопротивления чужеземному господству. Здесь присутствовало нечто героическое, напоминающее слова Горация из написанных Маколеем «Баллад Древнего Рима»:

Какая смерть прекрасней,
Чем в бою с врагом, тебя превосходящим,

---

⁵⁷ Ричард Л. Дэвис, «Ветер против Горы: кризис политики и культуры в Китае XIII века» [Richard L. Davis, *Wind Against the Mountain: The Crisis of Politics and Culture in 13th-Century China*]. (Прим. авт.)

За прах твоих отцов
И храмы твоих богов?

Но при этом разыгрывалась трагедия великой культуры, которая, когда отрицать действительность было уже невозможно, затыкала уши, закрывала глаза и выбирала смерть.

Когда принцы бежали, а монголы наступали, смерть витала в воздухе — не только вынужденная, но и избранная добровольно, либо в бою, либо путем самоубийства. Ричард Дэвис в своем ярком описании этого страшного времени приводит поименные списки 110 покончивших с собой видных деятелей, хотя и не самого высокого ранга. А ведь были многие сотни других на более низких государственных постах и многие тысячи простых людей обоих полов и всех сословий.

Один лишь крайний пример: в январе 1276 года Ариг-хайя столкнулся с ожесточенным сопротивлением в Таньчжоу (ныне Чанша), в 750 км от побережья в провинции Хунань. Разумеется, сопротивление одолели. Тогда наместник Ли Фу тщательно подготовил массовое самоубийство своей семьи и челяди. Все напились допьяна, а потом всех предал мечу помощник Ли Фу, который затем убил свою жену и перерезал себе горло. Военный же советник наместника утопился вместе с женой и наложницей. Один местный ученый сжег свой дом, а с ним себя, своего брата, двух сыновей и 40 человек слуг. По всему городу, как сказано в «Истории Сун», люди «уничтожали свои семьи. В городе не осталось ни одного колодца, не заваленного человеческими телами, в то время как на деревьях трупы висели густыми гроздьями». Реку Сян запрудили мертвые тела. Может быть, это преувеличение, и многие из этих смертей на самом деле произошли в ходе штурма? Возможно; но когда город пал, Ариг-хайя увидел, что никакого другого наказания не требуется, так как город, но существу, сам покончил с собой.

А что тем временем происходило с двумя малолетними принцами и их свитой? Их везли на юг, набирая по пути добровольцев, готовых сражаться за их дело — трудностей с набором не возникало, поскольку их свита прихватила с собой огромные суммы наличных. Затем они сели на корабли и поплыли вдоль побережья от одного порта к другому, направляясь во Вьетнам. Это уже был не маленький отряд преданных до конца лоялистов, а целая армия в 200 000 копий, перевозимая боевым флотом в тысячу кораблей. И вдруг разразилась страшная буря. Старший из малолетних принцев, Чжао Ся, едва не погиб. Потом он все равно умер на острове неподалеку от Вьетнама. К этому времени передвигавшиеся по суше монголы обогнали их. С оставшимся принцем, Чжао Бином, флот медленно потащился обратно вдоль побережья к заливу, где Жемчужная река (Чжуцзян) расширяется, впадая в море к западу от Гонконга. Здесь имелось густое скопление островов, способных предоставить беглецам убежище.

Так что еще не все было потеряно. Они нашли хорошую островную базу, с которой можно было организовывать возвращение империи. К северу от острова располагались мели, которые, казалось, исключают появление вражеских боевых кораблей. На южном конце острова холмы круто спускались в море, отчего остров и получил свое название — Яйшань, Утес-Гора. Именно здесь летом 1278 года устроили свою последнюю цитадель шестилетний принц и его верные спутники — мачеха, вдовствующая супруга императора Ян Цзулян, его настоящая мать, наложница низкого уровня, и главный советник Лу Сюфу. Многие их последователи жили прямо на боевых кораблях, другие — на берегу, торопливо сооружая простенькие дома и укрепления.

Монгольские войска находились в 80 км вверх по реке, в городе, который потом одно время именовался Кантон, а теперь называется Гуанчжоу. В конце февраля 1279 года сунский боевой флот в тысячу кораблей с приличными запасами еды и воды приготовился к сражению. На взгляд очевидца, выглядели они впечатляюще: борта их кораблей прикрывали покрытые коркой грязи циновки для защиты от огненных стрел и зажигательных бомб, а для отражения брандеров суда ошестинились кольями. Малолетний принц находился на флагмане. Весь этот флот был, согласно одному отчету, соединен цепями для подготовки к

отражению скорого нападения.

Монгольский флот, насчитывающий всего около трехсот кораблей, зашел снизу по течению, обогнув побережье моря. Уступая противнику в численности, монголы не спешили нападать. Их командующий отправил послание, давая сунцам шанс сдаться, но те не собирались этого делать ни под каким видом. Тогда монголы обнаружили, что у них есть преимущество в мобильности над противником, скованным цепями и стоящим на якорях, и установили блокаду между сунскими судами и берегом, перерезав тем снабжение водой, после чего спокойно расположились в ожидании подходящего момента для удара. Они стояли там две недели, иногда пробуя наскочить на врага, но в основном довольствуясь наблюдением за приливами и погодой, в то время как у сунцев иссякала питьевая вода.

Затем дождливым утром 9 марта половина монголов оседлала отлив и двинулась на фланги деморализованных и ослабевших сунцев; через шесть часов другая половина флота ударила с другого направления, уже подхваченная приливом.

В итоге все закончилось катастрофой для сунцев. Отчеты сообщают о том, что море сделалось красным от крови, и о ста тысячах погибших. Ученые согласны, что это огромное преувеличение, но даже настоящая цифра достаточно ужасна — около тридцати-сорока тысяч убитых. Единственным свидетелем, описавшим подробности битвы, был лоялист Вэнь Тяньсян, находившийся в качестве заложника на одном из монгольских кораблей. Позже он запечатлел увиденные им ужасы в стихах:

Внезапно нынче утром небо потемнело;
Поднялся ветер, хлынул дождь — знаменья зла;
Ударили катапульты и гром; обрушились стрелы.
Людские трупы всюду, словно волокна конопля.
И волны смрадные мне сердце разбивают на куски.

Когда лоялисты увидели, что происходит, многие из них — сотни, а возможно и тысячи — покончили с собой, бросившись в воду с привязанным к себе грузом. Одним из них был Лу Сюфу, советник мальчика-императора. За борт он прыгнул, держа на плечах шестилетнего принца, последнего в своем роду, тринадцатого в линии сунских правителей — все еще облаченного в желтое царское одеяние и с пристегнутыми вокруг талии имперскими золотыми печатями.

* * *

Так закончил свой путь самый последний из династии Сун. Для Вэнь Тяньсяна ничто не могло лучше передать отчаяние поражения или послужить более выразительным символом самого ценного в сунской культуре — преданности, способной не остановиться даже перед наивысшей жертвой. Такие высокие идеалы наверняка бессмертны.

Убежище горное сменилось могилой морскою,
Без империи как без семьи.
Для людей с волей в тысячу лет
Наши жизни не знают пределов.

Однако значение Вэнь Тяньсяна выходит за рамки свидетельства конца Сун — он и сам был образцом тех лоялистов, которые категорически отказывались принять новый режим. Если судить по краткому подведению итогов, можно подумать, что коль скоро Хубилай одержал победу, дальше все пошло само собой. Однако это было отнюдь не так. Сунское сопротивление проявлялось на всех уровнях и многими способами: бегством с насиженных мест, партизанской войной, убийствами из-за угла и — самое поразительное — самоубийствами.

Но сперва посмотрим, что означали на практике высокие идеалы Вэня — или его косность, в зависимости от вашей точки зрения. Богатый, блестящий ученый, известный поэт и знаменитый красавец, он был видной фигурой при дворе и даже участвовал в переговорах с Баяном. Но он был слишком негибок, чтобы стать хорошим политиком — страстный, нетерпеливый, надменный, сущее мучение для тех, кому приходилось с ним общаться. Еще до последней битвы, когда его семья бежала от наступающих на юг монголов, непоколебимая преданность Вэня стала причиной смерти его матери и трех детей. Его жена, две наложницы и трое других детей попали в плен. Жене его предстояло тридцати лет пробыть в заточении, один из детей умрет, двое навсегда останутся в ссылке — «юные ласточки без гнезд, дрожащие на осеннем холоде», по скорбным словам их отца.

После битвы Вэнь четыре года провел в плену, из которого Хубилай лично предложил освободить его, если только он перейдет на сторону монголов. Он отказался, невзирая на мучительные последствия для своей семьи — дочери его умерли, а он не мог даже собрать их кости, умерла и его мать, и он, не имея возможности выполнить погребальные обряды, оказался предателем конфуцианского идеала сыновней почтительности. Но он все равно не согнулся, заявив: «Верноподданный не может служить двум господам» — позиция, оказавшаяся по существу самоубийственной. Он стремился к смерти, как все мученики на всем протяжении истории, чтобы оправдать свои идеалы. В январе 1283 года телега вывезла его на дровяной рынок Пекина, где его и казнили на глазах у огромной толпы.

Вэнь стал воплощенным символом верного слуги, сунским мучеником и примером того, как должен вести себя истинный лоялист: забудь о семейных узах, преданность господину и делу превыше всего. «Коль жизнь отдана за дело, она прожита не зря», — писал он. Людям с более уживчивым характером такое самоотречение кажется мазохистским, однако для истинно верующего оно достойно восхищения.

Были и многие тысячи других, которые предпочли скорее умереть, чем подчиниться, во многих случаях — покончив с собой. Это одно из наиболее поразительных явлений начального периода правления Хубилая. Самоубийство было вполне утвердившимся ответом на поражение в среде военных, которых обязывала к нему честь. Однако в среде простых граждан, как и в вооруженных силах, никогда не бывало подобного тому, что произошло после монгольской победы над империей Сун. Ничто не могло более ярко выказать силу и глубину сунской культуры. Триста лет люди на всех уровнях общества жили в условиях относительной стабильности и растущего процветания, управляемые чиновниками, которые при всех их недостатках действовали в рамках приверженности идее служения и благородного поведения. Триста лет! В поисках подобной стабильности, культурного единства, растущего богатства и интеллектуальной изоциренности жителям Запада имеет смысл оглянуться ни больше ни меньше как на Римскую империю. Воздействие на умы простого народа пережило растущую слабость сунского правительства, символизируемую разлагающей роскошью Ханчжоу.

Но все это было лишь еще одним признаком близящейся катастрофы, а главным была война, которая за предыдущие 45 лет погубила миллионы людей на севере, а миллионы других заставила покинуть родные места, теперь же опустошала и юг. И вот что любопытно: там, где войны бушевали сильнее всего, на севере, не было никакого обычая кончать с собой — то ли потому, что для подданных чжурчженьской империи Цзинь страдания от рук варваров давно стали обыденным делом, то ли потому, что местные жители всегда могли бежать на юг. Однако на юге, в империи Сун, для многих подданных, лишившихся своего государства, самый смысл жизни заключался в их культуре. Когда стало больше некуда бежать, для этих тысяч людей остался только один способ утвердить свою свободную волю: предпочесть жизни, лишенной смысла и чести, то, что они считали почетной смертью.

В живых оставался только один член правящего семейства Сунской империи: внук вдовствующей императрицы Чжао Сянь, который пятилетним мальчиком официально сдался Хубилаю. Когда он подрос и возмужал, то начал становиться все большей помехой для Хубилая. Источники обычно сообщают о нем лишь то, что его в конечном итоге отправили в

Тибет, дабы сделать монахом, и что он умер в 1323 году.

Но в Храме Великого Будды в городе Чжаньэ в провинции Ганьсу, являющемся одними из традиционных ворот в Тибет, я услышал куда более интересный рассказ о его судьбе. Директор музея У рассказал мне такую историю.

Однажды Хубилаю приснился сон, что из определенного места во дворце вылетел дракон. На следующий день к нему наведалься Чжао Сянь. К несчастью, Хубилай обнаружил, что юноша стоит на том самом месте, откуда в его сне возник дракон. Это заставило Хубилая понять, что Чжао опасен для государства и однажды попытается свергнуть династию Юань. Именно поэтому Чжао отправили стать монахом — прямо здесь, в Храме Великого Будды, месте погребения матери Хубилая. Здесь он и оставался много лет, пока в возрасте 53 лет не покончил с собой.

Если тут все правда, то это странное примечание к концу империи Сун: последний император, запертый в отдаленном монастыре, вот уже десятки лет позабытый внешним миром, намного переживший человека, сместившего его с трона, в конце концов, как столь многие из его подданных, спасается от отчаяния, выбрав смерть...

Часть третья ОСЕНЬ

Глава 10 ОБОЖЖЕННЫЙ ВОСХОДЯЩИМ СОЛНЦЕМ

Находясь на грани достижения реального или номинального господства над изрядной частью Евразии, увидав, как его командиры построили боевые корабли, поплыли вниз по Янцзы и уже готовятся преследовать остатки сунского сопротивления вдоль 1500-километрового побережья, Хубилай смог, благо положение теперь позволяло, направить свой взор за море, на Японию.

Официально Япония за 400 лет имела примечательно мало отношений с Китаем — с тех самых пор, как в середине IX века там обрушились с гонениями на буддистов. У этих двух стран не было никаких постоянных споров, никаких причин для войны — все обстояло совсем наоборот из-за давно установившихся частных торговых связей. Среди правящих классов Японии китайские моды пользовались огромным успехом. Из Японии в Китай ручьем текли золото, лакированные изделия, мечи и строевой лес в обмен на шелк, фарфор, духи и медные монеты. Монахи, прибывшие в Японию в ответ на подъем дзен-буддизма, привезли с собой чай, который примерно в 1200 году был сделан модной частью изучения дзена прославленным монахом Эйсаем. Все это нисколько не отражало официальной политики. Но это происходило в правление династии Сун, а империи Сун предстояло стать целью завоевательной политики Хубилая. И стратегам в Ксанаду не требовалось большого воображения, чтобы предвидеть приход японцев на помощь сунцам. Лучше было разделаться с ними побыстрее.

Подобно империалистам иных времен, Хубилай видел первостепенную причину именно так и поступить: это казалось возможным, значит, этого следовало избежать. Один корейский монах, ставший переводчиком при дворе Хубилая, рассказал ему, что покорить Японию не составит труда. Управляемая номинальным императором, соперничающими военачальниками и воинами-самураями, больше интересующимися своим рыцарским кодексом, чем слабой береговой обороной, эта страна не располагала ни большой полевой армией, ни опытными командирами, способными потягаться с монголами. А у Хубилая имелись не только закаленные армии и командиры с несравненным опытом — у него имелся новый боевой флот, а также трамплин в виде Кореи, южное побережье которой находилось всего в 200 км от Японии.

Опыт войны в Корее монголы приобрели еще со времен своего первого вторжения в

1231 году. В то время Корея оказалась крепким орешком — она находилась в руках военной клики, которая отняла власть у царя, чтобы отбить натиск варваров-чжурчженей из Манчжурии. Покуда царь свыше тридцати лет оставался формальным главой государства, полководцы сражались с монголами, в чем им изрядно помогало их флотоводческое мастерство, позволявшее корейцам окопаться на каком-нибудь острове близ побережья и снабжать себя продовольствием по морю, по существу, нагло дразня монгольскую кавалерию. Монголы в ответ прибегали к поджогам, резне и грабежам в огромных масштабах. При вторжении в 1254 году они захватили примерно 200 000 пленных и опустошили изрядную часть страны.

В 1258 году царь и его сановники устроили контрпереворот, убили военного лидера и запросили у монголов мира. Наследный принц лично отправился в Китай — по воле случая прямо к Хубилаю, так как Мункэ вел кампанию далеко на западе. Все устроилось наилучшим образом: и корейский властитель, и Мункэ умерли, а Хубилай остался с новым вассалом, бывшим наследным принцем, а ныне царем Вончжоном. В 1271 году объединенные корейско-монгольские войска утвердили Вончжона на троне в древней столице Кэсоне, и стерли в пыль то, что еще оставалось от военной оппозиции. Таким образом Хубилай приобрел твердых врагов в лице простых корейцев и неохотного вассала в лице Вончжона. Он выдал дочь за сына Вончжона, так что в конечном итоге корейский престол предстояло унаследовать его внуку. Властители обменивались подарками: Хубилай присылал нефритовые пояса и лекарства, Вончжон отвечал ежегодными посольствами с данью соколами для императорских охотничьих заповедников и рыбьей кожей на выделку мягкой обуви для подагрических ног Хубилая. Корея стала монголо-китайской колонией с постоянно проживающими там эмиссарами, которых охраняли монголо-китайские войска и которым служил корпус говорящих по-монгольски переводчиков. Хубилая не любили, но он был силой, стоящей за троном. Он нуждался в кораблях — и корабли начали сходить с корейских верфей, сперва для завоевания империи Сун, а потом для перевозки монголо-китайской армии в Японию.

К началу 1270-х годов Хубилай изобрел и обоснование войны. В 1266 году, когда совсем недавно был подавлен мятеж Ариг-буги, а кампания против империи Сун только планировалась, он отправил в Японию первое посольство, требуя от правителя этой «маленькой страны» немедленно подчиниться ему. Послание спешно доставили из пункта прибытия в страну, Хакаты (в современной Фукуоке), на Кюсю, в расположенную в 800 км на северо-восток Камакуру, ставку сёгуна (военного правителя Японии), а потом на полдороги обратно на юго-запад — к номинальному сюзерену сёгуна, императору в Киото. Послание вызвало волнение и возмущение — это мы-то «маленькая страна»! — смешанное с ужасом. Император вчерне набросал письмо, предлагающее переговоры, но сёгун немедля запретил и думать об этом. Продержав послов шесть месяцев, сёгун приказал им отправляться домой вообще без всякого ответа. Это позволяло хоть как-то выиграть время. Бесполезный во всех практических отношениях, двор предался молитвам.

Казалось, молчание сработало, так как несколько лет от Хубилая больше ничего не приходило. Его войска были заняты иными делами, осаждая Сяньян, служивший ключом к завоеванию юга. Лишь в сентябре 1271 года прибыл еще один посол-кореец, официально везущий требование подчиниться, а неофициально предупредивший японцев, что пора готовиться к нападению. Послу снова не дали никакого официального ответа, но теперь вассалам приказали вернуться в свои владения, а служилой знати — заняться укреплением тридцати обветшавших прибрежных замков. Молитвы при дворе сделались еще более горячими. Поэтому, когда в 1272 году в Японии высадился монгольский посол и потребовал, чтобы его письма немедленно отослали императору, японский воинственный дух снова ожил. Последним сёгуном в роду правящего семейства Ходзё был отважный юноша 22 лет по имени Токимунэ; он выгнал посла взашей — тяжкое оскорбление для Хубилая, равносильное прямому приглашению вторгнуться.

Вскоре Хубилай стал к этому готов. В 1273 году пал Сяньян, высвободив резервы для

операций в иных местах, а в корейских и сунских портах хватало кораблей для нападения. В конце октября или ноября 1274 года (источники опять же расходятся) из Масана на южном побережье Кореи вышло примерно 300 боевых кораблей и 400 судов поменьше, которые пересекли 50 км моря до островов Цусима — от века и доныне камень для перешагивания с материка в Японию.

На берегу местные жители дали эффектное, но безнадежное оборонительное сражение. Впоследствии оно послужит материалом для легенд: японская рыцарственность, монгольское варварство, воины-одиночки, с достоинством вызывающие врага на бой, отравленные монгольские стрелы, сыплющиеся, словно весенний ливень, море, сделавшееся алым от крови, и благородное самоубийство (сеппуку) наместника. Предания говорят о шести тысяч убитых и тысяче отрубленных голов, унесенных монголами на свои корабли, прежде чем те отплыли к следующему камню для перешагивания через пролив — Ики, в 50 км от Цусимы.

Услышав о приближении монголов, наместник Ики отправил за помощью на Хонсю. И снова последовало сокрушительное нападение, храбрая, но бесплодная оборона и деяния, прочно отпечатавшиеся в памяти народа — дочь наместника ускользнула на лодке только для того, чтобы погибнуть в море под градом монгольских стрел; благородный наместник и его семья приняли смерть в горящем дворце; пленных прибили за ладони к форштевням монгольских боевых кораблей.

* * *

Побережье Кюсю представляет большие трудности для высадки завоевателей. Его песчаные пляжи удобны и прекрасны, но сам остров — это путаница из заросших лесом гор, которые исключают быстрое наступление. Там есть только одна хорошая гавань — залив Хаката, защищенный островами, которые являются природными волноломами, и двумя мысами, протянувшимися на запад, словно приглашая корабли со всей материковой Азии в свои мелкие воды, на пологие песчаные берега и низменные земли вдаль от моря.

Японские военачальники выступили из местного административного центра Дадзайфу в горах в десяти километрах на юго-восток от современной Фукуоки и устроили лагерь ближе к побережью. Сперва монголы на пробу высадились на западном конце Хакаты, наверное, замышляя направиться вверх по реке, но затем передумали и высадили армию на берег прямо на середине бухты. Там они без труда прорвались через бесполезные заслоны неорганизованных японцев. Как передает один японский источник, внук японского военачальника выпустил свистящие стрелы, подавая сигнал к началу боя, «но монголы только посмеялись. Беспреданно колотя в барабаны и гонги, они заставили японских лошадей, обезумев от страха, рвануть с места. Не в состоянии справиться со своими лошадьми, не думали о том, чтобы противостоять монголам».

Монголы стремительно продвинулись на километр вглубь острова, стремясь захватить стратегически важную высоту из песчаника с крутыми склонами, откуда открывался хороший обзор. Эта возвышенность, гора Сохара, ныне стала парком с тропинками, ведущими вверх по светло-желтым склонам, а открывающаяся с ее вершины панорама теперь загорожена новыми зданиями. Но в тот летний полдень монгольские разведчики смогли бы увидеть оттуда свои корабли, становящиеся на якорь в бухте, смутно вырисовывающийся на юго-востоке Дадзайфу и лагерь японцев в 5 км к востоку, откуда через пару часов галопом прискакали всадники.

Среди японских защитников в тот день был и молодой воин по имени Такэдзака Суэнага из провинции Хиго, *гокэнин* (прямой вассал сёгуна), впоследствии достаточно разбогатевший, чтобы заказать серию рисунков, которые затем были склеены в два свитка, иллюстрирующие это и последующее вторжение 1281 года. Свитки эти, вероятно, созданы где-то после 1293 года — к тому времени Суэнага стал землевладельцем и покровителем нескольких святилищ и храмов. После вторжений ему понадобилось весьма сильно

потрудиться, добиваясь официального признания своих доблестных подвигов. Поэтому кажется вполне вероятным, что он пожелал запечатлеть собственную роль в битве и в то же время почтить человека, поддержавшего его старания добиться официального одобрения, от которого зависели его последующее богатство и влияние. Свитки Вторжения прошли через множество рук, уцелев благодаря удаче в той же мере, в какой и заботе — один раз они упали в море, растворившее скреплявший листы клей, отчего точная последовательность рисунков стала сомнительной. В конце XVIII века их снова соединили в свитки, отреставрировали и сделали копии с несколькими усиленно анализируемыми добавлениями. С тех пор свитки прославились как единственное в своем роде живое изображение вторжений — и, как соглашается большинство ученых, вполне аутентичное. Их сопровождает 69 документов — письма, молитвы, указы, боевые донесения, — которые недавно были переведены и проанализированы Томасом Конланом из Бюдойн-колледжа, в Брунsvике, штат Мэн, в необыкновенной книге, напечатанной в обратном порядке, чтобы страницы текста читались при перелистывании слева направо, а иллюстрации — справа налево, как было и в самих свитках. Прочитать ее — значит погрузиться в события с помощью чего-то похожего на гибрид комикса с романом.

Раздел свитка, рисующего вторжение 1274 года, показывает молодого Суэнагу (ему было тогда 29 лет), с подстриженными усами и бородкой-эспаньолкой, наступающего через сосновый лес с пятью последователями. У них необыкновенно длинные (по монгольским стандартам) луки, которые они держат с большим мастерством, стреляя на полном скаку, и скачут галопом с колчанами за спиной, с головы до пят защищенные пластинчатой броней из соединенных внахлест металлических чешуек.

Суэнага весьма своеволен. Наскочив на один из монгольских отрядов, наверное, на наступающий с горы Сохара, он не смог дожидаться боя. Картинки сменяет текст:

«Я бросился в атаку, выкрикивая боевой клич. Когда я собирался атаковать, мой самурай Тогэнда Сукэмуцу сказал: „Вон еще наши подходят. Дождитесь подкреплений, добудьте свидетеля своих подвигов, а потом атакуйте!“

Я ответил: „Путь лука и стрелы — свершать то, что достойно награды. Вперед!“...

Мой знаменосец скакал первым. Его коня подстрелили, и он упал. Я, Суэнага, и трое моих самураев были ранены. Сразу после того, как подо мной убили выстрелом коня и я упал, Митияси, гокэнин из провинции Хидзэн, атаковал врага с грозным отрядом всадников, и монголы отступили... Если бы не он, я бы погиб. Несмотря на страшное неравенство сил, Митияси тоже уцелел, поэтому мы договорились быть свидетелями друг для друга».

Рисунок изображает Суэнагу, сброшенного с раненого коня, из которого хлещет кровь, в то время как поблизости взрывается монгольский снаряд. Снаряд этот был источником многих споров. Конлан думает, что этот образ — добавление XVIII века для усиления драматизма, однако другие ученые считают содержание рисунка аутентичным. Верно может быть как одно, так и другое — или, вернее, то и другое одновременно. Как мы уже видели, монголы давно знали о взрывчатке, обзаведясь ею после захвата Пекина в 1215 году. А то, что показано взрывающимся рядом с Суэнагой — типичная «гром-бомба», керамический снаряд с начинкой из взрывчатки. Такие снаряды впервые зафиксированы в 1221 году, когда северокитайская империя Цзинь, все еще лишь частично завоеванная монголами, осаждала город Цичжоу⁵⁸ на Янцзы. Так что это вполне мог быть первый опыт знакомства Японии со взрывчатым оружием.

Как же такие снаряды доставлялись к цели? Явно не противovesными требушетами, которым требовались тонны балласта и метательные рычаги величиной с мачту — такое

---

⁵⁸ Современный Аньго в провинции Хэбэй (Прим. пер.)

оружие не поставишь на корабль. Да и в любом случае монголы не планировали ломать стены замков. «Гром-бомбы» были оружием для боя, а не для осады, веся всего 3–4 кг. Их могли метать и натяжные требушеты, которые повсеместно применялись вот уже два века. Мы знаем, что монголы везли с собой «гром-бомбы», так как несколько таких нашли среди обломков одного из корейско-монгольских кораблей (подробнее об этом позже). Поэтому независимо от того, был ли добавлен данный конкретный образец в свиток позже или присутствовал изначально, он доносит до зрителя правду. С помощью натяжного требушета полдюжины бойцов на носу корабля могли при очистке берега от неприятеля без труда метнуть «гром-бомбу» на 100 метров.

Столь малочисленны и столь храбры! Даже из этого маленького происшествия ясно, что Суэнага, как любой хороший самурай, помешан на славе и совершенно не озабочен отсутствием централизованного командования. При таких обстоятельствах подобная тактика произвела некоторый эффект. Один из воинов по имени Ямада заслужил славу, организовав команды сильных лучников для стрельбы на дальнюю дистанцию по отдельным монголам, убив троих и вызвав смех и приветственные крики со стороны японцев. Другой лучник застрелил в лицо какого-то монгольского командира и захватил его лошадь. Но одной личной храбрости было недостаточно. Несколько монголов пронеслись галопом между плацдармом на берегу и горой Сохара и подожгли местный городок Хакату.

Когда день завершился, японцы убрались прочь от берега, укрепившись в Дадзайфу. Прилепившийся у подножья горы, этот город был защищен земляным валом и рвом, которые можно увидеть и сегодня. Едва ли достаточно, чтобы остановить монгольскую армию, ставшую опытной по части ведения осадной войны.

Однако монголы никогда прежде не совершали десантных операций. Им требовались еда и другие припасы, особенно новые стрелы. Тяжелых же катапульт они с собой не привезли. Осада требовала времени. И, венчая все это, надвигался шторм. Эта ночь могла стать злосчастной для всех, и тяжелее других придется монголам и корейцам, если шторм застигнет их корабли на мелководе, а войска застрянут на берегу, как в капкане, без всяких средств к отступлению. Капитаны побуждали войска вернуться на корабли, чтобы бороться с плохой погодой в море, подальше от сокрушительных волн. Следующий день наверняка позволит сделать еще одну высадку, еще один прорыв, и добиться победы.

Но это оказалось не столь легко. При все более ухудшающейся погоде с побережья к монгольскому флоту подкралась флотилия из 300 японских беспалубных судов, некоторые с десятками вооруженных луками и мечами солдат на борту, а некоторые набитые сеном для применения в качестве брандеров. Эти маленькие корабли просочились в ряды своих более массивных целей, двигаясь слишком быстро, чтобы их настигли бомбы, выпущенные из требушетов, или тяжелые арбалетные стрелы, а затем сблизилась вплотную под выгибающимися наружу бортами корпусов. Когда поднялся ветер, многие из кораблей Хубилая уже горели, а японские гребцы налегли на весла, устремляясь к бухточкам и берегам, которые хорошо знали, оставив изрядную часть монгольского флота на милость ветра и пламени.

Рассвет открыл взорам зрелище гнетущее для монголов и поднимающее дух японцам: рассеянные ветром корабли, дымящиеся корпуса, плавучие обломки, оставленные разбитой армией, в то время как уцелевшие держали курс обратно на безопасную Корею. Корейские анналы утверждают, что утонуло 13 000 человек.

Хубилай не принял этого поражения близко к сердцу. Оно было нанесено исключительно погодой, не имея никакого отношения к японскому наступательному порыву. В следующий раз — а следующий раз непременно будет — естественное превосходство монголов наверняка скажется. Почему же японцы не могут понять очевидного? Он отправил еще одно послание с требованием подчиниться. Ни Токимунэ, сёгун из клана Ходзё, ни император в Киото нисколько не сомневались, что именно надо делать. Один японский придворный заметил в своем дневнике, что дурная погода, хотя и нисколько не страшнее, чем «противный ветер», «должно быть, возникла благодаря защите богов. Что ж, чудесно!

Нам следует беспрестанно восхвалять богов. Такая могучая защита могла снизойти лишь благодаря многочисленным молитвам и приношениям в разные святилища... по всему государству». Император молился и побуждал всех поступать так же, вдохновляя подъем как синтоизма, так и буддизма.

Но боги помогают только тем, кто сам заботится о себе. Токимунэ приказал прибрежным провинциям на Кюсю построить стену и обеспечить ее защитниками, а уклонение от выполнения воинского долга приравнял к уголовному преступлению. Кому бы ни принадлежала эта идея, самому Токимунэ или одному из его советников, она была блестящей и оригинальной, так как японцы прежде мало строили военные укрепления, и уж определенно среди них было немного таких, которые побудили бы сотрудничать разрозненные японские кланы и соперничающих наместников провинций.

Дух сопротивления окреп. Когда в мае 1275 года прибыли новые послы от Хубилая, их забрали в Камакуру и через четыре месяца казнили (надгробье их несчастного предводителя Ду Шицзуна можно увидеть в храме в Фудзисаве неподалеку от Камакуры). С тем же успехом сёгун мог дать Хубилаю пощечину. Двор и гражданское руководство принялись экономить, чтобы влить национальное богатство в создание обороны. Подумывали даже об упреждающем ударе: были построены новые корабли и обучены экипажи. В конечном итоге военное руководство выбрало оборонительный вариант, сосредоточившись на постройке небольших, но весьма маневренных судов, способных крутиться вокруг могучих корейских боевых кораблей. Собравшиеся с разных сторон кланы строили стену вокруг залива Хаката, а поскольку было невозможно сказать, когда именно Хубилай решит снова нанести удар, они торопились. Но, поскольку в этом деле у них не было традиций как сотрудничества, так и крупномасштабного строительства, им приходилось придумывать все по ходу дела. Береговая линия залива Хаката почти сплошь песчаная, с дюнами и соснами за пляжем, и совершенно не подходит для возведения укреплений. Значит, стену придется строить из камня.

Результат (или какую-то часть его) можно наблюдать даже сегодня, его кусочки образуют несколько туристических аттракционов: Гэнко Боруи, Оборонительная стена от Юаньского вторжения. Береговые бухточки здесь и там заполнила Фукуока, но если стоять на берегу в стороне от порта, можно легко представить себя в седле Суэнаги. Все тот же песок под ногами, все те же горы по обе стороны, схожие дюны и сосны. Конечно, за много веков стену занесло песком, а камни растаскали на строительство зданий, но вдоль одного 50-метрового отрезка песок раскопали, а другие секторы отстроили вновь, поэтому можно видеть, как не имевшие опыта местные жители откликнулись на вызов, брошенный вторжением. По крайней мере, если, подобно мне, смотреть опытным взглядом археолога Сумитаки Янагиды — маленького, жилистого японского Индианы Джонса с развевающимися белоснежно-седыми волосами и выступающей вперед челюстью. Сорок лет занимаясь стеной, он наблюдал за тем, как она постепенно обретает славу символа японской независимости и смелости.

Да, символически она велика; но это отнюдь не Великая Китайская Стена. Ее главная цель заключалась в том, чтобы приковать конницу к берегу, поэтому ей не требовалась высота более двух метров. Кроме того, имелась проблема техники строительства. Для создания каменных стен нужны хорошие каменщики, специалисты по сухой кладке и кладке с цементным раствором. У японцев не было ни того, ни другого, ни третьего, и они так и не договорились о типовой схеме строительства. Камней хватало: гранит с одного конца, песчаник с другого, некоторые вырублены из скал, другие собраны по берегам на обеих сторонах, где иссыкает песок. Каждому клану выделили для строительства отрезок стены в зависимости от богатства — кому три метра, кому десять. Похоже, что каждый клан сам собирал камни, обтесывал их и укладывал на место — каждый сектор внезапно заканчивается камнями, уложенными вертикально друг на друга, а не как при надлежащей кирпичной кладке, над стыками. Можно чуть ли не услышать, как предводитель клана пренебрежительно фыркает: «И позаботьтесь, чтобы не отстроить ни кусочка их участка!»

Такая стена развалилась бы от одного выстрела из «мусульманской катапульты». В одной точке стена сделана двойной, поскольку при первой попытке не выдержали фундаменты; не желая начинать все сначала, ответственный за постройку клан попросту навалил еще камней. Здесь стена подкреплялась платформой для стоящих за ней защитников; в другом месте на ней есть дорожка, защищенная второй стеной; в третьем месте она не сплошная, а поляя, с землей между двумя фасадами. Представьте себе, как эти вариации повторяются на всем двадцатикилометровом протяжении, представьте себе споры о планировке, технике строительства и материалах — но также представьте довлеющее чувство неотложности, вынудившее соперников проглотить разногласия и за шесть месяцев построить нечто такое, чего не сможет взять кавалерия при фронтальной атаке.

К концу 1276 года они были готовы к тому, чего по воле случая понадобится ждать еще пять лет.

Глава 11 ВЫЗОВ, БРОШЕННЫЙ ИЗ СЕРДЦА МОНГОЛИИ

Как видно даже при беглом взгляде на карту, Китай сегодня простирается на половину Азии. Его западные границы находятся почти на одной долготе с западным краем Индии. Это удивительно, поскольку далеко выходит за рамки традиционного коренного Китая, определяемого по его старым северным пределам, первой Великой Китайской Стене, установленной «Первым Императором» Цинь Ши Хуан-ди в III веке до н. э. Та стена заканчивалась глубоко в Центральной Азии, но современная граница проходит намного дальше и ее тоже. Как же вышло, что Китай столь велик?

Причина крупных размеров Китая — главная тема данной книги — в том, что таким его сделали Чингис и Хубилай. Но это приводит к еще одной сложности: империя Хубилая простиралась далеко за пределы современных границ Китая. И это предполагает несколько иную постановку вопроса: как вышло, что Китай не столь велик? Почему он не тянется еще дальше в Центральную Азию?

А ответ таков: возможности Хубилая ограничивались тем объемом сил, которые он мог обрушить на свою независимо настроенную родню. Одной из причин этого являлся легкий доступ этой родни к лошадям, из-за чего поймать ее делалось не легче, чем раскатившиеся по полу шарики ртути. Хубилай практически ничего не мог поделаться с более отдаленными частями империи — Персией и Золотой Ордой в южной России, — но Средняя Азия, хотя и далекая от коренных земель Китая, находилась на пороге Монголии, следовательно, была частью владений Хубилая и поэтому вполне могла остаться в сфере китайских владений. Но в этом направлении Хубилай достиг своего предела. Он пришел в застенный Китай из-за Стены, и теперь его внешние устремления сдерживались его же неспособностью (или, скорее, неспособностью его войск) прижать своих подвижных как ртуть противников.

Размышления об этом увлекают нас в мутные застойные воды истории, к теме вражды между Хубилаем и его дальним родственником; тема эта важна, поскольку исход этой вражды многое объясняет в очертаниях границ сегодняшнего Китая. На сей раз пределы того, сколь далеко мог продвинуться хан-император, диктовал неприятель, с которым столкнулся Хубилай. То, что он продвинулся до этих пределов и не дальше, и сформировало представление о западной границе Китая. Это представление пережило время отката при последующей династии Мин, когда теми отдаленными регионами снова стали править монголы, и возродилось вновь в XVIII веке с созданием «Нового царства» — Синьцзяна, — когда сменившие династию Мин манчжуры восстановили власть в западном крае, вновь раздвинув границы владений до пределов, определенных Хубилаем.

Этот огромный и разнообразный регион, тянущийся от пустынь Узбекистана и степей южного Казахстана до пиков Тянь-Шаня и пустошей западного Китая, не обладает никаким историческим единством, но наделен странной способностью доставлять неприятности. Частично это было вызвано тем, что уже во времена Хубилая он все больше и больше

исламизировался, а частично тем, что и Китаю, и исламским государствам было сложно добиться постоянного контроля над краем. По тем же причинам сегодня там снова зарождаются неприятности из-за недовольных исламистов, желающих выкроить себе новое государство, которое всосет в себя исламский дальний запад Китая. Поэтому стоит приглядеться поближе к прототипу этой идеи и к тому, как Хубилай не смог разобраться с ней должным образом.

Настоящая угроза Хубилаю таилась в Средней Азии — настоящая потому, что исходила от его же родных, со стороны потомков избранного Чингисом наследника Угэдэя, род которого во благо своих детей отодвинула в сторону могущественная вдова Толуя и мать Хубилая Соргахтани-беки; настоящая потому, что исходила с первоначальной родины Хубилая, и потому, что противодействие здесь преграждало путь потоку товаров из Китая на запад в Индию, исламский мир и Европу. Если дать этой ранке загноиться, Хубилай будет отрезан от западных богатств, что подорвет его власть, и тогда он будет столь же уязвим перед накатывающимися из-за Гоби варварскими ордами, как любой прежний император. И может быть, однажды монгольский император падет под ударом монгольского варвара, какого-нибудь отдаленного родственника с такими же — нет, еще более вескими — претензиями на трон, как и у самого Хубилая.

Родственником, о котором идет речь, был Хайду, внук Угэдэя. История эта своеобразна в том плане, что разыгрывалась на протяжении всей довольно долгой жизни Хайду и изрядной части жизни Хубилая. Примерно 40 лет эти двое соперников совершенно разных весовых категорий вели своего рода боксерский матч на дальней дистанции. Хайду, как боксер в весе пера, наносил быстрые удары с северной и западной границы, иной раз привлекая к себе взгляд своего противника-тяжеловеса, на внимание которого всегда притязало что-нибудь другое.

Хайду никогда не надеялся действительно победить, но его успехи наводят еще на одну мысль, важную для многих великодержавных правителей: завоевание, если его в принципе удалось осуществить — дело простое, как бы тяжело ни далась победа в боях, а вот управление завоеванными странами — сложное. Завоевание объединяет подчиненных в великом приключении; управление же дает простор проявлению любых сторон характера, амбициям, образованию соперничающих групп. Структуры распадаются, особенно по краям, которые в данном случае были районом в 3000 км от ставки. Чиновнику требовалось добираться до Хайду столько же времени, сколько английскому чиновнику в 1780-х годах — до Америки. Кто знает, что могло произойти за тот срок, за который он попадал на место?

Родившийся примерно в 1235 году, Хайду был слишком юн, чтобы попасть в жернова чисток, устроенных в 1251 году Мункэ для сторонников рода Угэдэя, но не слишком юн для получения собственного удела, когда на следующий год Мункэ помирился с уцелевшими потомками этого рода. В 16 лет Хайду сделался хозяином территории примерно в 2000 км от Каракорума, земли, тянувшейся от Тянь-Шаня в пустыню, но разделенной заросшей буйной растительностью долиной реки Хи, одним из главных путей, связывающих Китай с западом. Эта местность, географически — самый центр Азии, и стала его базой, где он возмужал вдали от мира Хубилая, становящегося все более китайским. Здесь он и начал строительство своей собственной империи, словно новый подросток в квартале, который расталкивает всех локтями, устремляясь в драку.

Дальнейший рассказ вести непросто, ибо он связан с поиском смысла неясных событий, вылущиванием значения из беспорядочных ссылок на неоднозначные источники, повествующие о мелких стычках. Марко Поло столкнулся с той же проблемой, которую разрешил, как это часто с ним бывало, деспотически обойдясь с историей в стремлении преподнести читателям хороший анекдот. Однако в данном случае это было не самым плохим методом, так как подобранные им слухи и сплетни схватывают нечто существенное относительно Хайду и природы его мятежа.

Марко упоминает Хайду из-за его дочери Хутулун — еще одной из тех грозных женщин, которые оставили свой след в монгольской истории. Хутулун прославилась не

своим искусством в политике, а боевым мастерством и независимым духом. Рассказ о ней Марко начинает, словно зачин сказки: «Эта девица была очень красива, но также столь сильна и храбра, что ни один мужчина в царстве ее отца не мог превзойти ее, состязаясь с ней в силе... была она красиво сложена, высокая да плотная, чуть-чуть не великанша». Хайду души не чаял в своей дочери-амазонке и хотел выдать ее замуж, но она всегда отказывалась, говоря, что выйдет лишь за того, кто сможет победить ее в единоборстве. По установленному ею правилу всякий вызывающий ее на состязание должен был ставить на кон сотню лошадей. После ста схваток и ста побед Хутулун получила десять тысяч лошадей. Затем, как во всех хороших сказках, появляется благородный принц, сын богатого и могущественного царя (и отец, и сын подозрительно анонимны). Принц этот настолько уверен в себе, что ставит на кон тысячу лошадей. Хайду, горя желанием заполучить богатого зятя, умоляет дочь нарочно проиграть схватку. Никогда, отвечает та: он должен одолеть ее честно. Все собираются посмотреть на состязание, которое после этой шумной рекламы закончилось разочаровывающе недраматично. Они «схватились друг с другом и боролись, и ни он, ни она не могли приобрести преимущества», но вот Хутулун внезапно бросает противника. Опозоренный, принц отправляется домой, где бы его дом ни располагался, оставив победительнице тысячу лошадей. Ее отец проглатывает гнев из-за расстройств такого удачного брака и с гордостью берет ее с собой во все походы. Она показывает себя великим воином, иногда врываясь в ряды врага, дабы схватить какого-нибудь витязя «столь же ловко, как ястреб набрасывается на птицу, и привезти его своему отцу».

И мы должны этому верить? Кое-чему из сказанного, безусловно, должны. Да, она существовала, так как о ней упоминает и Рашид ад-Дин, но лишь мимоходом и с куда более желчным объяснением ее неспособности выйти замуж. По его словам, отказ исходил от ее отца, «и народ подозревал, что между ним и дочерью были чрезмерно близкие отношения».⁵⁹ История же, рассказанная Поло, чересчур сильно напоминает другие, вроде рассказов об амазонках или о Брунгильде из «Песни о нибелунгах», чтобы быть убедительной. Однако в ней очень важен свет, который она проливает на Хайду и те достоинства, которыми он восхищался: гордость, храбрость, сила, боевой дух, независимость, в общем, традиционные достоинства пастухов-кочевников. Он не ценил ученых, художников и администраторов. Как говорит Моррис Россابي, человек с такими установками по самой сути своей должен был вступить в конфликт с Хубилаем.

Как же тогда обстояли дела в империи в начале 1260-х годов?

Это была уже не объединенная империя, а поле боя, на котором большая семья дралась за наследство. В Центральной Азии за увеличение своей доли сражались три монгольских державы: Золотая Орда в современной южной России, государство ильханов в Персии и наследники Чагатай между Аральским морем и западным Китаем. (На самом деле держав этих было три с половиной: имелась еще и Белая Орда, которой правили родственники золотоордынских ханов, горящие желанием создать собственное сепаратное государство). И в этой свалке Хайду принялся расталкивать всех локтями, выкраивая место в пограничье, где сходились владения Чагатайского улуса, Золотой Орды и принадлежащего Хубилаю Китая. Все участники борьбы, безусловно, признавали, что принадлежат к одной семье, созданной Чингисом. Но кто лучше прочих подходит для облачения в мантию их великого прародителя? Все находилось в напряжении, раздираемое силами, которые толком не контролировал ни один из сменяющих друг друга претендентов на титул великого хана. На западе монгольских правителей затягивал ислам; некоторые обращались, некоторые противились, а обращенные искали поддержки у своего старого врага, Египта. В центре некоторые придерживались традиционных добродетелей кочевников, презирая те самые города и культуры, в которых нуждались для получения дохода. А на востоке правил

---

⁵⁹ Из-за подобных слухов Хайду в конце концов пришлось категорически настоять на том, чтобы Хутулун все-таки вышла замуж — за кого угодно. Что она и сделала. (Прим. пер.)

Хубилай, для некоторых — номинальный сюзерен, для других — изменник, который предпочел стать китайцем.

Хайду, по словам Рашид ад-Дина, умный, осведомленный и хитрый человек, неуклонно двигался к мятежу. В молодости, в двадцать с чем-то лет, он поддержал противника Хубилая Ариг-бугу и отказался приехать на коронацию хана, приведя в оправдание слабый предлог, что-де пастбища слишком скудны для его лошадей. Вскоре после этого умерли трое монгольских правителей Центральной Азии — Хулагу в Персии, Алгу в Чагатайском улусе и Берке в Золотой Орде, оставив во всем центре Азии вакуум власти. Хайду захватил себе еще земель, потянувшись на запад к Персии и на восток в современный Китай, полагаясь в качестве союзника на нового правителя Золотой Орды. Хубилай попытался навести порядок среди своих грызущихся родственников, послав своего представителя Барака, который поставил себя во главе Чагатайского улуса. Барак и Хайду сразились на берегах Сырдарьи. Хайду одержал великую победу, а затем предложил мир во имя Чингиса.

В 1269 году состоялась своего рода «мирная конференция» в Таразе, на границе Казахстана и Киргизии, на которую приехали новые правители всех трех упрочившихся монгольских «государств» Средней Азии, а Хайду стал четвертым. Трое из них — руководство Золотой Орды не испытывало никакого интереса к этому сугубо местному делу — поделили между собой Трансоксианию, земли за Амударьей; Барак с Хайду, ведущие участники переговоров, как-то договорились разделить торговлю из Самарканда и Бухары. Оба скрепили свой договор великой клятвой, сделавшей их *андами* (кровными побратимами), и «выпили золото», как говорится в поговорке, означающей обмен золотыми чарами и тост друг за друга.

Обратите внимание на тонкости происходящего. Барак, первоначально посланный Хубилаем для наведения порядка, и выскочка Хайду ведут себя как независимые монархи. Никто не сносит с своим номинальным сюзереном Хубилаем, за исключением (согласно цитате в «Юань ши» без ссылки на источник) отправки в Пекин довольно грубого послания. «Старинные обычаи нашей династии не схожи с ханскими законами. Что ж будет ныне со старинными обычаями, когда ты остаешься на ханской территории, построил там столицу и возводишь города, учишься читать и писать, пользуешься ханскими законами?» Иными словами, они провозгласили себя независимыми от Хубилая, поскольку тот свернул с пути Чингиса.

Довольно быстро обнаружилось, что это совещание было притворным. Никто никому не доверял, все готовились к новым боям. Правитель Золотой Орды Менгу-Темур в эти дразги не лез, предоставляя трем прочим драться между собой в злобном хороводе нападений, союзов и обманов, который можно пролистать в ускоренном темпе. Абага, унаследовавший после Хулагу титул ильхана, разбил Барака; Хайду послал армию «на помощь» Бараку, собираясь воспользоваться его поражением к своей выгоде; Барак умер; его командиры разбили Хайду вместе с тридцатью тысячами его солдат. В результате этих событий Хайду в конце лета 1271 года был поднят на кошке в Таразе, став ханом государства, имевшего 2500 км от одной границы до другой, охватывающего современный южный Казахстан, большую часть Узбекистана и почти всю Киргизию. У этой территории нет никакого названия: Марко Поло именует ее «Великой Турцией», другие называют Туркестаном, несмотря на ее монгольские элементы, или Чагатайским улусом — образование с подвижными границами, которое никогда полностью не совпадало с ханством Хайду. Говоря навскидку, оно простиралось от реки Амударьи на западе до Синьцзяна на востоке, от озера Балхаш на севере до Тянь-Шаня на юге — в целом 1,25 миллиона квадратных километров, что сравнимо с величиной вместе взятых Франции, Германии и Италии.

Это было изрядным достижением. Хайду показал себя достаточно умным, чтобы

воспользоваться слабостью своих противников и наступлением Хубилая на сердце Китая. Он был командиром в традициях самого Чингиса: жестким, аскетичным — он не прикасался к спиртному, — терпимым к другим религиям помимо собственного шаманизма⁶⁰, а так же заботящимся о сохранении своей налоговой базы, таких городов Великого Шелкового Пути, как Самарканд и Бухара. Руками толкового советника он ввел собственную валюту (в десятке городов нашли монеты с высоким содержанием серебра). Он даже финансировал строительство Андижана, который в 1280-х годах стал торговым перекрестком в богатой Ферганской долине. Может, Хайду и был традиционалистом, но следовал за Чингисом и в понимании необходимости административного умения. Он формировал кавалерийские соединения, используя десятичную командную структуру, введенную Чингисом с целью реформировать воинские части, основанные на утвердившихся племенных связях. Таким способом он смог инкорпорировать в свою державу много различных, зачастую враждебных друг другу тюркских и монгольских племен. Всадники, вооруженные луками и стрелами, также применяли сабли и кавалерийские пики. Их подкрепляли пехотными частями и «нефтеметчиками» — командами специалистов по использованию требшетов и других осадных машин.

Насколько сильны были его армии? Источники называют цифру в 100 000 — вероятно, преувеличение, как почти все подобные оценки, хотя даже такие силы были куда меньше, чем войска соперников в Персии, Золотой Орде и Китае Хубилая. Однако нехватку количества воинов они возмещали качеством. Их набеги были устрашающими: быстрые налеты, сильные удары, стремительные отходы.

Но экономическое возрождение длилось недолго, и мечты о более широкой империи вскоре оказались разбиты вдребезги. Уже в самый год воцарения Хайду Хубилай предпринял определенные действия с целью заставить его подчиниться. Он отправил в Алмалык, находящийся глубоко на территории Хайду, делегацию из шести князей во главе со своим четвертым сыном Номуханом с целью убедить Хайду явиться ко двору в Ксанаду или Пекине. Должно быть, это показалось ему хорошим способом заставить царственных кузенов действовать совместно. Однако этот замысел катастрофически провалился и привел к обратным результатам. Хайду оставил приглашение без внимания, на всякий случай держа свою армию на охране западных границ. Для широкого же наступления у Номухана не доставало кавалерии — как сказал ему его главный полководец, для загонной охоты на Хайду потребуется по меньшей мере 110 000 конницы.

Это обстоятельство ведет в самое средоточие трудностей Хубилая. Китай обычно не производил лошадей в таких масштабах. Юаньские хроники показывают, что со времен Угэдэя правители империи издавали постоянный поток указов о том, как следует реквизировать лошадей.⁶¹ Один такой указ гласит: «Что же касается лошадей народа, тут действует процентная система: когда число достигает 100, берется одна». И еще один, изданный Хубилаем в 1293 году и, возможно, имеющий отношение к затруднительному положению Номухана в середине 1270-х годов: «Поскольку мятежные князья-царевичи [т. е. Хайду и прочие] не подчинились, настало время для военных действий. Собрать со всех провинций 100 000 лошадей и заплатить за них соответствующую цену». Табуны потянулись из Китая через проход Ганьсу, но не было никаких реальных шансов прислать достаточно в должный срок. Да и в любом случае Номухану наверняка требовалось время для обучения своей армии пользоваться ими. Тем временем он устроил себе двор и превратился в еще одного властителя, опирающегося исключительно на военную силу.

---

⁶⁰ Точнее, «синей веры» — ветви митраизма. (Прим. пер.)

⁶¹ Сэчин Джагчид и Ч. Р. Боден, «Некоторые замечания касательно политики получения лошадей при династии Юань» [Sechin Jagchid and C. R. Bawden, «Some Notes on the Horse-Policy of the Yuan Dynasty»]. (Прим. авт.)

Это тупиковое противостояние длилось пять бесполезных лет, и этого времени вполне хватило для роста негодования в свите из родственников. Средоточием недовольства был Токтэмур, сын девятого сына Толуя, славившийся своей храбростью и искусством стрелять из лука. Ездил он на сивом коне, потому что на нем, как говорил он, хорошо видна кровь — «лучшее украшение и знак отличия мужчин». Кроме того, он отличался горячностью. Как выражается Рашид ад-Дин, «из-за присущей ему великой храбрости мозг его был полон мятежных мыслей». Токтэмур убедил еще одного своего кузена, сына Мункэ Ширкэ, что у того больше прав на трон, чем у Хубилая. Однажды ночью они захватили и Номухана, и его старшего военачальника, отослав князя в качестве подарка пленником в Золотую Орду, а военачальника — к Хайду вместе с посланием, гласившим: «Мы должны не думать друг о друге плохо, а объединиться, дабы отогнать врага». Но, как это часто бывает с горячими головами, Токтэмур и Ширкэ сами уничтожили единство, к которому стремились. Их армия превратилась в разбойничью банду, двое предводителей которой грызлись из-за наследования и сражались друг с другом, и страдали из-за разнообразных перебежчиков. В конечном итоге они подались на восток в Монголию и заняли Каракорум. Хубилай отправил войска выгнать их, после чего этот мятеж понемногу угас. Но навязывание своей воли буйным родственникам оказалось непосильной задачей для Хубилая. Он был полностью связан войной с империей Сун, которая продолжалась до 1279 года, и поэтому оставил любые попытки контролировать отдаленную державу Хайду.

Что до незадачливого Номухана, то он пережил долгий путь до Крыма в качестве пленника и по прибытии, разумеется, оказался среди родственников. Вероятно, полагая, что он может быть полезен в качестве пешки, его десять лет держали в Орде. Когда в 1284 году он вернулся в Китай, ему дали пост главы департамента, приглядывающего за северной границей, но более не числили в наследниках престола. Он умер на следующий год.

Это было хорошей новостью для Хайду. После того, как он вновь занял Алмалык, Хайду был волен разделаться с постоянными рейдами через границу из Персии и несколькими восстаниями разочарованных членов семьи Чагатая. Сидя прямо на Великом Шелковом Пути, он руководил шатким возрождением, а серебряные монеты подкрепляли экономическую стабильность. За последующие несколько лет его стратегия окончательно определится. Он создаст сеть поддержки по всей окраине империи, тянущуюся на юг в Тибет и одновременно на восток в Манчжурию. Отсюда из Алмалыка, он выстроит дугу из подпевал и союзников, охватывающую китайскую империю Хубилая. Вместе с сыном Барака Дувой, ставшим его правой рукой, он осуществит свои претензии на право стать истинным наследником своего деда Угэдэя, назначенного наследника Чингиса.

В один прекрасный день должен был последовать заключительный решающий поединок. Он состоится только через двадцать лет, уже не при жизни Хубилая. Но до конца его дней власть Хубилая в Центральной Азии оставалась чисто номинальной.

Глава 12

НОВЫЙ КИТАЙ ХАНА

Хубилай унаследовал от матери поразительное управленческое мастерство. Он не был интеллектуальным гением, но обладал талантом, сделавшим его одним из величайших глав исполнительной власти всех времен: он превосходно разбирался в людях, совершенно без всяких личных предубеждений, и умел привлекать на службу людей умнее себя самого. Подобно своему деду, он рад был принять на службу любого, кто обладает талантом. Его советники образовали международную команду. На должности финансовых администраторов старательно выискивали торговцев-мусульман. Хубилай взял на службу 66 уйгуров, 21 из которых были особыми уполномоченными или местными чиновниками, управляющими китайскими округами, в то время как несколько других обучали наследников императорской семьи. И еще, также подобно своему деду Чингису, он умел замечать организационные проблемы — совершенно беспрецедентные, вызванные новизной

разворачивающихся событий, — а потом вдруг неожиданно придумывал решения, которые действительно срабатывали. Чингис взял племена, поломал их структуру и выковал нацию, а затем принялся делать то же самое с иными культурами, выковывая империю. Хубилай повел этот процесс дальше. Его задача состояла в завоевании, а потом в управлении, к которому его соплеменники были вдвойне не готовы — во-первых, потому, что до Чингиса у них вообще не было никакого правительства, а во-вторых, потому, что хотя предыдущие некитайские завоеватели и захватывали северный Китай, никто из них не овладевал целиком севером и югом. Можно ли вспомнить какие-нибудь прецеденты в истории, когда столь малочисленный народ бросил бы вызов столь многочисленному и добился успеха?

Главный недостаток Хубилая, как мы увидим позже, заключался в том, что он не умел довольствоваться достигнутым. Да и как он мог, если хотел оставаться верен миссии своего деда — делать границы империи все шире и шире, пока весь мир не признает факт монгольского верховенства?

Дома же он, наоборот, был кремнем. Это тоже было следствием его миссии. Поняв, что Китай является ключом к императорской власти, он нуждался в том, чтобы Китай оставался стабильным и процветающим, так как это будет его фундаментом для обретения предопределенной Небом власти над миром.

Чтобы преподнести себя своим подданным в качестве китайского правителя, ссылка на божественное право монголов не годилась. Быть буддистом тоже было недостаточно — также требовалось быть конфуцианцем или по крайней мере притязать на это. А конфуцианцы всегда почитали своих предков. Именно так и поступил Хубилай в 1227 году, заказывая Великий Храм Предков, который докажет его подданным к северу и к югу от Гоби, что он не только хороший монгол, но и хороший китаец. Вырастая на юго-восточном краю его новой столицы Да-ду, восемь палат храма были местными версиями Восьми Белых Юрт, которые уже утвердились в качестве передвижных святилищ для Чингиса на родине в Монголии и много веков спустя достигли места своей окончательной стоянки — Эдсен Хороо, Затвор Повелителя, к югу от Дуншэна во Внутренней Монголии. В 1950-х годах их сменило новое святилище, храм, известный как Мавзолей Чингис-хана. Первоначально восьмипалатный Великий Храм Хубилая чтит память его праотцов, самого Чингиса и сыновей Чингиса, в том числе правивших предшественников Хубилая. Чингис также приобрел китайский титул (посмертное имя) Тай-цзу — такой же, какой после смерти давался основателям нескольких других династий — Сун, Ляо, Цзинь и Мин. Таким образом, это Хубилай выдал Чингису его китайские документы и тем самым заложил основы широко распространенной среди современных китайцев точки зрения, что Чингис «на самом деле» был китайцем, соответственно, все монголы являются китайскими подданными, а сама Монголия — китайской территорией.

Значит, власть над миром должна покоиться на Китае в качестве фундамента. Из этого поразительно амбициозного устремления выросло нечто столь же замечательное: не мрачная диктатура, но возрождение многого из того, что исчезло в китайском обществе за время смут предшествующего века. На короткий миг, примерно на два десятилетия, весь Китай пережил нечто похожее на Ренессанс. Хубилай как иноземец никогда не будет по-настоящему принят за своего — но он был бесспорным правителем, и можно утверждать, что привнесенные им перемены улучшили жребий его новых подданных. Определенно находились такие, кто готов был признать, что единство и мир под властью монголов лучше, чем разобщенность и гражданская война. Эпитафия Хубилаю могла бы гласить: *«Он пытался быть добрым»*.

Данное суждение резко противоречит мнениям, которых обычно придерживаются по поводу монгольского правления. Зачастую в нем не видят ничего, кроме каталога злоупотреблений в духе хотя бы нижеследующего.

Почти все высшие посты занимали монголы. Они господствовали над населением в качестве новых землевладельцев, новой элиты, новой аристократии. Новая классовая система принесла новые унижения: монголы на самом верху, потом выходцы из мусульманских стран (сартаулы) — персы, арабы, уйгуры, тюрки, — которые понимали в

бизнесе и торговле; потом 40 миллионов жителей северного Китая вместе с окраинными меньшинствами вроде татар, киданей и корейцев; наконец, в самом низу пирамиды — новые подданные, 70 миллионов жителей южного Китая, которые в одночасье из наследников самой богатой и изощренной культуры на земле превратились в рабов и слуг. Многих на самом деле обратили в рабство, возникла и расцвела работорговля. Если убивал монгол, его ссылали, а убийцу-китайца — казнили. Монгол мог безнаказанно избить китайца, тогда как китайцу запрещалось отвечать ударом на удар. Китайцам не разрешалось носить оружие, охотиться, обучаться военному делу, разводить лошадей, молиться группами, устраивать ярмарки. В городах вводился комендантский час, запрещалось зажигать свет. Системы экзаменов, с помощью которых ученые-чиновники приобретали должности, больше не было. В десяти степенях, на которые монголы разделили по категориям своих китайских подданных, ученые конфуцианцы занимали девятую ступень — ниже проституток, выше только нищих.

Все это правда — но не вся правда. Ученые, аристократы и чиновники были лишь крошечной частью китайского общества. Большинство же составляли крестьяне и обыкновенные горожане, которые зарабатывали на жизнь трудом в сельском хозяйстве, мелкой торговлей и массой скромных работ, которые жизненно важны в любом большом и сложном городском обществе. При таком огромном населении, таких кишачих народом городах, такой тонкой верхней прослойке монголов никакие перемены не пронизывали все общество сверху донизу. Для простых людей обычный порядок повседневной жизни едва ли изменился...

Или, если вдуматься, изменился к лучшему. Стабильность зависела не только от голой силы. Хубилай был самым могущественным человеком своего времени, одним из наиболее властных людей всех времен и народов; и все же, как показывали его действия, он знал, что его могущество лишь частично зависит от власти, направленной сверху вниз, от него через двор и армию чиновников к массам. Оно также зависело от поддержки, направленной снизу вверх. Простой народ должен чувствовать себя счастливым и надежно защищенным от всяких нестроений, иначе начнутся волнения, которые будут распространяться снизу. Северный Китай и так был достаточно болен, оправляясь от полувековых военных действий, начатых Чингисом еще в 1211 году; юг бурлил из-за его собственной завоевательной кампании; и тот, и другой нуждались в исцелении.

Основой стабильности была огромная масса крестьян, от которых зависело пропитание прочих сословий. Для присмотра за их интересами Хубилай учредил новое управление для поддержки сельского хозяйства с восемью чиновниками и командой специалистов. Эта служба организовывала помощь, построила 58 амбаров, в которых могло храниться 9000 тонн зерна, добивалась налоговых послаблений и запрещала монголам пасти свои кочующие стада и табуны на крестьянских полях.

Местные советы (каждый из них охватывал 50 дворов) помогали с производством, ирригацией и даже со школами — последняя идея оказалась слишком революционной, чтобы сработать, но как минимум показывала, что император был не просто варваром-кочевником. Подати теперь текли не напрямую к землевладельцу (которым на севере был, вероятно, монгол), а к правительству, которое затем делило доход между собой и землевладельцем. Платил по-прежнему крестьянин — но, во всяком случае, Хубилай пытался ограничить злоупотребления. Он также настаивал на том, чтобы принудительные работы, которые оставались жизненно важными для крупномасштабных проектов вроде строительства каналов и организации почтовой связи, были значительно менее принудительными, чем прежде.

Давайте посмотрим, как он правил. У него был неплохой задел под эгидой киданьского советника Чингиса, великого Елюй Чуцая, который, несмотря на противодействие некоторых закоренелых традиционалистов, успешно учредил прилично работающую бюрократию. Но Хубилай столкнулся с куда более сложной проблемой, а именно с тем, как соединить степь с городом и деревней, кочевую среду с оседлыми культурами, немногих со многими. Он не

был готов просто бросить одно (с которым он разделял свои базовые ценности) и принять другое. Кроме того, ему требовалось принимать в расчет своих мусульманских подданных, жизненно важный компонент империи: его брат Хулагу правил приличным куском исламского мира, и мусульмане играли важную роль как наместники, сборщики налогов, финансовые советники и деловые партнеры. И со всем этим многогранным вызовом он разбирался по ходу дела, иногда находя решения в практике предыдущих династий, а иногда придумывая свои собственные. За 30 лет он создал правительство, которое было по большей части китайским, но одновременно уникально сложным и космополитичным.

У него имелось одно высшее преимущество: он не был связан прецедентами. Предыдущие императоры правили через посредство нескольких органов исполнительной власти. Хубилай понял, что это станет верным путем к катастрофе, поэтому организовал лишь один такой орган — Центральный Секретариат, с собой во главе. Далее, по нисходящей, следовали главные советники (обычно двое-трое, а иной раз до пяти), тайные советники, помощники, примерно две сотни чиновников и тысяча писцов на 18 уровнях; статус каждого подробно определялся такими категориями, как старшинство, титул, жалованье и привилегии.⁶²

Секретариат контролировал шесть управлений — Кадров, Доходов, Обрядов, Войны, Наказаний и Общественных работ, в каждом из которых работали десятки департаментов. В управлении Общественных работ, к примеру, их было 53, в том числе отделы, занимающиеся буддийскими иконами, восковыми отливками, бронзовым литьем, ремесленниками, работающими по агату и нефриту, каменщиками, резчиками по дереву, художниками, ткачами, красильщиками, коврами, юртами, печами для обжига и кожевенными работами. Проверкой всех управлений и их отделов занимался Цензорат, своего рода государственное ревизионное управление с тремя национальными штаб-квартирами.

Совершенно особняком от гражданской администрации стоял Военный Совет. Военное управление всего лишь связывало его с гражданской службой. Оно было учреждено Хубилаем после Шаньдунского мятежа Ли Тяня в 1262 году в качестве гаранта его власти. Военный Совет был чисто монгольской организацией, совершенно секретной, с монгольским штатом сотрудников; никакие китайцы не допускались туда ни под каким видом, чтобы не дать им узнать о силе, расположении и вооружении войск. Совет контролировал все вооруженные силы, в том числе назначение офицеров, обучение китайских и среднеазиатских частей, вел учет и проводил собственные ревизии. Это было, наверное, величайшим проявлением административного гения Хубилая. Чингис создал внеплеменную систему, обязанную личной верностью ему самому. Хубилай понял, что столь огромная и прочная бюрократия, созданная им, будет сильно отдалена от него как личности. Ее состав — по большей части бумажные души, а не полководцев — нужно было сделать верным иной сущности: не сегодня живому, а завтра покойному императору, но государству.

Помимо всего прочего, имелся императорский двор. Специализированный штат заботился о ритуалах, протоколе, кухнях, амбарах, складах, одежде и особой еде. Бригады ремесленников обеспечивали золотом, серебром, фарфором, самоцветами, тканями. Отдельные департаменты занимались охотами и коневодческими фермами. Это была самостоятельная вселенная, состоящая из слуг, управляющих, специалистов по увеселениям, историков, переводчиков, астрономов, врачей, библиотекарей, хранителей святилищ, музыкантов и архитекторов.

Остальные учреждения не находились под прямым контролем какого-либо из вышеперечисленных. Три академии занимались мусульманскими науками; мусульманская Управа астрономии давала мусульманам собственные исследовательские организации;

---

⁶² Этот раздел основан большей частью на книге Ф.У. Моута «Императорский Китай, 900-1800» [F. W. Mote, *Imperial China 900-1800*] (Прим. авт.)

Комиссия по тибетским и буддийским делам, личная вотчина Пагба-ламы, действовала как своего рода дистанционно управляющее правительство, надзирая за Управой Умиротворения в Тибете и всевозрастающими буддистскими интересами в Китае — храмами, монастырями и другой собственностью.

Переходом от завоевания к постоянной военной администрации занимался Военный Совет (*шумиуань*). Последствия этого перехода накапливали неприятности на будущее. При Чингисе военная машина втянула в себя все монгольские знатные семьи, а их приходилось поддерживать чем-то куда большим, чем жалование, которое в любом случае не существовало как понятие в ранние дни империи. Сперва войны вознаграждались добычей, а потом, когда в руки монголов попали целые территории — землями. Именно так сотникам или тысячникам полагалось обеспечивать свои войска. Отсюда и возникла система, при которой князьям и командирам давались поместья — уделы. Но при необходимости управлять империей система уделов не срабатывала. Мало кто из монголов обладал стремлением и талантом к управлению поместьями. Большинство из них вообще не приезжали в свои имения, свалив заботу на слуг, которые были немногим больше, чем рабами, нисколько не заинтересованными в хорошей работе. Эта система клонилась к тому, чтобы рухнуть сама собой, оставив поместья разоренными, а проживающих там жителей — нищими. Поэтому Хубилай прекратил вознаграждать уделами.

Землевладельцы-монголы распродавали свои поместья и оказывались брошены на произвол судьбы, вне военной системы не обладая никакими умениями и никаким образованием, не имеющие больше места у себя на родине и все же предположительно составляющие часть элиты. Они были имперским эквивалентом белых бедняков на американском Юге. Позже это станет частью болезни, разъедающей душу наследников Хубилая.

Еще одним из творений Хубилая были провинции. Когда поток монгольских завоеваний устремлялся дальше, недавно завоеванным регионам давались собственные миниверсии Центрального Секретариата, и те оставались филиалами правительства в одиннадцати провинциях, которые затем обрастали филиалами прочих департаментов. Они не были провинциальными правительствами — Хубилай хотел, чтобы его чиновниками управляли из центра, во избежание строительства местных империй, — но образовывали сущность провинциальной административной системы, установленной впоследствии манчжурской династией Цин, а затем коммунистами в 1949 году. Юннань и Шаньси, Сычуань и Ганьсу обязаны своим существованием именно Хубилаю. Администрации нисходили до самых корней. Провинции подразделялись на префектуры, субпрефектуры и округа, и каждый такой разделялся в зависимости от размеров на два класса, каждый с собственными чиновниками определенных рангов — от 3-а для самых больших префектур (свыше 100 000 дворов) до 7–6 для самых маленьких округов (менее 10 000 дворов).

Хубилай, как шеф своеобразной «Монголия Инкорпорейтед», был предан своей корпорации, которая весьма преуспевала по части коммерции. Ремесленникам помогали продовольственными пайками, тканями и солью, освобождали их от принудительных работ. Купцов, на которых прежде смотрели как на паразитов, теперь поощряли. Торговля, главным образом с мусульманскими странами, переживала подъем. Из портов уходили на экспорт китайские ткани, керамика и лак, ввозились импортные лекарства, ладан, пряности и ковры.

В некоторых отношениях Хубилай был идеальным покровителем искусства. Сам он нисколько не претендовал на лавры знатока, но знал, что искусство крайне важно, а поскольку он желал привлечь сердца всех своих подданных, то поощрял всех художников, не глядя на расу и веру. Таким образом, он, почти неявно, был силой, способствующей переменам. Вспомним непальского архитектора Арнико, Друга Пагба-ламы и проектировщика Белой пагоды. Он оказался настолько популярным, что сделался главой всех мастеровых по всей стране, и в конечном итоге приобрел особняк и богатую жену, которую ему подыскала супруга Хубилая Чаби. В результате некоторые строения эпохи Юань приобрели тибетский и непальский вид.

Или возьмем керамику, которой прославился Китай, учредив десять главных печей для обжига на севере и четырнадцать на юге. На севере война по большей части уничтожила производство керамики, и когда Хубилай пришел к власти, то не проявил никакого интереса к столовым сервизам, что, как можно подумать, должно было отрицательно сказаться на этом ремесле в целом. В реальности же дело обстояло совсем наоборот. Южные печи для обжига продолжали заполнять фургоны, катящие в большой южный порт Гуанчжоу, который Марко Поло на арабский лад называет Зайтоном. Туда, как говорит он, «часто заходили все корабли Индии [т. е. Азии], которые привозили пряности и всякого рода иные дорогостоящие товары. Этот порт также часто посещали купцы Манги [южного Китая], так как сюда ввозилось поразительное количество товаров, драгоценных камней и жемчугов, и отсюда они расходились по всей Манги. И заверяю вас, что на один корабль с грузом перца, идущий в Александрию или еще куда-то, в конечном итоге попадая в христианский мир, туда приходят сотни таких, да, сотни и больше».

В обмен на этот импорт керамика широким потоком текла в трюмы кораблей, идущих в юго-восточную Азию, Индию и исламский мир — половиной которого, как мы помним, правили монголы, быстро перенявшие утонченные вкусы своих подданных. В самом деле, Гуанчжоу-Зайтон, через который вывозилось большинство товаров, находился под пятой у персидских купцов. При невмешательстве Хубилая южные печи обжига могли сосредоточиться на экспорте и на экспериментах с целью предоставления клиентам того, чего им хотелось, а именно — высокого качества. В результате, как свидетельствует специалист в данной области Маргарет Мэдли, «эпоха Юань отмечает начало перехода от гончарных изделий, обжигаемых при высоких температурах и получающихся разными по цвету, к тонкому белому фарфору, прочному, стекловидному и полупрозрачному, который мы теперь автоматически ассоциируем с названием „китайский фарфор“». ⁶³ И на этом революционные изменения не остановились. На Ближнем Востоке давно применяли необыкновенно редкий металл кобальт для придания голубого оттенка статуэткам и ожерельям из бус. Похоже, кто-то привез его китайским фарфороделам, желая посмотреть, что смогут сделать с его помощью они. Они заставили его сработать: кобальтово-синяя керамика стала знаменитой, экспорт резко возрос, а налоги — на печи для обжига, ремесленников и производство — потекли в сундуки Хубилая. Есть небольшая ирония судьбы в том, что безразличие самого Хубилая привело к созданию техники и продукции — белой фуцзяньской посуды, серо-зеленых чжэцзянских селадонов, глазурированных голубых изделий, — которые укрепляли его экономику и за любое из которых современный коллекционер заплатит тысячи долларов.

Работая группами, чтобы воспользоваться своим богатством, купцы становились банкирами, одалживая деньги под 36 % годовых. Они и правительство Хубилая были партнерами: законы заставляли купцов по приезде обращать свою звонкую монету в бумажные деньги. Это давало правительству золотовалютный резерв, который использовался для подкрепления займов с ростом примерно в 10 процентов годовых, возвращаемых группам купцов — по существу, те становились санкционированными правительством «акулами кредита». Выгоду от торговли получали все.

Даже крестьяне? Как ни странно, да. Хубилай со стоящим у него за спиной финансовым советником, несомненно, обосновал бы это тем, что богатство купцов переводилось в богатство правительства, а оно финансировало общественные работы и позволяло облегчить налоговое бремя для нуждающихся. Естественно, если крестьяне предпочитали залезать в долги к «акулам кредита», то тут уж были виноваты они сами. Правительство не могло быть в ответе за каждого купца-банкира, который присылает судебных исполнителей выкручивать руки тем, кто пропустил ежемесячные выплаты. Большинство же получало выгоду. Это была опередившая свое время экономика

---

⁶³ В оригинале просто «China». Так по-английски называется не только Китай, но и фарфор. (Прим. пер.)

«просачивания благ сверху вниз». ⁶⁴

Крупные успехи Хубилая в области экономики еще больше расширились путем использования бумажных денег. Бумажные деньги — великое изобретение, которое китайцы открыли еще 300 лет назад, когда династия Сун объединила страну и революционизировала ее с помощью бурно растущей экономики. Как мы уже видели в главе 3, объединение, богатство и стабильность открыли дорогу к единой валюте, основанной на медных монетах, которые ходили неудобными связками-чохами по 1000 штук. Поскольку богатые купцы с деловыми интересами по всей стране не любили возиться с такими тяжелыми наличными, местные правительства выдавали сертификаты вкладов — так называемые «летающие деньги», — которые могли быть обналичены в других городах. Все эти элементы присутствовали в культуре веками, в первую очередь бумага (традиционной датой ее изобретения считается 105 год н. э.), которая стала делаться из истолченной внутренней коры тутовых деревьев, и печать с вырезанных из дерева матриц (VIII век, заимствовано из Японии).

В 1023 году государство напечатало первые банкноты, не принимая в расчет основ экономики. Одна неизбежная истина касательно бумажной валюты заключается в том, что она не стоит и той бумаги, на которой напечатана. Тут все дело в доверии, основанном на том, что обеспечивает банкноты — экономика в целом, или золото, или, в данном случае, монеты. К началу XII века в обращении находилось 70 миллионов бумажных «связок». Это намного превосходило все, что могло быть обеспечено монетами, и такое положение привело к первой инфляции в истории. Еще одна проблема состояла в подделке денег, но этому можно было противодействовать, делая узоры на банкнотах такими сложными, что отпечатать их могли только уполномоченные на то учреждения — и конечно же, казнями фальшивомонетчиков.

Хубилай, слушая верные советы, держал обе эти проблемы под контролем внутри экономики, которой гордился бы любой современный министр финансов. Четыре экономических столпа — национальное единство, внутренняя стабильность, высокое доверие, хороший рост — позволили иметь намного более эффективную систему бумажных денег, чем та, которой располагала империя Сун. Он испробовал три системы, в одной из которых деньги обеспечивались резервами шелка, а в двух других — серебра; последняя из них сделалась универсальной, поразив и восхитив Марко Поло. Идея, прямо скажем, была престранная — с чего бы обществу вдруг считать за ценность отвердевшую жидкую смесь, сделанную из луба тутовых деревьев? — поэтому он приводит некоторые подробности. Марко Поло описывает производство бумаги, ее превращение в банкноты, нанесение официальной ярко-красной печати и выпуск в обращение. «Все его подданные повсюду, скажу вам, охотно берут в уплату эти бумажки, потому что, куда они ни пойдут, за все они платят бумажками — за товары, за жемчуг, за драгоценные камни, за золото и за серебро: на бумажки все могут купить и за все ими уплачивать; бумажка стоит десять безантов, а не весит ни одного». Для покупки товаров у иностранных купцов Хубилай, естественно, пользовался собственными банкнотами. «Приходят много раз в году купцы с жемчугом, с драгоценными камнями, с золотом, с серебром и с другими вещами, с золотыми и шелковыми тканями; и все это купцы приносят в дар великому хану. Сзывает великий хан двадцать мудрых, для того дела выбранных и сведущих, и приказывает им досмотреть приносы купцов и заплатить за них, что они стоят. Досмотрят мудрецы все вещи и уплачивают за них бумажками, а купцы берут бумажки охотно и ими же потом расплачиваются за все покупки в землях великого хана. Много раз в году, сказать по правде, приносят купцы вещей тысяч на четыреста безантов, и великий хан за все расплачивается бумажками... Можно сказать, что тайну алхимии он постиг в совершенстве».

---

⁶⁴ Согласно теории «просачивания благ сверху вниз», выгоды монополий совпадают с выгодами мелких предпринимателей и потребителей. (Прим. пер.)

Поло не мог понять, каким образом Хубилай создает богатство из бумаги. В некотором смысле попросту избегая того, что не срабатывает, и делая то, что доказало работоспособность, Хубилай чуть ли не наткнулся на экономические принципы Джона Мейнарда Кейнса, который утверждал, что правительство может стимулировать экономику, беря в долг у самого себя и инвестируя собственные деньги для создания излишков, позволяющих ему расплатиться с самим собой. В Китае XIII века не требовалось ничего столь изощренного, как заем у самого себя. Хватало того, что император гарантирует стабильность и сохраняет доверие к собственной валюте. А этого он добивался, всегда позволяя свободный обмен на серебро по требованию и не допуская ошибки, сделанной империей Сун — печатания слишком большой денежной массы и таким образом порождения инфляции. Это был сложный трюк, который не удавалось повторить последующим династиям, да и многим современным правительствам. Вскоре после падения в 1368 году династии Юань бумажные деньги вышли из употребления на 400 лет.

Еще одним элементом революции Хубилая была новая судебная система.⁶⁵ В основном, поскольку он пришел извне, все предшествующие кодексы с судебными традициями, восходящими к прошлому двухтысячелетней давности, внезапно утратили силу, и возникла пустота, откуда не ввели новые. Судебная система (Яса) Чингиса — список статей, записанных его приемным родственником Шиги-Хутуху — не обладала необходимой изощренностью для такого огромного и сложного общества, как китайское.

Советники тут же принялись составлять новую, комбинируя элементы двух систем. Как именно они это делали, неизвестно, поскольку сохранились лишь фрагменты текстов, но, как писал один специалист в меморандуме, составленном в 1266 году, для создания всех правильных процедур, указов и прецедентов понадобилось бы 30 лет. И даже тогда не получилось бы никакого унифицированного кодекса, применимого равным образом к монголам, мусульманам и китайцам. Черновые кодексы появлялись и исчезали, а тем временем повседневное правосудие полагалось, как делало на протяжении 700 лет китайской истории, на Пять Наказаний: смерть посредством удушения или обезглавливания; пожизненная ссылка на три расстояния — 1000, 1250 или 1500 км — в зависимости от серьезности преступления; каторжные работы до трех лет; поколачивание тяжелой палкой от 60 до 100 ударов; поколачивание легкой палкой от 10 до 50 ударов.

При Хубилае были введены различные адаптации этой системы. Ханские сановники испытывали некоторые сомнения насчет удушения, поскольку при такой казни не проливалось крови, а по монгольской традиции такая милость подобала только высокородным преступникам. За самое серьезное преступление — измену — хан воскресил редко применяемый прецедент: смерть посредством медленного разрезания на куски, откуда и происходит садистское представление о «расчленении на тысячу кусков». На самом деле первоначально кусков было восемь — лицо, кисти рук (2), ступни (2), грудь, живот, голова. Постепенно оно увеличивалось до 24,36,120 в зависимости от того, какую боль требовалось причинить.

Простая ссылка тоже не считалась адекватным наказанием, главным образом потому, что для кочевника, не имеющего четко определенного места жительства, отправка куда-то еще была не столь уж сильной карой. Поэтому ссылку заменили каторжными работами на соляных копях или металлургических производствах, либо службой в каком-нибудь отдаленном военном гарнизоне, подкрепленной палочными ударами, от одного года плюс 67 палок до трех лет плюс 107 палок. Поколачивания палками разделялись на шесть степеней наказания легкой палкой (7, 17, 27,37,47 и 57 ударов), и на пять степеней — тяжелой палкой (от 67 до 107 ударов). «И многие из них умирали от таких побоев», как записывает Марко Поло.

---

⁶⁵ Этот раздел основан на книге Пола Хэн-чао Чэнь «Китайская судебная традиция при монголах» [Paul Heng-chao Chen, *Chinese Legal Tradition Under the Mongols*]. (Прим. авт.)

Это выглядит мрачно — но на деле юаньский кодекс известен своей снисходительностью. В сунском кодексе числилось 293 преступления, наказуемых смертью, в юаньском же их было только 135, что противоречит общепринятому взгляду, будто монголы крайне жестоко карали всех преступников. В самом деле, последующая династия, Мин, снова подняла число тяжких преступлений, и один чиновник тех времен даже жаловался на мягкотелость Хубилая. Более того, реальное число казней было примечательно невысоким. Между 1260 и 1307 годами было казнено 2743 преступника (хотя в записях пропущено девять лет). Это в среднем 72 казни в год при населении в 100 миллионов — примерно половина совершавшихся в Соединенных Штатах, когда там проживало эквивалентное население (то есть около 1930 года), а с тех пор отношение общества к смертной казни несколько изменилось. В 2002–2004 годах в США в среднем происходило примерно 60 казней в год, что, учитывая численность населения, будет вдвое реже, чем при Хубилае. Кое-что со временем улучшается.

От преступника также ожидалась выплата компенсации жертвам. Эта практика происходила от монгольской традиции откупаться от неприятностей. Например, в монгольском кодексе одна статья оговаривала, что в деле об убийстве злоумышленник может избежать смерти, «заплатив штраф, который был таким: за мусульманина — 40 золотых монет, а за китайца — одного осла». При Хубилае определенные люди тоже могли откупиться — точнее, мужчины старше 70 или мальчики младше 15⁶⁶ (если только преступление не было сексуальным насилием, совершенным над девочкой 10 лет или младше). Но в большинстве дел наказание и компенсация шли совместно. Если мужчина, к примеру, избивал до смерти свою свояченицу, то он получал 107 тяжелых палок и должен был оплатить похороны покойной.

Чиновники традиционно отделялись легко... но только не при Хубилае. «Любой чиновник, совершивший попытку изнасилования жены своего подчиненного, будет наказан 107 ударами тяжелой палки и уволен с государственной службы».

В других же отношениях Хубилай стоял за снисходительность. Определенные преступники приговаривались к эквиваленту полицейского надзора. За совершенный впервые грабёж с применением насилия осужденного наказывали, при этом нанося ему на правую руку татуировку со словами «грабёж» или «кража», приказывали регистрироваться у местных властей, куда бы он ни поехал, и отслужить пять лет во вспомогательных полицейских частях; комбинация наказания и общественной службы, дискриминации и наблюдения, что укрепляло узы общества.

Как же вышло, что самый могущественный человек в мире, глава режима, славящегося железным контролем над всем, правил при такой относительной снисходительности? Просто потому, что его люди поступали, как им велено, а Хубилай знал, что правосудие есть правосудие, а суровость приводит к обратным результатам. В 1287 году к смерти было приговорено около 190 человек, но Хубилай приказал помиловать их. «Заключенные — не стадо овец. Как можно их так вдруг казнить? Будет подобающе сделать их вместо этого рабами и отправить мыть золото ситом». Вот речь человека, умеющего извлечь максимум из имеющихся у него возможностей.

* * *

Итак, завоеватель, стремящийся постоянно расширять империю, войска которого были в ответе за смерть миллионов китайцев, может все же оказаться человеком, намерения и действия которого не были целиком дурны. Даже с китайской точки зрения мы должны признать за ним некоторые достоинства. И это было проблемой для тех китайских

---

⁶⁶ По боевому уставу армии Чингиса служить в ней были обязаны все монголы в возрасте от 14 до 70 лет. Судя по всему, с подростками автор ошибся на один год (*Прим. пер.*)

подданных, у которых была какая-то, пусть и невеликая, свобода выбора, извечной проблемой народа завоеванной страны: противостоять ли завоевателям вечно, до самой смерти, как требовали сотни известных и бесчисленное число неизвестных самоубийств, или проявить неверность — обвинение, отмечавшее обвиненного как зачумленного, — смириться, склониться, сотрудничать и преуспевать?

Легкого ответа тут нет. Течение времени помогает: сегодняшняя непримиримость завтра будет казаться тупым упрямством, неверность этого года в следующем году станет всего лишь здравым смыслом. Но никакого длительного решения все равно не может быть. Хотя Хубилай провозгласил учреждение китайской династии, хотя Китай принял и до сих пор принимает этот факт, завоевание сделало инъекцию горечи, которая в конечном итоге заразит и одолеет не столь способных наследников Хубилая.

Давайте посмотрим, как один человек с огромным трудом пытался найти выход из этого морального лабиринта. Это нетипичный случай, поскольку этот китаец был мастером-художником, которого некоторые считают гением. Впрочем, кто из нас типичен, если каждый, кто волен сделать выбор, должен делать его сам?

Звали его Чжао Мэнфу (в прежней транслитерации Чао Мэн-фу). Чжао, дальний родственник царствующей династии Сун, начал карьеру мелкого чиновника, когда в возрасте 25 лет его мир был вдребезги разбит монгольским вторжением. Подобно многим другим ученым-чиновникам, он был в шоке от грубости нового режима, от его примитивной классовой структуры, поставившей южан в самое основание пирамиды, и от их собственной беспомощности. Без экзаменов, предоставляющих образованным людям возможность сделать карьеру, им было не на что надеяться. Он стал одним из *и-минь* — «остатков», отверженных, предпочитающих безвестность сотрудничеству, и удалился в свой родной городок, а затем в Усин (ныне Хучжоу) который тогда и сейчас славился своей замечательной сельской местностью — огромным озером Тайху на севере и бамбуковыми лесами гор Тяньму на западе. В своем сельском пристанище, «Павильоне парящей чайки», он с головой погрузился в классические науки и открыл в себе поразительные таланты. Он был не единственным — озеро и зеленые горы Усина вдохновили свободное содружество мастеров, Восемь Талантов из Усина, как они стали известны в стране. В ходе последующих семи лет он прославился как мастер трех жанров — живописи, каллиграфии и поэзии (став позже, по мнению многих, величайшим мастером своего века во всех трех областях искусства). В 1286 году в Усин именем Хубилая в поисках талантов прибыл имперский чиновник. Он прослышал о Восьми, отыскал их и предложил им всем работу на императорской службе.

Чжао принял предложение. Один источник утверждает, что согласиться его убедила мать, честолюбиво мечтающая, чтобы он достиг высокого поста, пока еще молод. Некоторые из тех, кто отказался, отвернулись от него — потомок первого сунского императора служит монголам! — и с той поры вокруг него всегда витал дурной запах неверности. Решение это было нелегким, и от последствий его было никуда не деться. Чжао достиг высокого положения в правительстве как чиновник Военного Министерства и провинциальный администратор, и славы ученого и художника. Но сожаление об утраченном мире озер и гор, где он был сам себе хозяин, грызло его до конца жизни. Как он написал в одном стихотворении:

К несчастью, я упал в пыльный мир.
Мои движенья скованы.
Я прежде был как чайка,
Теперь я птица в клетке,
И никого не тронет мой печальный плач,
А перья у меня выпадают каждый день.

Его горе пронизывает и рисунок откормленного барана: достаточно простой на первый

взгляд, но куда менее простой, если глубже приглядеться к нему. На традиционный лад он включает и прекрасную каллиграфическую надпись Чжао, которая намекает на скрытое значение. «Я часто рисовал лошадей, но никогда раньше не рисовал овец или коз», — замечает он, словно желая сказать, что рисовал милое сердцам его хозяев, любивших лошадей, но не близкое народу, которым они правили. «Я сделал это лишь для забавы. Хотя она не может и приблизиться к работам старых мастеров, она в какой-то мере схватывает их дух». Один комментатор, Ли Чу-цин, утверждал, что в этой фразе присутствует не только отсылка к древней художественной традиции. Баран и козел — это два полководца времен династии Хань (206 до н. э. — 220 н. э.), которые оба попали в плен к сюнну, варварской империи, расположенной к северу от Великой Китайской Стены. (Сюнну — по-монгольски хунну — возможно, были предками гуннов). Оба полководца имели возможность пойти на сотрудничество с хунну. Один из них, Су У, отказался, и ему пришлось 20 лет пасти овец. Он-то и есть тот высокомерный баран на картине, с тупой мордой и упитанным видом, готовый для отправки в котел. Другой, Ли Лин, принял предложение и вернулся домой — тощий козел, отвергнутый как негодный для котла, но по крайней мере живой и способный в один прекрасный день вступить в драку.⁶⁷

Есть один парадокс в отношении Хубилая и искусства: он поощрял художников, и все же, подобно многим другим покровителям искусства, никак не мог быть частью блестящей художественной традиции Китая. В глазах китайских художников монголы были и останутся варварами. Но вот они, эти великие художники, служащие новому режиму. Внутренний конфликт мог уничтожить их, но на деле оказал на них стимулирующее воздействие. Сотрудничали они с оккупантами или отвергали сотрудничество, они могли искать убежище в традиционализме. Фактически же они развивали традиции дальше.

Одна из причин этого заключалась в том, что впервые за 150 лет возникло какое-то общение между севером и югом. Художники с юга, вдохновляемые красивыми повседневными вещами, которые любили в Южной Сун, открыли для себя традицию более здоровых, более свободных стилей, которые преобладали на севере до того, как старая империя Сун в 1125 году была разрублена пополам столь же «варварскими» предшественниками монголов, киданями, создавшими империю Ляо.

На своей самой знаменитой картине Чжао охватывает все это и многое другое. Он комбинирует две художественные традиции, черпая из собственного опыта и эмоций, делает трогательный жест старому другу и в какой-то мере открывает боль, причиняемую политической ситуацией. Он в течение шести лет работал помощником гражданского

---

⁶⁷ В отечественной историографии существует совершенно другая версия этих событий, совпадающая лишь временем действия (эпоха Хань) и именами действующих лиц. Су У был не полководцем, а послом ханьского императора к хуннам в 101 году до н. э. После провала переговоров посольство устроило заговор с целью убийства правой руки хуннского шаньюя и похищения жены шаньюя. Заговор был раскрыт, непосредственные участники — казнены, а прочим членам посольства было предложено «добровольно» перейти в хуннское подданство, отрекшись от своей родины. *«Отказался только один глава посольства Су У, вследствие чего он упоминается в позднейшей китайской литературе как образец верности и мужества. Однако хунны не казнили его, а отправили в далекую ссылку в Сибирь. Там он бедствовал 19 лет, пока не дал знать о себе в Китае, где его уже считали погибшим. По легенде, он написал письмо на крыльях перелетного гуся, которого в Китае подстрелил охотник, и, когда письмо было представлено ко двору, император добился возвращения пленного посла».* (Л. Н. Гумилев, «Хунну»)

А вот Ли Лин действительно был полководцем. В 99 году до н. э., во время похода на хуннов, он был окружен многократно превосходящими силами противника, понес большие потери и при отступлении то ли был взят, то ли сам сдался в плен. По китайским понятиям попадание в плен (а уж тем более сдача) приравнивалось к измене, поэтому дорога на родину была для Ли Лина закрыта. Хуннский шаньюй знал это и отнесся к Ли Лину вполне милостиво: женил его на своей дочери и поставил властвовать от его имени над кыргызами, жившими тогда на Енисее в Минусинской котловине. В те времена кыргызы были еще народом европеоидной внешности, и впоследствии темноглазые брюнеты среди них считались потомками Ли Лина и хуннской царевны. Так что домой Ли Лин не возвращался и даже не собирался вернуться — тем более, что на родине за совершенную им «измену» казнили его старушку-мать... (Прим. пер.)

администратора города Цзинань в провинции Шаньдун, непосредственно к северу от прежней границы между севером и югом. Вернувшись в 1295 году в свой родной городок, он вновь повстречал там своего старого друга Чжоу Ми, предки которого три или четыре поколения назад бежали из района Цзинани, когда та пала под натиском чжурчженской империи Цзинь. Он по-прежнему считал своей родиной Цзинань и мечтал однажды вернуться туда. При стране, объединенной монголами, он мог осуществить эту мечту — Да только он был одним из *и-миней*, отверженных, которые самоустраились из общественной жизни в знак протеста против монгольской власти. Чжао описал своему старому другу край его грез, как он сообщает в каллиграфической надписи на картине. «Я рассказал ему о горах и реках Ци [около Цзинани]. Самой знаменитой среди них будет гора Хуа-фу-чжу... высокая и крутая, поднимающаяся самым необычным образом отдельно от всех. Поэтому я нарисовал для него эту картину, изобразив на востоке гору Цзяо, и именно поэтому назвал ее „Осенние цвета на горах Цзяо и Хуа“». Сцена обманчиво проста: тянущаяся до горизонта болотистая местность, купы деревьев, две контрастных горы — одна четкий двойной треугольник, другая — глыба типа Айерс-Рок⁶⁸; вдаль — пара домов, почти теряющийся на фоне пейзажа крошечный рыбак; все пронизано настроением осенней меланхолии. Это не сцена традиционной красоты: тут нет никаких высящихся скал или окутанных туманом лесов. И она не верна жизни, так как эти горы на самом деле стоят весьма далеко друг от друга. Все больше похоже на то, словно художник, показывая унылую версию родины своего друга (так и не увиденной им), говорит: «Давай не будем делать вид, будто жизнь прекрасна. Это не так. Она тяжела. В любом случае, какое все это имеет значение: монголы, наши мелкие мучения и расхождения? Все это преходяще. А здесь, на моей картине, то, что вечно: четкие горы, искривленные деревья и тяжелый труд».

«Осенние цвета» — одна из тех китайских картин, которые вызывают наибольшее восхищение, одна из многих, которые, по словам ученого Джеймса Кэхилла, «демонстрируют поразительную изобретательность и творческие способности, предлагая крупные стилистические новации, изменившие ход китайской пейзажной живописи». А без Хубилая их бы не существовало. Мы можем испытывать сомнения относительно первоначальных условий и жестокости завоевания. Но если учесть их, исход мог быть гораздо хуже.

* * *

Странно, но факт: монголы любили театр. Любили они его главным образом потому, что он был для них совсем в новинку. «Нет никаких свидетельств любого вида драматических представлений, ставившихся в монгольском обществе до или во время периода ранней империи», — говорят два специалиста по монгольскому обществу, Сэчин Джагчид и Пол Хайер, добавляя с кривой усмешкой: «В кочевом обществе трудно сложиться институционализированной драме».

Никто не зафиксировал, каким был первый спектакль, увиденный монголами — наверное, какое-то уличное представление в каком-нибудь городишке, у которого хватило ума сдать, когда в 1211 году Чингис впервые вторгся в северный Китай. Я представляю себе эту сцену как нечто подобное виденному мной в 2002 году в Гуюани (провинция Ганьсу), одном из самых бедных районов Китая, когда туда заехал гастролирующий театр: толпа оборванцев в двести-триста человек добрый час сидит на земле на главной площади до наступления сумерек и начала представления, сцена закрыта занавесом, за которым актеры

---

⁶⁸ Айерс-Рок (или, как его называют аборигены, Улуру) — величайший в мире монолит посреди австралийской пустыни. Айерс-Рок расположен недалеко от юго-западного угла Северной Территории, в высохшем красном сердце Австралии. Эта колоссальная оранжево-бурая скала 2,4 км в длину и 1,6 км в ширину поднимается на 348 м над окружающей пустынной равниной и является крупнейшим в мире монолитом. (Прим. пер.)

наносят последние мазки крикливо-броского грима. Перенесемся на 800 лет назад — и увидим на заднем плане контингент монгольских воинов, все еще в седлах. Они много месяцев провели в походе, и им невероятно хочется немного отдохнуть душой, отвлечься от военных будней. Монгольские офицеры в трофейных пластинчатых доспехах и кожаных шлемах спешиваются и подходят поближе, угрюмые, но любопытные. Дрожащие от страха горожане услужливо проводят их в первый ряд; там они и ждут в озадаченном молчании, пока не становится темно. С шорохом ткани открывается занавес, и огни рампы открывают взорам человека свирепого вида. Мао, а зовут его именно так, говорит, обращаясь прямо к зрителям:

— Я, Мао Ень-шоу, разъезжаю по всей стране с императорским приказом отыскать для дворца прекрасных дев...

После пары минут речей в том же духе на сцену выходит девушка по имени Чжао-цзюнь, невероятно, недосыгаемо, волшебна прекрасная в шелках и идеальном гриме. Закованный в броню передний ряд дружно ахает.

Девушка говорит:

— Я Ван Циань, прозываемая также Чжао-цзюнь, из деревни Цзикуй в Чжэнду. Мой отец, старейшина Ван, всю жизнь трудился на земле. Еще до моего рождения... — дальше она объясняет обстоятельства своей жизни: дочь бедной семьи, в 18 лет она была избрана в императорские наложницы, но кого-то обидела, и ее спрятали подальше от глаз. Императора она так и не увидела, и ей грустно. — Теперь ночью в одиночестве я попробую сыграть песню, чтобы убить время.

Она играет на лютне — и тут входит император...⁶⁹

Возможно, до монголов с трудом доходят все ссылки на разные тонкости, но их переводчик старается изо всех сил; они поражены красотой девушки, очарованы ее пением, ненавидят злодея, все прекрасно знают об императоре, своем враге, и захвачены рассказанной историей, которая, как они скоро узнают, весьма популярна в Китае. (И до сих пор пользуется популярностью: самый лучший отель в Хух-Хото, столице Внутренней Монголии, назван в честь ее героини). Все знают, как маленькую симпатичную Чжао-цзюнь отправили за Великую Китайскую Стену в жены хану хунну в далекой Монголии. Она скорбит, жалеет, что не может стать золотым лебедем и улететь на родину, и плачет: при виде этого прямо-таки разрывается сердце.

Должно быть, произошло что-то в этом роде. В 1214–1216 годах великий полководец Чингиса Мухали прошелся с волной всадников по Манчжурии, в то время как сам Чингис осаждал Пекин. У двух городков хватило безрассудной смелости держаться до конца. Как обычно при таких обстоятельствах, Мухали сказал: «Если мы оставим в живых этих двух мятежных разбойников, не будет никакого предостережения следующим поколениям». И истребил всех жителей этих городков, кроме искусных мастеров, ремесленников — и актеров.

Китайские театральные традиции определенно были достаточно богатыми, чтобы соблазнить монголов. Китайцы вот уже много веков имели возможность смотреть и танцевальные представления, и оперы, и декламации, и устные рассказы, и карнавальные шествия; на севере и юге возникли все более расходящиеся традиции, а при династии Сун имел место бурный рост драмы. Археологические свидетельства подтверждают, что это было нечто большее, чем уличное представление. Раскопанные в 1958 году в Хэнани изразцы в гробницах X века показывают актеров в традиционных драматических ролях, а раскопки в Шаньси около 1970 года открыли остатки кирпичного провинциального театра с черепичной крышей. Видимо, даже в отдаленной Манчжурии нашлись какая-то труппа, пьеса, музыка и ведущая актриса, способные развлечь завоевателей.

---

⁶⁹ Здесь автор позволяет себе небольшую вольность. На самом деле эти цитаты взяты из пьесы эпохи династии Юань, «Осень в ханском дворце» Ма Чжи-юаня, но рассказанная в ней история намного старше. Вполне возможно, что какая-то версия этой пьесы существовала и во времена династии Сун. (Прим. пер.)

Придя к власти, Хубилай как покровитель искусств гарантировал, что у его народа будет театр, и не один, а целое множество. Но он не желал смотреть один лишь старый репертуар. Он хотел, чтобы писались новые пьесы, рассчитанные на успех у монголов и его очень интернационального двора. А это означало, что зрителям должен быть легко понятен ход действия, так как сам Хубилай не очень хорошо говорил по-китайски и был незнаком с высокопарными сунскими литературными традициями. Это вызвало нечто вроде революции среди сунских литераторов. Отношение к театру у них было столь же противоречивым, как у зрителей периода Реставрации в Англии: они любили его за доставляемое им развлечение, но пьесы писались на простонародном языке, актеров мало уважали, а актрис считали шлюхами.⁷⁰ В общем, с любой точки зрения, кроме их собственной, сунские литераторы были страшными снобами. Создать какую-то новую драму означало для них проституировать свое поэтическое мастерство. Никто не рассматривал пьесы как литературу и даже не думал сохранять их для потомства. В результате до нас дошло очень мало пьес доюаньских времен.

При Хубилае все это изменилось. При дворе имелись два управления, одно из которых отвечало за музыку и актерскую игру, а другое за постановку придворных ритуалов и пьес. Клиент заказывал музыку, и, по сравнению с его подданными, вкусы у клиента были простые. Как слегка неполиткорректно выразился в 1936 году один из первых переводчиков юаньской драматургии на английский язык Генри Харт: «Этих невежд по части литературы, философии, поэзии и удовольствий цивилизованной жизни совсем не привлекали изящные танцы и негромкая музыка. Вскормленные среди обдуваемых ветрами пустынь, упивающиеся битвами и грабежами... они предпочитали драму, написанную и сыгранную на повседневном языке простонародья».

Именно это требование и вдохнуло новую энергию в китайскую драму. Начавшись в Да-ду, заново построенном Пекине Хубилая, и вокруг него, появилась новая порода драматургов. Многие из них были учеными, разочарованными прекращением системы экзаменов на чин и горящими желанием пополнить скромные доходы писцов, добиться признания и найти выход своему литературному мастерству. Они создали, как писал историк китайской драматургии Чжуан-вэнь Ши, «массу произведений, равных которым по качеству и количеству не было в китайском театре ни до, ни после, сделавших юаньскую драму одним из самых блестящих жанров литературной истории Китая». Эта богатая область имеет для историка один недостаток: авторы все еще стыдились связывать свои имена с создаваемыми произведениями, поэтому о них известно очень мало. К счастью, драматург Чжун Су-чен собрал биографические заметки о юаньских писателях в «Регистре призраков», самое название которого служит характеристикой «невидимости» описанных в нем личностей. Из 152 лиц в списке 111 были драматургами.

Должно быть, ими были написаны тысячи пьес, из которых около 700 известны по названиям и 150 дошли до наших дней — наверное, потому, что были самыми лучшими. Они принадлежат к разновидности, известной как «пьесы варьете» или «смешанное зрелище» — то, что мы сегодня назвали бы мюзиклом, за исключением того, что благодаря привлечению к созданию пьес прекрасных писателей эти представления были чем-то намного большим. Они исследовали современные им проблемы: несправедливость, угнетение, коррупцию, борьбу с властями. Разумеется, делали они это на свой лад, несхожий с западными образцами. Разыгрываемые в обстановке тщательно упорядоченной вселенной, пьесы не выставляют на всеобщее обозрение внутренних мук и разрушительных страстей, обычных в западной драме от Шекспира до нашего времени. Некоторые бегут из реального мира в не относящуюся к определенному времени романтическую эпоху, вроде пьесы «Западный флигель», сюжет которой заимствован из истории, впервые записанной около 800 года.

---

⁷⁰ Именно с тех времен в китайском языке слово *чан* — «певчиха» — означает также и «проститутка»; впрочем, сплошь и рядом одно было неотделимо от другого. (Прим. пер.)

Студент спасает от мятежников прекрасную девушку и сватается к ней; ее жестокая мать противится; хитрая служанка помогает влюбленным; мать удаётся уговорить; счастливый конец. Переписанная несколько раз, эта история была превращена Ван Шифу в знаменитую драму и с тех пор всегда оставалась популярной. В 2004 году я купил в Пекине романизованную версию этой повести.

Как и у Шекспира, затрагиваемые темы исследуются в историческом контексте. Их действие не могло происходить в настоящее время из страха кого-то задеть, хотя легкая критика вполне допускалась, если бывала завуалированной, как открывает одно описание императорского повеления о представлениях: «Если есть какая-то критика... актерам затуманивать содержащиеся в сюжете выпады, дабы критиковать со скрытым смыслом; тем самым никакое неудовольствие не омрачит лик императора». Это означает, что у пьес нет временных рамок. Они пытаются делать то, что и положено драме — превращать текущие заботы в вечные темы и преподносить их как развлечения, которые также время от времени претендуют на литературные высоты.

Пусть от имени всех выступит Гуань Хань-цин (Гуань Хань-кин), поскольку он был самым плодовитым из юаньских драматургов. Практически все в его жизни окутано туманом. Родившись примерно в 1240 году, он дожил до весьма почтенного возраста и умер где-то в районе 1330 года. Он написал 63 или 64 музыкальные пьесы (авторство одной из них оспаривается), из которых 14 или 18 (еще один спор) дошли до наших дней. Большинство из них — о любви, ее радостях и муках: любви между куртизанками и учеными, императорами и наложницами, влюбленными низкого и высокого звания. Его сильной стороной были героини. Ядром одиннадцати из 14 сохранившихся пьес служат сильные, храбрые, решительные женщины, и больше всех — звезда его самой лучшей пьесы «Обида Доу Э». Эта героиня — простая деревенская девушка, молодая вдова 18 лет. Отвергнутый ухажер ложно обвиняет ее в убийстве. Героиню тащат в суд, и там ее избивает коррумпированный судья. Когда она отказывается признаться, судья угрожает побоями ее свекрови. Чтобы спасти ту, Доу Э делает ложное признание, и ее приговаривают к смерти. Накануне казни она высказывает три желания, одно из которых заключается в том, чтобы данный уезд три года страдал от засухи. Все ее пожелания сбываются, доказывая, что Небо услышало ее молитвы. Засуха привлекает внимание ее отца, высокопоставленного чиновника, который вновь открывает дело об убийстве. Доу Э является в виде призрака и обвиняет своих обвинителей. Правосудие свершилось, вселенная вновь обрела равновесие.

Классической эту пьесу сделал не сюжет, а ее поэтический язык, придавший ей эпическое величие. Доу Э — отнюдь не обыкновенная девушка. Целомудренная, послушная, жертвующая собой, она является фигурой типа Жанны д'Арк, символом страдающей нации. Когда ее мучают — как монголы мучают Китай, — законы Неба переворачиваются с ног на голову, и в мире правят коррупция и глупость. «Добрые страдают от нищеты и недолгой жизни, злые наслаждаются богатством, знатностью и долгой жизнью», — поет она. Но добродетель не может всегда оставаться презираемой. Смерть героини побуждает Небо к действию, к возвращению справедливости в несправедливый мир — великие темы, обеспечившие выживание пьесы в нескольких позднейших версиях, в том числе идущей в наши дни в Пекинской Опере.

* * *

Хубилай принес в Китай некую меру стабильности и надежности, которых тот не знал веками. Сносные уровни налогообложения, власть закона, благожелательная или в худшем случае нейтральная политика по отношению к искусству, общественные работы для общего блага — можно сказать, что он принес своему народу некий уровень счастья. С этим согласился бы крошечный процент населения, его элита — высокопоставленные монголы, высокопоставленные китайцы, мусульманские купцы. Но неужели 100 миллионов стали жить хуже?

Мы никак не можем знать этого, поскольку счастье в нашем понимании данного слова вышло на первый план только в XVIII веке. Недавно оно вновь сделалось самостоятельной темой; сейчас, на основе опросов, статистики и анализов, мы можем оглянуться назад и поспорить. Как указывает Ричард Лэйард в своей книге «Счастье: уроки из новой науки», одним из определений счастья является ощущение, что сегодняшней день лучше, чем вчерашний. Огромная масса народу в Китае XIII века начала с весьма низкого положения. Эти люди наверняка и после по-прежнему боялись голода, болезней и наводнений, сборщиков налогов, «акул кредита», чиновника, стремящегося насильно забрать людей на принудительные работы; но они также знали, что два поколения назад миллионы погибли и еще миллионы были изгнаны из своих домов, в то время как по крайней мере с 1276 года у них царит мир. Они могли трудиться с большей, чем прежде, надеждой, что их труды не пойдут прахом. В средневековом Китае никто не спорил, что целью правительства является увеличение суммы человеческого счастья, но Хубилай и его сановники каким-то образом, трудясь ради создания стабильности, преемственности и национального богатства, сумели достичь если не наибольшего счастья для наибольшего числа людей, то, по крайней мере, снижения несчастья на 25 или 30 лет.

Часть четвертая ЗИМА

Глава 13 КАМИКАДЗЕ

В 1280 году, после завоевания юга, Хубилай смог снова обратить взор в сторону Японии. Ему было уже 65 лет, и время поджимало. Но подгонял его не только возраст. Он вел себя как одержимый, стремясь как осуществить честолюбивые устремления своего деда по завоеванию всего мира, так и наказать эту «маленькую страну», имевшую безрассудную смелость сопротивляться ему. Для императора, столь чувствительного, когда затрагивался вопрос о его собственной легитимности, он, как всегда, твердо решил как можно скорее проявить себя истинным властелином.

В описаниях этой кампании до недавнего времени преобладала японская точка зрения, так как победа осталась за японцами, а история больше принадлежит победителям, чем проигравшим. Повесть эту рассказывали часто: могучий китайский флот собирался сокрушить злосчастных, отставших от жизни японских самураев, когда на помощь японцам пришли сами небеса, наслав тайфун, отправивший флот Хубилая в небытие. Вскоре после этого японцы назвали тот шторм «божественным ветром», *камикадзе* (слово *коми* имеет также смысл «бог», «дух» и «высший»), ссылаясь на него как на доказательство, что Япония находится под защитой Неба. Это подходило правящей элите, власть которой отчасти зависела от веры в ее способность совершать правильные религиозные ритуалы. Именно с целью навеять мысль о небесной защите, японских пилотов-самоубийц времен Второй Мировой и назвали *камикадзе*: они были новым «божественным ветром», который должен обеспечить защиту от иностранного вторжения. Вплоть до самого поражения Японии в 1945 году мысль об этом успокаивала население.

Однако проведенные в 2001 году исследования установили, что это миф. Почти 800 лет спустя обнаружилось, что японцы были куда более способны к отпору, чем традиционно принято считать. Их спас вовсе не божественный ветер, а монгольская некомпетентность и японская боевая мощь.

Эта операция дурно пахла с самого начала. Хубилай утратил связь с реальностью и, подобно Гитлеру во время Сталинградской битвы, казалось, верил, что само решение атаковать неизбежно приведет к победе, словно оно одно разрешает все военные проблемы. Он переоценил свои силы, недооценил силы противника, требовал невозможного,

игнорировал проблемы тылового обеспечения и командования, не принимал в расчет погоду, невзирая на неудачу, случившуюся шесть лет назад.

Чтобы гарантировать успех, Хубилаю требовался больший, чем прежде, флот для перевозки более крупных сухопутных сил, а для этого требовалось содействие Кореи, против воли ставшей его вассалом. Но Корея перенесла тяжелый удар разгрома 1274 года. У страны конфисковали запасы зерна, а юношей призвали служить кораблестроителями и воинами, оставив трудиться на полях только стариков и детей. В стране не было ни урожая, ни человеческих ресурсов. Хубилаю пришлось пять лет слать продовольственную помощь, чтобы не дать Корее совсем обезлюдеть, и она была не в состоянии обеспечить флот всеми нужными кораблями. Большую часть их пришлось перегнать с юга, из бывшей империи Сун, отобрав у местных жителей, не желавших с ними расставаться.

Конечно, все было бы куда проще, признай Япония его сюзеренитет. В 1279 году в Японию прибыло еще одно посольство с инструкциями проявлять крайнюю вежливость, дабы избежать судьбы своих предшественников. К несчастью, послы прибыли как раз в тот момент, когда страну начал охватывать страх. Одна местная красавица исчезла при таинственных обстоятельствах, предположительно похищенная бандой монгольских шпионов, которые устроили базу на необитаемом скалистом островке. Поговаривали, будто вожак банды влюбился в эту девушку. Японский отряд высадился на островке, чтобы спасти ее. Вожак затащил девушку на вершину утеса и угрожал убить ее, но та сама бросилась в море и выплыла на берег, тогда как все японцы были перебиты монгольскими шпионами. Только она одна и уцелела, чтобы поведать эту драматическую историю.

Рассказ этот мог быть правдой или выдумкой; но в любом случае правительство в Камакуре сочло, что присланная Хубилаем делегация из трех человек причастна к этому заговору. Делу нисколько не помогло и то, что Хубилай прислал в подарок золотого петушка с выгравированными на нем оскорбительными словами «Ходзэ Токимунэ: я поставлю тебя царем Японии», подразумевающими, что тот будет рад узурпировать власть у императора. Всех троих обезглавили, а решимость японцев укрепилась. На Кюсю собрались массы пехоты и кавалерии. Барьер вокруг залива Хаката стал длиннее и выше, оборонительные укрепления выросли и в других возможных местах высадки — в Нагато на южной оконечности главного острова, в Хариме и Цуруге в 400 км к северу на том же побережье. Япония вся подобралась, готовясь к нападению, которое теперь казалось неизбежным.

Хубилай приказал подготовить флот к вторжению немногим больше чем за год. Если верить цифрам, это был самый большой флот, какой когда-либо подымал паруса, и он оставался таковым свыше 700 лет, пока его не превзошли при высадке союзников в Нормандии 6 июня 1944 года («День „Д“»). Он соединял в себе два отряда: один из Кореи с корейским адмиралом, другой из южного Китая под командованием китайца-ренегата Фань Вэнь-ху — одного из тех, кто нанес поражение монголам во время их переправы через Янцзы в 1275 году — с монгольским со-командующим Цинь-ду. Они возглавляли примерно 140 тысяч войска. Согласно «Юань Ши», корейцы предоставили 900 кораблей, еще 3500 предположительно подходили с юга. Такое давление оказалось слишком большим для района Фукень (ныне Фуцзянь), старшине ремесленников которого велели построить 200 кораблей, но он сказал, что это никак не возможно, и поставил лишь 50. По плану войска полагалось перевести на двух флотах — 40 000 на 900 кораблях из Кореи, 100 000 на 3500 судах из Гуаньчжоу в Фукени. Оба флота должны были соединиться у острова Ики в 30 км от японского побережья, а потом вместе вторгнуться в Японию.

Таков был план. Но в этих цифрах кроется нечто, открывающее, что план этот был в изрядной степени оптимистическим. Вдумайтесь в эту цифру: 4400 кораблей — это невероятно много, особенно если это боевые корабли, как обычно предполагается в описаниях. Фактически, небольшое упражнение на деление показывает, что испанская Непобедимая Армада 1588 года (в составе которой насчитывалось 130 крупных боевых кораблей, перевозивших 27 000 воинов, примерно по 200 на корабль) с этим вторжением и рядом не стояла. Скорее флот Хубилая сопоставим с силами союзников, высадившихся в

1944 году в Нормандии: примерно 156 000 солдат на примерно 5000 судов (большинство которых были десантными), то есть по 31 человеку на судно...

Тут следует остановиться и спросить себя: а верны ли цифры, касающиеся флота Хубилая? Никто не имеет ни малейшего представления, поскольку нет никакой статистики, кроме той, которая взята из официальных источников. К любым оценкам численности следует относиться с крайним скептицизмом. Но в данном случае они не выглядят невероятными. Хубилаю было доступно огромное число кораблей, собранных для наступления на империю Сун вниз по Янцзы. Еще несколько лет назад официальные источники говорили о флоте в 3000 кораблей, и это на одной только Янцзы. А с тех пор в руки монголов попала вся империя Сун и все ее оставшиеся корабли. Посмотрим на это под другим углом: в 1588 году Испания смогла набрать 27 000 солдат из населения примерно в 7 миллионов; таким образом, пропорция — один ратник на 260 штатских. Население же Китая в XIII веке составляло около 50 миллионов, так что пропорционально Китай мог набрать для флота войско в 189 000 копий — более чем достаточно, чтобы оправдать официальные цифры.

Если мы допустим, что южные войска и в самом деле насчитывали где-то порядка 140 000 копий, вытекающий отсюда вывод ясен: за исключением немногочисленных массивных боевых кораблей, главным образом из Кореи, то, с чем мы здесь имеем дело — не что иное, как флот, состоящий из небольших десантных судов. Однако от Портсмута до Нормандии всего лишь 170 км, шесть часов хода для кораблей с двигателями. Когда 2 июня разразился шторм, Эйзенхауэр мог себе позволить отсрочить высадку на день, а потом скомандовать «Вперед!» во время ежесуточного часового затишья. Хубилаю же, чтобы доставить 900 кораблей корейского флота на расстояние свыше 200 км и 3500 намного меньших судов с юга на вообще запредельные 1400 км, приходилось полагаться лишь на силу ветра да весла. Даже при приличном ветре в нужном направлении им потребовалось бы добираться до места встречи шесть дней.

Очевидно, Хубилай и его командующие собирались завершить завоевание и продвинуть войска далеко в глубь страны еще до того, как в августе начнется сезон тайфунов. Но любой опытный моряк в глубине души знает, что составлять планы в расчете на фиксированный график операций — просто безумие. Хубилай, верховный главнокомандующий, многое знал о военных действиях на широких открытых пространствах и чувствовал себя в своей стихии, скача через внутреннее море, как называли китайцы степи и пустыни Средней Азии. Но он едва ли когда-нибудь хотя бы мельком видел настоящее море, не говоря уже о том, чтобы плавать по нему и видеть, к чему может привести тайфун. Слепленный отчаянием и изолированный властью, он шел на страшный риск, и рядом с ним не было никого, кто сказал бы ему правду.

Были и те, кто предчувствовал грядущую беду. Когда юаньские чиновники провели о том, что японский император молил богов спасти страну в обмен на собственную жизнь, они доложили о предзнаменованиях: ожидающие переправы монголы «увидели, как на поверхности воды появился огромный змей, и вода запахла серой». Но в присутствии Хубилая все держали язык за зубами.

С самого начала все пошло не так, как должно. Корейский флот, как и планировалось, достиг Ики в конце мая и ждал... ждал... ждал... Собранный в Гуаньчжоу южный флот не смог даже выйти вовремя — заболел командующий, и его пришлось заменить. Продовольствие портилось от жары. Распространялись эпидемии. Даже когда флот наконец вышел в море, противные ветры загнали многие корабли в порты вдоль побережья.

В конце концов 10 июня командующий корейским флотом сам оккупировал Ики, а затем, прождав еще две недели, пересек небольшой пролив и высадил десант в Мунакате, непосредственно к северу от построенной японцами стены — только для того, чтобы быть отброшенным на остров посреди залива. Таким образом, у него более чем хватало возможностей провести разведку в Хакате и подтвердить наверняка полученные им из других источников донесения об оборонительной стене; в конце концов, она стояла там уже

пять лет. Тогда он должен был понять, как трудно будет пробиться с берега в глубь страны, и увидеть решение: стена прикрывала берег, но не горы с обоих концов. Чингис в 1213 году переправлялся через горы, когда взял ущелье, ведущее к Пекину, а эти горы были ничто в сравнении с теми. Монголы просто пробились бы в обход стены и захватили бы ее с тыла. Единственная трудность состояла в том, что их будет отлично видно, и им окажут сильное сопротивление. Им требовалось больше войск. Но корейский флот не мог самостоятельно справиться с этой задачей.

Тем временем южный флот, теперь уже на месяц отстав от графика, направился напрямик к Японии, не заходя на Ики и к месту встречи в море, а вместо этого двигаясь к небольшому острову Такасима в заливе Имари, в 100 км к западу от Хакаты на другой стороне полуострова. Здесь он собирался перегруппироваться, пополнить припасы и начать собственно вторжение. Такасима сыграет в этой истории важную роль, поэтому позвольте мне познакомить вас с ней.

Такасима, Остров Воздушных змеев — красивый остров, теплый, плодородный, славящийся своими иглобрюхами-фугу — деликатесом, который надо очень тщательно готовить, так как отдельные его части смертельно ядовиты. Хотя большая часть неровного побережья встречает подплывающих к острову лишь крутыми склонами да каменистым дном, на нем есть небольшой порт, где морское дно, илистое и неглубокое, пригодно для удержания каменно-деревянных монгольских якорей с их гранитными поперечинами и деревянными лапами. На Такасиме обитало несколько тысяч жителей, мирных крестьян и рыбаков, совершенно не способных оказать сопротивление монгольскому вторжению. Через несколько дней их всех вырезали, вплоть до (так говорится в рассказе) последней семьи, укрытие которой выдали петухи. Уцелела лишь одна старуха, которая дожидаясь освобождения острова и рассказала эту повесть. Даже сегодня, заверили меня, жители Такасимы не держат петухов.

План этот был неудачным. Такасима лежит всего в километре от берега, но побережье здесь состоит из отвесных скал и подпирается поросшими лесом горами, идеально подходящими для партизанской войны. Помимо залива Хаката, мест для десантирования мало, и к каждому месту без укреплений живо прибывала японская кавалерия, окружая высадившихся воинов и вынуждая корабли уходить обратно в море. Им удалось лишь устроить несколько бесполезных лагерей на примыкающих к побережью островах. Японцы также переносили бой на воду, подгрывая по ночам на юрких маленьких яликах, чтобы перерубать якорные канаты, украдкой пробираться на борт, резать глотки и поджигать корабли. Верно, на более крупных кораблях осадные аркбаллисты играли роль артиллерии, выпуская массивные стрелы, способные расщепить японский ялик. Но натяжные требушеты, которые на берегу могли оказаться действенными против сухопутных сил, были бесполезны, когда пытались поразить движущиеся мишени с движущихся палуб. Полководцы Хубилая ругались между собой на трех языках, а большая часть их солдат, китайцы и корейцы, не горела желанием сражаться за своих новых монгольских хозяев. А у японцев, на стороне которых было объединенное командование и не один год подготовки на родной территории, имелись укрепленные позиции, откуда они могли отражать нападения и производить контратаки.

С монгольской точки зрения, японцы были повсюду в огромном числе, вполне способные защитить двадцатикилометровую стену и места, не прикрытые ею, галопом несущиеся туда, где возникала угроза десанта. Один юаньский источник позже утверждал, будто их было 102 000. Но катастрофическое поражение документировали монгольские и китайские чиновники, а они имели все причины преувеличивать силы противника, дабы оправдать неудачу. Кроме того, как всем известно, численность войск всегда завышается, иногда в десятки раз. Один придворный в XII веке поручил своему слуге подсчитать армию, численность которой оценивалась в 10 000 копий, и обнаружил, что истинное число солдат

равняется 1080.⁷¹ В данном случае оценки историков основаны на служебных донесениях и других документах, которые сохранились в немалом количестве. Результаты двух таких экспертиз частично совпадают, давая минимальную численность в 2300 и 3600, а максимальную — 5700 и 6000.

Что ж, эти цифры основаны на уцелевших письменных источниках; многие другие, скорее всего, до нас не дошли, и эти цифры должны быть слишком занижены. С населения где-то около 5 миллионов японские командующие наверняка могли набрать воинов в той же пропорции, что и испанцы в 1588 году или их тогдашние враги, монголы и китайцы — а это предполагает наличие сил порядка 20 000, давая одного защитника на метр стены.

В любом случае этих сил хватало для сдерживания монголов, китайцев и корейцев, огромное численное превосходство которых сводилось на нет трудностью проведения десантной операции в такой дали от родных мест и их безнадежной распыленностью.

Почти два месяца, с 23 июня по 14 августа, обе стороны схлестывались почти без всякого результата. Стена так и не прошла испытания боем. Одного ее вида хватило, чтобы заставить корейский флот отчалить прочь, а объединенные силы так и не получили возможности подступиться к ней.

* * *

Среди тех, кто рвался в бой, был и Такэдзаки Суэнага, история которого продолжается в «Свитках монгольского вторжения». Суэнага прибывает верхом, при всех регалиях, когда воины занимают позиции за стеной (она появляется на одной из иллюстраций и во многом выглядит такой же, как ее реставрированные участки в наши дни). Все враги в море. Он отчаивается добраться до них: «Я не могу сражаться с ними без корабля!» Гота Горо, его командир, отвечает: «Если у тебя нет корабля, ничего не поделаешь».

Однако другой *гокэнин* из провинции Хидзэн — «Я забыл, как его зовут» — предлагает: «Давайте найдем хороший корабль среди поврежденных судов в порту и прогоним пиратов!» «Совершенно верно, — отвечает Суэнага. — Эти воины были пехотой, и их лодки должны быть мореходными. Я хочу зарубить хоть одного врага!»

Суэнага и двое его спутников ищут лодку. Им не везет. Когда они уже готовы расстаться с надеждой, им попадается японская боевая лодка. Эти суденышки не производят особого впечатления: около 8 метров длиной, с низкими бортами, способные нести не более десяти-одиннадцати человек, половина из которых гребцы. Они удобны для применения в заливе, но беспомощны в открытом море. Гота Горо узнает лодку, принадлежащую Адати Ясумори, старшему чиновнику, и отправляет Суэнагу и его друзей гонцами. Они поднимаются на борт курьерского ялика и гребут к судну покрупнее. Стоя на колеблющемся носу, Суэнага кричит, что у него есть приказ подняться на борт ближайшего судна и идти в бой, а затем, не дожидаясь разрешения, запрыгивает на борт.

Капитан Котабэ возмущен: «Это судно, вызванное Адати! На борту у него могут быть только его воины! Вон с этого судна!» «Я хочу помочь моему господину в этом важном деле, — возражает Суэнага. — И раз я поднялся на это судно, то не собираюсь сходить и дожидаться другого, которое может никогда и не прибыть». Однако он не производит впечатления на капитана: «С вашей стороны крайне возмутительно не покидать судна, когда приказано сойти».

Суэнага с сожалением слезает обратно на ялик и вместе со своими спутниками гребет, направляясь в открытое море. Подходит еще одна военная лодка, принадлежащая чиновнику

---

⁷¹ Уильям Уэйн Фаррис, «Небесные воины: эволюция японского милитаризма, 500-1300 гг.». Цитировано в книге Томаса Д. Конлана (перевод и комментарии) «Мало нуждаясь в божественном вмешательстве: свитки монгольского вторжения в Японию» [William Wayne Farris, *Heavenly Warriors: The Evolution of Japan's Military, 500-1300*, quoted in Thomas D. Conlan (trans. and interpretive essay), *In Little Need of Divine Intervention: Scrolls of the Mongol Invasions of Japan*]. (Прим. авт.)

по имени Такамаса. Суэнага подводит свой ялик борт к борту, хотя усилия заставляют его снять шлем, который теряется в этом хаосе. На сей раз Суэнага не желает рисковать и прибегает к бесстыдной лжи: «Я выполняю тайный приказ. Пустите меня на лодку». С лодки Такамасы раздаются крики: «Нет у тебя никакого приказа! Вон отсюда! Для вас тут нет места!» Но Суэнага предельно бесстыден. Теперь он пробует другой заход. «Поскольку я воин изрядного роста, — хвалится он, — разрешите мне одному пересечь на вашу лодку».

Этот прием срабатывает. «Мы идем в бой, — раздраженно отвечают ему. — Зачем тебе поднимать такой шум для Такамасы? Залезай!»

Он залезает, хватая в качестве самодельного шлема наголенники одного из своих спутников. С ялика внизу громко жалуются, но Суэнага игнорирует крики. «Путь лука и стрелы — делать то, что достойно награды, — говорит он в комментарии. — Я отправился схватиться с врагом, не сопровождаемый ни одним воином».

Он начинает предлагать советы самому Такамасе: «Враги не сдадутся, пока мы не возьмем их на абордаж. Нам придется пустить в ход абордажные крючья. Как только мы сцепимся с ними, колите их там, где у них сочленения в доспехах».

Но экипаж Такамасы не вооружен надлежащим образом. Равно как, если подумать, и Суэнага. Он замечает одного самурая, который только что снял шлем — красивый, с заплетенными желто-белыми шнурами, украшенными маленькими цветками сакуры. «Дай мне свой шлем», — довольно резко говорит Суэнага. «Сожалею, — отвечает тот. — У меня жена и дети. Что с ними станет, если меня убьют из-за тебя?» — «Дай мне его!» — «Сожалею, нет. Этот шлем могут надевать только я или мой господин».

Суэнага смиряется, очень неблагоприятно, и готовится к бою, мастеря шлем из наголенников и выбрасывая некоторые из своих стрел для облегчения груза.

Теперь рассказ продолжают картинки. Каким-то образом Суэнага и его пятеро спутников нашли еще один плоскодонный ялик, похожий на малую шаланду, и напали на монгольский корабль, одно из малых судов всего 10 метров длиной с экипажем из семи монголов и пары китайских офицеров — едва ли судно такого рода, какое способно пересечь сто километров открытого моря. Суэнага первым попадает на борт, и вот он уже на носу. Один офицер лежит с перерезанным горлом, а наш герой занят перерезанием горла другому, схватив его за косу, пока его спутники штурмуют корму. Вскоре судно принадлежит им, так как последующая иллюстрация показывает Суэнагу с двумя головами в руках.

Вот действие, которое он желает зафиксировать. Каким-то образом он возвращается на берег с головами-трофеями и докладывает о своих действиях командиру Гота Горо, чье неодобрение самовольства Суэнаги пересиливается восхищением: «Не имея собственной лодки, ты неоднократно лгал, чтобы вступить в бой. Ты действительно самый плохой, какой только есть на свете!»

* * *

15 августа к делу подключилась природа, в распоряжении которой на этот раз было кое-что изрядно сильнее «противного ветра» 1274 года. В наше время, когда тропические циклоны — ураганы в Атлантике, тайфуны на Тихом океане — получают названия и отслеживаются со спутников, их разрушительная мощь стала обычной темой программ новостей. Но увидеть отснятый сюжет по телевизору — совсем не то, что ощутить эту силу на себе.

Невозможно сказать, был ли данный конкретный тайфун всего лишь первой степени по шкале Саффира-Симпсона («74–95 м/с — 119–153 км/ч. Повреждения ограничиваются сорванной листвой, вывесками, лодками с якорей и передвижными домиками») или супертайфуном пятой степени («ветер свыше 150 м/с — 249 км/ч. Полностью срывает крыши... катастрофические повреждения от огромных волн»). Для моряков на малых судах разница невелика.

Джозеф Конрад, в юности побывавший матросом в Китае, пережил один из таких

штормов, и невозможно лучше передать, на что это похоже, чем описано у него в «Тайфуне». Здесь шторм настигает пароход «Нянь-Шань», которым управляют невозмутимый капитан Мак-Вир и старший помощник, юный Джакс:

Затрепетала слабая молния; казалось, она вспыхнула в глубине пещеры, в темном тайнике моря, где вместо пола громоздились пенящиеся гребни. На один зловещий, ускользящий миг она осветила рваную массу низко нависших облаков, очертания накренившегося судна, черные фигуры людей, застигнутых на мостике; они стояли с вытянутыми шеями, словно приготовлялись боднуть и в этот момент окаменели. Затем спустилась трепещущая тьма, и наконец-то пришло настоящее.

Это было нечто грозное и стремительное, как внезапно разбившийся сосуд гнева. Казалось, все взрывалось вокруг судна, потрясая его до основания, заливая волнами, словно на воздух взлетела гигантская дамба. В одну секунду люди потеряли друг друга. Такова разъединяющая сила ветра: он изолирует человека. Землетрясение, оползень, лавина настигают человека случайно — как бы бесстрастно. А яростный шторм атакует его, как личного врага, старается скрутить его члены, обрушивается на его мозг, хочет вырвать у него душу.

Джакс был оторван от своего капитана... Дождь лил на него потоками, обрушивался на него, топил... Он ловил ртом воздух, и вода, которую он глотал, была то пресной, то соленой. Большею частью он оставался с закрытыми глазами, словно боялся потерять зрение в этой сумятице стихий... Он грохнулся на спину, потом почувствовал, как волна подхватила его и понесла вверх. Первой его мыслью было — все Китайское море обрушилось на мостик. Затем, рассуждая более здраво, он вывел заключение, что очутился за бортом. И пока волна трепала его, крутила и швыряла, он мысленно повторял: «Боже мой, боже мой, боже мой, боже мой!»...

Движения судна были нелепы. Накренилось оно с какой-то устрашающей беспомощностью: ныряя, оно словно летело в пустоту, а затем всякий раз наталкивалось на стену. Стремительно ложась на бок, оно снова выпрямлялось под таким невероятным ударом, что Джакс чувствовал, как оно начинает вертеться, точно человек, оглушенный дубинкой и теряющий сознание. Ветер выл и неистовствовал во тьме, и казалось — весь мир превратился в черную пропасть. Бывали минуты, когда струя воздуха, словно всасываемая тоннелем, ударяла о судно с такой силой, что оно как будто поднималось над водой и висело в воздухе, трепеща всем корпусом. Затем снова начинало метаться, брошенное в кипящий котел...

Море под тяжелым натиском ветра вздымалось и обдавало нос и корму «Нянь-Шаня» снежными брызгами пены, растекающейся в темноте по обеим сторонам судна. И на этом ослепительном покрове, растянутом под черными облаками и испускающем синеватый блеск, капитан Мак-Вир замечал изредка несколько крохотных пятнышек, черных, как эбеновое дерево, — верхушки люков и лебедок, подножие мачты, стену рубки. Вот все, что он мог видеть на своем корабле. Средняя же часть, скрытая мостиком, на котором находились он сам и его помощник, закрытая рулевая рубка, где стоял рулевой, охваченный страхом, как бы его вместе со всей постройкой не снесло за борт, — средняя часть походила на полузатопленную скалу на берегу. Она походила на скалу, упавшую в кипящую воду, которая заливала ее, бурлила и с нее низвергалась, — на скалу во время прибоя, за которую цепляются потерпевшие крушение люди; только эта скала поднималась, погружалась, раскачивалась без отдыха и срока, словно, чудесным образом оторвавшись от берега, шествовала, переваливаясь, по поверхности моря.

Сокрушающий шторм с бессмысленной яростью разрушителя ограбил «Нянь-Шань»: трисели были сорваны с линьков, накрепко привязанный тент тоже сорван, брезент разорвался, поручни согнулись, мостик смело и снесло две шлюпки. Никто не видел и не слышал, как они исчезли, — словно растаяли под

А теперь представьте себе, что такое обрушивается на деревянные корабли, и не только на боевые, которые построены с расчетом выдерживать шторма, а на 3000 или более пришедших с юга небольших судов, рассчитанных на 20–30 бойцов. Корейские моряки знали, что грядет. Их адмирал приказал своему флоту отойти подальше в море, чтобы их не разбило о скалы. Все, кто мог, поднялись на борт, не желая застрять на берегу. Многие еще забирались на суда или пробивались через мели, когда разразился шторм. Примерно 15 000 северного войска и 50 000 южан утонули в море, в то время как сотни других погибли от рук японцев или разбились насмерть, когда волны швырнули прямо на скалы их оставшиеся близ берега небольшие суда.

Это была катастрофа, равной которой по масштабам потерь за один день никогда не было ни до, ни после, ни на море, ни на суше, пока в 1945 году атомная бомба не уничтожила Хиросиму, одним ударом убив 75 000 человек.

Неудивительно, что японцы вскоре увидели в этом действие богов и с той поры восприняли мысль о божественной защите. И двор, и военные власти усердно молились о недопущении чужеземцев. Храмы и святилища процветали. Даже Суэнага, чей наступательный порыв был столь очевиден, приписывал свой успех «человека лука и стрелы» богам. Правда, молитвами оборона отнюдь не ограничивалась, так как стену сохранили и постоянно держали на ней войска последующие 30 лет, в результате чего некоторые ее части в весьма неплохом состоянии дотянули до наших дней. Но мысль о божественном вмешательстве укоренилась в японской культуре. Мало кто сомневался в этом выводе: Японию спас тайфун, уготованный богами.

Однако появляется все больше свидетельств, что дело обстояло не так, и в действительности спасение Японии было предоставлено самим японцам. Это проглядывает уже в истории Суэнаги. Посмотрите на его боевой дух: он храбр, горит желанием пойти на риск, но хорошо владеет собой. Хотя он воплощает собой идеального японского воина, он все же один из многих. Есть необычайное чувство общей цели, и оно действует. Он на победившей стороне. Наличествует обычный хаос войны, нет никакой общей стратегии, но некоординированных действий отдельных личностей оказывается достаточно для сдерживания врага и перенесения боевых действий на неприятельские корабли, стоящие в заливе далеко от берега. Важно отметить, что о тайфуне здесь вообще нет никаких упоминаний — в «Свитках монгольского вторжения» успех приписан японским воинам. Суэнага проявляет уважение к богам молитвами, но ни в письменном отчете, ни на картинках нет никакого намека на то, что Небо действительно вмешивается во время или после боя.

Текст и картинки совместно показывают, что, как выражается Конлан, «идея о „божественном ветре“ представляла собой скорее проекцию средневекового образа мыслей, делавшего упор на потусторонней причине, чем язвительный комментарий к неумелости японских защитников родины, как обычно полагают». И делает вывод: «Воины Японии были вполне способны сражаться с монголами до прекращения боевых действий ввиду взаимного истощения сил». Говоря словами из названия книги Конлана, Суэнага и его боевые товарищи мало нуждались в божественном вмешательстве.

Поддержка этого мнения приходит и со стороны морских археологов, когда те пытаются ответить на вопрос, что же произошло с армадой. Китайские хроники, понятное дело, не очень распространяются на эту тему. Флагман с адмиралом Фань Вэнь-ху и полководцем Чжан Си на борту был разбит о скалы Такасимы. Эта пара собрала других уцелевших, которые рыскали по домам и фермам истребленных местных жителей в поисках

---

⁷² Отрывки приведены по изданию: Джозеф Конрад. *Тайфун*, М.: Правда, 1989. Пер. А. Кривцова. (Прим. пер.)

еды, и отремонтировали одно из потерпевших крушение судов, на котором адмирал и добрался до дому. Остальных вырезали японцы, и примерно 1500 угодили в рабство. Лишь троим позволили вернуться, чтобы поведать Хубилаю о судьбе его великой армады и всепобеждающей армии. Что же касается остального флота, то он, казалось, исчез из истории и сгинул в морской пучине.

Но не совсем. В 1930-х годах рассказ о победе над монголами стал частью японского националистического возрождения; именно в те годы начались реставрационные работы на стене вокруг залива Хаката. А после войны археолог Токийского университета Торао Модзай начал гадать, куда подевался флот Хубилая. Рыбаки нашли в заливе несколько якорных лап и больших каменных крестовин, служивших якорям грузилом и разворачивающим их в нужном направлении — но они могли попасть туда с бесчисленного числа кораблей, затонувших там за века. В 1980 году он решил сосредоточиться на Такасиме, где устроил себе базу южный флот и где он, возможно, пытался обрести стоянку, будучи потрепан тайфуном. Рыбаки показали Модзаю несколько загадочных кусочков керамики, найденных ими за много лет.

Затем вдруг появились твердые доказательства. В 1974 году один рыбак, сделавшийся бдительным из-за проявляемого Модзаем интереса, принес нечто выловленное им вместе с моллюсками у красивого маленького порта Кадзаки на южной стороне острова: маленький бронзовый квадрат с ручкой на обратной стороне и выгравированной на передней надписью, сделанной письмом, изобретенным тибетским наставником Хубилая Пагба-ламой. Надпись была на китайском и гласила: «Печать тысячника». Китайский иероглиф наверху указывал, что она изготовлена в 1277 году. Вне всяких сомнений, в этих мутных и мелких водах покоятся останки одного из старших офицеров Хубилая — а также, вероятно, и тех, кто плыл с ним на одном корабле. С тех пор этот маленький предмет стал культовым символом события и археологических исследований, воспроизводимым в многочисленных брошюрах и копиях. Оригинал находится на Кюсю в Национальном музее Фукуоки, который открылся в октябре 2005 года.

Вдохновленный этой находкой, Модзай организовал программу исследований, обшаривая морское дно гидролокатором и отправляя на поиски аквалангистов. Они нашли вилы мечи, наконечники копий, каменные ручные мельницы для риса, новые якорные лапы и округлые каменные ядра для катапульт: прямое доказательство, что у монголов были на борту катапульты.

Однако Модзай работал при скудном финансировании. Его находки были достаточно драматичны, чтобы добиться поддержки журнала «Нэйшнл джиографик» (см. библиографию), но исследования требовалось поставить на здоровую долгосрочную профессиональную основу. Таким образом на сцене появляется Кендзо Хайясида, недавно вернувшийся после получения степени магистра по археологии — и не какой-нибудь, а Греции бронзового века — в Пенсильванском университете. В южной Японии специалисту по греческой археологии было нечего ловить; но тут прямо у него на пороге возникла возможность раскрыть одну из величайших тайн японской и китайской истории. В 1981 году он присоединился к Модзаю, унаследовал его роль и посвятил себя илистым водам Такасимы, подводя фундамент под свои исследования работой с местным советом по образованию и университетом Фукуоки. В 1986 году он основал Общество подводной археологии Кюсю и Окинавы, которое ежегодно докладывает о находках, сделанных им и его командой из дюжины аквалангистов-добровольцев.

Человек с негромким голосом и сдержанными манерами, Хайясида так и излучает ауру мудрости. Глядя на его полузакрытые веки и частое моргание, я сперва подумал, что он просто сонлив. Однако первое впечатление исчезло, развеянное его явным умом и преданностью своему делу. Говоря по-английски, через который мой собеседник продирался осторожно, словно по тропе, порядком заросшей за 25 лет со времени его возвращения в Японию, он познакомил меня со своей работой, со своей лабораторией на Такасиме и с самим островом.

В его исследованиях у всего есть свои трудности. Во-первых, что совсем уж необъяснимо для островной страны, у Японии нет никакой традиции подводной археологии и ни одного ее отделения в каком-либо университете. Финансируется она скупо. Столь значительный исследовательский проект, теперь уже имеющий собственный музей, по идее, должен бы привлекать доходы от туристов. Но — и в этом заключается вторая трудность — Такасима довольно отдаленный уголок, обслуживаемый очаровательным паромом, которому требуется 10 минут, чтобы переправляться через пролив. Хотя туда скоро построят мост, ныне находящийся в стадии полуготовности, остров всегда будет оставаться в стороне от любых туристических маршрутов. И в-третьих, условия работы на юге в заливе Имари просто ужасные. Дно представляет собой несколько метров ила, который взбаламучивается при малейшем прикосновении, быстро сводя видимость к нулевой и заставляя отступать, пока вода снова не сделается прозрачной. Это тяжелая, дорогая работа.

Многим из того, что имеется у Хайясида на Такасиме — музеем и лабораторией — он обязан драматической находке, сделанной в 1994 году примерно в 50 метрах от берега: сперва двух огромных гранитных якорных штоков, каждый в 1,5 метра длиной и в 300 кг весом, а затем и самого деревянного якоря, массивного семиметрового предмета весом в тонну. Еще более значительной находкой были канаты: сделанные из бамбука, совершенно целые, они лежали на морском дне, ориентированные строго на север. Дальнейшие исследования показали, что гранит происходит из южного Китая; датировка радиоуглеродным анализом открыла, что дуб, пошедший на якорь, был срублен за некоторое время до вторжения 1281 года. Не требуется напрягать воображение для вывода, что этот якорь — с крупного монгольского судна водоизмещением примерно в 300–400 тонн, отогнанного тайфуном на север и утонувшего (надо полагать) вместе со своим командиром и его бронзовой должностной печатью. Но где же тогда сам корабль? И где все остальные?

Вскоре из ила появились дразнящие находки, включая массивные, изъеденные червями куски переборок-краспиц, разделявших большие корабли водонепроницаемыми перегородками. Одна из них достигает семи метров в длину, а это означает, что корабль был по меньшей мере такой величины в ширину — по меньшей мере, поскольку невозможно определить, из какой именно части корабля эта переборка, с верха или с полпути до трюма. В любом случае это был огромный корабль, самое меньшее 70 метров длиной, рядом с которым все остальное в мире кажется карликовым. Европейские парусники вплоть до XIX века и близко не подбирались к чему-либо таких размеров. «Грейс Дьё» («Божья милость») Генриха V, самый большой корабль начала XV века, имевший 38 метров от кормы до носа, выглядел ничтожным в сравнении с этим монгольским судном. Флагман Нельсона «Виктори» имел 57 метров длины, слегка уступая своим испанским и французским аналогам. Лишь когда вплотную подступил век пара, последние западные парусники превзошли размерами те китайские и корейские боевые корабли.

Но размер не был защитой от тайфуна. Наверное, обреченный командир бросил здесь якорь у подветренного южного берега в надежде, что тайфун, кружащий против часовой стрелки, нанеся касательный удар с севера, направится мимо по суше. Но в данном случае, как открыли якорные канаты, око тайфуна находилось в море, и ветер налетел с юга, ударив прямо в лоб через залив Имари.

Последовали другие находки, сотни находок, и все их доставляли на очистку в лабораторию Хайясида. Одна из наиболее значительных — шесть «гром-бомб» или *тецаху*, «железных бомб», как их называют по-японски, несмотря на то, что они керамические, а не железные. Некоторые оказались еще опаснее, чем казались с виду: когда одну из них просветили рентгеном, обнаружилось, что она наполнена десятком металлических осколков, которые стали бы крайне эффективной шрапнелью — прямое доказательство, что в 1274 году Суэнага и его друзья и впрямь могли быть обстреляны «гром-бомбами». В тот день я был единственным посетителем в музее Хайясида, поэтому ассистент открыл витрину и передал мне пару *тецаху*. Они заставили меня нервничать. Я все думал о Суэнаге и о том, как тот месяцами ускользал от смерти — и вот у меня в руках хрупкие, покрытые коркой из

морских уточек устройства величиной с арбуз, доказавшие, что то сообщение о происшествии правдиво. Что, если по какой-то непостижимой причине я их уроню? Я рад был поддержать их, но еще больше был рад вернуть.

Рядом, в лаборатории, штат Хайясида из четырех сотрудников возится с почти четырьмя тысячами обломков, лежащих большей частью в сотнях пластиковых контейнеров с пресной водой, в которых они остаются месяцами, а иногда и годами, пока не очистятся от всей морской воды. В больших чанах содержатся переборки, мелкие осколки керамики, кусочки металла, дерева, чаш и даже костей. По одну сторону лежат якорные штоки, некоторые такие маленькие, что удержали бы лишь ялики. Призовой экспонат, гигант в тонну весом, хранится в запечатанном контейнере, задача которого — сохранять якорь в целости с помощью консерванта под названием полиэтиленгликоль (ПЭГ). Процесс этот болезненно медленный и займет еще год или два.

Куратор Акико Мацу, полноватая, суетливая, полная энтузиазма женщина, с гордостью продемонстрировала некоторые из своих любимых находок: прекрасную селадоновую чашу, шлем, меч, связку стрел, обломки лука и арбалета — а потом тщательно упакованные в вату человеческие черепа.

— Вот этот принадлежал молодому человеку, — показал Хайясида. — Видите, морская вода разъела кальций, но по его развитости видно, что этому юноше было около двадцати лет. А вот это — череп старика. Взгляните на его зубы. Вот это коренные. Старик был в хорошей форме, в зубах вообще ни одного дупла.

Осмисливать эти находки пока еще слишком рано. Это всего лишь немногочисленные кусочки гигантской головоломки, созданной тем тайфуном и всеми тайфунами, случившимися потом. То, что произошло тогда и после, равносильно попытке бросить 4000 яиц в гигантский смеситель, затем раскидать смесь по илу, потом навалить сверху новые слои ила и после всего этого — попытаться разобраться в получившейся мешанине. Четыре тысячи кораблей! Это миллионы обломков, большей частью, надо полагать, рассеянных по дну залива Имары. Из них только сотня или около того готова для показа публике. Хайясида все еще находится в самом начале работ, надеясь, что еще какая-нибудь находка вдохнет в других такую же страсть, как у него, и позволит продолжить исследования.

И все же не слишком рано сделать некоторые предварительные выводы. Из найденных обломков горшков почти все китайские, а не корейские, многие из них изготовлены в давно учрежденных мастерских Исина в Цзянсу. В самом деле, из всех найденных предметов лишь около 20 корейские — убедительное доказательство, что основные потери пришлось на долю китайского флота.

Как же так вышло?

Для мореходных судов главное значение имеет конструкция. А здесь, похоже, было немало сделанных кое-как, лишь бы побыстрее. Один из помощников Хайясида, Рэндолл Сасаки из Техасского сельскохозяйственного и машинного университета, изучивший около 500 деревянных обломков, с удивлением обнаружил отверстия от гвоздей, находящиеся подозрительно близко друг к другу и сгруппированные так, словно строители использовали старые доски.

Есть и другие доказательства от самого Хайясида. Он показал мне квадратный кусок дерева с двумя отверстиями.

— Это мачтовая опора, деревяшка, на которой стояла мачта, подкрепляемая двумя подпорками, вставленными вот в эти гнезда. Но взгляните: эти отверстия не по центру. Эту мачтовую опору сделал кто-то, не знавший что делает, — заметил он и добавил, подводя итог. — Знаете, что, на мой взгляд, действительно странно? Мы пока не нашли никаких свидетельств мореходности этих судов — клинообразных килей.

Эти свидетельства в совокупности с катастрофической потерей по меньшей мере одного крупного судна, которому полагалось бы иметь способность выплыть из тайфуна, предполагают поразительный, но логичный вывод: в ответ на безумные требования массового строительства с высокой скоростью строители флота Хубилая принялись

импровизировать. Они брали любой доступный корабль, не глядя, мореходный он или нет, хорошие ставили в строй, а плохие переделывали с помощью подручных материалов. За исключением новых судов, построенных корейцами (от которых не найдено ни одного фрагмента), огромное большинство флота вторжения состояло из плоскодонных речных барж, совершенно непригодных для плавания в открытом море. Хайясида также гадает насчет еще одной возможности, на которую наводит употребление некачественной древесины и плохая конструкция судов: не была ли оппозиция планам Хубилая столь сильна, что рабочие действительно занимались саботажем? В любом случае амбиции Хубилая привели к массовому отказу от контроля над качеством продукции. Я чуть ли не слышу лицемерные слова десятков надзирающих за строительством кораблей, дружно с гордостью заявляющих, что приказ выполнен и все суда готовы. Никто не сообщил хану, что если на море станет неспокойно, то эти суда окажутся смертельными ловушками.

На сегодняшний день обследовано лишь около 0,5 процента места раскопок у Такасимы площадью в 1,5 квадратных километра, не говоря уж об остальном заливе Имари. Наверняка там можно найти еще многое, и я готов побиться об заклад, что эти находки будут новыми свидетельствами монголо-китайской неадекватности, поддерживающими довод Конлана, что японцам вовсе не требовалось божественного вмешательства.

О да, окончательно с монгольским флотом разделался шторм. Несомненно, корабли были плохо сделаны, а стратегия страдала большими изъянами. Но захватить плацдарм монголам не позволило именно сопротивление японцев. Хубилаю требовалось нечто подобное десанту в стиле «дня „Д“»: высадка на берег ста тысяч солдат, затем выгрузка всего снаряжения — лошадей, катапульт, аркбаллист и еще лошадей — и напор вглубь страны. Вместо этого энергичное противодействие японцев задерживало десантирование, в то время как некоторые храбрецы вроде Суэнаги переносили боевые действия на стоящие в заливе корабли противника, добиваясь патового положения, сломать которое монголам, по всем признакам, так и не удалось бы.

Мог ли Хубилай выиграть эту кампанию? Откровенно говоря, сомневаюсь. В лучшем случае, действуя оба флота вместе, результат был бы всегда почти ничейный. И определенно, коль скоро южный флот отставал от графика, монголы двигались навстречу поражению, став жертвами сложности и масштабности операции, внутренней оппозиции, своей некомпетентности и военной неразберихи. Они находились далеко от своей базы, не имея никакой поддержки, и спустя всего несколько недель у них начали бы иссякать продовольствие, вода и боеприпасы. Единственными вариантами исхода могли быть только смерть или бесчестье отступления. Тайфун не повернул ход битвы, он просто заменил затяжной коллапс быстрым концом. Своими безумными амбициями Хубилай, по сути дела, погубил собственный флот еще до того, как тот вышел в море.

Глава 14

ДЕНЬГИ, БЕЗУМИЕ И УБИЙСТВО

Ничто так не обнажает скрытые мотивы, как убийство. Ничто так не обнажает изъяны правительства, как политическое убийство.

Эта история показывает нам бьющееся сердце администрации Хубилая. Он создал чудовище с непомерным аппетитом по части пожирания людей, материалов и денег, и его приходилось постоянно кормить. Казалось, что один человек владеет секретом, как делать это бесперебойно, и для Хубилая это было достаточно веской причиной игнорировать ненависть, которая как чума распространялась вокруг его одержимого властью и глубоко отталкивающего министра. 20 лет он предоставлял ситуацию самой себе, пока та не разрешилась драмой, более сенсационной, чем любой выдуманный триллер, где имелись и фанатик-самоубийца, и безумный монах, и заговор-фарс, и убийство человека, стоящего в центре этого кипящего варева. Неудивительно, что Марко Поло ухватился за эту историю. Но он не знал и половины ее.

Злодея этой пьесы звали Ахмед, узбек (как называли бы его мы, хотя в то время такого народа, как узбеки, еще не существовало) из Банаката в нескольких километрах к юго-западу от Ташкента на Сыр-Дарье. Городок этот был взят Чингисом в самом начале его вторжения в мусульманский мир в 1220 году; монголы перебили гарнизон и увели ремесленников и молодежь для осадных работ.⁷³ Должно быть, примерно в ту пору он и родился. Наверное, его мать попала в плен вместе с теми юношами, так как мальчиком Ахмед состоял в свите Чаби, а после того, как в 1239 году та стала женой Хубилая, тогда еще молодого князя 24 лет, продвинулся в дом Хубилая, помогая с финансами и военными расходами. В этой среде он и сложился как личность, став, по выражению его биографа Герберта Франке, «безжалостным субъектом, жаждущим полностью контролировать государственные финансы».

Когда в 1260 году Хубилай вззошел на трон, Ахмед стал отвечать за реквизицию продовольствия для двора. Толкаемый неумным честолюбием, он быстро поднялся в чинах. На следующий год он занимал уже две должности — старший пост в Секретариате и еще один в качестве уполномоченного по транспорту. Он ненавидел надзор (что всегда плохой признак для администратора) и просил сделать его ответственным только перед самим Хубилаем. Его начальник-китаец, один из ученых, присоединившихся к Хубилаю после того, как в 1234 году пала империя Цзинь, был ярким сторонником идеи делать все через надлежащие каналы и с соблюдением субординации. Он возражал против этой просьбы, и Хубилай согласился, предоставив юрисдикцию над Секретариатом своему сыну и наследнику Чжэнь-киню (в другом написании Чинкиму). Эта была первая из многих попыток Ахмеда приобрести как можно больше власти, первое из многих столкновений со своими коллегами и начало долгосрочной вражды с Чинкимом.

В задачу Ахмеда в правительстве входило увеличение доходов государства, и он никогда не испытывал недостатка в идеях. Что, если поднять производство железных орудий на принадлежащих государству плавильных заводах, чтобы можно было давать те орудия крестьянам в обмен на зерно? Это увеличило бы запасы зерна. А налог с оборота на сделки купли-продажи серебра? Тогда приезжающим в столицу купцам придется предъявлять справку об уплате налога, а если не смогут предъявить, их будут преследовать за уклонение от уплаты, и им придется заплатить штраф. А как насчет отмены освобождения монахов от налогообложения? И наложения штрафа на солеваров Шэньси, чей дешевый низкокачественный продукт подрывает государственную торговлю солью?

Результаты его кипучей деятельности очень понравились Хубилаю, и Ахмед преуспевал, занимая целый ряд должностей. Его растущая власть ничуть не уступала его высокомерию, а его высокомерие — его непопулярности. Когда его телохранители начали драку, один из уйгурских советников Хубилая, Лень Цисянь, обвинил его в судебном порядке и добился, чтобы Ахмеду действительно отвесили палок. Это было не совсем обычно, однако в мире грубого, но эффективного правосудия об этом вскоре забыли, и Ахмеда это не остановило. Какое значение имело для него то, что он не популярен? Точно так же дело обстояло почти со всеми чиновниками-иностранцами, как писал Марко Поло: «Нужно знать, что все катаяцы [северные китайцы] не любят управления великого хана, потому что поставил он над ними татар и всего чаще сарацин; а этого катаяцы не выносили, так как обходились с ними как с рабами. Великий хан овладел Катаем не по праву, а силой, и не доверял катаяцам, а отдал страну в управление татарам, сарацинам и христианам, людям из его рода, верным и не туземцам».

В 1266 году Ахмед наткнулся на золотую жилу в качестве главы нового Управления по урегулированию государственных расходов. Стремясь выжать из наличных ресурсов все до

---

⁷³ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. Т. I. М.: Издательство восточной литературы, 1963. В остальном эта глава основана на биографии, воссозданной Франке в книге Игоря де Рашевилца и др. «На службе у хана: выдающиеся личности раннего периода монголо-юаньской эпохи (1200–1300)» [Igor de Rachewiltz et al., *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yuan Era (1200–1300)*]. (Прим. авт.)

последней капли, он здесь и там придирался к качеству то льняного полотна, то золотых слитков. Он изучал планы изготовления не подверженных горению тканей из асбеста и лучшей эксплуатации нового серебряного рудника путем выплавки из его руды некоторого количества олова. Он ломал голову над тем, как улучшить снабжение зерном войск, сражающихся с Ариг-бугой. И гарантировал, что налоговая база империи будет прочной: в 1261 году в северном Китае имелось 1,4 миллиона очагов налогоплательщиков, к 1274 году их стало почти два миллиона.

Споры вокруг него продолжались из-за попытки учредить еще один государственный департамент, обойдя с фланга Секретариат, и из-за его возражений против нового ревизорского учреждения, Цензората. «Зачем нам Цензорат? — спрашивал он. — Совершенно ни к чему, куда поступают деньги и зерно!»

Он проиграл обе этих схватки, но отмахнулся от итогов, сочтя их временными неудачами. В 1270 году он получил в свое распоряжение департамент Государственных Дел, четвертый из великих столпов правительства наряду с Дворцовым Секретариатом, Военным Советом и Цензоратом, а также управление политических дел при Секретариате. То и другое пришло к нему в руки вопреки советам старших чиновников, но на взгляд Хубилая Ахмед умел, словно волшебник, превращать в золото все, к чему прикасается, и не мог ошибаться.

А затем с неизбежностью случилась еще одна схватка. Ахмед захотел получить право единолично назначать своих подчиненных, подрывая роль Министерства Кадров, которое контролировалось Секретариатом. Он воззвал к Хубилаю, который изменил для него правила. Но Ахмеда было невозможно удовлетворить — теперь он предложил расформировать сам Секретариат. Когда против этого выступили двое его же сотрудников, он понизил одного в должности, а другого уволил. В 1272 году ему удалось слить воедино два совета, став там главным и сделавшись тем самым высшим чиновником Хубилая. Своего старшего сына Хусейна он сделал градоначальником Пекина. Все жалобы — а Ахмеда несколько раз пытались отстранить от должности по разным обвинениям — отменялись Хубилаем, так как ничему не дозволялось препятствовать мобилизации ресурсов для войны с империей Сун.

Когда победа над империей Сун показалась обеспеченной, Ахмед оказался в составе команды, созванной на совещание, как лучше всего поступить с новым приобретением. Одним из вопросов было, следует ли заменять сунские бумажные деньги юаньской валютой. Баян, весьма почитаемый командующий южными войсками, пообещал, что никакого обмена валюты не будет. Половина советников Хубилая согласилась с ним, аргументируя тем, что такой обмен подорвет доверие простого народа к новому режиму. Другие не соглашались, вероятно, с подачи Ахмеда, который видел в обмене возможность прибыли. Решающий голос принадлежал Хубилаю, а тот высказался в пользу Ахмеда. Несчастливым южанам предложили прямо-таки смехотворный обменный курс: одну юаньскую банкноту за 50 сунских.

Теперь Ахмед встал чуть ли не выше всех, поднявшись над тщательно сбалансированной, тормозящей его усилия системой китайского правительства и сделавшись подобием ближневосточного визиря. К счастью для него, примерно в это время умерли естественной смертью несколько выдающихся советников Хубилая, служивших хану еще до восхождения на трон, в том числе Лю Бинчжун и Яо Шу. Он установил государственную монополию на соль, лекарственные травы, медные орудия и продажу железа, что дало ему возможность манипулировать ценами на них и изрядно на том нажиться. Еще один из его сыновей стал наместником южной столицы, Ханчжоу. Он учредил в каждой из одиннадцати провинций транспортную службу, выдвинув в главы пяти из них мусульман — новая оплеуха его китайским коллегам. И ему удалось добиться отправки своего самого сильного соперника, Великого Советника Хантума, на подавление вместе с сыном Хубилая Номуханом мятежа Хайду в Центральной Азии, где оба и исчезли на десять лет, попав пленниками в Золотую Орду. Других критиков понизили в должности или бросили в тюрьму, где многие умерли или были казнены; некоторые же попросту исчезли, устраненные

садистскими способами, как позволяют думать сделанные после их смерти ужасные находки.

Ахмеду могла сойти с рук безжалостность и даже жестокость — но не коррупция. Он был вечно, фатально жаден, намекая через своих помощников, что недвижимостью, драгоценный камень или прекрасная лошадь для его жеребца облегчит путь к назначению на ту или иную должность. Особое внимание он уделял женщинам. По словам Поло, «как прослышит он, что у такого-то красивая дочка, были у него сводники, шли они к отцу девушки и говорили ему: „Что скажешь? Вот у тебя дочь, отдай ее замуж за баило, т. е. за Ахмада (называли его „баило“⁷⁴, по-нашему „наместник“), а мы устроим, что даст он тебе такое-то управление или такое-то назначение на три года“». По утверждению персидского историка Рашид ад-Дина, считалось, что он приобрел 40 жен и 400 наложниц. Когда после его смерти составили опись имущества покойного, то обнаружилось, что у него имелось 3758 лошадей, верблюдов, волов и ослов.

Ахмед даже посмел поднять руку на великого Баяна, Стоглазого, завоевателя юга. Когда Баян прибыл в Пекин отпраздновать победу, Ахмед позаботился оказаться первым, кто поприветствует его. Баян вручил ему в качестве личного подарка нефритовую пряжку для пояса: нефрит считался камнем самого Неба, символом знатности, красоты и чистоты. Как он указал, это было все, что у него имеется, поскольку из всех сунских сокровищ он не взял себе ничего. Ахмед же воспринял это как завуалированную критику своей деятельности на грани закона и обвинил Баяна перед Хубилаем: один раз — в краже нефритовой чаши, другой — в истреблении нескольких сдавшихся солдат. После расследования, крайне унижительного для столь выдающегося полководца, оба обвинения были признаны бесосновательными.

Однако Хубилая по-прежнему пленяли присущие Ахмеду деловая хватка, напор, уверенность в себе и умение внушать доверие. Надо сказать, что поведение Хубилая выглядит именно таким, какого только и можно ожидать от политического лидера. Любой современный премьер-министр или президент, столкнувшись со скандалом, разгоревшимся вокруг одного из его министров, сразу же заявит о своем полном доверии означенному министру. Ни под каким видом нельзя публично произносить ничего, что может создать впечатление слабости или неумения разбираться в людях. Хубилай явно полагал, что прочно владеет ситуацией и может и дальше не обращать внимания на пороки Ахмеда, пока получает выгоду от его делового гения, весьма нужного для финансирования вторжения в Японию и других грядущих зарубежных авантур.

На самом же деле ситуация грозила взрывом, делающим ее совершенно неуправляемой. Волна народной поддержки оппозиции набирала силу. Один бывший офицер по имени Цзуй Пинь, ветеран, отличившийся в ходе кампании против империи Сун, а ныне старший провинциальный чиновник, написал докладную записку, в которой жаловался, что Ахмед занят строительством личной финансовой империи, создав 200 ненужных государственных учреждений и назначая друзей и родственников (около 700 человек, как выяснилось позже) на разные посты по всей империи. Хубилай неохотно санкционировал разбирательство и устранение нарушений, и родственников, в том числе сына Ахмеда Хусейна, уволили — но только для того, чтобы втихую назначить на другие должности. В отместку Ахмед обвинил Цзуй Пиня и двух его коллег в хищении зерна и изготовлении неразрешенных свьше бронзовых печатей. Всех троих казнили в 1280 году.

Но у Ахмеда имелся один враг, справиться с которым было не так легко. Сын и наследник Хубилая Чинким ненавидел министра всей душой, и давняя антипатия к нему только обострилась из-за восхищения Цзуй Пинем: он послал офицеров спасти того от казни, но те прибыли слишком поздно. Присутствие Ахмеда выводило его из себя и заставляло срывать. Однажды он с такой силой ударил Ахмеда по лицу, что министр потом рта не мог

---

⁷⁴ Видимо, Марко Поло смешивает венецианский термин с арабским словом «вали» (наместник). (Прим, пер.)

раскрыть. Когда Хубилай спросил его, в чем дело, Ахмед сквозь зубы пробормотал, что упал с лошади. В другой раз он хлестнул Ахмеда в присутствии хана, и эту вспышку Хубилай попросту проигнорировал. Ахмед попытался добиться какой-то степени контроля, предложив позволить ему учредить верховный суд (разумеется, с ним самим во главе), у которого будет власть над всеми князьями. Но это было чересчур даже для Хубилая. Он сделал Ахмеду не очень строгий выговор, сказав, что никогда не слышал о ком-либо, пытающемся осуждать правящий клан.

В 1281 году новые скандалы довели дело до решительной стадии. Двое протеже Ахмеда почти утроили налоги в одном из округов провинции Шаньси, подняв их с 950 000 до 2 700 000 чохов (связок монет). Один старый член императорской гвардии написал новый доклад, обвиняющий Ахмеда в коррупции и взяточничестве. За это Ахмед отправил его управлять провинциальным чугунолитейным производством. Обвиненный в невыполнении заданной квоты, тот был понижен в должности до уровня писца; в конце концов его собственность конфисковали, а самого жалобщика бросили в тюрьму.

И все же Хубилай по-прежнему доверял Ахмеду. Следующей весной хан повысил его до ранга Левого Советника, оставив над ним в официальной правительственной иерархии только Правого Советника. Возникла пугающая возможность, что если его не остановить, он будет управлять империей наравне с Хубилаем.

Наконец созрел заговор. Заговорщиков было двое, и оба были в высшей степени нестабильными личностями. Движущей силой заговора служил Ван Чжу, кадровый военный, полковой командир, настолько одержимый ненавистью к Ахмеду, что приобрел для его убийства большую бронзовую палицу. Соучастником его был подозрительный буддийский монах по имени Гао, утверждавший, будто он волшебник. Эти двое познакомились во время военной кампании, когда Гао наводил на противника чары, которые не подействовали, а потом убил одного человека и использовал его труп для симуляции собственного самоубийства. Теперь он был в бегах.

Весной 1282 году Хубилай, как обычно в это время года, базировался в Ксанаду. Пекин он оставил на Ахмеда, который, по словам одной версии официальной истории, «посвятил всю свою энергию утолению жадности и развлечением, вызывавшим всеобщую ненависть и негодование». Заговорщики ухватились за выпавший им шанс. Официальная история повествует об этом в четырех разных противоречащих друг другу версиях, которые опять же не сходятся с сообщениями Рашид ад-Дина и Марко Поло. Поэтому изложенное далее — всего лишь моя попытка уяснить смысл рассказанного.

Двое заговорщиков измыслили безумный план, вовлекающий в дело толпу примерно в сотню человек. Они должны были внезапно появиться у городских ворот, выдавая себя за свиту Чинкима, наследника престола, который якобы внезапно решил вернуться в Пекин для участия в какой-то религиозной церемонии. Дело должно было происходить ночью, когда трудно быстро проверить, кто эти личности. Идея заключалась в том, что Ахмед, нервничая из-за приближения единственного человека, которого он боялся, помимо самого хана, направится приветствовать его, и вот тут-то его и сразят.

26 апреля Ван Чжу и Гао привели в действие первую часть своего сложного замысла. Они отправили двух тибетских монахов в городской совет сообщить новость и велеть советникам приобрести все нужное для церемонии. Члены совета были озадачены и сверились с гвардией: нет, никаких приказов не поступало. Так где же именно находится наследник престола? Монахи выглядели смущенными и не могли ответить. Подозревая тут какую-то нечистую игру, командир гвардии арестовал их.

Вслед за тем Ван Чжу задействовал запасной план, отправив вице-уполномоченному Военного Совета поддельное письмо, якобы присланное наследником престола и, по существу, повелевающее ему следовать «к моей резиденции для получения дальнейших указаний». Это сработало. Убрав с дороги основную гвардию, отправленную ко дворцу Чинкима, Ван Чжу поспешил к Ахмеду, побуждая его собрать всех своих коллег по Секретариату для встречи князя. И это тоже сработало, но кое-как. Для встречи псевдокнязя

и нанятой Ваном толпы всадников Ахмед отправил вперед небольшую группу стражи, встреча их произошла примерно в пяти километрах от города. Разумеется, стража сразу увидела, что все это — чистая фальшивка. У мятежников не осталось альтернативы: они перебили стражников и двинулись дальше.

Примерно в 10 вечера они вошли в город через одни из северных ворот и проследовали до западного входа во дворец Чинкима. Здесь они столкнулись с осложнением: стражники стояли наготове, и происходящее вызвало у них сильные подозрения. «Куда девались обычные сопровождающие наследника? — спросили они. — Просим сперва показать лица этих двоих, а потом откроем ворота». Пауза.

Мятежники отошли, обошли дворец в темноте и сделали еще одну попытку, на этот раз у южного входа. Посылать через город гонца, чтобы предупредить дворцовую стражу, было некогда. Ворота открыли, и стражники, одураченные еще одним поддельным письмом наследника, поспешили стать ему эскортом.

Тут появились Ахмед и его свита. Все прибывшие спешили, оставив на коне одинокую затененную фигуру псевдо-князя. Фигура подозвала Ахмеда, тот выступил вперед. Ван и несколько его последователей двинулись за ним по пятам, провели его подалее вперед, а затем растворились в тенях, пропав из виду. Здесь Ван извлек из рукава бронзовую палицу, которой и нанес Ахмеду единственный смертельный удар. Следующим подозвали заместителя Ахмеда и убили его тем же способом.

Теперь челядь Ахмеда сообразила, что происходит что-то не то, и подняла крик, зовя на помощь. Возник сплошной хаос, когда заговорщики и стражники перемешались в темноте. Прикидывающийся наследником Гао галопом ускакал в темноту, вслед ему полетели стрелы, и толпа рассеялась, оставив на месте только Вана, который просил арестовать его, уверенный, что благородство его поступка будет признано.

Не тут-то было. Монаха Гао нашли через два дня. Первого мая обоих приговорили к смерти вместе с начальником городской стражи. Прежде чем обрушился топор, Ван выкрикнул: «Я, Ван Чжу, сейчас умру за избавление мира от гнусной твари! В один прекрасный день кто-нибудь напишет мою историю!»

Троих обезглавили и четвертовали — кровавый конец эпизода, бросившего тень сомнения на способность Хубилая разбираться в людях и контролировать ситуацию.

Новость Хубилаю доставил лично командующий пекинской гвардией, проделав без остановок галопом примерно 500 км, меняя лошадей на почтовых станциях-ямах. Ему потребовалось два дня добираться до хана, находившегося во временном лагере у Цаган-Нура (Белого озера), примерно в 170 км к северу от Ксанаду, где тот, как говорит Марко Поло, наслаждался отдыхом в весенней степи, «напуская своих кречетов» на журавлей, куропаток и фазанов. Хубилай сразу же скоординировал вернуться в Ксанаду, откуда отправил вице-уполномоченного Военного Совета Болада расследовать дело и позаботиться о надлежащих государственных похоронах для Ахмеда.

Через десять дней Болад вернулся с правдой об Ахмеду. Хубилай впал в ярость и перевернул все с ног на голову: «Ван Чжу был совершенно прав, убив его!» Он приказал арестовать по всей империи членов клана Ахмеда и его помощников. Все сделанное им переделывалось, а все, чем он владел, было конфисковано.

Проводившие дознание следователи сделали в буфете у Ахмеда странную находку: два выделанных куска человеческой кожи, «оба с остатками ушей», и предположили, что Ахмед делал крайне скверные вещи с какими-то из своих жертв, следуя некой странной практике. Когда следователи допросили домашнего евнуха, хранившего ключ от этого самого буфета, тот сказал, что не знает, для чего эти кожи, и загадочно добавил: «Если на них ставили престол духов, когда читали заклинания, то ответ получали очень быстро». Чем бы там ни занимался Ахмед, эта деятельность не имела никакого отношения к исламу. Следователи подозревали тут отправление какого-то темного культа, и их подозрения окрепли, когда они обнаружили два шелковых свитка с нарисованными на них изображениями всадников, окружающих шатер, при этом размахивая саблями и целясь из луков с таким видом, словно

нападают на кого-то в шатре. Что бы это значило? Никто не знал, но художника выявили и казнили, просто на всякий случай. Эти тревожащие детали вдохновили много разговоров о магии, и этим объясняется замечание Марко Поло, что Ахмед «околдовал великого хана, так что тот верил всякому его слову, слушался его и делал по его желанию».

Чужих жен и дочерей из его гарема отправили по домам, похищенное имущество вернули, рабов Ахмеда освободили, стада разделили, а оставшихся назначенцев — 581 человека — уволили. Той же осенью казнили четырех сыновей Ахмеда. Хусейна, правителя Пекина, в качестве добавочного поношения замариновали, в то время как с тела одного из его братьев содрали кожу. О преступлениях Ахмеда объявили во всеуслышанье. Последовали и другие казни, в том числе казнь его помощника по Секретариату, выдвинутого им мусульманина, который в обмен на это назначение предоставил дочь для гарема Ахмеда.

После убийства Ахмеду устроили государственные похороны. Через пять недель Хубилай приказал вскрыть его гробницу, принародно обезглавить труп, а потом выбросить останки за главные северные ворота Пекина на съедение собакам. Как лаконично сообщает «Юань Ши»: «Чиновники, знать и простолюдины собрались посмотреть и выразили одобрение».

Глава 15 ПРЕДЕЛЫ РОСТА

Можно лишь догадываться, что все время двигало Чингисом и его внуком Хубилаем. Думаю, какой-нибудь психоаналитик на моем месте сказал бы, что им не давало покоя одно и то же глубинное ощущение небезопасности. Чингис в детстве был изгоем и, похоже, всю остальную жизнь провел, добываясь безопасности в грандиозных масштабах. Хубилай унаследовал достигнутое Чингисом — но поскольку монголы-традиционалисты, народ его деда, так до конца и не приняли его, он на глубинном уровне никогда не чувствовал себя спокойно и непринужденно. К счастью для их подданных, оба властителя обладали необыкновенным талантом лидеров, который использовали для того, чтобы как можно дальше раздвинуть границы империи. Чингис прожил недостаточно долго, чтобы дойти до каких-то пределов. Но Хубилай сумел дожить до этого, и открытие этих пределов стало для него шоком. Думаю, за всеми внешними атрибутами величия скрывался избалованный ребенок, топающий ножкой и отказывающийся принять в ответ «нет».

Разумеется, все это рядилось в одежды идеологии. Приведение в империю миллионов жителей Китая было выдающимся достижением, но все же оно являлось лишь еще одним шагом к реализации конечного стремления: заставить весь мир признать его божественно предопределенное верховенство. Именно эта движущая сила и стояла за твердой решимостью Хубилая продолжать экспансию. Никакой угрозе противостоять не требовалось, никаких стратегических причин продолжать завоевания не было. Просто это требовалось сделать, и точка. Отсюда и попытка вторжения в Японию; отсюда четыре другие авантюры — вторжение в Бирму, во Вьетнам, снова в Бирму и на Яву, — которые открыли, насколько тщетны эти честолюбивые устремления. С тем же успехом он мог нацеливаться на Луну. Каждой такой аванюре полагалось бы втолковать ему, что он достиг своих пределов; но он отказывался усвоить эти уроки. Каждая неудача лишь увеличивала его решимость починить свою потрепанную мантию непобедимости, и каждое такое усилие еще больше разрывало ее. Он будет упорствовать до могилы.

Как ни трудно в это поверить, он даже подумывал снова напасть на Японию. В 1283 году он приказал южным купцам построить 500 новых кораблей, через два года заказал еще 200 судов чжурчженям в Манчжурии. От корейцев же он потребовал риса для прокорма армий, которые собирался послать в поход. Только в 1286 году советники сумели убедить его оставить эту затею, поскольку к тому времени он глубоко увяз в другом месте.

Ко времени второго поражения в Японии у империи давно установились связи с

большинством соседних народов. Торговые суда сновали туда-сюда. В 1265 году прибыло посольство из Аннама (современный северный Вьетнам). Но торговли и посольств было недостаточно. Хубилаю требовалось не что иное, как признание его верховенства, доказательством чего являлась дань, и он с неизбежностью захотел получить подобное признание от Бирмы, поскольку та граничила с Юннанью, технически являвшейся частью Китая со времен монгольского вторжения в 1253 году, возглавленного, как мы помним, самим Хубилаем. С тех пор Юннань, имея всего лишь размещенный там небольшой монгольский гарнизон, 20 лет оставалась предоставлена самой себе, пока в 1273 году не обрела своего первого администратора высокого уровня — Сайида Аджалла, туркмена из Бухары, дед которого сдался Чингису в 1220 году. Полностью введя эту землю в состав империи, Хубилай решил отправить трех послов потребовать подчинения Бирмы.

Но Бирма не собиралась уступать его требованиям. Король Наратихапате Тарекпьемин правил довольно приличным королевством, основанным два века назад бирманцами, которые мигрировали в тропические низины долины Иравади с нагорий Юннани, поглотив богатую культуру здешних аборигенов-монов. А уже из своей новой страны, которую они назвали Мранма (отсюда современное название Мьянма), бирманцы добрались до Шри Ланки, Индии, Камбоджи, Индонезии и Китая. Страна была процветающей, стабильной, гордой обладательницей мириада храмов — 5000 в одной только столице Пагане, — которые прославляли ее буддийскую веру. Предложение платить дань Китаю было нестерпимым оскорблением, особенно когда послание с подобным требованием прибыло из края, который бирманцы некогда считали своим. Однако помимо гордости имела место ненадежность положения страны. В предыдущем веке Бирму сотрясали восстания и религиозный раскол, и великая эпоха строительства храмов закончилась.

Наратихапате же был не тем, кто мог навести порядок и исправить положение. Он не являлся истинным наследником трона, захватив его силой. Народ презирал его, за глаза именуя «король Собачье Дерьмо». Правя путем произвола и жестокости, он пристально следил за своими тремя тысячами наложниц. Когда король обнаружил, что одна фаворитка замышляла отравить его, он посадил ее в клетку и сжег. Ресурсы страны этот властитель растрачивал на строительство громадной пагоды Мингалазеди, одного из последних великих храмов Пагана, к которой он, до крайности опасаясь убийц, построил из дворца подземный туннель. Кирпич, из которого была сложена пагода, неяркого светло-розоватого цвета, которым очень восхищались из-за того, как он светился на закате, образовывал огромную пирамиду с квадратным основанием, украшенным надписью с похвальбой короля, что он «верховный главнокомандующий огромной армии, поглощающий ежедневно 300 блюд, приправленных карри». Хотя надо отметить, что последнее относилось не к нему одному: он держал своих сыновей и их семьи во дворце на случай, если те вздумают выступить против него. Одна бирманская поговорка, в общем, неплохо подводит итог его достижениям: «Пагода закончена, великая страна разрушена».

Когда прибыли послы Хубилая, король мог умиротворить их, вступив в переговоры. Вместо этого он бросил требования Хубилая обратно ему в лицо, казнив послов, а затем отправив войско в тайское буферное государство Каунгай, таким образом практически гарантировав вторжение.

Имея в составе армии 200 боевых слонов, бирманцы двинулись за границу в наступление на захватчиков по горным долинам с их крутыми лесистыми склонами, которые привели их к тому, что в наше время является городом Баошань. Тут им преградили путь 12 000 воинов Насир ад-Дина, стоявшие спиной к лесистому склону. Мало кто из монголов видел слонов, а уж их лошади — не видели точно, и когда их пришпорили, посылая в атаку, они уперлись. Поэтому Насир ад-Дин приказал своим воинам спешиться и пустить в ход луки. Одна стрела не слишком подействовала бы на слона, но сотни стрел, как заметил Марко Поло, оказали эффект.

Разумеется, почувствовав жгучую боль от обрушившегося на них града стрел, слоны тут же поджали хвосты и бежали, и никакая сила на земле не могла заставить их

развернуться навстречу монголам. Вот так они и «бегут грузно, словно свет разваливается; и перед лесом не остановились, ворвались туда, теремцы разваливаются, ломают и уничтожают все на своем пути» — включая несчастную бирманскую пехоту.

Теперь кавалерия снова вступила в свои права, как повествует Поло с живостью средневекового эпического поэта, описывая наносимые и получаемые удары мечей и палиц, отсекаемые руки и нога и многих раненых, которые оставались на земле, придавленные тяжестью наваленных тел. Бирманцы бежали, а монголы преследовали их, используя захваченных в плен погонщиков для поимки слонов. «Слон умнее всякого животного. Более двухсот слонов они переловили; начиная с тех пор, завелось у великого хана много слонов». Но, наверное, все-таки их было не 200, так как Насир ад-Дин, удовлетворенный своей победой, в июле 1279 года вернулся в Ксанаду всего с двенадцатью слонами, пройдя с ними свыше 2000 км через всю страну.

Это была победа — в некотором роде, так как король бежал обратно в долину Иравади, заслужив уничижительное прозвище Тарокплий-Ман, «Король, который бежал от китайцев». Однако климат в Бирме был адский, свирепствовали болезни, а войско Насир ад-Дина находилось далеко от дома. Поэтому после битвы он лишь подсчитал, сколько в этом краю очагов (их оказалось 110 200), и учредил несколько почтовых станций-ямов. Никакого завоевания Бирмы пока не произошло; это дело осталось незавершенным.

Потом имела место проблема Вьетнама или, скорее, проблемы во множественном числе, так как в XIII веке существовало два вьетнамских королевства — Аннам (на севере) и Тьямпа. Полагая, что эти королевства тоже являются непризнанной частью его империи, Хубилай дал им обоим шанс подтвердить это — личными визитами, или сообщив данные о численности населения, которые окажутся полезными для повышения налогов и общественных работ, или отправив к его двору своих юных родственников как доказательство добрых намерений, по сути дела заложниками.

Аннам прислал некоторые подарки, но больше ничего. Тьямпа в 1279 году прислала слона, носорога и какие-то ювелирные изделия. Хубилай потребовал, чтобы в следующий раз король явился лично. В 1280 году прибыли еще какие-то подарки, но по-прежнему никакого короля. Пришла пора настоять на своем.

Хубилай поручил это дело некому Сагату, наместнику Гуанчжоу, более известного европейцам как Кантон, ближайшего к Тьямпе крупного порта. Его 5000 солдат на 100 судах высадились на выступе южного Вьетнама в лагуне, ведущей к столице Виджайе (ныне это город Куинён). Они заняли город, но лишь узнали, что король Индраварман V направился к горам в глубине страны. По глупости Сагату последовал за ним, несомненно, убежденный в быстрой победе в открытом бою. Но вместо открытого боя вьетнамцы прибегли к партизанской тактике, устроив противнику свою версию смерти от разрезания на тысячу частей. Сагату послал за подкреплениями, и прибыло еще 15 000 солдат под началом Атакая, ветерана сунской кампании (он был заместителем Баяна при последнем наступлении на сунскую столицу Ханчжоу). Однако ни он, ни дальнейшие подкрепления под началом еще одного ветерана, Ариг-хайи, ничего не изменили. Король оставался не пойманным, его войска — не разгромленными, а его партизаны постоянно и крайне эффективно беспокоили монголов в горных лесах центральной Тьямпы.

Требовалась какая-то новая стратегия. Идея явно принадлежала Сагату, который и предложил ее по возвращении в Ксанаду: что, если войска придут с гор, через Аннам? Поскольку Аннам предположительно являлся вассалом Китая, Хубилай наверняка мог безнаказанно направить войска через его королевство. Хубилаю эта идея понравилась, и он поставил командовать своего сына Тугана, назначив Сагату его заместителем.

Но в Аннаме теперь царил новый правитель, третий из правящей династии Тран — Тран Нхан Тонг; увидев в этом предложении военную хитрость для вторжения в его собственную страну, он отказался разрешить проход войск и принял меры для обороны, которая под его руководством могла пройти эффективно. Под командованием элиты из офицеров-аристократов все мужчины, за исключением крепостных, должны были служить в

армии, поэтому обученное войско могло быть созвано за считанные дни. Источники сведений ненадежны, но их сообщения о начавшихся в стране лихорадочных приготовлениях кажутся похожими на правду.

Поначалу король колебался. Затяжная война приведет к страшным разрушениям, сказал он верховному командующему Тран Хунг Дао. Не лучше ли сложить оружие ради спасения населения? «Что станет со страной наших предков, с храмами наших праотцов? — якобы вежливо ответил тот. — Если вы хотите сдаться, то сделайте милость, сперва отрубите мне голову».

В начале 1285 года на общем собрании старейшин деревень Тран Хунг Дао, ставший уже воплощением национального сопротивления, поставил этот вопрос на голосование: «Враг силен, как нам поступить — сдаться или сражаться?» В ответ раздался дружный крик: «Сражаться!» Однако знать не подавала в этом хорошего примера. Военачальник жестоко критиковал аристократов в прокламации, которая часто цитируется как классическая вьетнамская литература, своего рода призыв Черчилля к оружию:

«Я не могу ни есть, ни спать, сердце мое болит, из глаз струятся слезы, я разъярен оттого, что не могу разорвать врага на куски, вырвать его печень и вкусить его крови. Вы, офицеры королевской армии... проводите время, глядя на петушинные бои, предаваясь азартным играм, ухаживая за садами, приглядывая за своими женами и детьми. Вы заняты добычей денег и забываете о государственных делах. Но если в страну вторгнутся монголы, ваши петушинные шпоры не смогут пронзить их доспехи, а ваши игорные уловки не заменят военной стратегии. Вы можете владеть громадными садами и полями, но даже тысяча таэлей золота не выкупит вашу жизнь».

Народ откликнулся. На руках у призываемых из деревень крестьян было вытатуировано «Смерть монголам!», а на их знаменах вышито: «Уничтожить вражью силу, отплатить за королевскую милость!»

Туган, собиравший армию в южных провинциях Китая, ничего не знал о готовящемся противодействии — ни о его духе, ни о тактике. А ему действительно следовало бы узнать, поскольку великий Урянхадай в 1257 году в ходе своего короткого вторжения прошел тем же путем, прежде чем отступил, столкнувшись с вьетнамской непримиримостью и малярийной жарой.

Сперва все шло хорошо. Туган, наступая с армией, которая, согласно хроникам, насчитывала 300 000 (некоторые говорят о 500 000) копий, то есть численно превосходила противника в соотношении два к одному, вынудил аннамские войска отступить, явно глумясь над их татуировками и флагами. В июне 1285 года монголы добрались до Ханоя — Тханг-Лонга, как он тогда назывался, — но обнаружили лишь то, что тактика аннамцев абсолютно такова же, как у тямов. Отступление было преднамеренным. Никакого решающего боя не предполагалось. Дома пустовали, в садах не оставили ничего съестного; двор и народ сбежали. Монголы, получившие подкрепления с кораблей, поднявшихся по Красной реке, господствовали на побережье, в дельте Красной реки — но не в глубине страны, в лесах и горах, и не на базе короля в Тхань-Хоа в 170 км к югу. Партизанские действия, болезни, нехватка продовольствия и страшная летняя жара начали пожирать армию Тугана.

Еще через месяц Тран Хунг Дао счел момент подходящим для контратаки. Битва при Чуонг-Дуонге в 20 км ниже по течению от Ханоя привела вьетнамцев обратно в столицу, вынудив монголов отступить за Красную реку. Еще одна битва на речке Тай-Кет, которая соединяется с Красной рекой древним каналом к юго-востоку от Ханоя, окончательно закрепила поражение монголов — 50 000 пленных, сам Сагату убит и обезглавлен, остатки монгольского войска спешат обратно к границе.

Для переформирования разбитого войска и новой попытки натиска Хубилаю потребовалось два года. Тугану явно требовалась помощь, и он прислал ее в виде ветеранов

Ариг-хайи, Насир ад-Дина и одного из многих своих внуков, Эсэн-Тэмура. На этот раз стратегия должна была быть иной: рядом с Хайфоном будет устроена огромная база, и кроме атаки с суши, состоится крупномасштабное вторжение с моря.

Ответ Тран Хунг Дао в начале 1288 года был просто блестящим. На суше его действия остались прежними — отступление из населенных краев с применением тактики выжженной земли, не оставляющей монголам ничего, что достойно завоевания. Предвидя это, Туган подготовил огромную операцию, задействовав примерно 500 судов для подвоза вверх по реке Бахданг подкреплений и продовольствия из Хайфона. На флоте-то и сосредоточил внимание Тран Хунг Дао, планируя повторить прием, впервые примененный 300 лет назад для разгрома китайского флота и обеспечения вьетнамской независимости. Первым шагом был приказ нарубить и заточить сотни кольев из железного дерева. Затем их доставили за 5 км по воде в залив Халонг, на один из тысячи с чем-то островков, которые делают этот залив чудом природы, прославленным своей красотой (согласно легенде, он было создан, когда дракон погрузился в море, высекая хвостом расселины и долины и пробивая в известняковых скалах бесчисленные пещеры). В центре острова на почти 200-метровой высоте находилась особенно большая и все же хорошо укрытая пещера, где без труда могла поместиться тысяча человек. Здесь они и расположились, наблюдая за тем, как корабли Тугана проскользили по воде мимо и направились вверх по реке.

Как только корабли скрылись из виду, с материка приплыла маленькая вьетнамская лодка и забрала солдат вместе с их заостренными кольями. Поднявшись на несколько километров вверх по течению, к участку, где река при отливе расширяется в илистые отложения, они подождали, пока вода спадет до самого низкого уровня, а потом вбили в обнажившееся дно колья, по одному на каждый квадратный метр. Некоторые из них были установлены вертикально, а некоторые — с наклоном в сторону, расположенную выше по реке. Они тянулись зигзагом поперек основного русла, заглубленные ниже поверхности воды ровно настолько, чтобы над ними могли спокойно проплыть маленькие лодки. Как гласит предание, Тран Хунг Дао лично явился проверить работу, вонзив меч в землю и заплетя волосы в косу, чтобы те не мешали смотреть.

Последовали нападения, никаких подробностей о которых нам не известно. Но в результате 22 марта (или около того; некоторые источники называют 3 или 8 апреля) отряд, отвалив от берегов, отступил вниз по реке. Маленькие вьетнамские лодки, действуя как приманка, проскользнули над кольями. Последняя атака замедлила продвижение монголов, а затем они напоролась на колья; многие корабли, наткнувшись на них с разгона, оказались продырявлены и застряли на месте, в то время как другие врезались в них, сделавшись совершенно беспомощными... и тогда сверху по течению спустились вьетнамские лодки-брандеры. Выбираясь на берег вброд по воде и илу, монголы делались легкой добычей для выстроившихся там войск. Тугану повезло спастись — лишь для того, чтобы столкнуться с яростью Хубилая: хан сослал сына в Янчжоу, в 150 км вверх по Янцзы от ее устья, очень далеко от двора.

За минувшие годы река Бахданг заилилась, и ряды кольев глубоко ушли в ее дно. Откуда же известно, что в рассказанном выше есть хоть какая-то доля правды? Частично потому, что место, где Тран Хунг Дао вонзил в землю меч и заплет волосы, было отмечено посвященным ему храмом; но главным образом потому, что в 1953 году, когда северо-вьетнамцы проводили на реке работы по углублению дна для улучшения навигации, эти колья были найдены. 22 марта 1988 года во время официального празднования 700-летней годовщины великой победы Бахдангский склад кольев был объявлен историческим мемориалом, служащим напоминанием о разгроме «северных феодалов». Остров, на котором прятали колья, и его огромная пещера, Грот Деревянных Кольев, сейчас являются туристическими объектами, а Тран Хунг Дао по-прежнему помнят как национального героя, обеспечившего независимость Аннама.⁷⁵

---

⁷⁵ В каждом крупном вьетнамском городе обязательно есть улица Тран Хунг Дао. (Прим. пер.)

Втягивание Хубилая во Вьетнам вызывает поразительные параллели с более недавними событиями. Могущественному правителю представляется, что отправка войск для нападения на крайне решительный режим на вьетнамском севере послужит национальным интересам. Иностранным войскам не удастся достигнуть своих целей. Присылаются новые войска. Затронут престиж. Нужно поддерживать свое реноме в глазах всего мира — совершенно немислимо, чтобы малая держава смогла устоять перед нападением самой могущественной на земле. Десять лет великая держава пытается достичь своей цели, сражаясь в топах и щурясь изо всех сил в попытке разглядеть свет в конце туннеля — только для того, чтобы быть загнанной до позорного отступления.

Да, есть интересные параллели с Америкой и ее войной во Вьетнаме. Но столь же интересны и отличия. Америка в 1960-х годах находилась в разгаре холодной войны, жестокого противоборства с СССР. В то время за первым шагом к вовлечению во Вьетнам имелась некая логика. С другой стороны, Хубилай специализировался на превращении во врагов людей, которые не представляли никакой мыслимой угрозы. Все сводилось к идеологии.

В этом есть урок, по поводу которого дух Хубилая и американцы сошлись бы во мнениях: никогда, ни под каким видом не стоит связываться с северовьетнамцами.

* * *

После такого разгрома о вторжении в Тьямпу не приходилось и думать. Но оставалось еще незаконченное дело в Бирме.

В 1283 году войско в 10 000 копий из Сычуани попыталось привести к покорности бирманского короля, но тот бежал в горы, а затем, пытаясь избежать дальнейших неприятностей, отправил двух монахов молить о мире. Они знали, что ступают на зыбкую почву: «Ваше величество, разве вы не бодисатва [будущий Будда]? Ваши владения столь обширны, Паган же — страна маленькая, но учение Будды в ней процветает. Не посылайте в нее воинов. Приходите только после того, как созреет урожай». Хубилай пообещал и слово свое сдержал.

В конце 1286 года, имея за плечами поражение во Вьетнаме, Хубилай совершил новую попытку — уже с большим успехом, во многом обязанным внутреннему положению дел в Бирме. Король Наратихапате был только что убит своим сыном Тихату, который приставил нож к горлу отца и заставил его выпить яд. Это было королевство в состоянии коллапса. Командующий Эсэн-Тэмур, внук Хубилая, получивший некоторый опыт во Вьетнаме, повел 7000 своих солдат вниз по течению Иравади. Когда монголы добрались до Пагана, то очистили его монастыри от золота и серебра; а затем, не в состоянии выносить здешний климат, вернулись домой, оставив Бирму на произвол нового царубийства, анархии и тайских военачальников. Крохи дани все же сочлились из северной Бирмы, но их было никак не достаточно для оплаты войн или удовлетворения ханского самолюбия.

* * *

Король Кертенагара на Яве лично преуспел, унаследовав одно из наиболее успешных королевств Юго-восточной Азии. Ява, особенно восточная, располагала целой историей мини-империй. Три века назад одна из них, Матарам, обогатилась, торгуя рисом и пряностями. Рис хорошо произрастал на плодородной вулканической почве острова, и корабли этого острова монополизировали гвоздику, мускатный орех и перец Островов Пряностей. Матарам во всем превосходил своего великого соперника Шривиджайю на соседней Суматре, пока в 928 году не случилось извержение огромного вулкана Мерапи, служившего источником чудесной почвы острова — посейчас извергнутые в речные долины

пепел и потоки грязи погребли под несколькими метрами новой почвы городки и храмы страны.

От этого удара Матарам так и не оправился, но один уцелевший принц создал блистательное, хотя и недолговечное государство-преемника. После того как он провел четыре года в изгнании в монастыре, ему в 20-летнем возрасте предложили престол. Аирлангга быстро восстанавливал разрушенное, устроив новую базу неподалеку от современной Сурабаи, перегораживая плотинами реки, расширяя планы ирригации. Когда в 1049 году он умер, его империя распалась на два соперничающих королевства. Со временем одержало верх Сингасари, основанное в 1222 году сиротой, вором и легендарным героем Кен Ароком, когда он разгромил другое королевство, Кедири. Эту-то новую державу и унаследовал Кертенагара — довольно непрочное наследие, поскольку его выживание зависело как от сохранения контроля над торговлей пряностями, так и от постоянного наблюдения за Кедири и его мятежниками, которые обязательно должны были появиться. Честолюбиво стремясь к большему — в самом деле, сегодня некоторые видят в нем предтечу индонезийства, — он заключил союз с Тьямпой, женившись на тьямской принцессе, но в 1284 году потерпел неудачу с захватом Бали и, в другой стороне, кусочка Суматры.

Таким образом, Кертенагара был не очень доволен жизнью, когда в 1289 году прибыл посол от Хубилая по имени Мэн Чи, привезя с собой грубое требование подчиниться. Кертенагара наказал Хубилая за неуважение, приказав нанести татуировку на лицо посла, чтобы, когда тот, вернувшись ко двору, докладывал о результатах миссии, оскорбление было ясным и публичным. Это требовало возмездия. Хубилай приказал подготовить на юге боевой флот под командованием Ши-пи, ветерана сунской кампании. Под его общим руководством наземными войсками командовал Гао Син, а силами флота — уйгур по имени, звучащем вроде бы как Их-Мусу. Хубилай сказал им, что победят они без труда: «Если вы займете ту страну, другие меньшие государства сами покорятся, вам понадобится лишь отправить послов, чтобы принять их покорность». Три года они накапливали силы в Гуанчжоу (Зайтоне): 1000 кораблей, 20 000 солдат, запас зерна на год, 1000 килограммов серебра для покупки новых припасов.

Поэтому у Кертенагары в избытке хватало времени для подготовки к нападению — однако он неверно понял стратегию Ши-пи. Полагая что командующий будет продвигаться на юг вдоль побережья, заходя в порты как Тьямпы, так и Малайи, он отрядил силы, чтобы устроить там засаду монгольскому флоту. Это оказалось роковой ошибкой — 4000 км до Явы Ши-пи покрыв без остановок. Это была стратегия высокого риска — «Ветер дул сильный, а море очень бурлило, поэтому корабль сильно качало, и солдаты много дней не могли есть», — но она окупилась. В 1293 году Ши-пи высадил свои войска, не встретив никакого противодействия, поскольку в это самое время Кертенагара ввязался в войну с соседним государством Кедири и погиб. Все местные войска сражались на юге.

При таких обстоятельствах Ши-пи полагалось бы одержать легкую победу, обещанную Хубилаем. Но на деле он сразу же оказался втянут в водоворот местной политики. Зять Кертенагары Виджайя, равно честолюбивый, но куда менее прямолинейный, чем его тесть, отправил Ши-пи послание, предлагая свое подчинение в обмен на помощь против Кедири, и подкрепил свое предложение подарками в виде ладана, духов, рога носорога и слоновой кости. Ши-пи согласился. Виджайя прислал подробное описание территории — на реке Брантас, у подножия горы Уиллис, в 105 км к юго-западу от Сурабаи, богата рисом, с портом на побережье; к описанию прилагалась подробная полезная карта. Монголы вступили в войну. Через неделю 5000 кедирийских солдат погибли, их предводитель был казнен, а территория попала в руки Ши-пи.

Оставалось только провести церемонию, отпраздновав победу, и, конечно, принять обещанную Виджайей покорность. Виджайя попросил дать ему эскорт из 200 безоружных солдат, чтобы сопроводить его в столицу Маджапахит, предположительно для доставки подарков. Но по дороге люди Виджайи убили безоружный эскорт, а затем напали на монгольское войско. Ши-пи был вынужден бежать обратно к кораблям, с арьергардными

боями сделав 150-километровый бросок к побережью, и отправился домой — а там Хубилай вознаградил его за провал и потерю 3000 солдат 17 легкими палками и конфискацией трети принадлежавшей ему собственности.

Через два года преемник Хубилая вернул Ши-пи свою милость. В конце концов, как указал один советник, он проделал путь в 12 000 км, добравшись до стран, до которых прежде никогда не добирались, и произвел замечательное впечатление на туземцев. Так закончилась еще одна катастрофа — честью, удовлетворенной самообманом.

Для Хубилая эта авантюра была прекрасным примером закона ненамеренных последствий. Задумав наказать одного короля, Хубилай сумел помочь его законному наследнику обеспечить себе престол и учредить новую династию и государство. В последующие 50 с лишним лет новое создание Виджайи, Маяпахит, выросло в богатую и могущественную империю, включавшую в себя изрядную часть Индонезии (а некоторые считают, что вообще всю) — результат, прямо противоположный тому, какого намеревался добиться Хубилай.

Глава 16

КАК ВОСТОК ОТПРАВИЛСЯ НА ЗАПАД

Большую часть царствования Хубилая воздействие Китая на Запад было, откровенно говоря, пренебрежимо мизерным. Знаменит он стал лишь после своей смерти, и почти целиком благодарить за это надо человека, которого часто цитировали в предыдущих главах — Марко Поло.

Чтобы понять изменение, произведенное Марко, посмотрим, что было известно о Китае и Центральной Азии до Хубилая. В XII веке европейцы и жители Ближнего Востока имели о Китае лишь самое смутное представление. В христианской Европе карты обычно были не столько картами, сколько изображениями верований, где Страшный Суд и Сад Эдема занимали столь же выдающееся место, как массы суши и океаны. Ведущая роль принадлежала чудовищам: людям, питающимся запахом яблок, или Тененугу, применяющему свою гигантскую стопу в качестве зонтика от солнца. Единственными континентами были Европа, Азия и Африка, которые походили на аккуратно нарезанные сегменты круга или на бесформенные кляксы. Азия и Индия были идентичны, Китай же просто отсутствовал.

Арабская география, о которой Европа знала мало, была лучше, но не намного. Один испанский еврей, Бенъямин из Туделы, в конце XII века отправился с Цейлона в Китай — но записал мало подробностей, и его написанные на древнееврейском «Путевые заметки» вплоть до XVI века оставались неизвестны христианской Европе. Ни один из христиан-несториан, занимавшихся миссионерской деятельностью в Центральной Азии, не писал никаких отчетов о проделанной работе; по крайней мере, ни одного такого отчета не переписывали, и до наших дней они не дошли. Другие христиане знали, что несториане там имеются, и выдумали еще одну легенду — о несуществующем христианском владыке, пресвитере Иоанне.

Поэтому, когда в Европу ворвались монголы Чингиса, они вырвались из тьмы. После того, как Чингис опустошительным смерчем пронесся по Центральной Азии и вторгся в Персию, первоначальная вспышка оптимизма по поводу того, что это христиане идут на выручку крестоносцам, быстро уступила место страху и трепету. Европейцы ухватились за название одной из групп монгольских подданных, татар, и именовали всех монголов «тартарами» — выходцами из Тартара, самого нижнего круга античного ада. Легкий шок походил на предвестье гибели. В 1238 году новгородские торговцы рыбой не стали, как обычно, плавать в Норфолк за североморской сельдью, оставшись дома сражаться с захватчиками и вызвав тем самым избыток рыбы в Ярмуте. Венгерский король получил угрожающее письмо от Бату, хана Золотой Орды, внука Чингис-хана и кузена Хубилая: «Что же до вас, живущих в домах и имеющих крепости и города — как вы избежите моих рук?»

Потом в 1241 году разразилась буря. Пали Россия, Польша и Венгрия. Европейские лидеры почти объединились для совместного отпора врагу. Предлагались крестовые походы; соперничающие правители обменивались мольбами о помощи и сотрудничестве. Но фактически у них не было времени что-либо организовать, так как монголы внезапно убрались, оттянутые домой смертью Угэдэя.

После иллюзий и чистого ужаса наступила пора сверки с действительностью в виде двух папских послдов, отправленных в Каракорум: Джованни — клирика из места, тогда именовавшегося Пьяно (или Плано) Карпини (или Карпине), а ныне являющегося городком Маджионе в Умбрии, — который присутствовал на выборах Гуюка в Каракоруме в 1246 году, и брата Гильома из Рубрука в северо-восточной Франции, который встречался с Мункэ в 1253–1255 годах. Оба привезли обратно бескомпромиссные требования монгольских ханов. «Властью Бога все земли от восхода до заката солнца были созданы подчиненными нам», — это заявление в письме папе от Гуюка в сжатом виде рисует их точку зрения. Были отправлены и другие послы, чтобы встретить монголов на Ближнем Востоке. В результате Запад приобрел подробные реалистичные сведения о наследниках Чингиса и их народе, главным образом из донесения Карпини, утечки из которого начались еще до того, как тот добрался до дома. Списки широко распространялись (тогда как блестящий доклад Рубрука три века лежал неперепиываемый). Прочитанное — и услышанное от самого Карпини, когда тот по возвращении от монгольского двора проезжал по Европе — никак не успокаивало нервы людей. В данном случае, как выяснилось, прямая угроза миновала: монголы слишком широко размахнулись, а потом убрались в свои новые мини-империи в южной России и Персии, где принялись заниматься обычной деятельностью всех государств — устанавливать отношения с окружающими державами, заключать союзы и грызться друг с другом. Об этих государствах Европа знала немало.

В то же время на Дальнем Востоке возник новый мир — мир Хубилая, о котором Запад не знал ничего. Из Рима туда не присылали никаких миссионеров, никакой иной правитель не отправлял к нему послдов вплоть до 1290-х годов — и даже тогда связи установились ограниченные, главным образом из-за лингвистических проблем. Переводчики были немногочисленные и плохие, поскольку никто не оставался там достаточно долго, чтобы научиться бегло говорить хоть по-китайски, хоть по-монгольски. И в любом случае монголы не проявляли никакого интереса к идее стать христианами. Верно, среди них были несториане — в особенности мать Хубилая Соргахтани-беки, — но они настолько внедрились в монгольское и китайское общество, что правоверным католикам от них не было совершенно никакого толку. Как ответил папе персидский ильхан Аргун в вежливом отказе принять крещение: «Если человек молится лишь одному Вечному Небу и мыслит, как надлежит, то разве это не все равно, как если бы он принял крещение?» Короче, они не поддавались обращению.

По идее, главными каналами информации должны были служить торговые пути. К несчастью для историков, торговцы интересовались в основном прибылью, а не путешествиями и суждениями о различных обществах. Хотя благодаря монгольской власти несколько маршрутов были проходимы без труда, мало кто лично отправлялся в утомительное путешествие через весь континент. Анонимный флорентинец XIV века отметил, сколько времени занимает путешествие от Украины до Пекина — примерно 250 дней. Кроме того, сейчас ученые считают, что представление о мирном тракте через всю Рах Mongolia грешит преувеличением, поскольку большую часть царствования Хубилая монголы почти постоянно находились в состоянии междоусобной грызни или открытой войны. Когда Хулагу и Берке сражались друг с другом в 1260-е годы, оба резали торговцев друг друга. Кто станет рисковать жизнью и проводить 18 месяцев, тащась туда и обратно через всю Азию ради доставки товаров, которые можно приобрести у посредника гораздо ближе к дому?

Конечно, всегда имелся морской путь, но для жителей Запада он был еще хуже. Он начинался в Персидском заливе, так как вокруг южной Африки никто не будет плавать еще

два века. А из залива арабским кораблям требовалось два года, чтобы добраться до Востока, рискуя по пути погибнуть скверной смертью из-за пиратов, штормов и разрушения корпусов, скрепленных канатами (опасность, упомянутая Марко Поло). И опять же никто из них не писал о пережитом опыте.

Уже после смерти Хубилая некоторые совершали-таки длительное путешествие по суше, поскольку по пути удачливых и знающих ждала немалая прибыль. Но во времена Хубилая это проделали только Поло, которые финансировали свое путешествие, продав товар в Константинополе, где они купили ювелирные изделия, которые Берке, хан Золотой Орды в Сарае, принял в обмен на неуточненные товары, проданные ими позже, когда они отправились на восток.

Как венецианцы и купцы, Поло, семейная фирма, состоявшая из трех братьев, имели уникальные возможности для путешествия на восток. Венеции принадлежали кусочки Константинополя, недавно захваченного католиками у православных греков, а также Акра в Сирии и Солдайя (Судак) в Крыму. Венеция доминировала на торговых маршрутах, связывающих Россию с Египтом, Ближним Востоком и Италией. На балтийском янтаре, меде, воске, русских мехах и невольниках делались целые состояния. Около 1260 года братья Николо и Маффео затеяли торговать драгоценными камнями с монголами в Золотой Орде на юге России. Но когда они прибыли в Орду, произошли две катастрофы, расстроившие их планы: греки вернули себе Константинополь и ослепили или убили 50 венецианских купцов, а две монгольские суб-империи, Золотая Орда и Персия, вступили в войну. Осталось только одно безопасное направление — строго на восток.

Три года спустя в Бухаре монгольская миссия, направленная к повелителю их повелителя, Хубилаю, предложила взять венецианцев с собой к ханскому двору. Через год они уже были у Хубилая. Он расспросил их о папстве и римско-католической версии христианства, а затем помог им вернуться домой, дав им по золотой или серебряной пайцзе — комбинации загранпаспорта с подорожной, позволяющей пользоваться на обратном пути официальными монгольскими почтовыми станциями-ямами. Он отправил их с просьбой привезти ему 100 человек, способных выступить в качестве миссионеров, а также немного масла из лампы у Гроба Господня в Иерусалиме. Это была не просто терпимость, но хорошая политика. Хубилая осаждали многочисленные диспуты священнослужителей нескольких религий, одной из которых было и несторианское христианство. Его мать была несторианкой. Сотня христиан из другой секты позволила бы ему создать еще одну группу особых интересов и не допустила бы господства никакой единственной секты.

Вернувшись в 1269 году домой, Николо снова свиделся со своим сыном Марко, теперь уже 15-летним юношей. К несчастью для просьбы Хубилая, папа умер, а назначение нового задерживалось. Через два года, притянутые богатством и широкими возможностями, увиденными в Китае Хубилая, братья снова отправились на Восток, взяв с собой Марко.

В Акре они посоветовались со своим старым другом, архидьяконом Теобальдо Висконти, что оказалось удачным решением, так как тот, по необыкновенному совпадению, был назначен папой и смог дать им официальные верительные грамоты. Через три с половиной года, летом 1275 года, они снова оказались в Ксанаду у Хубилая.

Ученые долго спорили, насколько правдив рассказ Марко. Разброс мнений был от «очень мало» до «почти целиком». Минус здесь в том, что Марко работал с соавтором, писателем-призраком Рустикелло, который, поскольку был профессиональным автором, остро желающим сделать книгу привлекательной, придавал словам Марко литературную раскрутку. Тон повествования откровенно доверительный, часто используется первое лицо, словно автор берет читателя за пуговицу и с деланной небрежностью бросает нечто вроде: «Ах да, я забыл упомянуть о том-то и том-то». На самом деле он и вправду «хватал за пуговицу» — но не совсем читателя, а слушателя, поскольку это была эпоха, когда текст предназначался для чтения вслух. Позже сам Марко и разные издатели добавляли, сокращали и переписывали целые главы, создав несколько разных версий, поэтому никакого оригинального текста этих записок не существует.

Этот непринужденно-разговорный тон вкупе с характерной для «желтой» хроники привычкой экономить на правде поневоле должен вызывать у нас настороженность. Некоторые даже гадали, не мог ли Марко переписать кое-что из других книг. Ответ на это краток — нет, не мог. Книга набита подробностями, которых не мог знать никто на Западе, вроде мрамора Ксанаду. Даже его искажения, вроде байки о помощи в постройке катапульта под Сяньяном, можно отнести скорее к преувеличениям, чем к фантазиям. Когда они с Рустикелло работали в последние годы века, никто другой на Западе не имел ни малейшего представления о том, что именно происходит в Китае, поэтому ложь могла продаваться ничуть не хуже правды. Однако сейчас ученые отлично умеют использовать другие источники, чтобы отличить правду от вымысла, и в целом, за исключением нескольких примечательных ляпов, Марко вполне выдерживает данное испытание.

Именно рассказ Марко Поло о 17 годах, проведенных в Китае, и сообщил Европе почти все, что та знала о Хубилае. Для более поздних историков он стал неоценимым очевидцем, поскольку прибыл по суше до того, как было завершено завоевание юга, и сразу же погрузился в сердце Китая. Приехавшие позже другие прибывали морем и видели главным образом южные порты. Трое же Поло находились в центре событий при дворе Хубилая, хорошо осведомленные, насколько такое возможно для иностранцев с всего лишь поверхностным знанием языка: Марко мог нахвататься немного монгольского и китайского, но писать не умел ни на том, ни на другом. Хубилай использовал Марко в качестве посла — пост, важность которого Марко преувеличивает; фактически он, вероятно, был скорее чем-то вроде внештатного репортера, способного представить независимый взгляд на места, людей и события.

Трое Поло были настолько популярны, что Хубилай несколько раз отказывал им в разрешении уехать, но в конце концов позволил отбыть для сопровождения монгольской принцессы к монгольскому правителю Персии Аргуну. Он снова выдал им две золотые пайцзы, дабы о них хорошо позаботились по дороге, и велел им доставить послания всем христианским королям Европы. В составе конвоя из 13 четырехмачтовых кораблей они то ли в 1293, то ли в 1294 году Добрались до Персии после двух лет пути и многих катастроф. Аргун к тому времени уже умер. Принцессу выдали замуж за его сына, а Поло в 1295 году прибыли обратно в Венецию.

Каким-то образом после некой стычки между Венецией и Генуей Марко оказался в генуэзской тюрьме. Сидел в заключении он явно не без удобств, поскольку именно здесь Рустикелло стал его писателем-призраком, создав «Книгу о разнообразии мира», законченную еще до их освобождения, вероятно в 1300 году. Марко, которому теперь было лет сорок пять, женился, обзавелся тремя дочерьми, жил вполне комфортно и умер в 1324 году в возрасте 69 лет.

* * *

Трудно сказать, верили люди в то время его книге или нет. Все описанное в ней было слишком далеким и необыкновенным, и не существовало ничего другого, что подкрепляло бы ее. Некоторые говорят, что в ней видели не более чем собрание басен. Но Марко в самом начале претендует на предельную правдивость, обращаясь к читателю:

«Вы найдете тут всякие необычайные диковины... точно так, как Марко Поло, умный и благородный гражданин Венеции, говорил о том, что видел своими глазами, и о том, чего сам не видел, но слышал от людей нелживых и верных. А чтобы книга наша была правдива, истинна, без всякой лжи, о виденном станет говориться в ней как о виденном, а слышанное расскажется как слышанное; всякий, кто эту книгу прочтет или выслушает, поверит ей, потому что все тут правда».

Впрочем, если бы он и лгал, то не признался бы, не так ли? Тем не менее две вещи выглядят убедительно: обилие подробностей и отсутствие ничем не подкрепленных легенд. Рассказанное походит на правду, и именно этого добивался рассказчик.

Должно быть, «Книга о разнообразии мира» пользовалась огромным вниманием среди небольшого числа людей, способных приобрести или одолжить список с нее, так как за 25 лет она была переведена с оригинального языка, вероятно смешанного франко-итальянского, на французский, тосканский, венецианский, немецкий и латынь, и каждая версия вновь редактировалась для подлаживания под предубеждения читателей. Но что именно это значило в смысле популярности, можно только гадать. Никто не знает, сколько именно копий было сделано, кто их читал и сколько слышало, как их читают вслух, словно некую эпическую поэму, исполняемую бардом. Как писала историк печатного дела Элизабет Эйзенштайн: «Что именно означала публикация до наступления века печати или сколько именно посланий передавалось в век писцов — это вопросы, на которые нельзя ответить в принципе». Можно утверждать лишь одно: за два века спрос на книги постоянно рос, хотя и с очень низкого уровня. Большинство книг были религиозными, и в больших соборах имелись скриптории переписчиков, которые продолжали, пусть и очень медленно, наращивать библиотеки, которые по более поздним стандартам были весьма небогатыми, но по своим собственным являлись интеллектуальными сокровищницами. В библиотеках соборов редко содержалось больше 200–300 книг, несколько крупных университетов могли похвалиться не намного большим числом. В 1338 году в Сорбонне имелось 338 учебников, заботливо прикованных цепями, и 1728 выдаваемых книг, сплошь латинских авторов, за исключением одной книги на французском — списка эпической поэмы «Роман о Розе». Обладание хотя бы одной книгой было редкостью для любого отдельного человека, кроме аристократа, а уж обладание книгой, написанной на повседневном языке — еще большей редкостью.

И все же списки с нее множились — уцелело 85 штук, — многие с великолепными и совершенно ложными иллюстрациями, делающими книгу в такой же мере произведением искусства, в какой и репортажем. Наиболее серьезно относились к Марко те, кто переводил его на латынь, так как они пытались проанализировать Китай на предмет его обращения. Для одного такого переводчика, Франческо Пипино из Болоньи, Марко был «уважаемым, правдивым и благочестивым», как и его отец с дядей; суждение, которое потом искусственно наполнялось добавлениями, описывающими нехристианские религии как мерзости. По крайней мере, клирикам-латинистам Марко представлялся надежным источником сведений. Некоторое время спустя, в 1330-х годах, доминиканский монах Джакопо д'Акви рассказал историю об умирающем Марко: «Из-за того, что в той книге говорится о многих поразительных вещах, выходящих за границы всякого доверия, друзья, когда он лежал на смертном одре, просили его исправить книгу, убрав из нее, что выходит за пределы действительности. А он на это ответил, что не рассказал и половины действительно виденного им».

Поэтому купцы принялись понемногу исследовать возможности, предложенные Марко. К 1330 году было достаточно генуэзцев, пересекающих весь континент, чтобы Франческо Пеголотти посоветовал им с довольно обескураживающей небрежностью: «Дорога в Китай совершенно безопасна днем и ночью, если вам не случится умереть в пути, в каком случае местный военачальник заберет все, что вам принадлежит».

Миссионеры тоже приняли вызов. В 1294 году, в год смерти Хубилая, францисканец Джованни Монтекорвино основал первую христианскую церковь в Пекине.⁷⁶ Другой францисканец, Одорико Порденоне, прибывший в Китай в 1322 году, написал книгу, ставшую почти такой же знаменитой, как книга Марко.

От этих ранних христиан остались дошедшие до наших дней следы, которые весьма сильно поддерживают одно из наиболее неправдоподобных утверждений Марко — то, что он якобы три года был наместником в Янчжоу. Осенью 1951 года, как раз после того, как

---

⁷⁶ Характерно, что несториянские церкви автор здесь христианскими не считает. Впрочем, той же точки зрения держался и Монтекорвино, обращавший в католическую веру почти исключительно несториян. (Прим. пер.)

власть в Китае захватило коммунистическое правительство Мао, бригада рабочих сносила стены Янчжоу, используя щебень для строительства новой дороги. Рабочие заметили мраморную плиту с какими-то странными изображениями на ней и передали ее местному антиквару, который узнал в них нечто похожее на сцены из жизни христианского святого. Озадаченный, он упаковал плиту в ящик и отправил ее другу, жившему близ Шанхая, молодому иезуиту Франсису Руло, который в это время собирал вещи, готовясь к отъезду, выдворяемый из страны новым режимом. Прекрасно сознавая деликатность исследования религиозных изображений при глядящих ему через плечо коммунистах, Руло очистил плиту и сделал ее фотографии. После его отъезда плита исчезла, но на основании своих записей он сделал доклад о том, что увидел и изучил.⁷⁷ Это был надгробный камень, украшенный сценами из жизни св. Екатерины, вполне уместными, учитывая имя покойной — Катерина Илионис, умершая в июле 1342 года. Через несколько лет в Янчжоу обнаружился еще один надгробный камень с могилы брата Катерины, Антонио, умершего в ноябре 1344 года. Оба были детьми Антонио «Илиони», как пишут его фамилию в анналах его родного города Генуи. Он был душеприказчиком друга, уехавшего в Китай, вполне преуспевающего там и, похоже, основавшего небольшую общину. В самом деле, Одорико упоминает о том, как в 1322 году останавливался у францисканцев в Янчжоу, а также фиксирует там три несторианские церкви. Христианская община явно пребывала там довольно давно... и может быть, достаточно долго для того, чтобы Марко был отправлен туда Хубилаем взять ее под свою руку? Быть наместником не города, а его христиан — пост, который Рустикелло то ли неправильно понял, то ли повысил в значимости?

В любом случае от Марко, купцов и миссионеров новости о Хубилае просочились в общественное сознание.

Меня заинтриговало одно сведение, выдаваемое время от времени монголоведами. Известно ли вам, спрашивают они, что письменность Пагба-ламы была изображена маэстро XIII–XIV веков Джотто? Это один из тех незначительных, но интересных предметов, которые обсуждаются за кофе и выпивкой на разнообразных научных посиделках: «Однажды я беседовал с японским академиком, и он сказал мне... Господи боже, просто изумительно... Джотто? В самом деле? Где?.. О, думаю, это как-то связано с плащаницей Христа». Я несколько раз слышал и читал об этом и решил проверить.

Да, между ханом Хубилаем и Джотто могла быть некая связь. Звали эту связь раббан (учитель) Саума — монах, который отправился из царства Хубилая на запад и стал первым известным путешественником, когда-либо прибывшим в Европу из Китая. Саума был зеркальным отражением Марко Поло, но с некоторыми отличиями: его пребывание в Европе продолжалось меньше года, и он был официальным посланцем, которого принимали на высшем уровне. Его чудесная повесть, персидский оригинал которой пропал, уцелела только в испорченном сирийском переводе и оставалась неизвестной до конца XIX века. В своей книге «Путешественник из Ксанаду» Моррис Россбаби отлично воскресил этого человека и его приключения: «В те дни, когда культурный плюрализм носится в воздухе, казалось вполне уместным написать о человеке, процветавшем среди разнообразия культур и трудившемся над строительством мостов между ними». Но в рассказе о Сауме присутствует не только это. Тут наблюдается одно из исторических «что, если бы...», поскольку Сауме почти удалось выковать союз между монголами и христианской Европой, который мог бы изменить ход истории.

Поэтому на нескольких последующих страниц забудем о Джотто и сосредоточимся на Сауме.

---

⁷⁷ Отец Франсис Руло, «Янчжоуский надгробный камень на латыни как веха средневекового христианства в Китае» [Francis Rouleau, SJ, «*The Yangchow Latin Tombstone as a Landmark of Medieval Christianity in China*»]. (Прим. авт.)

Саума был онгутом⁷⁸, представителем тюркского племени, жившего на Желтой реке (Хуанхэ) в центре современного Китая и очень рано вставшего на сторону Чингиса. Живя на основном торговом пути на запад, онгуты обратились в христианство несторианского толка, приверженцы которого утверждали, что природа Христа была двойной, божественной и человеческой, Мария же являлась матерью человека, а не бога. Объявленные Римом еретиками, несториане очень успешно пошли своим путем в Центральной Азии и в Китае, приобретя репутацию хороших врачей и честных деловых людей, с удивительной терпимостью относившихся к местным обычаям. К числу несториан принадлежала и мать Хубилая Соргахтани-беки, и жена Хулагу Докуз-хатун. Онгуты привлекали Чингиса, поскольку из них получались хорошие чиновники. Позже они оказались хорошими союзниками Хубилая в его войне с кузеном Хайду.

Саума, родившийся примерно в 1240 году, в 25 лет пошел в священники и стал отшельником в горах в 50 км к юго-западу от Пекина. Славясь своим аскетизмом и ученостью, он так и оставался бы в подобающем мудрецу уединении, не присоединись к нему через несколько лет полный рвения ученик по имени Маркос. Десяток лет мастер-наставник и ученик оставались в изоляции от мира, не затрагиваемые происходящими вокруг них важными переменами, пока Маркос не пришел к убеждению, что им следует съездить в Иерусалим для получения отпущения грехов самого высокого уровня, до какого он мог додуматься. Поскольку они не боялись ни тягот, ни смерти, пекинские несториане поддержали их, как и Хубилай. Эти двое священников могли послужить хорошей рекламой его усилий к удержанию симпатий толка, к которому принадлежала его мать. К тому же по воле случая это произошло примерно в то самое время, когда братья Поло вернулись в Пекин, привезя с собой юного Марко, поэтому Хубилай вполне мог надеяться на бурный рост сухопутных связей Восток-Запад. На обратном пути Саума и Маркос могли привезти с собой западных специалистов, которые будут полезны в его новом Пекине. Он дал им один из официальных золотых пропусков, пайцзу, которая позволяла пользоваться системой почтовых станций-ямов и получать по пути стол и кров. Они собрали караван с верблюдами, конюхами, поварами и охраной, и отправились в путь, вероятно, в 1275 году.

Путь занял долгое время. Первый отрезок путешествия привел их обратно на родину на Желтой реке и далее в Синьцзян через проход Ганьсу, в обход пустыни Такла-Макан, к Хотану, многонациональному оазису у подножья хребта Куньлунь. Теперь они выехали за пределы защиты Хубилая, на территорию Хайду. Эта местность славилась своими разбойниками. Они благоразумно направились в лагерь Хайду в Таласе, заботливо не упоминая ни про Хубилая, ни про Персию, так как в то время Хайду враждовал с обоими. Затем они двинулись дальше через горы и пустыню, терпеливо снося жару, колючие ветры, обвалы, голод, жажду и несколько ограблений. Таким образом через Тус (современный Машад на северо-востоке Ирана) они прибыли к племяннику Хубилая, ильхану Абаге, в его бывшую столицу Марагу, поскольку здесь волей случая пребывал лидер несториан, католикос, патриарх мар Денха. После эмоциональной встречи и похода по местным несторианским святым местам они забрели в Арбиль на севере Ирака. Тут внезапно случилось изменение планов. Католикос вызвал их в Багдад и дал им новое поручение — завоевать для несториан внимание Абаги. Тогда они последовали в Тебриз, новую столицу ильхана, оставшуюся невредимой при вторжении монголов, ибо этот город, в отличие от Багдада, капитулировал без боя. В этом космополитическом центре с его богатыми рынками, многочисленными христианскими сектами и итальянскими купцами они показали Абаге пайцзу от его дядюшки Хубилая и получили все то признание, какого хотели несториане, и всю помощь, какая им требовалась.

Случилось так, что на западе шла война, поэтому они задержались, но с большим

---

⁷⁸ Л. Н. Гумилев, ссылаясь на работу Н. Пигулевской «История мар Ябалахи и раббана Саумы», называет его уйгуром. Мар Ябалаха — это не кто иной, как Маркос. (Прим. пер.)

комфортом, поскольку католикос повысил в должности обоих: Маркос стал митрополитом, аналогом епископа, а Саума — «главным гостем» в Китае, своего рода бродячим послом (правда, ему так никогда и не довелось выступить в этой роли). Нет-нет, возражали спутники, они предпочитают жить в простоте и хотят продолжить свое паломничество. Однако у них не было выбора. Они приняли должности и отложили путешествие в долгий ящик.

И тут события приняли самый удивительный оборот. Через год католикос умер, и 36-летнего Маркоса назначили его преемником. В последующие пять лет он и его учитель, уже достигший среднего возраста, были поглощены местной и церковной политикой — смерть Абаги, жестокий период внутренних распрей и окончательное утверждение в их должностях.

В 1286 году новому ильхану Аргуну понадобилась поддержка против египтян и других мусульман, и у него возникла необыкновенная идея. Он решил обратиться к Европе с предложением устроить еще один крестовый поход: христиане и монголы вместе против ислама. Учитывая ужас, вызванный в Европе монгольским наступлением всего 40 лет назад, эта идея кажется совершенно экстравагантной; но она куда менее странна, если принять в расчет, что через 20 лет после этого между монголами и христианами наблюдалось некоторое сотрудничество. Сделка предлагалась следующая: в обмен на помощь Европы Аргун преподнесет христианам Иерусалим. Чтобы привести этот замысел в движение, ему требовался искушенный, изрядно попутешествовавший, владеющий многими языками посол, и Саума был как раз тем, кто нужен. Он с детства знал тюркский, китайский и, вероятно, монгольский, а теперь — еще и персидский. В государстве ильханов находилось много итальянцев, поэтому проблем с переводом не возникало.

Аргун дал Сауме письма к папе, византийскому императору, французскому и английскому королям. В 1287 году посол с тремя спутниками отбыл к Черному морю, где сел на корабль, идущий в Константинополь. Здесь Саума встретился с императором Андроником, посетил святые места, полюбовался мощами — и ничего не достиг, так как антимусульманская коалиция означала совместную работу восточной и западной церкви, чему никогда не бывать.

Поэтому в июне 1287 года он со своей маленькой свитой и без Маркоса (который как католикос должен был выполнять обязанности поближе к дому) отплыл мимо Сицилии и извергающегося вулкана Этна в Неаполь, а оттуда сушей добрался до Рима, где лишь узнал, что папа умер, а новый еще не избран. Вместо папы Сауму с должным уважением приняли кардиналы. Сперва они расспросили посла о его родной земле, и его незафиксированный ответ, должно быть, стал первым подробным сообщением о Хубилае, какое когда-либо слышали в Европе. Потом они быстро перешли к его вере, задавая вопросы, на которые он отвечал столь осторожно, делая упор скорее на ранних отцов церкви, чем на такие спорные материи, как природа Христа и точный статус духа святого, что кардиналы не вполне уловили, что имеют дело с предполагаемым еретиком. Его эрудиция произвела на них очень сильное впечатление. «Просто чудо, что ты, христианин и дьякон престола патриарха Востока, прибыл с посольством от царя монголов», — сказали они. Но в отсутствие нового папы они ничего не могли решить по вопросу о крестовом походе.

Ему рассказывали разные предания и показали все достопримечательности — место, где стал мучеником Павел, и его отрубленная голова трижды подпрыгнула в воздух, крича «Христос, Христос, Христос!», одну из бесшовных плащаниц Иисуса, кусочки дерева от его колыбели, подлинный терновый венец, — и он доверчиво принял все эти реликвии за чистую монету.

Но ему не терпелось двинуться дальше. Его миссия все еще была выполнена лишь наполовину — требовалось еще повидать королей Франции и Англии.

Оставив итальянскую жару позади, Саума месяц тащился от одного постоялого двора к другому по пыльным грунтовым дорогам Франции. Достигнув теперь примерно 60 лет, он, должно быть, был близок к точке надлома. Но в Париже Филипп Красивый, честолюбивый молодой король Франции, устроил ему отличный прием и разместил в удобном доме.

Оправившись, Саума изложил свое дело. Предложение Аргуна, казалось, произвело впечатление на Филиппа. Если монголы готовы помочь отбить Иерусалим, как могут христиане не откликнуться? Но фактически он горел желанием продемонстрировать силу по своим причинам — с целью приобрести контроль над английскими владениями во Франции, утвердить претензии Франции на Фландрию и не дать Ватикану выкачивать средства из французских владений церкви.

Полагая, что Филипп теперь стал надежным членом монголо-европейского союза, Саума двинулся дальше на встречу с Эдуардом I Английским — который, по счастью, находился в своей колонии Аквитании. В октябре 1287 года после трехнедельного путешествия Саума добрался до Бордо, назвал себя и был сразу же приглашен на встречу с королем. Вручив ему подарки Аргуна в виде драгоценных камней и шелка, Саума изложил идею крестового похода. Эдуарду она пришлась по душе. Он сам поклялся взять крест этой весной, ибо это в точности соответствовало его планам. Саума, несомненно, поверил, что на две трети выполнил свое задание; последняя треть встанет на место, когда он вернется в Рим.

Словно собираясь скрепить соглашение, Эдуард пригласил нового союзника, чтобы тот причастил его и его двор по своему обряду, который отличался от римско-католического лишь в мелких деталях. За сим последовал пир, который наверняка был обильным — один из других приемов Эдуарда накормил несколько сотен гостей 10 быками и 59 ягнятами. Хотя Сауме, как единственному человеку в мире, способному на такое сравнение, могло прийти в голову, что несколько сотен отнюдь не чета шести тысячам, обедавшим в большом зале у Хубилая в Пекине.

Теперь все зависело от Рима, так как без папы не могло быть никакого крестового похода. Однако папы все еще не было. Приближалась зима. Саума отправился на юг, к более мягкому климату Генуи — райского сада, как он называл ее, где он мог круглый год есть виноград. После трех месяцев растущей подавленности пришла новость: «habemus papam». Джироламо д'Асколи 1 марта 1288 года возведен на папский престол под именем Николая IV.

Последовало приглашение и аудиенция с прекрасной Речью Саумы, доставкой подарков Аргуна и щедрым ответом Николая. Он сказал, что Саума — его почетный гость и, конечно, должен остаться на Пасху. Саума был в восторге и попросил позволить ему провести обедню. Просьбу его выполнили, и обедня была проведена на глазах у сотен присутствующих. Никто ничего не понял, но действия эти одобрили все. В ответ Сауму попросили принять причастие от самого папы, что и произошло в присутствии огромной толпы в вербное воскресенье, с дальнейшими празднованиями в еврейскую пасху (жирный четверг), страстную пятницу, страстную субботу и собственно Пасху.

Теперь Саума попросил разрешения отправиться домой. Николай колебался, но Саума настаивал: ему нужно сообщить своему народу о том, как замечательно его приняли. Также Саума взял на себя смелость попросить себе некоторые реликвии. Папа сразу же расстроился: если мы станем раздавать реликвии всем, кто ни попросит, сказал он, у нас ничего не останется. Но, добавил он, в данном случае он готов кое-чем снабдить посла — кусочком от одежды Иисуса, ниткой от покрова Богородицы и несколькими разнородными священными реликвиями; для Маркоса же, как католикоса, была приготовлена золотая корона, украшенная драгоценными камнями, пурпурная мантия с вышивкой золотой нитью, украшенные жемчугами носки и папский перстень.

Кроме того, папа вручил ему несколько писем, подтверждающих положение Маркоса и Саумы, и еще одно для Аргуна, которое наконец переходило к сути. Иисус передал власть Петру и тем самым всем последующим папам. Аргуну следует признать истинную веру. Что же касается крестового похода, то его надлежит провозглашать папе, а не предлагать другим, так как именно папа будет нести ответственность за успех или провал похода. Пусть Аргун обратится в истинную веру, примет папскую власть, тогда Бог даст ему сил захватить Иерусалим и стать защитником христианства. В общем, никакой папской помощи и никакого крестового похода.

И все же, когда в сентябре Саума добрался до Персии, Аргун остался доволен. Похоже, были заложены основы мира и дипломатии (и это, не забудьте, через 60 с лишним лет после смерти Чингиса и всего через 30 лет после разрушения Багдада и восхождения на трон Хубилая). Для Саумы и католикаса устроили трехдневное пиршество.

Конечно, идею крестового похода положили под сукно. Аргун пытался вызвать интерес во Франции и Англии, но получил лишь уклончивые ответы. Самого же его отвлекли вызовы, брошенные Золотой Ордой и мятежными мусульманами. Он умер в 1291 году вместе с мечтами о дальнейших завоеваниях. В любом случае к тому времени было уже слишком поздно. В том же году египетские мамелюки взяли Акру, последний христианский форпост на Ближнем Востоке, и эпоха крестовых походов завершилась.

А Саума закончил свои дни в прекрасной, новой, хорошо обеспеченной церкви, проводя очень много времени со своим старым другом Маркосом. Обоим, несомненно, с трудом верилось в их преобразование из отшельника и жадного до знаний ученика. В конце 1293 года, будучи в Багдаде, Саума заболел, но держался изо всех сил, пока Маркос не прибыл попрощаться с ним, и умер в январе 1294 года — по случайному совпадению, в тот же месяц, что и сам Хубилай. Его похоронили в главной несторианской церкви Багдада, и охваченный горем Маркос стоял у его могилы.

А что, если бы Николай поддержал этот союз? Папство, Франция, Англия и монголы присоединились бы к крестоносцам в защите их замков в Сирии, и возможно, это имело бы ряд важных последствий: ислам вытеснен с Ближнего Востока; Иерусалим, управляемый англо-франко-итальянско-монгольской администрацией, преподнесен папе; Аргун обращен в христианскую веру; христианство шагает в Центральную Азию... и все потому, что Хубилай предоставил Сауме и Маркосу роль в своих планах.

* * *

Теперь, повторяя Марко Поло, я должен упомянуть еще об одном предмете, который отложил в сторону: о возможной связи Саумы с Джотто в виде странной надписи на плащанице Христа с одной из его картин.

Без сомнения, раббан Саума приехал в Рим со своей пайцзой. Вполне возможно, что многие ее видели и любовались ей, а надпись на ней скопировали. А через двенадцать лет Джотто оказался в Риме, как раз во время огромных церемониальных празднований 1300 года, устроенных папой Бонифацием VIII, и, несомненно, набирался идей для своих будущих картин. В 1305 году он находился в Падуе, собираясь приступить к работе над своим величайшим шедевром, фресками Капеллы дель Арена: 67 картин, покрывающих все внутренние стены сценами из жизни Христа. Важной чертой его оригинальности была готовность изображать в своих творениях элементы современной ему жизни.

Один из самых известных таких случаев — включение им в картину «Поклонение волхвов» звезды Давида, которая на самом деле была кометой Галлея, ставшей особо зрелищным явлением в октябре-ноябре 1301 года.

Я внимательнейшим образом осмотрел все одежды Христа на фресках в Капелле дель Арена: там нет никаких чужеземных письмен. Но две другие фрески заставили меня приглядеться к ним повнимательнее. На Рождество Дева Мария возлежит в хлеву, довольно-таки хорошо одетая, учитывая ее тогдашние обстоятельства. И на ее платье, едва видимом из-под плаща, по подолу тянутся довольно странно знакомые узоры: закорючки и линии, образующие квадраты. На фреске же, изображающей Воскресение — «Ангел у гробницы» — такие же узоры украшают подола одежд римских солдат, которые спят, не ведая, что рядом с ними происходит чудо; и такие же узоры вновь появляются на подоле платья Марии Магдалины.

Мне жаль портить хорошую историю, но эти узоры — вовсе не буквы письменности Пагба-ламы. Однако они могут — всего лишь *могут*! — быть стилизациями под них, тем, что Джотто добавил в качестве экзотического штриха, привезенного с таинственного

Востока, более того, христианином. Знаю, что тут есть небольшая натяжка (как-никак между визитом раббана Саумы и созданием фрески Джотто прошло 17 лет), и наверное, это всего лишь совпадение. Но тем не менее оно странное. Наверное, Ксанаду и Падую действительно связывает цепь причин и следствий: китайский император, озабоченный укреплением связи со своими подданными, блестящий тибетский монах, путешествующий в далекие края тюрк-христианин, папа, жаждущий знаний о монгольской империи — и художник, вставляющий в свой шедевр намек на китайский стиль.

* * *

Размышления о возможной передаче новой письменности заставили меня задуматься над одним вопросом. В этой книге много говорилось о необыкновенных достижениях Хубилая, но не менее интригует обратная сторона его жизни и времени: его неудачи и проявления ограниченности. Что еще он мог сделать, учитывая его мастерство правителя и интеллектуальный диапазон? Ибо между Востоком и Западом могла быть создана одна особая связь, которая поразительным образом преобразила бы наш мир.

Вопрос этот звучит так: почему Хубилай не изобрел печать разборным шрифтом? Ведь он же был у него прямо в руках.

Вдумайтесь: Хубилай, находясь в уникальном положении человека, опирающегося на несколько культур, знал, что никакая из существующих письменностей не достаточно хороша для его целей: все они либо слишком трудны, либо слишком непостижимы, либо неприемлемы для других членов его имперской семьи. Теоретически письменность Пагбаламы весьма неплохо разрешила эту проблему, даже если на практике она не укоренилась.

Хубилай был завален книгами — тысячи в его собственном правительстве, миллионы в обществе в целом. Но книги эти производились не тем методом, который примерно в 1450 году был изобретен Иоганном Гутенбергом: с применением разборного металлического шрифта для создания многих страниц за один раз и пропуском их через печатные прессы. Восточный метод печати, существующий с V века, заключался в вырезании зеркально отраженного текста или рисунка на дереве, покрытии этой печатной формы тушью и оттиске с нее на бумагу. Сперва такая техника применялась для создания печатей, эстампов и религиозных картин, потом, в конце VIII века, появились первые книги. Технология была примитивной, действенной и технически несложной, но стреноженной присущей ей фундаментальной неэффективностью. Для изготовления такой печатной формы требовался не один день, страницы можно было печатать только по одной за раз, и информация могла быть использована только в таком виде. Для каждой новой страницы требовалась новая печатная форма; для каждой новой книги — много печатных форм. Списанные формы не печатающихся больше книг забивали дворы печатных мастерских, зачастую их просто пускали на дрова.

Решение было очевидным. Если у каждой литеры будет собственная печатная форма, как в штампах, можно создать любой текст, какой захочешь, а после оттиска использовать эти литеры вновь. Не нужно вырезать каждую страницу, не нужны миллионы списанных резных досок. Помните Пи (Би) Шэна, который предположительно еще в XI веке изобрел печать разборным шрифтом? Его идея заключалась в вырезании литер из влажной глины и обжиге их. Для печати он выбирал нужные ему литеры, вставлял их в рамку, покрывал тушью и оттискивал притиранием на ткань или бумагу. Техника эта работала; технология улучшилась и была перенята корейцами, у которых в 1234 году появилась первая книга, набранная металлическим разборным шрифтом.

Впервые монголы вторглись в Корею в 1216 году, в последующие 50 лет они многократно заскакивали туда и убирались обратно. Именно Хубилай в 1271 году окончательно сделал Корею частью монгольской империи. Так что, возможно, Хубилай знал о печати разборным металлическим шрифтом, а уж его ученые советники — знали наверняка.

Но также они знали и о трудностях, которых при таком способе возникает даже больше, чем при печати с деревянных форм. Дело выбора правильной литеры из по меньшей мере 8000, а может, 40 000 или больше, в зависимости от требований дизайнера, не давало никаких преимуществ по части внешнего вида и почти никаких по части скорости. Кроме того, книгопечатание такого типа представляло собой угрозу двум древним искусствам — каллиграфии и вырезания печатных форм.

Верно, были и те, кто остался заинтригован этой идеей. В 1297 году Ван Чжэнь, магистрат из Дунпина в провинции Шаньдун, создал 30 000 деревянных литер, установленных на двух вращающихся круглых столах, которые облегчали процесс набора. Впоследствии правительство выпустило несколько поразительных изданий, выполненных разборным шрифтом — таких, как энциклопедия 1726 года из 5000 томов, в которой использовалось 250 000 литер. Однако для повседневного употребления этот метод печати оставался слишком обременительным, чтобы стать чем-то большим, чем технологическая странность.

Таким образом, положение Хубилая позволяло ему увидеть истинную трудность, стоящую за печатью как с деревянных форм, так и разборным шрифтом, а именно китайскую систему письменности. Китайская письменность записывает слоги.⁷⁹ Именно это сдерживало развитие китайской печати, пока в XX веке современная техника и современные требования — массовый рынок книг, газеты — не сделали рентабельным развитие такой индустрии.

Но у Хубилая прямо под самым носом был ответ на эти затруднения в виде алфавитного письма, по наущению его деда перенятого монголами у уйгуров. И он опять же существовал в виде алфавитной письменности, изобретенной Пагба-ламой. Тем самым он образовал еще одно звено в цепи, тянущейся на 3400 лет в прошлое до того момента, когда община ближневосточных иммигрантов в древнем Египте начала адаптировать для своих нужд иероглифы и наткнулась на революционное изобретение — алфавит.

Подобно китайской, другие ранние системы письма — египетская иероглифика, месопотамская клинопись — были основаны на слогах, которые казались естественными основными компонентами языка.⁸⁰ Но в языке есть намного более фундаментальный уровень — ничего не значащие звуки, составляющие слоги. Гениальность любого алфавита состоит в том, что он использует не больше нескольких десятков символов для представления всего диапазона лингвистических звуков и даже не-звуков, вроде безмолвного собирания энергии перед маленьким взрывом, с которого начинается «п». Причем это отнюдь не соответствие между звуком и символом один к одному, как часто утверждают. Великая сила алфавита заключается в его нечеткости, которая придает ему гибкость. Именно это его качество позволяет представлять любой звук любого языка, коль скоро освоишь условности конкретной системы транслитерации. К примеру, китайское «г» — своего рода жужжание вроде русского «ж» или «s» в английском слове «treasure»; французское «г» подобно шотландскому «ch», немецкое «г» — это гортанное хрипение, а детское «г» в английском языке часто передается как «w», а в русском — как «л». Именно эта комбинация неоднозначности и простоты дает алфавиту огромное преимущество над письменностями, основанными на слогах.

---

⁷⁹ За двумя исключениями, как я с облегчением обнаружил при своих первых попытках запомнить знаки китайской письменности — неотчетливых звуков «р» и «дз», например, в словах *нар* (где) и *бэйдзи* (чашка). Сами по себе эти звуки ничего не означают и таким образом могут считаться «буквами». (Прим. авт.)

⁸⁰ Автор не совсем точен: согласно научным представлениям, письменность бывает трех видов — иероглифическая, где каждый знак обозначает слово (и знаков в ней, соответственно, столько же, сколько корней в данном языке), слоговая, в которой каждый знак обозначает определенный слог (таких уже поменьше, порядка сотни-другой) и алфавитная, где каждый знак обозначает отдельный звук (их бывает порядка 20–40). (Прим. пер.)

Так что Хубилай имел в своем распоряжении часть главных элементов, которые, оказавшись почти два века спустя в руках Гутенберга, помогли ходу Возрождения. Уходят писцы с их прекрасными медленными способами фиксации, входят печатные прессы и с ними множество преимуществ, сплошь подпитывающих друг друга: массовые рынки, всеобщая грамотность, дешевые книги, ученые, обменивающиеся информацией и стоящие на плечах друг у друга. Идеи Коперника были трудночитаемыми и малопонятными, но выйдя однажды из печати, они оставались в библиотеках, дожидаясь, когда их подтвердит Галилей. Писцу требовалась неделя на переписку пары высококачественных страниц и целые годы на воспроизведение единственной библии. А Гутенберг и его команда усовершенствовали новую технологию и за два года напечатали 180 экземпляров его знаменитой библии. К 1500 году 250 печатных мастерских по всей Европе выпускали в год 2000 названий, то есть свыше 200 000 книг. В 1518–1225 годах одна только Германия каждый год печатала миллион книг, и треть из них была книгами Мартина Лютера, антипапскими «Девяносто пятью тезисами», которые запустили Реформацию, — и которые поэтому как хвалили, так и обвиняли, не без некоторых оснований, в провоцировании величайшего раскола в христианской церкви. А из Возрождения и Реформации возникла новая Европа, которая захватила весь мир, возобладала в торговле, основывала нации, открывала новые земли — именно то, чего Чингис и Хубилай намеревались добиться для своей империи.

Революция подобной природы могла быть инициирована под эгидой Хубилая. Для подкрепления его имперских амбиций Китай обладал технологией, кораблями и межконтинентальными связями по морю и по суше. Хан или его крайне толковые советники могли предпринять дальнейшие шаги, которые превратили бы письменность Пагба-ламы в металлический шрифт, вставить его в рамки и начать печатать книги и прочее. Для подобных действий даже имелась веская финансовая причина. Если в Европе толчок печатному делу дала религиозная необходимость гарантии, что все христиане читают одну и ту же одобренную и свободную от ошибок Библию, то в Китае Хубилая таким толчком вполне могла послужить необходимость печати огромного количества бумажных денег со сложными узорами и несколькими цветами для предотвращения подделок.

Почему же этого не произошло?

Недоставало нескольких важных технических шагов. Одним из них была бумага нужного сорта. В Китае бумага была мягкой и хорошо впитывающей, как нынешняя туалетная, идеально подходя для писцов, работающих кисточками, и печати с деревянных форм. В Европе же писцы работали перьями, которым требовалась более твердая, не абсорбирующая поверхность, и именно такая бумага требовалась Гутенбергу для производства жестких крошечных тиснений. Во-вторых, в Китае не выращивали ни оливки, ни виноград, которые надо давить с помощью тяжелого пресса — устройства, которое Гутенберг видоизменил для изготовления печатного пресса. И в-третьих, требовалось появиться кому-то с поразительным изобретением Гутенберга — ручной матрицей, способной производить несколько сотен новых свинцовых литер в день. Это устройство, существующее ныне только в музеях, 500 лет было фундаментальным для книгопечатания.

И есть последняя, наверное, самая решающая причина того, почему не произошло никакой юаньской революции в печатном деле. Цель печати состоит в передаче информации, а на мой взгляд — сожалею, что должен это сказать — у монголов не было никакой информации, которую они желали бы передать. Если копнуть поглубже, то, что создал Хубилай, было своего рода фирмой «Монголия Инкорпорейтед», огромной корпорацией, занятой исключительно приобретением богатства и власти без какой бы то ни было цели, кроме собственного вечно живания. Это всегда было проблемой.

Одной из главных характеристик Чингиса являлась его терпимость. Ему явно представлялось верным, что Небо избрало его самого и его наследников править миром. Но *почему* все должно быть именно так, оставалось тайной. Всю свою жизнь он ломал голову над этой загадкой, надеясь, что ответ на нее найдется у других религий. Чингисовы беспокойство и терпимость унаследовали и его преемники, включая Хубилая — но тот тоже

не нашел ответов и поэтому не смог провозгласить никакой великой новой истины. И равным образом у монголов, конечно же, не было традиции великой литературы или великого искусства. Они могли лишь поощрять передачу искусства и литературы своих подданных, китайцев.

Поэтому в монгольском имперском предприятии наблюдается интеллектуальная и художественная пустота. Цель у него имела лишь одна — завоевывать, править и финансировать само себя. И я не уверен, что это достаточно содержательное послание для любого правительства, не говоря уже о правительстве, контролирующем империю таких размеров, как у Хубилая. В конечном итоге монголам было нечего сказать миру.

* * *

Поэтому вся слава и честь достались Гутенбергу, и «Книга о разнообразии мира» Марко Поло перешла от переписчиков к печатникам, постоянно наращивая известность. Но задолго до 1477 года, когда в Германии вышли из-под пресса первые печатные издания, путь, которым следовал Марко, оказался закрыт падением Монгольской империи и возрождением ислама, ознаменованным захватом турками Константинополя в 1453 году.

Не желая быть обязанными мусульманским посредникам, европейские купцы снова обратились к морскому пути на Восток. Искомые ими товары — шелка, драгоценные камни и особенно пряности — традиционно доставлялись китайскими джонками в Малайзию, арабскими кораблями — в Индию, Персию, Африку и Аравию, а оттуда через Красное море на Средиземноморье. Но такая организация дела страшно раздражала, ибо за время пути к европейским кухням восточный перец пятидесятикратно возрастал в цене. С европейской точки зрения, несомненно, следовало доставлять его самим. Это и стимулировало гонку с целью первыми открыть путь вокруг мыса Доброй Надежды, и отсюда же родилась большая идея Колумба — добраться до Востока, плывя вокруг света другим путем, на запад. Позвольте мне повторить: его целью было добраться до Китая и страны великого хана.

Но постойте, мы ведь уже в 1490-х годах. Книга же Марко вышла в свет примерно в 1300 году. Что ж, минуло два века — а великий хан все еще жив?!

Конечно, такого никак не могло быть. Но когда мусульмане в середине XIV века захлопнули дверь на сухопутном пути, Китай для европейцев словно вошел в какое-то искривление времени. Никто не имел ни малейшего представления о том, что там происходит. На их взгляд, Хубилай был бессмертен, и похоже, никто не ставил под сомнение эту необыкновенную посылку. Как выражается в своей книге «Марко Поло и открытие мира» Джон Ларнер, «Для Европы великий хан [т. е. последний император династии Юань] все еще жил и царствовал даже через 130 лет после своего изгнания из Китая».

Колумб — Кристофоро Колумбо — был бесцеремонным генуэзцем, движимым своей одержимостью. Не один год пытаясь добиться поддержки у Португалии, он в конечном итоге получил ее от Испании, что оказалось довольно неплохо для всех, за исключением туземного населения Америки. В исторических сочинениях стало общим местом, что Колумб направлялся в Китай Хубилая в качестве первой остановки на дальнейшем пути, потому что прочел его описания у Марко Поло. Предположительно он даже взял с собой «Книгу о разнообразии мира» в свое первое плавание в 1492 году с целью наверняка найти дорогу, когда доберется туда. Так это или нет, служит темой сильных и высокотехнических споров среди ученых, но ныне большинство нехотя постановило, что такого не было. Аргументы обеих сторон хорошо подытожены Джоном Ларнером. Вкратце они звучат так: у Колумба все же имелся экземпляр книги Марко (на латыни, отпечатанный в 1440 году), но, не относясь к числу больших любителей чтения, он, похоже, приобрел его лишь после своего возвращения из Нового Света для проверки, что же такое он открыл.

Однако вдохновение для путешествия могло прийти к нему из нескольких источников, так как к XV веку Марко стал восприниматься всеми скорее как репортер, чем как фантазер, и сообщенные им сведения вводились в «карты», если можно так назвать подобные

фантастические творения. Колумб мог получить прямой доступ к своим идеям через письмо, написанное флорентийским астрологом и ученым по имени Поццо Тосканелли, который был членом своего рода неофициального всеевропейского общества ученых.

К этой же самой группе принадлежал португальский клирик Фернау Мартинс, который стал каноником Лиссабона и советником Альфонсо V Португальского. Ему-то Тосканелли и послал карту с сопроводительным письмом: «Я как-то беседовал с вами о более коротком пути морем в страны пряностей, чем тот, которым вы плывете к Гвинее... Говорят, что в самом знатном порту, называемом Зайтоном...» — далее идет описание, чуть ли не цитирующее Поло. «[Он] находится под властью князя, называемого великим ханом», который правит многими городами, в том числе «знатным и очень великим городом Кинсаем, расположенным в провинции Манги [южный Китай] неподалеку от провинции Катай [северный Китай]». Случилось так, что Колумб в то время находился в Лиссабоне. Как предполагает Ларнер, вполне возможно, что он видел или скопировал письмо Тосканелли и таким образом приобрел сообщенную Марко информацию из вторых рук.

А что он ее приобрел, не подлежит сомнению. Отплыв в 1492 году на поиски Китая, он записал в своем дневнике, что его царственные спонсоры Фердинанд и Изабелла дали ему письма к «великому хану и всем королям и владыкам Индии». Добравшись до Кубы, он узнает о лежащей впереди великой реке и «говорит, что попытается отправиться к великому хану, который, как ему думается, находится в том краю, или к городу Катай, принадлежащему великому хану, который, как он говорит, очень большой, согласно тому, что ему рассказывали, прежде чем он отправился в плавание». И ссылка на Катай как на город, и слова «тому, что ему рассказывали» предполагают скорее устный источник информации, чем чтение Поло.

Это необыкновенная цепь причин и следствий. Хубилай с распростертыми объятиями принял Марко, а тот написал «Книгу о разнообразии мира», которая косвенно вдохновила Колумба на его эпохальное плавание. Наверное, это стало самым большим вкладом Хубилая в мировую историю: он послужил магнитом, притянувшим Колумба на запад и приведшим Старый Свет в соприкосновение с Новым.

* * *

Стало быть, к 1492 году Хубилай уже прочно укоренился в сознании жителей Запада, и не в качестве кошмара, каким был для них его дед, но как живущий на другом конце радуги монарх бесконечного богатства и славы. Именно в этом виде он и доходит сегодня до англоязычного населения мира благодаря искаженным версиям Поло, вызванному опиумом видению и знаменитой перебивке сна.

«Книга о разнообразии мира» Поло в итальянском переводе (сделанном Рамузио) попала к английскому компилятору путевых заметок открывателей новых земель Ричарду Хаклюту, солидная трехтомная работа которого вышла в 1598–1600 годах. Эти три тома, плюс неопубликованные произведения Хаклюта, плюс дополнительный материал были затем изданы его коллегой Сэмюэлем Парчесом в виде еще более объемистого произведения, опубликованного в различных изданиях, завершившихся вышедшим в 1625 году трудом «Хаклот посмертный, или Парчес и его паломничества». В этом компендиуме мы читаем: «В Ксамду же построил Кублай-хан величественный дворец, занимающий шестнадцать миль равнинной земли со стеной, где есть плодородные луга, приятные источники, замечательные ручьи и всевозможное зверье и дичь, а посреди стоял роскошный дом наслаждений».

Для ознакомления со знаменитой историей о видении и перебивке сна шагнем еще на 170 лет вперед, в июньский вечер 1797 года. Сцена представляет собой изолированную ферму на склоне холма в Эксмуре, неподалеку от побережья между Порлоком и Линтоном. Входит поэт Сэмюэль Тейлор Кольридж, который в то время там проживал. Он долго гулял, общаясь с природой, пока вдруг его не застигло врасплох страшное расстройство желудка — дизентерия, как он это называет. Он принимает немного опиума, читает тот самый абзац из

Парчеса, засыпает и видит во сне куда более фантастическую версию только что прочитанного. Его вытаскивает из сна «человек, прибывший по делу из Порлока» — один из наиболее знаменитых инкогнито в истории литературы, так и оставшийся анонимным, так как у Кольриджа складывалось привыкание к опиуму, а этот неизвестный, как предполагают некоторые, мог снабжать его снадобьем. Проснувшись, Кольридж осознает, что у него вертится на кончике языка поэма длиной не менее 300 строк. Но сделка занимает час, к концу которого Кольридж почти забыл большую часть поэмы. Он вспоминает лишь несколько строк и через несколько недель, усердно напрягая мозги, наскребает достаточно материала для создания «фрагмента», который становится одним из самых знаменитых стихотворений на английском языке:

В стране Ксанад благословенной
Дворец построил Кубла-хан,
Где Альф бежит, поток священный,
Сквозь мглу пещер гигантских, пенный,
Впадает в сонный океан.

На десять миль оградой стен и башен
Оазис плодородный окружен,
Садами и ручьями он украшен.
В нем фимиам цветы струят сквозь сон,
И древний лес, роскошен и печален,
Блится там воздушностью прогалин.

Но между кедров, полных тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда под бледною луной
Так пышен не был тот уют лесной,
Где женщина о демоне рыдала.

Пленительное место! Из него,
В кипенье непрерывного волненья,
Земля, как бы не в силах своего
Сдержать неумолимого мученья,
Роняла вниз обломки, точно звенья
Тяжелой цепи: между этих скал,
Где камень с камнем бешено плясал,
Рождалось внезапное течение,
Поток священный быстро воды мчал,
И на пять миль, изгибами излучин,
Поток бежал, пронзив лесной туман,
И вдруг, как бы усилием замучен,
Сквозь мглу пещер, где мрак от влаги звучен,
В безжизненный впадал он океан.
И из пещер, где человек не мерял
Ни призрачный объем, ни глубину,
Рождались крики: вняв им, Кубла верил,
Что возвещают праотцы войну.

И тень чертогов наслажденья
Плыла по глади влажных сфер,
И стройный гул вставал от пенья,

И странно-слитен был размер
В напеве влаги и пещер.
Какое странное виденье —
Дворец любви и наслажденья
Меж вечных льдов и влажных сфер.

Стройно-звучные напевы
Раз услышал я во сне,
Абиссинской нежной девы,
Певшей в ясной тишине.
Под созвучья гуслей сонных,
Многопевных, многозвенных,
Ливших зов струны к струне.
О, когда б я вспомнил взоры
Девы, певшей мне во сне
О Горе святой Аборы,
Дух мой вспыхнул бы в огне,
Все возможно было б мне.
В полнозвучные размеры
ЗаклЮчить тогда б я мог
Эти льдистые пещеры,
Этот солнечный чертог.
Их все бы ясно увидали
Над зыбью, полной звонов, дали,
И крик пронесся б, как гроза:
Сюда, скорей сюда, глядите,
О, как горят его глаза!
Пред песнопевцем взор склоните,
И этой грезы слыша звон,
Сомкнемся тесным хороводом,
Затем, что он воскормлен медом
И млеком рая напоен!⁸¹

Это, конечно же, не имеет абсолютно никакого отношения к Хубилаю, так как в Ксанаду никогда не было никаких расщелин, пещер или лесов, и эта местность определенно не могла похвалиться никакими струящими фимиам цветами — разве что медленно текущей рекой и пологими безлесными холмами; до океана же, ничуть не более сонного и безжизненного, чем любой иной, нужно два дня скакать во весь опор. Зато это имеет большое отношение к Квантокским холмам, дикому побережью Сомерсета, прекрасным лесистым склонам холмов, массе литературных отсылок, любви Кольриджа к природе и его растущему пристрастию к опиуму. Не уверен, что это поэтическое произведение так уж хорошо смотрится в наше время: «многопевных» — странное слово, а рядом с ним — еще и «многозвенных». Но это уже придирки. Именно эта ирреальная смесь образов творит волшебство, и именно потому имя Кубла-хана вызывает отклик в душах англоязычных читателей, которые слыхом не слыхивали о Кольридже.

И именно поэтому такое же действие производит название «Ксанаду». Поклонники кино удивляются, узнав, что это реально существовавшее место, поскольку им оно известно как жутковатое поместье Чарльза Фостера Кейна из фильма Орсона Уэллса «Гражданин Кейн», вышедшего на экраны в 1941 году. А энтузиасты поп-музыки определенного возраста

---

⁸¹ Сэмюэль Тейлор Кольридж, «Кубла-Хан, или видение во сне», перевод К Д. Бальмонта (*Прим. пер.*)

помнят его как песню Оливии Ньютон-Джон.

Специалисты же по информационным технологиям знают его как название, данное визионером Тедом Нельсоном идее, что вся информация в мире может быть опубликована как гипертекст: проект «Ксанаду», «прямое вдохновение для Всемирной Паутины», как именует его тот сайт, продолжая:

«О названии. Нет, мы не позаимствовали его у Оливии Ньютон-Джон. Это реально существующее место в Монголии [на самом-то деле в Китае⁸²], которое описано в стихотворении, считающемся многими самым романтическим стихотворением на английском языке... Традиция этого стихотворения также ассоциирует название „Ксанаду“ с памятью и пропавшим творением, так как, по словам Кольриджа, он потерял часть стихотворения из-за заурядного прерывания сна. Мы выбрали название „Ксанаду“ со всеми этими ассоциациями для обозначения волшебного места литературной памяти и свободы, где ничто не будет забыто».

Слушая эти отзвуки в искажающих коридорах времени, мы находимся весьма далеко от Шан-ду Хубилая. Но именно он издал крик, вызвавший это многократно повторяющееся эхо, и думаю, он был бы доволен.

Глава 17 **СВЯЩЕННАЯ ГОРА, ТАЙНАЯ МОГИЛА**

Поворотная точка наступила в 1281 году, когда Хубилаю было 66 лет. Его империя достигла своих пределов, и в попытках ее дальнейшего расширения задним числом наблюдается чувство отчаяния. Современный психолог мог бы предположить, что Хубилай, самый могущественный человек в мире, всеми силами отбивался от любого признания, что мечты и честолюбивые планы должны развеяться как дым, а тело — состариться, и надеяться можно в лучшем случае на то, что его империя останется в тех границах, какие установил для нее он.

Что же за демон его донимал? В первую очередь — депрессия. В 1281 году умерла его любимая жена Чаби, в течение 41 года бывшая его главной спутницей и советчицей. В первые 20 лет их брака, еще до того, как он сделался ханом, она родила и вырастила четырех сыновей, в том числе наследника престола Чинкима, и пять дочерей, позаботившись, чтобы ее дети получили воспитание и образование в Духе всех окружавших их культур — монгольской и китайской, буддийской и конфуцианской. Чаби славилась своей бережливостью и здравомыслием. Порой она приказывала своим придворным дамам собирать старые тетивы луков, поскольку их можно было распустить на нити и соткать из них ткань. Она же создала новую модель монгольского головного убора, придав ему тулью для защиты от солнца. Успехи мужа ее не ослепляли. В 1276 году после победы над империей Сун и взятия ее столицы она предположительно предупредила его не впадать в чрезмерное честолюбие: «Твоя служанка слыхивала, что с древних времен никогда не бывало царства, которое простояло бы тысячу лет». Именно она позаботилась, чтобы с пленной сунской императрицей обращались с должным уважением.

Потом произошел скандал с убийством алчного и непопулярного министра-мусульманина Ахмеда, давший неожиданное доказательство неумения Хубилая разбираться в людях. И все же, по крайней мере, наследование престола было надежно обеспечено в виде Чинкима, второго сына Хубилая и Чаби, ныне мужчины 38 лет, в самом расцвете сил. После того, как его старший брат умер еще ребенком, он всегда был назначенным наследником. После убийства Ахмеда он занял подобающее ему место, а Хубилай достаточно оправился,

---

⁸² Точнее, в китайской провинции Внутренняя Монголия. (Прим. пер.)

чтобы взять еще одну жену — Намбуи, дальнюю родственницу Чаби, которую, возможно, та сама избрала перед смертью, стремясь оказать мужу поддержку, в которой тот нуждался. Казалось, это сработало. Хубилай явно был еще в достаточно хорошей форме, чтобы не отворачиваться от жизни, поскольку, пребывая в почти семидесятилетнем возрасте, сумел сделать Намбуи беременной. Родив сына, она начала выступать в роли буфера-посредницы, защищая его от чрезмерной работы.

Дела все в большей мере вершил Чинким — до такой степени, что в 1285 году один высокопоставленный чиновник пустил слух, что Хубилай отречется от престола в пользу сына. Каким-то образом, несмотря на защиту Намбуи, Хубилай прослышал об этом и впал в ярость. В ходе последующего кризиса, когда Хубилай, несомненно, подозревал сына в нелояльности, снова разыгралась трагедия: Чинким заболел какой-то неустановленной болезнью и умер.

В хане еще оставалось много от прежнего Хубилая и более чем достаточно для одного последнего усилия. А сделать его было необходимо. Все это время беспокойный и честолюбивый кузен Хубилая Хайду активно действовал в Центральной Азии, зачастую почти забытый в Китае, заслоненный административными делами и зарубежными авантюрами. Но он не покладая рук организовывал себе поддержку по всем окраинам империи, протягивая руки на юг в Тибет и одновременно на восток в Манчжурию. Хубилаю надо было остеречься, иначе он мог оказаться отрезанным от своей родины.

В Тибете после смерти Пагба-ламы тому наследовал 13-летний мальчик, выдернутый из монгольского двора, вызвав тем самым большое негодование среди местных. В 1285 году буддийская секта бригунг подняла восстание, нападая на монастыри секты Пагба-ламы, саскья-па. Возможно, восстание было стихийным, но Хайду увидел в нем свой шанс. Его протеже Дува двинулся на помощь повстанцам, в то же время отрезая гарнизоны Хубилая и почтовые станции в уйгурских землях (в современной провинции Синьцзян). Дува шесть месяцев осаждал город Хара-Хото (ныне развалины в 45 км к востоку от Турфана), обстреливая земляные валы из дюжины катапулт и сотни нефтеметов — но без толку. Отстал он лишь тогда, когда отчаявшийся командующий городским гарнизоном спустил за стены свою дочь ему в подарок. На следующий год Хайду взял уйгурскую столицу Урумчи (в те времена она называлась Бешбалык). В 1288 году 1050 ремесленников покинули Хотан и Кашгар в поисках более безопасных пристанищ на востоке.

Все это было уже слишком. На следующий год Хубилай приказал полностью очистить Синьцзян, оставив Хайду с вдвое увеличившейся территорией — но лишь ненадолго. А затем Хубилай отрядил туда младшего внука во главе армии. Штаб-квартира мятежников была уничтожена, 10 000 повстанцев убиты (так утверждают источники, но цифра кажется завышенной), почтовые станции-ямы снова заработали. Власть монголов была восстановлена, Тибет же на весь следующий век превратился в задворки империи.

Тем временем Хайду развил бурную деятельность в иных местах. В 1287 году он угрожал соединиться в Манчжурии с новым врагом Хубилая, выступившим против него смелым 30-летним князем по имени Наян, потомком сводного брата Чингиса Бельгугея.⁸³ Хубилай напрямую столкнулся с мрачной перспективой того, что все северные пределы его империи, огромная дуга степи, тянущаяся от Синьцзяна через его родную Монголию в Манчжурию, отпадут и станут той пастушеско-кочевой империей, к которой стремились мятежники. Поэтому, дабы разобраться с этим, Хубилай выбрал известного героя: военачальника Баяна, Великого Советника, покорителя империи Сун. (Стоящие рядом имена Баян и Наян могут вызвать путаницу, но так уж сложилось). Согласно одному источнику, Баян собирался принять приглашение Наяна на пир, когда узнал, что это ловушка, и сумел вовремя ускакать. Хубилай решил пойти на жесткие действия. Хотя подробности неясны, он отправил Баяна помешать двум мятежникам соединиться, заняв Каракорум, в то время как

---

⁸³ По другим данным. Наян был потомком самого младшего брата Чингиса — Тэмугэ. (Прим. пер.)

сам повел другую армию против Наяна.

Марко рассказывает эту историю на свой обычный напыщенный лад. Хубилай за 12 дней собирает свои войска, 360 000 кавалерии и 100 000 пехоты — цифры совершенно невозможные, которые следует сразу же сократить на 90 процентов. Но даже при этом 46 000 — значительные силы. Советуются с астрологами, и те предсказывают победу. Вперед отправлены разведчики задерживать всякого, кого увидят, не давая таким образом известию о походе просочиться раньше времени. Хубилай подняли в его передвижной боевой пост — нечто вроде миниатюрной крепости, перевозимой четырьмя слонами, соединенными общей упряжью. 20-дневный поход приводит их на равнину, вероятно, где-то на огромных просторах юго-восточных степей Монголии. Мятежники захвачены врасплох, но выстраиваются для боя, обе стороны поют под аккомпанемент «определенных двухструнных инструментов». Затем, приказывая атаковать, грянули барабаны — котлы диаметром в пару метров, покрытые буйволовыми шкурами. Градом сыплются стрелы, сталкиваются воины, вооруженные палицами, копьями и мечами, кричат раненые, битва грохочет, словно гром, как обычно громят битвы в штампах средневековых романов. Хубилай побеждает; Наян захвачен в плен и казнен на традиционный для князей лад, без пролития крови. «Убили его вот как: завернули в ковер, да так плотно свили, что он и умер».

Хайду, всегда остававшийся стратегом, отступил на запад, избегая битвы и предпочитая сохранить свои силы целыми для дальнейших стремительных нападений и быстрых отходов (а также, несомненно, отвлеченный конфликтом, разразившимся в Персии, с которой он постоянно враждовал до конца жизни; но это уже другая история). Поэтому никакой финальной разборки не случилось; но, по крайней мере, его отступление предотвратило возможное соединение мятежников в Центральной Азии и Манчжурии.

При Баяне, контролирующем Каракорум и восстанавливающим контроль над окружающими областями, Хайду, де-факто хан Средней Азии, последующие три года не пытался осуществить ничего крупномасштабного. Баяна попрекали тем, что он позволил ему спастись — некоторые даже обвиняли его в сговоре с Хайду, вынудив Хубилая освободить его от командования и сослать в Датун на севере провинции Шэньси ждать дальнейших приказаний. Однако прежде, чем Баян успел тронуться в путь, у Хайду хватило опрометчивости вернуться, и на этот раз он получил суровый урок, потеряв 3000 пленными. Этого хватило для того, чтобы запереть Хайду на его собственной территории, за границами, охраняемыми гарнизонами юаньских войск. Но и Хубилай больше не делал никаких попыток восстановить контроль над Центральной Азией. Оба противника достигли пата.

Этот пат продолжался до смерти Хубилая в 1294 году и позже. Наследник Хубилая, Тэмур, оставив грандиозные дедовские планы заморской экспансии, думал, что наконец-то сможет взяться за подавление мятежа дома. Он ошибся.

В сентябре 1301 года Тэмур направил в степь крупные силы, во много раз превосходящие войска Хайду, и эти два воинства столкнулись в серии из четырех битв в юго-западной Монголии, там, где Алтайские горы постепенно переходят в песчаные равнины Гоби. Источники расходятся в том, за кем осталась победа. Думаю, будет справедливым сказать, что дело кончилось ничьей. Поэтому никакого окончательного решения так и не добились; впрочем, с Хайду так и не удалось окончательно разобраться, так как, несмотря на усилия китайских врачей, вскоре после битвы тот умер — по словам Рашид ад-Дина, от ран, а может быть, от чистого истощения сил после 45 лет почти непрерывных кампаний. В конце концов, ему уже было почти 70 лет.

Дува, ставший теперь делателем королей (точнее, ханов), короновал первенца Хайду, Чапара — выбор, не снискавший популярности; по словам Рашид ад-Дина, Чапар был «крайне худым и некрасивым» юношей, — но правил до самой смерти по-прежнему сам, убирая всех наследников Хайду, которые выступали против него. После его смерти Чапар восстановил контроль над своими же владениями, увидел, что борьба тщетна, и в 1310 году капитулировал перед империей Юань, кладя конец вызову, брошенному имперской власти из Центральной Азии.

Личные потери, мятеж, поражения за рубежом — все это было уже чересчур. Хубилай налегал на еду и спиртное. На придворных пирах он поглощал вареную баранину, грудку ягненка, яйца, приправленные шафраном блинчики с овощами, чай с сахаром и, конечно же, избранный монгольский напиток айраг (перебродившее кобылье молоко, иначе известное под тюркским названием *кумыс*). Именно этот напиток особенно подрывал его здоровье. Айраг и вино — оба напитка он употреблял в непомерных количествах. А так как он стал вести менее активный образ жизни, и силы его убывали, то он набирал вес, сделавшись с годами крайне тучным. Должно быть, он знал, что это убьет его, но ему было все равно. Зная, что жить осталось недолго, он примирился с духом своего утраченного наследника, назначив своим преемником третьего сына Чинкима, Тэмура.

Он также знал, где хочет быть похороненным: у себя на родине, в сердце Монголии, там, где конец сибирского горного хребта Хэнтэй начинает уступать место степи. Именно там родился его дед, который начал все это, и именно там он упокоился. Чингис тоже умер вдали от дома, в горах Люпаньшань в провинции Нинся, находясь как раз на грани завоевания тангутского государства Си-Ся. Три недели похоронная процессия везла его тело на север, обратно через Желтую реку [Хуанхэ], вдоль гор Хэлань в высокие степи современной Внутренней Монголии, через песчаные равнины Гоби и степи самой Монголии, через реку Керулен — к горе, которую монголы считали священной еще с тех времен, когда впервые прибыли туда где-то около 800 года н. э. Называлась она Бурхан-халдун — Священный Халдун, как обычно переводят это название (хотя есть те, кто утверждает, что «бурхан» всего лишь старое слово, означающее «ива»). Чингис знал этот район — две реки, Керулен и Онон, порождающие их горы Хэнтэй, открытые степи, по которым они протекают — как собственное седло. Бурхан-халдун была горой, на которую он часто заманивал врагов, на которой ему было откровение (во всяком случае, так считал его народ, поскольку Чингис ему об этом рассказал), что он получил поддержку Вечного Неба, Вышнего Неба, в деле создания нации и империи. Он обещал каждый день воздавать благодарность Бурхан-халдуну. Эта гора и случившееся на ней были зафиксированы в устной традиции, а потом запечатлены в основополагающем эпосе монголов, «Тайной истории», составленной Шики-Хутуху — татарчонком, усыновленным во младенчестве матерью Чингиса Оэлун.⁸⁴ Было совершенно немыслимо, чтобы Чингиса похоронили в каком-то ином месте, и равно немыслимо, чтобы его народ когда-либо позволил осквернить это святое место.

Люди часто говорят, что никто не знает, где похоронен Чингис. Не верьте им. В Монголии все знают, где похоронен Чингис, с точностью до нескольких квадратных миль. Тайной остается лишь точное место захоронения на огромных, закругленных, каменистых, поросших лесом и покрытых каменистыми осыпями склонах Бурхан-халдуна. По месту погребения прогнали табун лошадей, на подобающем расстоянии разместили охрану; со временем там вырос лес, и место захоронения неизвестно до сего дня. Современные охотники за сокровищами смотрят на Бурхан-халдун как на место, где однажды будет сделана великая находка и обнаружатся бесконечные богатства. Монголы же говорят, что могила никогда не будет найдена, как и замышлял Священный Чингис.

Наверное, именно глядя на это место взглядом собственника, Хубилай поставил одного из своих внуков, Каммалу, во главе орд Чингиса, его дворцов-юрт и владений. Как написал персидский историк Рашид ад-Дин всего через несколько лет после смерти Хубилая, «в эти владения входил Великий Хориг (Запретное Место) Чингис-хана, который они называют Бурхан-халдун и где все еще расположены великие орды Чингис-хана». Вот эти-то последние и охранял Каммала. Там четыре великих орды и пять других, всего девять, и к ним никого не

⁸⁴ Версия об авторстве Шики-Хутуху — сугубо авторская гипотеза. (Прим. пер.)

допускают. Здесь создали изображения их семьи и постоянно воскурят благовония.

* * *

По моим предположениям, Хубилай хотел обеспечить права на это священное место за собой, чтобы на них не посягнул Хайду или любой другой мятежный выскочка. Юрты святилища, должно быть, уже существовали, когда прибыл Каммала, охраняя могилу, выкопанную 70 лет назад и с той поры давно заросшую. Но юрты — сооружения временные. Со временем девять сократились до восьми, став Восемью Белыми Юртами, которые играли роль разъездного святилища, кочующего туда-сюда по монгольским землям, пока наконец не остановились к югу от Дуншэна во Внутренней Монголии, где их преобразовали в современный Мавзолей Чингис-хана. Каммале требовалось что-то постоянное для совершения обрядов почитания Чингиса и, со временем, Хубилая. Как добавляет Рашид ад-Дин, «Каммала также построил там храм самому себе».

На картах Бурхан-халдун фигурирует под названием Хан-Хэнтэй. Есть те, кто говорят, что это не одна и та же гора, но я им не верю... равно как и правительство Монголии, ибо каждые три-четыре года туда отправляется дюжина министров МНР во главе с премьер-министром — почтить гору, Чингиса, а также, если подумать, и Хубилая. Они едут на множестве джипов, снабженных хорошими лебедками, поскольку поездка эта весьма нелегка, в чем я убедился, когда проехался туда в 2002 году.

Из Улан-Батора надо проехать 100 км по дороге на восток к угледобывающему городку Багануур, малопривлекательному набору многоквартирных домов-коробок коммунистической эпохи. Асфальтированное шоссе заканчивается именно тут. Затем двигаетесь по заросшим травой холмам на север, следуя по вольной сети колеи — именно это монголы обычно и имеют в виду под «дорогой», — которая приводит к Мунгенморьту (название означает «у серебряного коня»). Дальше направляетесь, имея Керулен по правую руку, в ненаселенную местность, которая ныне является заповедником «Хан-Хэнтэй». Колеи сходятся на удивительно прочном деревянном мосту (в конце концов, здесь иногда ездят члены правительства). Миновав его, вы окажетесь на единственной колее, зачастую состоящей сплошь из грязи, иногда непроезжей после грозы, и двигаетесь, подпрыгивая сквозь низкорослые заросли ив и разбросанных там и сям елей. Через 25 км вы подъезжаете к торфяному болоту и гребню, Порогу. Если автомобиль сможет подняться на гребень, вас ждет изумительный вид на верхний Керулен и потрясающий спуск по проложенной в торфе колее, которая представляет собой либо топь (в сырую погоду), либо такую же преграду, как противотанковые ловушки. Спустившись (если рискнете), пересекаете Керулен — очень мелкий, с каменистым дном. На этом этапе в поле зрения появляется Бурхан-халдун: 2452 метра, гора не очень высокая, но с мускулистыми, как у Шварценеггера, плечами, своего рода монгольский Айерс-Рок, только в семь раз больше. Далее еще 18 километров прямо вперед, по постоянно сужающейся долине, пока не доберетесь до указателя и коллекции прислоненных друг к другу стволов деревьев, покрытых кусочками голубого шелка и тибетскими молитвенными полотнищами. Это овоо, святилище, какое по обычаю соорудили бы из камней, найдись хоть какие-то камни в почве, мягкой от сосновых игл. Теперь вы у подножья Бурхан-халдуна и дальше должны взбираться на гору сами. Путь до вершины займет всего пару часов.

При подъеме очень скоро добираться до места, которое некогда явно искусственно разровняли. Этот участок тоже считается священным. Здесь стоит еще одно овоо с небольшими подношениями у основания: бутылками из-под водки, блюдечками для курительных палочек. Именно тут, вне всяких сомнений, некогда стоял храм Каммалы. В 1961 году Иоганнес Шуберт из Лейпцига, первый житель Запада, поднявшийся на эту гору, нашел здесь множество полукруглых черепичин и кусочков керамики. Теперь в поисках таких вещей придется изрядно попотеть. Я нашел два кусочка черепицы, благодаря чему у меня перед глазами вдруг вспыхнула сцена: 29-летний Каммала наблюдает, как 50

строителей-китайцев трудятся на деревянных стенах и столпах, в то время как поблизости мастера-кровельщики формируют из местной глины изогнутые черепичины, которые кладут сушиться на покрытое мешковиной бревно. Позже их подвергнут обжигу в стоящей поблизости печи.

Каммала наверняка очень старался скорее завершить работу. Он знал, что жить его деду осталось недолго.

И в самом деле, через год после возвращения Каммалы Хубилай, которому уже давно шел восьмидесятый год, уже почти не мог функционировать иначе, чем с помощью своей жены Намбуи.

28 января 1294 года, в Новый Год по лунному календарю, Хубилай оказался слишком болен, чтобы посетить обычные церемонии в Пекине. Никакого облачения во все белое, никакого большого приема для получения дани и славословий от приехавших в гости подданных, никакого смотра войск и парада богато украшенных слонов и белых лошадей, никакой давки на пиру в Большом Зале. Должно быть, все знали, что конец близок, и гонец галопом помчался к единственному человеку, который мог поднять дух хана: Баяну, все еще ждущему нового назначения в 300 км от столицы, в Датуне. Через три дня — наверняка не больше при тех обстоятельствах — Баян был рядом с ханом. Но и он ничего не мог сделать, кроме как обещать вечную преданность. Хубилай знал, что конец его близок, и попросил Баяна быть одним из трех его душеприказчиков (другими были главный цензор и управляющий политическими делами в Секретариате). Хан постоянно слабел и 18 февраля умер.

Через два дня была готова похоронная процессия. Учитывая богатство Хубилая и суммы, которые он тратил на военные кампании, она могла показаться крайне скромной. И все же свита насчитывала сотни человек: члены семьи и правительства, которые были способны выдержать предстоящее путешествие, плюс стража, погонщики скота, конюхи, повара, домашние слуги, сопровождаемые заводными лошадьми, повозками для женщин, повозками для юрт и верблюдами, везущими все необходимые принадлежности для ханской процессии, которая три недели пробудет в пути длиной в 1000 км. Где-то весьма близко к голове колонны, за стражей, двигался катафалк Хубилая: повозка с установленной на ней юртой, скрывающей большой гроб, наглухо закрытый и набитый пряностями и другими консервантами. Покрывая, вероятно, по 50 км в день — приличная скорость для такой толпы, — колонна, извиваясь змеей, протянулась через горы, охраняющие подступы к Пекину, где ныне тянется Великая Китайская Стена, через гребни и долины к старой монголо-китайской границе у Калгана (современного Чжанцзякоу) и поднялась на Монгольское плато; избегая поворота направо к Ксанаду — это означало бы двухдневную задержку, — кортеж потянулся через пыльную пустыню Гоби, пока пески не сменились травянистыми холмами, неглубоким Керуленом и, наконец, предгорьями Хэнтэя.

Сомневаюсь, что мы когда-нибудь узнаем, где именно он покоится. Есть одно место, в получасе восхождения от храма Каммалы, где поднявшийся туда оставляет позади деревья, ставшие на этой высоте низкорослыми и редкими, и выходит на ровную площадку. Вершина горы еще далеко впереди, иногда прорывающаяся каменной волной, а иногда скрытая тучами. Участок, на котором стоишь, похож на кладбище. Так я подумал, когда впервые увидел его, потому что так думали и другие. «Могилы», которые можно видеть тут, это камни неправильной формы, от метра до трех в поперечнике. Их, как мне представляется, несколько сотен. Легко вообразить, будто это настоящие могилы — кучи камня похожи на приплюснутые могильные холмики. Но что-то не соответствует. Кучки лежащих рядом камней представляют собой неправильной формы кляксы, и они сплошь плоские. И все же вокруг стояло несколько овоо — каменных, высотой с метр или около того. Сегодня сюда поднимается достаточно людей, чтобы соорудить и охранять овоо. Так почему бы не охранять и «могилы»? К тому же они на главной тропе к вершине — наверняка не самое лучшее место для тайного погребения.

Сейчас я считаю эти каменные скопления геологическими образованиями, результатом

многовековых морозов, творящих свои чары над осыпавшимися камнями. Эти характерные для холодной погоды и вечной мерзлоты процессы основательно изучаются редкой породой ученых, называемых криогеологами. Если вы заглянете в какой-нибудь учебник криогеологии, то увидите выложенные из камней узоры — многоугольники, круги, кольца и бугры, которые невероятно похожи на искусственные образования, вроде «ведьминых колец» из камня. В самом деле, некоторые из первых исследователей, которые впервые увидели их среди арктических ландшафтов, сочли их искусственными образованиями. Но это не более чем результат перепадов температуры, вызывающих у камней мелкие расширения и сжатия, заставляя их рассортировываться на разные размеры и формы. Никто не знает, сколько на это требуется времени, ибо это происходит на протяжении целых геологических эпох. Эти скопления камней не более рукотворны, чем снежинки или многоугольники из грязи в пересохших озерах.

Но эти каменные круги наводят на одну странную мысль, а не предлагают ли эти природные «могилы» идеальную маскировку для подлинных? Кто разберется, которая из сотен настоящая? Даже сегодня, при современной археологической технике, потребуются миллионы долларов и лет труда, чтобы исследовать их все. Честно говоря, этого никогда не будет.

Я уверен лишь в одном: Каммала не выбрал бы неправильное место.

Когда я вспоминаю то восхождение, в голове у меня вновь и вновь прокручивается одна и та же сцена: цепочка людей, тянущаяся вверх по склону среди стройных елей, выходит на эту открытую площадку. Все они одеты в меха, защищающие от лютого холода, их изукрашенные кожаные сапоги с загнутыми кверху носками соскребают тонкий снежный покров до скрывающейся под ним твердой земли. Шесть человек — нет, восемь, так как бремя у них тяжелое — взваливают на плечи два шеста, на которых покоится простой гроб, завернутый в синий и желтый шелк. Среди присутствующих нет никаких лам и никакой буддийской символики: это погребение является возвратом к аскетической кочевой традиции, которую любил Чингис. Возглавляемые шаманом с барабаном и погремушкой, эти люди следуют к краю плато, откуда открывается изумительный вид: заснеженная долина и замерзшая река, которая, петляя, уходит к отдаленным горам. Это страна, которую их хан никогда не видел и все же называл своей родиной.

Одна маленькая группа не так давно пробыла здесь какое-то время, и, надев рукавицы, убрала камни с одного из сотен каменных кругов. Костер, разожженный в небольшом углублении на месте удаленных камней, заставил оттаять твердую как железо землю. Медленная работа железными лопатами создала могилу. Теперь следует благоговейное опускание гроба в вырытую яму, а потом молитвы и заклинания шамана, сопровождаемые постоянным боем его барабана, затем камни один за другим вновь укладывают на место, пока ничто больше не отличает этот круг от любого другого. Хубилай покоится рядом со своим дедом Чингисом, оба они стали частью ландшафта, из которого произросли они сами и их империя.

Эпилог

НАСЛЕДИЕ ВЕЛИКОГО ХАНА

Вскоре после погребения Хубилая на Бурхан-халдуне был созван курултай, призванный решить, который из двух внуков, Каммала или Тэмур, наследует ему (временно избранный Хубилаем Тэмур так и не был утвержден официальным престолонаследником). Возник спор. Ханша предложила решение: Хубилай сказал, что править достоин тот, кто лучше знает изречения Чингиса. Все согласились, что двое претендентов должны вступить в состязание. Тэмур, более молодой, отличавшийся красноречием и умением вернуть цитату, продекламировал изречения очень хорошо, в то время как Каммала, будучи заикой, никак не мог с ним тягаться. Все дружно воскликнули: «Тэмур знает их лучше! Именно он достоин

венца и трона!»

В теории наследство Тэмуру досталось поразительное. Его семья правила Китаем, Кореей, Тибетом, Пакистаном, Ираном, большей частью Турцией, Кавказом (Грузией, Арменией и Азербайджаном), большей частью населенной России, Украины, половиной Польши — одной пятой всей земной суши. Фактически же, как и у Хубилая, власть Тэмура над более отдаленными пределами его всеевразийской империи была чисто номинальной. Ее кочевые корни были романтикой в душе размякшей монгольской аристократии, которая редко навещала Монголию и имела не больше связей со своей «родиной», чем нью-йоркские ирландцы, марширующие по Пятой Авеню в День святого Патрика. Империя стала ветшающим сооружением, и трещины на нем замазывались воспоминаниями о ее основателе.

Золотая Орда в России начала двухвековое правление, до сих пор известное у русских как «татарское иго». Ее монгольские правители — *бывшие* монголы, какими они вскоре станут — обратились в ислам, тесно сотрудничая с правителями Египта, с которыми они обменивались дипломатическими посланиями с соответствующими золотыми тиснениями и сложными приветствиями, но исключительно на тюркском. Всем ханам полагалось принадлежать к «золотому роду», то есть быть потомками Чингиса, но с течением времени на такое происхождение мог претендовать почти всякий, рвущийся в правители. Когда в 1783 году при Екатерине II возрождающаяся Россия захватила Крым, его хан все еще провозглашал свои чингисидские корни.

В Персии ильханы (подчиненные ханы), как они сами себя называли, поработали, грабили и до предела облагали налогами простой народ, укрепляя в нем вражду к своей власти. Торговля помогала городам, которые производили достаточно богатства, чтобы позволить монголам удерживать свою непрочную власть, даже когда те утратили связь со своими корнями. Правнук Хулагу сделался мусульманином и воевал с другими мусульманами, но без всякого толку. В 1307 году монгольское посольство в Англию к Эдуарду II было последней бесполезной попыткой самопродвижения. Через тридцать лет последние из монгольских правителей умерли, не оставив наследников, и власть монголов исчезла.

В Центральной Азии наследники Чагатая властвовали над просторами без четких границ, постоянно терзаемыми религиозными распрями, войнами и междоусобной борьбой. Здесь кочевые традиции оставались сильны, как и стремление к завоеваниям. Сдерживаемые монголами-соперниками с востока и запада, наследники Чагатая обратили свои взоры на юг в сторону Афганистана и Индии, несколько раз вторгшись туда и зародив традицию, которая сохранилась даже тогда, когда власть монголов пала в кровавые руки Тамерлана (Тимурленга, Хромого Тимура). Хотя и не происходивший по прямой линии от Чингиса, он оправдывал себя как новое воплощение Чингиса — скромное происхождение, тяжелые жизненные обстоятельства, жестокие завоевания и прочие детали сходства. Именно эти претензии объясняют, почему потомок Тамерлана Бабур назвал себя «Моголом», когда в начале XVI века захватил власть в Индии, основав династию, прекратившуюся лишь тогда, когда англичане в 1857 году свергли с трона последнего Могола. Кстати, звали его Бахадуром — отдаленное эхо монгольского «батыр», то есть герой, богатырь, второй элемент в названии монгольской столицы, Улан-Батор (Красный Богатырь). Современный английский язык сохраняет окаменелые останки того же слова, термин «могол» (mogul) первоначально означал «богатый индиец», затем «богатый англо-индиец», теперь же он обозначает медиа-магната.

Еще 73 года после смерти Хубилая его потомки связывали восток и запад, деля с дальними родственниками свободный поток торговли, дипломатов и специалистов. Но монголы находились на зыбкой почве. Перестав быть кочевниками, они так и не стали настоящими китайцами. Хотя некоторые из десяти преемников Хубилая умели говорить по-китайски, ни один из них не научился хорошо писать на нем. Безусловно, в стране царил мир, население снова выросло до прежнего уровня, процветала торговля. Но власть монголов

покоилась на силе, а сила постепенно убывала.

Преемники ссорились из-за наследования трона, пышным цветом цвели заговоры и убийства. В 1328 году двухмесячная гражданская война закончилась казнями. В 1331 году чума опустошила многие области Китая, с чего, наверное, и началась Черная Смерть, которая вскоре докатилась до Европы. В провинции Хэнань вымерло 90 процентов населения. Потом Желтая река [Хуанхэ] прорвала укреплявшие берега дамбы, утопила бесчисленные тысячи народу и проложила себе новое русло к морю. Повстанцы, чувствуя, что у династии изымается Небесный Мандат, захватили бассейны рек Хуайхэ и Янцзы. Пираты нападали на каботажные суда. В опустошенной чумой провинции Хэнань повстанцы, известные под названием «красных повязок», даже ненадолго восстановили династию Сун (1355–1360). Когда новый император Иринчинбал [Цокту] попытался восстановить порядок и исправить разрушения, то сделал это, печатая бумажные деньги, что привело к гиперинфляции и вынудило вернуться к серебряной и медной монете.

Наконец ненависть, коррупция, чума, инфляция, катастрофа и беспорядок, наслаиваясь друг на друга, достигли высшей точки. В 1368 году бывший буддийский монах выгнал последнего монгольского императора Тогон-Тэмур назад в монгольскую степь, оставив 300 или 400 тысяч монголов в мстительных руках династии Мин. Вместе с ним ушли 60 тысяч монгольской элиты, которая потащилась обратно в страну, уже ставшую им чужой, где мертвый груз их присутствия разрушил традиционную пастушескую экономику.

Они так и не смирились со своим внезапным крахом. Их потомки, коронованные в Каракоруме, продолжали твердить, что истинные правители Китая — они. Они говорили это потому, что «знали» скрытую от всех «истину», будто бы династия Мин на самом деле монгольская. Эта история, в обобщенном виде изложенная Хок-Лам Чаном, адъюнкт-профессором Вашингтонского университета, в его книге «Китай и монголы», звучит примерно следующим образом.

Ханша последнего Юаньского хана Тогон-Тэмур была уже беременна, когда в 1368 году ее захватил в плен и взял в жены будущий император династии Мин. Она подумала: «Если я вскоре рожу, они наверняка убьют дитя», поэтому помолилась о продлении беременности, и Небо ответило на ее молитвы. Она родила через двенадцать месяцев, и первый император Мин принял мальчика как своего наследника. И этим дело не ограничилось: император Мин [Чжу Юань-чжан] сделал своей столицей Наньцзин, но однажды юный монгольско-минский принц повстречал человека «необыкновенной осанки, со смуглым лицом, облаченного в черные одежды и верхом на черном коне», который велел ему найти великий город с четырьмя углами по числу времен года, девятью внешними воротами по числу планет, и другими магическими и религиозными атрибутами. «В златом месте посреди города, — сказал Черный Всадник, — установи нефритовый трон с девятью переплетающимися драконами и, воссевши на него, сам стань императором». Таким образом «монгольский» принц нашел современный Пекин, куда вскоре и переехал минский двор.

Все это, конечно же, легенда, не подкреплённая ни малейшими доказательствами. Но, как заключает Хок-Лам Чан, такие истории, «доказывающие», что в жилах минских императоров течет монгольская кровь, а восстановление столицы вдохновлено монголами, набрали силу за десятилетия до и после 1500 года, когда Монголия вновь объединилась под началом хана, притязавшего на мантию Хубилая и зовущего себя Даян — от Да Юань, Великая Юань, имени, выбранного Хубилаем для своей династии. Легенды эти рассказывали и пересказывали вплоть до изрядной части XX века.

* * *

Да, чушь — но в этих легендах есть и доля правды, так как наследие двух завоевателей, Чингиса и Хубилая, пережило века и все еще определяет контекст современной геополитики.

При Хубилае китайская территория вышла далеко за пределы традиционных границ Китая, и хотя последующие династии притязали на восстановление прежнего Китая, их

программу действий определяли приобретения Хубилая. Династия Мин приняла их, не испытывая ни малейших сомнений. Юннань, завоеванная Хубилаем еще в бытность царевичем, осталась китайской, как и бассейн реки Ляо в Манчжурии, населенный большей частью корейскими пленниками, переселенными туда с родины монгольскими армиями. Тибет, объединенный под властью монголов, признал императоров династии Мин своими сюзеренами — положение, которое империя Мин периодически отстаивала, пусть и с различной степенью успеха. Как утверждает японский ученый Хидэхиро Окада, «учитывая некитайское происхождение этих территорий, единственным оправданием минского сюзеренитета над ними могло быть только утверждение, что минские императоры являются законными наследниками монгольских ханов».⁸⁵

По части бюрократического аппарата, администрации и военной структуры империя Мин тоже многим обязана монголам. Например, и гражданскими, и военными управляли, поделив их по десятичной системе, которую Чингис навязал своей новой нации, а Хубилай приспособил для Китая. И в Пекин династия Мин вернулась как раз для того, чтобы предъявить претензии на саму Монголию. В самом деле, как заключает Окада, «династия Мин во всех своих аспектах была усеченной формой Монгольской империи».

Точно так же обстояло дело и с манчжурами, когда в 1644 году те захватили Китай. Опять же ни один манчжур не собирался отказываться от территорий, приобретенных при Хубилае. Когда был коронован первый манчжурский император — еще до захвата китайского трона, — он провозгласил себя Всемиловивейшим, Гармоничным и Святым Ханом-Императором, претендуя на имперскую традицию, ведущую свое происхождение от Чингиса, для придания законности своим претензиям на восточную половину прежней Монгольской империи. Как пишет Окада, манчжурский император стоял, опираясь на три мира: на китайский — как император, на монгольский — как наследник Чингиса и на тибетский — как покровитель буддизма.

И снова о современном Китае. Дальний запад страны — Ганьсу, Нинся, Синьцзян — был населен мусульманами, имеющими больше общего с современными среднеазиатскими «-станами», чем с восточными регионами, населенными ханьцами. Однако они считались китайцами, поскольку Чингис завоевал Среднюю Азию, а Хубилай поощрял мусульманскую иммиграцию. Западные части Внутренней Монголии были территорией тангутского государства Си-Ся, пока оно не было завоевано Чингисом и унаследовано Хубилаем. Именно на этой основе Китай вновь забрал у России районы, почти утраченные в XIX веке. Сегодняшний Китай своими границами напоминает именно империю Хубилая — по иронии судьбы, без самой Монголии, которой позволили стать независимой и попасть в советскую сферу влияния во время слабости в период после Первой мировой войны.

Особый интерес для меня представляет как раз Монголия. Монголы очень нервничают, глядя на китайцев, видя в них бывших имперских хозяев, у которых так и чешутся руки наброситься на них и закогтить.

Однажды в сумерках я стоял в южной части Гоби, глядя через огромные просторы на нечто, сперва принятое мной за облака. Но это были не облака.

— Что это? — спросил я своего монгольского спутника. Ответу полагалось бы быть — заснеженные пики Тянь-Шаня. Но вместо этого он сказал:

— Китай. Очень опасен.

Монголы видят, как с начала XX века китайцы неуклонно продвигаются на север, за Великую Китайскую Стену, за Хуанхэ и дальше в монгольские степи. Внутренняя Монголия сейчас больше китайская, чем монгольская. По коммерческой линии давление на Монголию также возрастает с каждым годом, так как Монголия располагает ценными природными

---

⁸⁵ Хидэхиро Окада, «Китай как государство-наследник монгольской империи» в сб. под ред. Рейвена Амитаи-Прайсса и Дэвида О. Моргана «Монгольская империя и ее наследие» [Hidehiro Okada, «China as a Successor State to the Mongol Empire», in Reuven Amitai-Preiss and David O. Morgan, eds, *The Mongol Empire and Its Legacy*]. (Прим. авт.)

ресурсами, особенно в Гоби, которые нашли бы в Китае естественный рынок сбыта — с помощью китайских финансов, китайского транспорта и китайской рабочей силы. Для китайцев же все именно так и должно быть, ибо если они задумаются над этим вопросом, что с ними бывает не часто, то скажут, как выразился один из моих гидов: «Конечно, мы знаем, что Монголия на самом деле китайская, не так ли?»

Разумеется, к северу от Гоби придерживаются прямо противоположного взгляда: это Китай на самом деле монгольский. Но тут правит демография, и 1300 миллионов могут в конечном итоге подмять под себя всего два. Если Монголия когда-нибудь сделается экономической колонией Китая (о политическом захвате никто не говорит), то Китай пожмет своими широченными плечами и укажет, что монголы веками были членами великой семьи народов Китая. И любой рост китайского влияния — всего лишь возвращение к status quo, установленному Чингисом, основателем китайской династии Юань, и звездой этой династии — Хубилаем.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Здесь выборочно перечислены только те работы, которые я нашел особенно полезным. Почти все они опубликованы на английском языке, но даже перечисленные издания составляют лишь малую долю англоязычных публикаций, доступных специалистам. Лучшие библиографии по теме можно найти в работах Уизерфорда (Weatherford, только на английском языке), а также в книгах Россابي (Rossabi) и Моута (Mote), последние две содержат также публикации на других европейских и не-европейских языках.

Abu-Lughod, Janet L., *Before European Hegemony: The World System AD 1250–1350*. Oxford and New York: Oxford University Press, 1989.

Allsen, Thomas, *Culture and Conquest in Mongol Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Amitai-Preiss, Reuven and Morgan, David O., eds, *The Mongol Empire and Its Legacy*. Leiden and Boston: Brill, 1999.

Atwood, Christopher, *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire*. New York: Facts on File, 2004.

Aung-Thwin, Michael, Pagan: *The Origins of Modern Burma*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1985.

Barthold, W., *Turkestan Down to the Mongol Invasion*. London, Luzac & Co., 1968.

Bartlett, W. B., *The Assassins: The Story of Medieval Islam's Secret Sect*. Stroud, Glos.: Sutton, 2001.

Bira, Sh., «Mongolian Tenggerism and Modern Globalism: A Retrospective Outlook on Globalism», *Journal of the Royal Asiatic Society*, vol. 14, London, 2004.

Bira, Sh., «The Mongolian Ideology of Tenggerism and Khubilai Khan», unpublished paper, 2005.

Bira, Sh., *Studies in Mongolian History, Culture and Historiography*. Ulaanbaatar International Association for Mongol Studies, 2001, esp. «Khubilai Khan and Phags-pa bla-ma».

Biran, Michael, *Qaidu and the Rise of the Independent Mongol State in Central Asia*. Richmond, England: Curzon, 1998.

Boyle: see Juvaini.

Cahill, James, *Hills Beyond a River: Chinese Painting of the Yuan Dynasty 1279–1368*. New York: Weatherill, 1976.

Cannadine, David and Price, Simon, eds, *Rituals of Royalty*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Chan, Hok-Lam, *China and the Mongols: History and Legend under the Yuan and Ming*. Aldershot, Hants: Ashgate, 1999.

- Chen, Paul Heng-chao. *Chinese Legal Tradition Under the Mongols*. Princeton: Princeton University Press, 1979.
- Ch'en Yuan, «*Western and Central Asians in China Under the Mongols*», Monumenta Serica Monograph XV, University of California, 1966.
- Conlan, Thomas D. (trans. and interpretive essay), *In Little Need of Divine Intervention: Scrolls of the Mongol Invasions of Japan*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2001.
- Crump, J. I., *Chinese Theatre in the Days of Kublai Khan*. Tucson: University of Arizona Press, 1980.
- Daftary, Farhad, *The Isma'ilis: Their History and Doctrines*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- Davis, Richard L., *Wind Against the Mountain: The Crisis of Politics and Culture in 13th-Century China*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996.
- Delgado, James P., «*Relics of the Kamikaze*», *Archaeology*, vol. 56, no. 1 (Jan.-Feb. 2003).
- Denney, Paul and Douglas, Julie, исследование о метательных машинах: www.artefacts.uk.com.
- Eckert, Carter J., et al., *Korea Old and New: A History*. Seoul and Cambridge, Mass.: Ilchokak/Harvard University Press, 1990.
- Farris, William Wayne, *Heavenly Warriors: The Evolution of Japan's Military, 500-1300*. Cambridge, Mass.: Harvard Council on East Asian Studies, 1992.
- Franke, Herbert, «*Chia Ssu-tao (1213–1275): A „Bad Last Minister“?*», in Arthur F. Wright and Denis Twitchett, eds, *Confucian Personalities*. Stanford: Stanford University Press, 1962.
- Franke, Herbert, «*Siege and Defence of Towns in Medieval China*», in Frank A. Kierman and John K. Fairbank, eds, *Chinese Ways in Warfare*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1974.
- Franke, Herbert, *From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yuan Dynasty*. Munich: Bayerische Akademie der Wissenschaft, 1978.
- Franke, Herbert, *Studien und Texte zur Kriegsgeschichte der Sudlichen Sungzeit* (esp. ch. 4: «Hsiang-yang: Gelände und Befestigungen»). Wiesbaden: Harrassowitz, 1987.
- Franke, Herbert, *China Under Mongol Rule*. Aldershot, Hants: Ashgate, 1994.
- Franke, Herbert and Twitchett, Denis, eds, *The Cambridge History of China, vol. 6: Alien Regimes and Border States, 907-1368*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Gernet, Jacques, *A History of Chinese Civilization*, 2nd edn, trans. J. R. Foster and Charles Hartman. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
- Goodman, Jim, *The Exploration of Yunnan*. Kunming: Yunnan People's Publishing House, 2000.
- Grey Company, веб-сайт о метательных машинах: www.iinet.net.au/~rmine/gctrebs.html.
- Groeneveldt, W. P., «*The Expedition of the Mongols Against Java in 1293 AD*», *China Review*, vol. 4 (1875–1876).
- Grousset, Rene, *The Empire of the Steppes*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1970.
- Harvey, G. E., *History of Burma*. London: Longmans, Green & Co., 1925.
- Heissig, Walther, *The Religions of Mongolia*, trans. Geoffrey Samuel. London: Routledge, 1980.
- Herrmann, Albert, *An Historical Atlas of China*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1966.
- Hitti, Philip, *History of the Arabs*. Basingstoke: Macmillan, 2002.
- Htin Aung, Maung, *A History of Burma*. New York and London: Columbia University Press, 1967.
- Jackson, Peter, *The Mission of Friar William of Rubruck*. London: Hakluyt Society, 1990.
- Jagchid, Sechin and Bawden, C. R., «*Some Notes on the Horse-Policy of the Yuan Dynasty*», *Central Asiatic Journal*, vol. 10 (1965).
- Jagchid, Sechin and Hyer, Paul, *Mongolia's Culture and Society*. Boulder, Colo.: Westview,

1979.

Jay, Jennifer W., *A Change in Dynasties: Loyalism in 13th-Century China*. Washington DC: Centre for East Asian Studies, 1991.

Johnson, Dale R., «*Courtesans, Lovers, and „Gold Thread Pond“ in Guan Hanqing's Music Dramas*» *Journal of Song-Yuan Studies*, vol. 33 (2003).

Juvaini, Ata-Malik, *Genghis Khan: The History of the World Conqueror*, trans. and ed. J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press/UNESCO, 1958; 2nd edn 1997.

Karcher, Stephen, *Total I Ching: Myths for Change*. London: Time Warner, 2003.

Kates, G. N., «*A New Date for the Origins of the Forbidden City*», *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 7 (1942–1943).

KOSUWA (Kyushu and Osaka Society for Underwater Archaeology), веб-сайт с отчетами Такасумы о поисках потерянного флота Хубилая: www.h3.dion.ne.jp/~uwarchae/english.

Langlois, John D., ed., *China Under Mongol Rule*. Princeton: Princeton University Press, 1981.

Lamer, John, *Marco Polo and the Discovery of the World*. New York and London: Yale University Press, 1999.

The Legacy Treasure of the Great Dynasty, catalogue of Mongol-Yuan Exhibition, Arthur M. Sackler Museum, Beijing University, 2004.

Lewis, Bernard, *The Assassins: A Radical Sect in Islam*. London: Weidenfeld & Nicolson, 1967.

Li Chu-tsing, *The Autumn Colors on the Ch'iao and Hua Mountains — A Landscape by Chao Meng-fu*. New York: Artibus, New York University, 1964.

Lin Yutang, *Imperial Peking: Seven Centuries of China*. London: Elek, 1961.

Lindner, Rudi Paul, «*Nomadism, Horses and Huns*», *Past and Present*, no. 92 (Aug. 1981).

Liu Bin, ed., *Atlas of China*. Beijing: China Cartographic Publishing House, 1989.

Liu Jung-en, trans. and ed., *Six Yuan Plays* (includes *The Injustice Done to Tou Ngo*, a.k.a. *The Injustice to Dou E*). London: Penguin, 1972.

McMullen, David, «*Bureaucrats and Cosmology: The Ritual Code of T'ang China*», in Cannadine and Price, eds, *Rituals of Royalty*.

Man, John, *Genghis Khan: Life, Death and Resurrection*. London: Transworld, 2004.

Mansfield, Stephen, *China: Yunnan Province*. Chalfont St Peter, Bucks: Bradt Travel Guides, 2001.

Medley, Margaret, *Yuan Porcelain and Stoneware*. London: Faber, 1974.

Morgan, David, «*The Mongols in Syria, 1260–1300*», in Peter Edbury, ed., *Crusade and Settlement*. Cardiff: University College of Wales, 1985.

Morgan, David, *The Mongols*. Oxford, UK and Maiden, Mass.: Blackwell, 1986 (many reprints).

Mote, F. W., *Imperial China 900-1800*. Cambridge, Mass. and London: Harvard University Press, 1999.

Moule, A. C., *Quinsai with Other Notes on Marco Polo*. Cambridge: Cambridge University Press, 1957.

Mozai, Takao, «*Kublai Khan's Lost Fleet*», *National Geographic*, Nov. 1982.

Needham, Joseph, *Science and Civilisation in China*, vols 5 and 7 (о военных технологиях).

Nelson, Janet, «*The Lord's Anointed and the People's Choice: Carolingian Royal Ritual*», in Cannadine and Price, eds, *Rituals of Royalty*.

Okada, Hidehiro, «*China as a Successor State to the Mongol Empire*», in Amitai-Preiss and Morgan, eds, *The Mongol Empire and Its Legacy*.

Olbricht, Peter, *Das Postwesen in China unter der Mongolenherrschaft im 13. und 14. Jahrhundert*. Wiesbaden: Harrassowitz, 1954.

Peers, C. J., *Medieval Chinese Annies, 1260–1520*. Oxford: Osprey, 1992.

Peers, Chris, *Imperial Chinese Armies (2), 590-1260*. London: Osprey, 1996.

Petech, Luciano, «*Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols*», in Morris

Rossabi, ed., *China Among Equals: The Middle Kingdom and its Neighbours, 10th —14th Centuries*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1983.

Polo, Marco, *The Travels of Marco Polo: The Complete Yule-Cordier Edition* : Henry Yule's 3rd (1903) annotated translation, with Henri Cordier's notes. New York: Dover, 1993. Это — издание, которое я использовал. Издание Рональда Латама, содержащее тот же перевод: *Marco Polo: The Travels* (Penguin, 1958) переиздается до сих пор и более доступно. Библиографию других изданий см. у Ларнера (Larner).

Rachewiltz, Igor de, *Papal Envoys to the Great Khans*. London: Faber, 1971.

Rachewiltz, Igor de, trans. and commentary, *The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the 13th Century*. Leiden and Boston: Brill, 2004.

Rachewiltz, Igor de, et al., *In the Service of the Khan: Eminent Personalities of the Early Mongol-Yuan Era (1200–1300)* . Wiesbaden: Harrassowitz, 1993.

Rashid ad-Din, *The Successors of Genghis Khan* , trans. John Andrew Boyle. New York: Columbia University Press, 1971.

Ratchnevsky, Paul, *Genghis Khan: His Life and Legacy* , trans. and ed. Thomas Haining. Oxford, UK, and Cambridge, Mass.: Blackwell, 1991 (several reprints).

Rossabi, Morris, *Khubilai Khan: His Life and Times*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1988.

Rossabi, Morris, *Voyager from Xanadu: Rabban Sauma and the First Journey from China to the West*. Tokyo, London and New York: Kodansha, 1992.

Rossabi, Morris, ed., *China Among Equals: The Middle Kingdom and its Neighbours, 10th —14th Centuries*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1983.

Rouleau, Father Francis, sj, «*The Yangchow Latin Tombstone as a Landmark of Medieval Christianity*», *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 17, nos 3–4 (Dec. 1954).

Sanson, Sir George, *A History of Japan to 1334*. Folkestone, Kent: Dawson, 1958,1978.

SarDesai, D. R., *Southeast Asia, Past and Present*. London: Macmillan, 1989.

Saunders, J.J., *A History of Medieval Islam*. London and New York: Routledge, 1965 (имеет много переизданий).

Saunders, J. J., *The History of the Mongol Conquests*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1971.

Saunders, J. J., *Muslims and Mongols: Essays on Medieval Asia*. Christchurch, NZ: Whitcoulls, University of Canterbury, 1977.

Shih, Chung-wen, *Injustice to Tou O*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.

Shih, Chung-wen, *The Golden Age of Chinese Drama: Yuan Tsa-chii*. Princeton: Princeton University Press, 1976.

Smith, John Masson, «*Aynjalut: Mamluk Success or Mongol Failure?*», *Harvard Journal of Asiatic Studies* , vol. 44, no. 2 (Dec. 1984).

Stark, Freya, *The Valleys of the Assassins*. London: John Murray, 1934.

Steinhardt, Nancy, *Chinese Imperial City Planning*. Honolulu: University of Hawaii Press, 1990.

Tarling, Nicholas, ed., *The Cambridge History of Southeast Asia*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.

Temple, Robert, *The Genius of China* , intr. Joseph Needham. London: Prion, 1999 (хорошее введение к объемистой работе Нидхэма).

Thorau, Peter, «*The Battle of Ayn Jalut: A Re-examination*», in Peter Edbury, ed., *Crusade and Settlement* . Cardiff: Cardiff Press, 1985.

Toms, Ron, website: www.trebuchet.com. Turnbull, Stephen, *Siege Weapons of the Far East (1), 612-1300 and (2)960-1644*. Oxford: Osprey, 2001-2.

Vemming, Peter, веб-сайт о метательных машинах: <http://www.middelaldercentret.dk>. См. также его последнюю реконструкцию на <http://www.warwicksiege.com>.

Wang Jiawei and Nyima Gyaincain, *The Historical Status of China's Tibet*. Beijing: China Intercontinental Press, 1997.

Wang Shifu, *The Romance of the Western Bower*, adapted by Xang Xuejing. Beijing: New World Press, 2000.

Weatherford, Jack, *Genghis Khan and the Making of the Modern World*. New York: Crown, 2004. (Включает описание империи как Хубилая, так и Чингиса.)

Wood, Frances, *Did Marco Polo Go to China?* London: Seeker & Warburg, 1995.

Wylie, Turrell V., «*The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted*», *Harvard Journal of Asiatic Studies*, vol. 37, no. 1 (1977).

Yamada, Nabaka, *Ghenko: The Mongol Invasion of Japan*. London: Smith, Elder & Co., 1916.

Yanagida, Sumitaka, *The Mongolian Invasion and Hakata* (in Japanese). Hakata Town, 2001. Zu An, ed., *Beihai Park*. Beijing: China Pictorial, 1989.

БИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК

Абага-хан (Ilkhan Abaqa Qan) (? — 1282) — сын *Хулагу* и племянник *Хубилая*. Второй ильхан Персии (с 1265). Покровительствовал учёным и поэтам, добился повышения благосостояния страны. Проводил активную антимусульманскую политику, опираясь одновременно на буддизм и несторианство. В 1265 году женился на Марии Деспине, незаконной дочери императора Михаила VIII Палеолога. Убит в 1282 году. Преемником Абаги стал его брат Текудер, принявший ислам и начавший гонения на христиан и буддистов, но через два года Текудер сам был разгромлен и низвергнут с престола своим племянником, буддистом *Аргуном*.

Аргун (? — 1291) — монгольский правитель Хорасана, буддист. В 1284 году свергнул своего дядю, мусульманина Текудера, и стал четвертым ильханом Персии. Пытался вести переговоры с европейскими королями и римским папой о создании антимусульманской коалиции.

Ариг-буга (Ариг Сильный) (1230–1264) — сын *Толуя*, младший брат *Хубилая*. По свидетельству *Гильома де Рубрука* — христианин несторианского толка. В июне 1260 года на курултае в Каракоруме признан великим ханом, что привело к гражданской войне в империи монголов; на стороне Хубилая выступил *Хулагу*, на стороне Ариг-Буги — *Берке*. В итоге Ариг-Буга потерпел поражение и признал верховенство *Хубилая*, а это, в свою очередь, стало причиной падения влияния несториан в Монгольской империи.

Ариг-хайя — уйгур, сподвижник и полководец *Хубилая*, завоеватель империи Сун в 1270-х годах. В 1280 году участвовал в неудачной кампании в Тьямпе.

Ахмед — узбек, управляющий при дворе *Хубилая*. С 1266 года — глава Управления по регулированию государственных расходов, с 1272 года — высший чиновник в имперской администрации (аналог канцлера или премьер-министра). Вызвал ненависть населения Пекина коррупцией и поборами. В 1282 году убит офицером Ван Чжу; после смерти объявлен преступником.

Ачжу (1235 —?) — сын *Урянхадая*, полководец *Хубилая*, завоеватель империи Сун.

Батый (Бату-хан) (1208–1255) — сын *Джучи* и внук *Чингис-хана*, двоюродный брат *Гуюка*, монгольский полководец и правитель. С 1227 года второй хан улуса Джучи (Золотая Орда). В 1235 году поставлен ханом *Угэдэем* во главе похода в Европу. С 1237 по 1240 год разгромил Волжскую Булгарию, завоевал южную и центральную Русь (Рязань, Москва, Владимир, Киев, Чернигов, Галич и др.). В 1241 году разгромил войско венгерского короля Белы IV, занял Венгрию, Хорватию и Далмацию; тем временем отделившаяся часть войска во главе с Каданом и Орду разгромила Польшу и заняла Моравию. Однако после получения известия о смерти хана *Угэдэя* в марте 1242 года войско Бату-хана двинулось обратно на восток для участия в выборах нового хана. Позднее основал в низовьях Волги (в районе современной Астрахани) город Сарай-Бату, ставший столицей Золотой Орды.

Берке (1209–1266) — четвёртый хан Золотой Орды, внук *Чингис-хана*, сын *Джучи*, брат *Батыя*. Около 1260 года основал новую столицу — Сарай-Берке у истоков Ахтубы.

Принял ислам и сделал Золотую Орду мусульманским государством, фактически отделившись от Монгольской империи, однако лояльно относился к православию. Покровительствовал ученым и художникам. Поддержал *Ариг-Бугу* в его противостоянии *Хубилаю*, начал войну против *Хулагу*, вступив для этого в союз с египетскими мамлюками. Во время второго похода на Персию (1265) взял Дербент, но на обратном пути умер, переправляясь через реку Куру. Наследники Берке отошли от ислама, который окончательно утвердился в Золотой Орде только в начале XIV века (при хане Узбеке).

Би (Пи) Шэн — кузнец, легендарный изобретатель способа печати разборным шрифтом, сделанным из обожженной глины. Обычно это изобретение относят к 40-м годам XI века.

Вончжон (?—1274) — сын короля Кочжона. В 1258 году по требованию монголов направлен во главе посольства в Каракорум. Согласился признать сюзеренитет нового хана — *Хубилая* — в обмен на вывод монгольских войск из Кореи. Как и его отец, не пользовался популярностью в стране и не имел реальной власти. Смог окончательно утвердиться на троне только в 1270–1273 годах, вновь призвав в страну монголов и подавив с их помощью восстания военных.

Гильом (Виллем) де Рубрук (ок. 1220 — ок. 1293) — фламандский монах-францисканец. В 1253–1255 годах по поручению французского короля Людовика IX в качестве посла и политического агента с несколькими спутниками совершил путешествие в Каракорум, ко двору хана *Мункэ*. Привез в Европу письмо *Мункэ* французскому королю, в которой монгольский хан называл себя владыкой мира и требовал от французов присяги на верность — это письмо послужило одной из причин срыва совместных с европейцами действий против мусульман в Палестине. Автор книги «Путешествие в восточные страны», содержащей важные и достоверные сведения о Центральной Азии, Китае и империи монголов, но впервые опубликованной только в 1589 году.

Гуюк (1205–1248) — старший сын *Угэдэя*, внук *Чингис-хана* и двоюродный брат *Батыя*. В юности отличился в войнах с чжурчженями, в 1235–1240 годах участвовал в походе *Батыя* на Русь и в Европу, но поссорился со своим командиром и вернулся в Монголию до конца похода. В 1246 году, после пятилетнего регентства своей матери *Туракины* (Торогэнэ-хатун) и при ее содействии, вопреки завещанию *Угэдэя* избран великим ханом. *Батый* отказался принести присягу новому хану, в 1248 году Гуюк пошел на него войной, но умер по дороге в Бишбалыке. «Сокровенное сказание» относится к Гуюку крайне негативно, осуждая его за жестокость и высокомерие.

Джованни Монтекорвино — францисканский монах. В 1289 году отправлен папой Николаем IV в Китай с заданием обратить в христианскую (то есть католическую) веру монгольских владык. В 1294 году основал в Пекине первую католическую церковь, однако к 1305 году даже по официальному отчету ему удалось обратить в «истинную веру» всего лишь около 6 тысяч несториан. Получив этот отчет, папа Климент V в 1307 году назначил Монтекорвино архиепископом Ханбалыкским, однако из положенных 6 епископов, отправленных в архиепархию для совершения хиротонии, до места к 1313 году добралось только трое.

Джучи (1184–1226) — старший сын *Чингис-хана* и его первой жены Бортэ-фуджин из племени онхират, талантливый монгольский военачальник, участвовал в завоевании Средней Азии. В 1207 году подчинил бурятов, урсатов, ойратов и ряд других народов, живших в районе Байкала и в верховьях Енисея. В 1213 году возглавил западную группу войск в походе на чжурчженей. В 1218 году подавил восстание туматов, живших к западу от Байкала, и подчинил племя теленгутов. Участвовал в завоевании Средней Азии (1219–1221) и Дешт-и-Кипчака. В 1224 году, при разделе Чингисом завоеванных земель, получил в удел области от Иртыша до Урала и далее на Запад (улус Джучи). По некоторым сведениям, несмотря на свои военные успехи, вызвал недовольство отца отказом выполнить приказ *Чингис-хана* о покорении башкиров, русских и черкесов и протестами против безрассудных грабительских войн. Существует даже версия, что Джучи был убит по приказу *Чингис-хана*.

После смерти Джучи границы его улуса были несколько изменены — теперь его наследники получали, помимо Хорезма и Дешт-и-Кипчака, ещё не завоёванные страны — Кавказ и земли к северу от Каспийского и Чёрного морей, позднее получившие название Золотой Орды.

Ихтияр ад-Дин (Е-хэй-те-эр-дин) — один из арабских чиновников *Хубилая*, глава Департамента общественных работ, главный архитектор дворца в Ксанаду.

Китбуга-нойон (? — 1260) — полководец хана *Хулагу*, несторианин, командующий монгольской армией в Палестине. В 1260 году в столкновении с крестоносцами графа Жюльена Сидонского потерял сына, посланного урегулировать пограничный вопрос, после чего захватил и разрушил Сидон. В результате была утрачена возможность для создания антимусульманского союза и уничтожения остатков Халифата. Вопреки распоряжению *Хулагу*, отбывшего в Каракорум с большей частью войска, выступил против Египта. 3 сентября 1260 года потерпел поражение от войска мамлюкского эмира *Куттуза* в битве при Айн-Джалуде (современная долина Бекаа), раненый попал в плен и был казнен. Поражение монголов и их уход из Палестины привело к усилению Египта и разгрому государств крестоносцев в следующие 30 лет. Интересно, что то же имя, Китбуга, носил султан Египта в 1295–1296 годах — монгол, взятый в плен в 1260 году, проданный в мамлюки и сумевший стать эмиром.

Кутгуз (аль-Музаффар Сайф ад-Дин Кутузаль-Муиззи) — полководец султана Египта аль-Мансура Али. В 1259 году низложил Али и сам стал султаном. Добился прекращения гражданской войны между различными группировками мамлюков (элитные войска, свергнувшие в 1250 году династию Айюбидов и установившие собственную династию Бахритов). В битве при Айн-Джалуде (3 сентября 1260 года), пользуясь многократным превосходством в силах, разгромил отряд *Китбуги-нойона*. В следующем месяце сам был убит на охоте по приказу своего союзника Бейбарса, ставшего новым султаном.

Лю Бинчжун — буддийский монах, советник *Хубилая*, один из авторов проведенной в 1270-х годах административной реформы в новой империи, инициатор переноса монгольской столицы в Китай.

Лю Гуань-дао (предп. 1264–1294) — китайский художник эпохи Юань, считается одним из величайших мастеров своего времени. Придворный живописец *Хубилая*, в 1279 году был назначен на должность «смотрителя императорского гардероба». Работал в реалистическом ключе, ориентируясь на традиции живописи предшествующих династий Цзинь и Тан. В числе немногих сохранившихся работ художника — «Охота Хубилая» (1280) и «Летний отдых».

Мар Ябалаха III (Маркос) (? — 1317) — несторианский священник, уйгур или онгут из Северного Китая, ученик и сподвижник *Саумы*. В 1281 году, достаточно случайно оказавшись в Багдаде после смерти католикаса мар Денха, был избран католикосом (духовным лидером) несториан. До 1296 года пользовался покровительством антимусульмански настроенных ильхана *Аргуна* и его наследников. Перенес резиденцию несторианских патриархов из Багдада в Тебриз.

Мункэ (1208–1259) — внук *Чингис-хана*, сын *Толюя* и *Соргахтани-беги*, брат *Хубилая*, *Хулагу* и *Ариг-буги*, четвёртый хан Монгольской империи. Участвовал в Европейской кампании 1236–1242 годов, в ходе которой были захвачены Центральная и Южная Русь, Польша и Венгрия. Вступил на престол в 1251 при поддержке *Батыя*. Стремился расширять империю, одновременно обращая внимание на укрепление ее центрального аппарата, упорядочение торговли и ремёсел. Санкционировал «желтый крестовый поход». В 1254 году завоевал Юннань, в 1258 году захватил Иран и начал покорение Южной Сун, где и умер в районе современного Чунцина во время военного похода. Смерть Мункэ вызвала отзыв монгольских войск из Палестины, а последующая борьба за власть вылилась в гражданскую войну 1260–1264 годов.

Пагба-лама (Пхапсгпа) (1235–1280) — тибетский монах, советник и буддийский наставник *Хубилая*, создатель «государственного письма» империи. Прибыл ко двору *Хубилая* в 1251 году. В 1260 году получил титул «Императорского Наставника» («Го Ши»),

Был назначен *Хубилаем* правителем 13 областей Центрального Тибета. Сыграл ключевую роль в присоединении Тибета к империи монголов в 1269 году. Входит в число пяти ученых иерархов школы сакьяпа, автор знаменитого буддийского философского трактата «Шейджа рабту сал» («Ясное знание»).

Джованни Пано (Паоло) Карпини (ок. 1180–1252) — итальянский монах, крупный деятель ордена францисканцев, курировавший миссионерскую деятельность в Восточной Европе. Стал первым из известных европейцев, посетивших Монгольское ханство, куда был отправлен в 1245 году папой Иннокентием IV с официальной католической миссией, чтобы попытаться крестить монгольского хана. В 1246 году прибыл в Сарай, где встречался с ханом *Батыем*, в следующем году добрался до Каракорума, где был принят великим ханом *Гуюком*. В 1249 году возвратился в Рим, где представил папе алармистский обзор, позднее опубликованный под названием «История Монгалов, которых мы называем Татарами» (*Historia Mongalorum quos nos Tartaros appellamus*) и получивший широкую известность.

Рашид ад-Дин Фазлаллах ибн Абу-ль-Хайр Хамадани (1247–1318) — персидский историк и государственный деятель. Выдвинулся при *Абага-хане*, сделал карьеру при ильханах Газане и Ульчжэйтуне (Олджайтуне), в 1298 году стал визирем, то есть главой правительства. Был инициатором реформ Газан-хана, систематизировал налог, вел борьбу с сепаратизмом монголо-тюркской кочевой знати. Одновременно являлся автором трудов по медицине, ботанике, сельскому хозяйству и строительной технике, трактатов по мусульманской (суннитской) теологии. Автор книги «История родов» (*Jami al-Tawarikh*, 1310–1311), составленной по поручению ильхана. Несмотря на то, что этот труд посвящен всемирной истории, основной (и наиболее важной) его частью является изложение истории государства Хулагадов и монгольской империи в целом. Фактически это собрание документов и материалов разной степени достоверности, подготовленных группой исследователей, нанятых визирем. В 1318 году Рашид ад-Дин был обвинен в отравлении Ульчжэйтуну и обезглавлен.

Саума (ок. 1240–1294) — уйгур из Китая, несторианский священник, предположительно — посол *Хубилая* к европейским правителям. В 1287–1288 годах посетил Европу в качестве посла персидского ильхана *Аргуна* и всей монгольской державы, вел с королями Франции и Англии и с римским престолом безуспешные переговоры о создании антимусульманской коалиции.

Соргахтани-беки (? — 1252) — старшая жена *Толуя*, христианка несторианской веры из племени кераитов, мать *Мункэ*, *Хубилая*, *Хулагу* и *Ариг-буги*. Согласно Ясе, дети правящего рода не могли быть крещены, однако по многочисленным свидетельствам наследники *Толуя* либо симпатизировали христианам, либо открыто исповедовали несторианство — следствием чего во многом стал так называемый «желтый крестовый поход».

Субудай (Субудэй, 1176–1248) — один из величайших полководцев *Чингис-хана*, сын кузнеца Джарчиудая из племени урянхат. Участвовал во всех основных монгольских походах первой половины XIII века, в том числе на Северный Китай (империя Цзинь). Был одним из командующих монгольской армией (совместно с Джэбе) в битве при Калке (1233), затем фактическим руководителем походов *Бату хана* на Русь (1237–1240) и в Центральную Европу (1241–1242).

Суэнага Такэдзака — самурай из провинции Хиго, гокэнин (прямой вассал) сёгуна. Отличился при отражении монгольских вторжений 1274 и 1280 годов; подвиги Суэнаги отражены в серии рисунков, ныне известной как «Свитки Вторжения» («Мёко сурай экотоба»), заказанных самураем, чтобы подкрепить свои претензии на вознаграждение за участие в отражении нашествия. Эти свитки многократно копировались и стали важным источником информации об этих кампаниях.

Тогон-Тэмур (Ухагату-хаган) (? — 1370) — десятый и последний император монгольской династии Юань. Сын Хосэлана, брат Иринчинбала. Правил с 1333 года. В ходе «восстания красных повязок» утратил все владения к югу от Янцзы, после чего один из

вождей восстания, бывший буддийский монах Чжу Юань-чжан, разбил остальных соперников и двинул свою армию на север. В 1368 году Тогон-Тэмур покинул столицу Китая и вернулся в Каракорум, а Чжу Юань-чжан занял Пекин и основал династию Мин. Тем не менее последним великим ханом стал лишь Тогус-Тэмур (Усхал-хан, Ахмуд-хан, 1342–1388), при котором империя формально продолжала свое существование. Лишь его наследник Энгке Жоригту-хан, правивший с 1388 по 1392 год, официально перестал считаться великим ханом.

Толуй (Тулуй) (1193–1232) — младший (четвёртый) сын *Чингис-хана* и Бортэ, талантливый полководец и администратор. Носил титул Йекэ-нойон («Великий нойон»). По одной из версий не был родным сыном *Чингис-хана*, так как родился во время пребывания того в плену у чжурчженей (1187–1197). Уже во время походов в Среднюю Азию и Восточный Иран (где осенью 1221 года дошел до Нишапура) проявил военный талант и завоевал популярность у армии. По завещанию отца после его смерти в 1227 году принял командование центральной частью армии (101 из общих 129 тысяч человек) и стал регентом, однако на великом курултае 1229 года поклялся в верности *Угэдэю*, избранному великим ханом. В конце 1230 года заменил *Субудая* на должности командующего армией, ведущей войну против империи чжурчженей (Цзинь). В начале 1232 года добился победы над чжурчженями, однако вскоре внезапно заболел и умер, не закончив кампанию. Старшей женой *Толуя* была *Соргахтани-беки*, несторианка из племени кераитов.

Тран Хунг Дао (Чан Хынг Дао, Чан Куок Туан) (1226–1300) — командующий армией королевства Тьямпа (с 1283 года), национальный герой Вьетнама. Разгромил монголов в 1285 году в битве при Чуонг-Дуонге (20 км ниже по течению от Ханоя). 9 апреля 1288 года уничтожил монгольский флот вторжения на реке Бахданг, с тех пор этот день является во Вьетнаме национальным праздником. С XIV века почитается как святой, охраняющий от злых сил, его имя носят многие улицы.

Туган — сын *Хубилая*, командующий второй экспедицией в Тьямпу (1285–1288).

Туракина (Торогэнэ-хатун) — женщина из племени огуз-меркитов, жена *Угэдэя* и мать *Гуюка*. После смерти мужа около пяти лет (1241–1246) была правительницей Монгольской империи, препятствуя исполнению его завещания, по которому ханом должен был стать внук *Угэдэя* Ширэмун. Во время регентства Туракины усилилось влияние мусульманских купцов, ведущих ханскую торговлю; один из них, некий Абд-ур-Рахман, был даже поставлен во главе финансового управления. По утверждению *Плано Карпини*, именно Туракина отравила князя Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского.

Угэдэй (1186–1241) — третий сын *Чингис-хана*, с 1229 года — второй великий хан Монгольской империи. Продолжил политику завоеваний, начатую его отцом. Подобно своим братьям, участвовал в походах на Западный Китай и Центральную Азию. По имеющимся свидетельствам был умен, спокоен, обладал даром убеждения. При Угэдэе была организована система почтовых станций, произведена перепись населения, закончена постройка столицы Каракорум. В этот же период империя монголов завоевала Северный Китай и Кавказ, начался поход Батыя в Восточную Европу.

Урянхадай — сын *Субудая*, один из лучших полководцев *Хубилая*, завоеватель Юннани.

Фань Вэнь-ху (яп.: Хан Бунко) — полководец империи Сун, имел звание цзянцзюня. Нанес поражение монголам во время переправы через Янцзы в 1275 году. В 1281 году командовал одним из двух монгольских флотов при неудачной высадке в Японии; смог вернуться на материк на одном из уцелевших судов.

Хадан (Кадан) — шестой сын *Угэдэя* и двоюродный брат *Хубилая*. Талантливый полководец, участник похода *Батыя* на Русь и в Восточную Европу (1237–1242). Вместе с *Субудаем* командовал северной группировкой похода, разгромил поляков и немецких рыцарей при Лигнице (1241). Судя по всему, упомянутый в книге правитель удела с центром в современном городе Увэй, организатор первой монгольской экспедиции в Тибет и инициатор политического сотрудничества с Лхасой в 1240–1244 годах — совсем другое

лицо, благо имя Кадан у монголов не было редкостью.

Хайду (1235–1301) — талантливый монгольский полководец, внук *Угэдэя*, сторонник *Ариг-Буги* и *Берке* в ходе гражданской войны 1261–1264 годов. Традиционалист и последовательный противник *Хубилая*, которого объявил узурпатором, нарушившим заветы *Чингис-хана*. В середине 1260-х годов захватил Семиречье и часть Чагатайского улуса, а к 1271 году путем интриг и союзов создал на территории Угэдэйского и Чагатайского улусов свое государство — «Великую Турцию» (Туркестан), охватывающее современный южный Казахстан, большую часть Узбекистана и почти всю Киргизию — от Амударьи до Синьцзяна и от озера Балхаш до Тянь-Шаня. Созданное Хайду государство контролировало Великий Шелковый путь и вело долгие войны против империи Юань, подчинившись ей только в 1364 году.

Хасан ас-Саббах (ок. 1055–1124) — имам исмаилитов (радикальной ветви шиизма), основатель террористической секты ассасинов. В юности был приятелем Омара Хайяма — по крайней мере, это утверждает в своем «Завещании» Низам аль-Мульк, визирь сельджукского султана Малик-шаха и покровитель Хайяма. В 1090 году овладел крепостью Аламут (согласно легенде, выкупив ее у прежнего владельца, Махди, которому Аламут был подарен Малик-шахом) и следующие 35 лет более не покидал ее стен; получил прозвание «Старец Горы».

Хулагу (1217–1265) — внук *Чингис-хана*, сын *Толюя* и *Соргахтани-беки*, брат великого хана *Мункэ*, основатель династии ильханов и государства Хулагидов в Персии. Христианин несторианского толка (был женат на несторианке Докуз-хатун), одновременно покровительствовал буддизму; активный противник ислама. Возглавил «желтый крестовый поход» монголов-несториан на Ближний Восток, заключил союз с армянским царем Гетумом I (лично прибывшим в ставку *Мункэ* в 1254 году) и его зятем, правителем Антиохии Боэмундом. В 1256 году разгромил государство исмаилитов в Иране, а в 1258 году уничтожил халифат Аббасидов. В 1260 году войско Хулагу под командованием *Китбугойнона* заняло Дамаск и дошло до Газы, где столкнулось с мамлюками Египта — последнего оплота ислама. Но Хулагу так и не смог достичь союза с крестоносцами и Римским престолом, а его отъезд с большей частью войска в Персию после получения известия о смерти хана *Мункэ* привел к поражению оставшегося в Палестине отряда *Китбуги* в сражении при Айн-Джалуде. В 1261 году получил титул ильхана, то есть «младшего хана», самостоятельного правителя части Монгольской империи. Поддержал *Хубилая* в конфликте с *Ариг-Бугой*, в итоге в 1262 году начав войну с правителем Золотой Орды *Берке*, в свою очередь вступившим в союз с мамлюками. Вплоть до падения династии Хулагида были союзниками христианской Армении.

Хутулун (Ай-Ярук — Светлая Луна) — дева-воительница, дочь *Хайду*. После его смерти в 1301 году попыталась посадить на престол своего младшего брата Урус-хана, выступила против старшего брата Чапар-хана, избранного в 1303 году правителем улуса.

Чагатай (Джагатай) (1185–1242) — второй сын *Чингис-хана*, назначен им великим хранителем Ясы. Участвовал в покорении Средней Азии и получил ее во владение (улус Чагатая). Потомки Чагатая правили Средней Азией в XIII–XIV веках.

Чингис-хан (1162? — 1227) — основатель и хан (каган, каан) Монгольской империи. Происходил из клана борджигинов, сын Есугей-багатура. Собственное имя, полученное при рождении — Темучин (Темучжин) было дано в честь татарского вождя Темучина-Уге, которого Есугэй победил накануне рождения сына. Свой первый маленький улус Темучин создал около 1186 года, имея 3 тьмы (30 тысяч) войска. Разгромив других военных вождей монголов, Темучин сумел сделать почти невозможное — объединить разрозненные кочевые племена, прекратив длящуюся уже более века кровавую вражду. Весной 1206 года на курултае у истоков реки Онон был провозглашён «всеобщим ханом» (чингис-ханом) — титул, буквально соответствующий латинскому «император» и заявляющий претензии на власть над Ойкуменой. Создал стройную военно-феодальную систему и устный свод законов — Ясу Чингиса. Организовал завоевательные походы монголов в Китай, Среднюю Азию и

Восточную Европу. Имел четырех сыновей — *Джучи*, *Чагатая*, *Угэдэя* и *Толуя*. После смерти Чингис-хана наследниками стали его прямые потомки от первой жены Бортэ по мужской линии — Чингисиды.

Елюй Чуцай (1189–1243) — советник *Чингис-хана* с 1218 года. Происходил из народности кидань (китай), населявшей Северный Китай, из аристократического рода, правившего государством Ляо до его завоевания чжурчженями в 1125 году.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

* * *

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru
Оставить отзыв о книге
Все книги автора